П. Н. МИЛЮКОВЪ

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ ПО ЧЕСТВОВАНІЮ ЕГО СЕМИДЕСЯТИЛѢТІЯ

1859–1929

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ С. А. СМИРНОВА, Н. Д. АВКСЕНТЬЕВА, М. А. АЛДАНОВА, И. П. ДЕМИДОВА, Г. Б. СЛІОЗБЕРГА, А. Ф. СТУПНИЦКАГО

ПАРИЖЪ

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

П. Н. МИЛЮКОВЪ

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ ПО ЧЕСТВОВАНІЮ ЕГО СЕМИДЕСЯТИЛѢТІЯ

1859-1929

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ С. А. СМИРНОВА, Н. Д. АВКСЕНТЬЕВА, М. А. АЛДАНОВА, И. П. ДЕМИДОВА, Г. Б. СЛІОЗБЕРГА, А. Ф. СТУПНИЦКАГО

ПАРИЖЪ

Предлагаемая вниманію читателей книга является собраніемъ матеріаловъ по чествованію Павла Николаевича Милюкова, которое состоялось въ мартѣ 1929 года по случаю исполнившагося семидесятилѣтія со дня его рожденія.

Комитетъ, образовавшійся въ Парижѣ въ цѣляхъ организаціи чествованія П. Н. Милюкова, объединилъ въ своемъ составѣ представителей науки, искусства и различныхъ теченій русской политической мысли. Помимо Парижа, подобные же Комитеты — и на той же широкой общественной основѣ, — возникли въ главнѣйшихъ центрахъ русскаго эмигрантскаго разсѣянія: въ Прагѣ, Берлинѣ, Варшавѣ, Лондонѣ. Кромѣ этихъ комитетовъ, образовались группы по организаціи чествованія П. Н. Милюкова въ Бельгіи, Югославіи, Болгаріи, Финляндіи, Бессарабіи, Латвіи, Литвѣ, Эстоніи, а также и въ Америкѣ. Повсюду идея чествованія П. Н. Милюкова нашла живой и широкій откликъ. Вмѣстѣ съ широкими слоями русской эмиграціи въ чествованіи П. Н. Милюкова приняли участіе и многіе представители науки и политическіе дѣятели различныхъ странъ.

Рѣчи, которыя были произнесены на торжественныхъ засѣданіяхъ, состоявшихся по поводу чествованія П. Н. Милюкова, многочисленные адреса и привѣтствія, полученные имъ въ дни чествованія, статьи, которыми оно было отмѣчено въ русской и иностранной печати, — все это дало обширные матеріалы, дающіе оцѣнку личности П. Н. Милюкова, а также свидѣтельствующіе о выдающемся общественно-политическомъ значеніи самаго факта его чествованія.

Издаваемые матеріалы дополнены, впервые появляющейся въ печати, библіографіей трудовъ П. Н. Милюкова, составленной Б. Н. Евреиновымъ, а также спискомъ рѣчей, произнесенныхъ П. Н. въ Государственной Думѣ. Президіумъ Комитета по чествованію П. Н. Милюкова приноситъ признательность Б. А. Евреинову за произведенную имъ библіографическую работу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Президіумъ Комитета выражаетъ благодарность Г. М. Арнольди, принявшаго на себя трудъ по подготовкѣ настоящаго сборника къ печати.

Редакція.

Составъ комитетовъ чествованія П. Н. Милюкова

КОМИТЕТЪ ВЪ ПАРИЖѢ:

Предсѣдатель: С. А. Смирновъ.

Тов. Предсѣдателя: Н. Д. Авксентьевъ, М. А. Алдановъ, И. П. Демидовъ, Ф. И. Родичевъ, Г. Б. Сліозбергъ.

Бюро Комитета: В. К. Агафоновъ, Г. М. Арнольди, М. Ю. Бенедиктовъ, Н. К. Волковъ, П. П. Гронскій, В. Ф. Зеелеръ, В. М. Зензиновъ, А. И. Коноваловъ, Л. А. Кроль, С. И. Метальниковъ, Б. С. Миркинъ-Гецевичъ, А. М. Михельсонъ, Кн. В. А. Оболенскій, А. К. Палеологъ, Я. Л. Рубинштейнъ, И. И. Фундаминскій, Л. Е. Ельяшевъ.

Казначей: Л. М. Вургафтъ, **Секретарь:** А. Ф. Ступницкій.

Члены Комитета: М. Н. Абаціевъ, Г. В. Адамовичъ, М. С. Аджемовъ, В. А. Азовъ, Александровъ (Выборгъ), А. С. Альперинъ, П. Н. Апостолъ, Н. Л. Аронсонъ, И Я. Билибинъ, Р. М. Бланкъ, В. Л. Бурцевъ, Н. П. Вакаръ, Р. Г. Винаверъ, М. В. Вишнякъ, М. И. Ганфманъ (Рига), М. Л. Гольдштейнъ, Д. Н. Григоровичъ-Барскій, Г. Д. Гурвичъ, А. Ф. Даманская, Я. Л. Делевскій, Н. В. Дмитріевъ, А. Ю. Добрый, М. В. Добужинскій, А. П. Донъ-Аминадо, В. Б. Ельяшевичъ, Ф. О. Ельяшевичъ, И. Н. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, С. О. Загорскій (Женева), А. І. Закъ (Нью-Іоркъ), А. М. Закъ, О. Г. Зелюкъ, В. В. Зѣньковскій, Е. А. Зноско-Боровскій, П. Ю. Зубовъ, Б. А. Каминка, М. Л. Канторъ, А. Ф. Керенскій, Н. Н. Кноррингъ, Я. Я. Кобецкій, Э. Т. Когбетліанцъ, К. Р. Кровопусковъ, С. С. Крымъ, А. М. Кулишеръ, М. М. Липманъ, А. А. Лихошерстовъ, Г. Л. Лозинскій, М. Г. Лѣсинъ, Н. В. Макѣевъ, Н. В. Малолѣтенковъ, И. И. Манухинъ, М. С. Маргуліесъ, А. П. Марковъ, М. П. Мироновъ, Н. М. Мельниковъ, М. Л. Метцль, В. А. Могилевскій, Л. Е. Моцкинъ, К. В. Мочульскій, И. А. Найдичъ, Никитинъ (Гельсингфорсъ), Л. М. Немановъ, Д. М. Одинецъ, М. А. Осоргинъ, В. А. Парисъ, К. К. Парчевскій, П. Н. Переверзевъ, А. Б. Петрищевъ, С. М. Писаревскій, С. В. Познеръ, А. А. Поляковъ, В. А. Поляковъ, С. Л. Поляковъ-Литовцевъ, Ф. Т.

Пьяновъ, А. М. Ремизовъ, Е. Ф. Роговскій, В. В. Рудневъ, Б. М. Сарачъ, С. Г. Сватиковъ, А. А. Свѣчинъ, Д. Е. Скобцовъ, Р. Словцовъ, М. А. Струве, В. И. Талинъ, бар. М. А. Таубе, А. А. Титовъ. И. А. Тривусъ, С. Г. Сумскій, А. И. Хатисовъ, И. М. Херасковъ, Я. М. Цвибакъ, М. О. Цетлинъ, М. С. Цетлина, А. М. Черный, Б. Е. Шацкій, Л. И. Шестовъ, В. А. Шингаревъ, И. С. Шнеерсонъ, В. И. Шухаевъ, Я. Е. Яковлевъ

ПРАЖСКІЙ КОМИТЕТЪ

Бюро Комитета:

Предсѣдатель: П. П. Юреневъ.

Тов. Предсѣдателя: Л. А. Новгородцева, С. І. Гессенъ, В. А. Харламовъ.

Секретарь: Д. И. Мейснеръ.

В. Г. Архангельскій, А. А. Аргуновъ, Н. И. Астровъ, А. Л. Бемъ, В. Д. Брунстъ, Н. М. Брушвитъ, В. Т. Васильевъ, С. І. Гессенъ, Б. А. Евреиновъ, А. В. Жекулина, А. Ф. Изюмовъ, М. А. Иностранцевъ, А. А. Кизеветтеръ, Е. Д. Кускова, К. Г. Кучмазухинъ, Е. Е. Лазаревъ, И. И. Лапшинъ, А. С. Ломшаковъ, С. В. Макаровъ, Д. И. Мейснеръ, Н. М. Могилянскій, В А. Мякотинъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Д. П. Никитинъ, Л. А. Новгородцева, М. М. Новиковъ, Б. Н. Одинцовъ, И. О. Ольшевскій, А. В. Поповъ, С. П. Постниковъ, С. Н. Прокоповичъ, В. А. Розенбергъ, В. А. Харламовъ, Е. Ф. Шмурло, П. П. Юреневъ.

БЕРЛИНСКІЙ КОМИТЕТЪ

Т. С. Аронсонъ, Г. Г. Беме, Л. М. Брамсонъ, Б. Д. Бруцкусъ, О. Е. Бужанскій, Н. М. Волковысскій, Б. Л. Гершунъ, І. В. Гессенъ, С. К. Гогель, А. А. Гольденвейзеръ, Л. М. Зайцевъ, М. П. Кадишъ, А. И. Каминка, Е. В. Кудрявцева, В. М. Кудрявцевъ, Е. М. Кулишеръ, В. Я. Назимовъ, Н. Е. Парамоновъ, И. А. Стратоновъ, В. Е. Татариновъ, Я. Л. Тейтель, Е. А. Фальковскй, С. Л. Франкъ, Т. С. Шалитъ, М. Г. Эйтингонъ, Б. И. Элькинъ, В. И. Ясинскій.

ЛОНДОНСКІЙ КОМИТЕТЪ:

А. В. Байкаловъ, М. В. Брайкевичъ, В. Л. Богдановичъ, И. В. Діонео-Шкловскій, А. И. Гальперинъ, П. А. Гансъ, Л. И. Историкъ, Бар. А. Ф. Мейендорфъ, Л. М. Шнеерсонъ, Г. М. Соловейчикъ, Д. В. Соскисъ, С. П. Тюринъ, М. Виленкинъ, **Оксфордъ:** Е. М. Винаверъ, **Бирмингамъ:** С. А. Коноваловъ.

ВАРШАВСКІЙ КОМИТЕТЪ:

Предсѣдатель: П. Э. Бутенко.

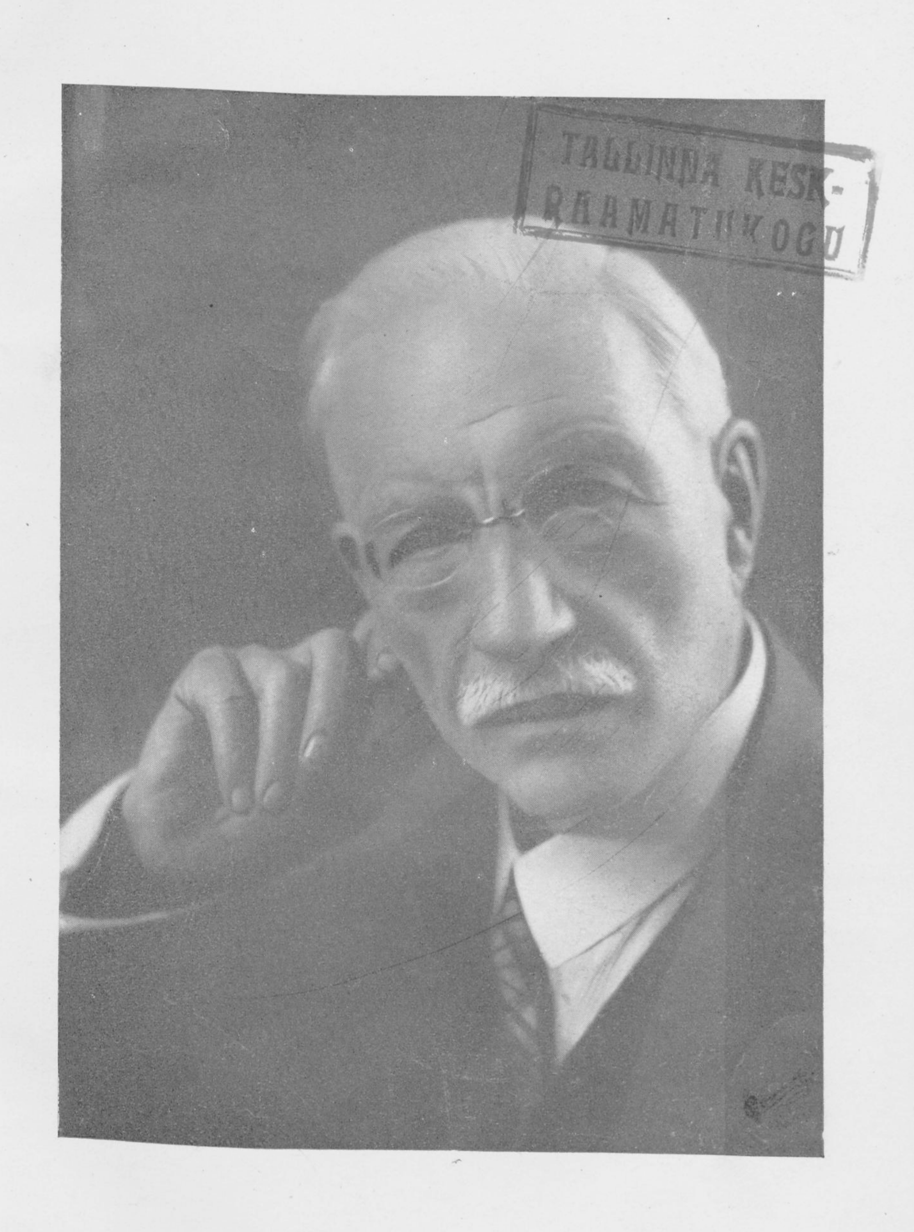
Тов. Предсѣдателя: В. В. Португаловъ.

Секретарь: А. П. Вельминъ.

Члены: А. А. Вакаръ, З. Н. Журавская, докторъ П. О. Король (русскій депутатъ въ польскомъ Сеймѣ и предсѣдатель верховнаго совѣта русскаго Народнаго Объединенія въ Польшѣ), А. Р. Ледницкій (членъ 1-й Государственной Думы), Ю. А. Липеровскій, П. П. Лопатинъ (членъ 2-й Госуд. Думы), М. А. Марко (редакторъ газ. «Русскій Голосъ» въ Львовѣ), Н. А. Племянниковъ и Г. С. Сулима.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БІОГРАФІЯ

Павелъ Николаевичъ Милюковъ

(Біографическій очеркъ)

I.

28-го января 1929 года исполнилось 70 лѣтъ П. Н. Милюкову. Авторъ цѣнныхъ изслѣдованій по русской исторіи и по русской исторіографіи, общепризнанный глубокій знатокъ исторіи славянства и всей сложной славянской политической проблемы, одинъ изъ главнѣйшихъ основателей, а потомъ и лидеръ, конституціонно-демократической партіи, сыгравшій въ Государственной Думѣ и въ странѣ огромную роль, наконецъ, талантливый публицистъ, — П. Н. Милюковъ, въ результатѣ своихъ многолѣтнихъ трудовъ, оставилъ неизгладимый слѣдъ въ русской исторической наукѣ и въ развитіи русской исторической мысли, а въ области политической имя П. Н. Милюкова неотдѣлимо связано съ русскимъ освободительнымъ движеніемъ и со всѣми чрезвычайной важности событіями, происшедшими за послѣднія десятилѣтія въ русской жизни.

Будетъ цѣлесообразно поэтому, пользуясь только что исполнившимся 70-лѣтіемъ П. Н. Милюкова, остановить наше вниманіе на крупнѣйшихъ фактахъ и достиженіяхъ его жизни.

П. Н. Милюковъ родился въ Москвѣ въ 1859 году. Отецъ его былъ архитекторомъ и состоялъ предподавателемъ извѣстной въ Москвѣ школы зодчества и ваянія. Среднее образованіе П. Н. Милюковъ получилъ въ первой московской гимназіи, и съ гимназическихъ лѣтъ, увлекаясь классической литературой и философіей, онъ самостоятельно перечелъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ цѣлый рядъ классиковъ.

Помимо гимназіи и помимо работы надъ самообразованіемъ, Милюковъ принималъ участіе въ гимназическомъ кружкѣ, не чуждомъ славянофильскихъ настроеній; ему принадлежитъ извѣстное письмо этой молодежи къ Достоевскому. Писатели «шестидесятники», еще сохранявшіе въ то время вліяніе, и тогдашніе народники не повліяли на Милюкова, но въ старшихъ классахъ ему попали въ руки сочиненія Спенсера, произведшія цѣлый религіозный переворотъ. Въ 1877 году Милюковъ, по окончаніи гимназіи, принялъ участіе въ русско-турецкой войнѣ, въ роли санитара, а затѣмъ поступилъ въ московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Здѣсь онъ продолжаетъ знакомиться съ философіей, издаетъ лекціи проф. Троицкаго, изучаетъ Канта, Локка, Юма, особенно увлекается «Курсомъ позитивной философіи» Конта. Съ увлеченіемъ занимается онъ также сравнительнымъ языковѣдѣніемъ и доисторической культурой у профессоровъ Ф. Ѳ. Фортунатова и Всеволода Ѳ. Миллера. Постепенно, однако, всеобщая исторія завладѣваетъ интересомъ Милюкова. Онъ принимаетъ участіе въ работахъ семинарія проф. П. Г. Виноградова. «Благодаря историческому семинарію проф. Виноградова, — вспоминаетъ позднѣе П. Н. Милюковъ, — я имѣлъ возможность ознакомиться со взглядами современной западной науки на задачи и пріемы историческаго изслѣдованія». На выработку методологіи историческаго изслѣдованія, кромѣ профессора Виноградова, извѣстное вліяніе на Милюкова имѣли представители экономическаго матеріализма и Карлъ Марксъ, первое знакомство съ которымъ Милюкова относится къ этимъ его студенческимъ годамъ.

Пребываніе Милюкова въ московскомъ университетѣ совпадаетъ со временемъ усиленнаго революціоннаго движенія въ странѣ. Конецъ 70-хъ и самое начало 80-хъ г.г. прошлаго столѣтія ознаменовались цѣлымъ рядомъ террористическихъ актовъ, совершаемыхъ революціонерами во имя раскрѣпощенія страны противъ правительства и его агентовъ. Эта террористическая дѣятельность достигаетъ своего наибольшаго напряженія въ 1881 году, когда перваго марта этого года, какъ извѣстно, былъ убитъ императоръ Александръ II.

Русская университетская молодежь, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ революціонныхъ событій, переживаетъ въ то время періодъ большого возбужденія. Политическіе вопросы волнуютъ русское студенчество того времени. Кромѣ того, защита университетовъ

отъ бюрократической опеки и борьба съ посягательствомъ правительства на свободу научнаго университетскаго преподаванія составляютъ предметъ стремленій русской учащейся молодежи. Два теченія раздѣляютъ московское студенчество тѣхъ лѣтъ: одно изъ этихъ теченій, умѣренное, полагаетъ, что организація студенчества, въ цѣляхъ защиты университетской автономіи, должна осуществляться путемъ созданія избраннаго студентами представительнаго студенческаго органа, а другое теченіе, радикально-соціалистическое, настаиваетъ на иной формѣ организаціи, а именно: на рѣшеніи всѣхъ волнующихъ студентовъ вопросовъ путемъ общей сходки, т. е. собранія всѣхъ студентовъ.

Какъ ни велико было увлеченіе Милюкова-студента научными занятіями, революціонныя событія, а также студенческое движеніе не могли не захватить его. Милюковъ сочувственно относится къ террористамъ того времени, оцѣнивая эти террористическіе акты, какъ тактику политической борьбы за свободу народа и за его благополучіе. Въ студенческомъ движеніи Милюковъ поддерживаетъ умѣренное крыло противъ радикальнаго, соціалистическаго. Какъ участникъ студенческаго движенія, Милюковъ былъ арестованъ и отправленъ въ тюрьму — въ Бутырки. Въ результатѣ, Милюковъ былъ исключенъ съ четвертаго курса университета съ правомъ поступленія на слѣдующій годъ.

Воспользовавшись этимъ вынужденнымъ перерывомъ въ занятіяхъ, П. Н. Милюковъ ѣдетъ впервые заграницу — въ Италію, гдѣ увлекается изученіемъ итальянской живописи и скульптуры и погружается въ міръ итальянскаго искусства. Вернувшись изъ Италіи въ Москву, Милюковъ оканчиваетъ университетъ въ 1882 году и оставляется по кафедрѣ русской исторіи В. О. Ключевскимъ. Выдержавъ въ 1885 г. магистерскій экзаменъ, онъ всецѣло посвящаетъ себя наукѣ, а также преподавательской дѣятельности въ московскомъ университетѣ и на педагогическихъ высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ... Въ качествѣ приватъ-доцента московскаго университета (съ 1886 г.) Милюковъ читаетъ курсы лекцій по исторіографіи, исторической географіи и по исторіи колонизаціи. Одновременно съ этимъ онъ готовитъ свою диссертацію о «Государственномъ хозяйствѣ Россіи за первую четверть 18-го вѣка». Съ конца 1890 года эта диссертація начинаетъ частями печататься въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія и вскорѣ, въ 1892 году, выходитъ отдѣльной книгой. Этотъ блестящій трудъ Милюкова, составившійся въ результатѣ много-

лѣтняго пристальнаго изслѣдованія Милюковымъ огромнаго количества архивнаго матеріала, свидѣтельствуетъ, что экономическая и финансовая сторона исторіи привлекаетъ въ это время преимущественное вниманіе Милюкова какъ историка. Въ предисловіи къ этой своей диссертаціи П. Н. Милюковъ говоритъ, что историческая наука «ставитъ на очередь изученіе матеріальной стороны историческаго процесса, изученіе исторіи экономической и финансовой, исторіи соціальной, исторіи учрежденій». Эти соображенія объ актуальныхъ задачахъ исторической науки, постановка которыхъ была, въ извѣстной мѣрѣ, навѣяна интересомъ Милюкова къ экономическому матеріализму и участіемъ его въ работахъ семинарія проф. Виноградова, объясняетъ, почему Милюковъ предпочитаетъ употреблять свой трудъ, направленный на изслѣдованіе Петровской эпохи, на разработку этой экономической и финансовой области.

Съ начала 90-хъ годовъ наступаютъ событія, которыя отвлекаютъ П. Н. Милюкова отъ его ученой работы, въ которую онъ былъ всецѣло погруженъ со времени своего окончанія университета. Въ 1891 году огромныя пространства Россіи были поражены голодомъ. Русское общество, взволнованное этимъ бѣдствіемъ, устремилось на помощь голодающимъ. Газеты печатали горячіе призывы Льва Толстого о помощи голодающему народу, и эти призывы великаго писателя имѣли на русское общество огромное вліяніе. Русское студенчество, чутко отозвавшееся на эти событія, снова вступаетъ въ періодъ усиленнаго возбужденія. Несмотря на запретъ властей, опять начинаются студенческія собранія, возникаетъ идея созыва общестуденческаго съѣзда. Съ 1893 года П. Н. Милюковъ слѣдитъ за этимъ движеніемъ новаго поколѣнія студенческой молодежи и принимаетъ участіе въ подготовкѣ созыва общестуденческаго съѣзда.

Къ этому же періоду времени относится участіе П. Н. Милюкова, въ качествѣ предсѣдателя, въ московской комиссіи домашняго чтенія, образованной по типу англійскихъ организацій, въ цѣляхъ изученія которыхъ Милюковъ предпринялъ поѣздку въ Англію. Дѣятельность московской комиссіи направлялась на выработку программъ домашняго чтенія по различнымъ дисциплинамъ: по исторіи, экономическимъ и естественнымъ наукамъ. Въ развитіи русскаго просвѣщенія и общественнаго воспитанія эта комиссія сыграла весьма значительную роль. Въ число задачъ этой комиссіи входила, между прочимъ, организація поѣздокъ лек-

торовъ въ провинцію. Проф. И. И. Ивановъ и П. Н. Милюковъ и были этими піонерами-лекторами. Милюковъ отправился въ Нижній Новгородъ, гдѣ прочелъ рядъ лекцій по исторіи русскаго общественнаго движенія со времени Екатерины II. Лекціи эти, совпавшія съ началомъ новаго царствованія, произвели сильное впечатлѣніе, но возбудили неудовольствіе правительства. Нижегородскій вице-губернаторъ Чайковскій, присутствовавшій на этихъ лекціяхъ, поплатился за это увольненіемъ со службы. Близость П. Н. Милюкова къ молодежи, участвовавшей въ студенческомъ движеніи, а также его публичныя лекціи въ Нижнемъ Новгородѣ вызвали преслѣдованіе Милюкова со стороны правительства. Министръ народнаго просвѣщенія того времени Деляновъ уволилъ его изъ состава преподавателей московскаго университета, и затѣмъ было рѣшено выслать Милюкова въ административномъ порядкѣ изъ Москвы въ Рязань. Было два мотива этого примѣненнаго къ Милюкову наказанія: во-первыхъ, Милюкову ставилось въ вину «дурное вліяніе на молодежь», и, во-вторыхъ, Милюковъ обвинялся въ чтеніи лекцій въ Нижнемъ Новгородѣ передъ аудиторіей, которая не могла, какъ значилось въ оффиціальномъ актѣ, «критически отнестись» къ содержанію этихъ лекцій. Правительствомъ назначено было слѣдствіе. Лопухинъ, получившій впослѣдствіи широкую извѣстность въ связи съ дѣломъ Азефа, лично допрашивалъ П. Н. Милюкова.

Сосланный въ Рязань, Милюковъ былъ силою обстоятельствъ оторванъ отъ университетской жизни и отъ преподавательской дѣятельности въ Москвѣ, которая была связана для Милюкова, по его признанію, — «со столькими пріятными и грустными воспоминаніями». Но и въ Рязани, въ обстановкѣ мало благопріятной для ученыхъ занятій, П. Н. Милюковъ продолжаетъ свою ученую работу. Здѣсь Милюковъ участвуетъ въ археологическихъ раскопкахъ и подготовляетъ къ печати (въ «Русской Мысли»), читанный имъ въ 1886 и 1887 г.г., курсъ университетскихъ лекцій по русской исторіографіи, подвергая этотъ курсъ коренной переработкѣ. Этотъ трудъ Милюкова, не утратившій своего первостепеннаго значенія и до сихъ поръ, несмотря на свою болѣе чѣмъ тридцатилѣтнюю давность, былъ опубликованъ подъ названіемъ: «Главныя теченія русской исторической мысли» (1898 годъ). Въ литературѣ по русской исторіографіи этотъ трудъ П. Н. Милюкова занимаетъ доселѣ первенствующее мѣсто и можетъ слу-

жить настольной книгой для всякаго, кто пожелаетъ изучить развитіе русской исторической мысли.

Кромѣ этой книги, П. Н. Милюковъ пишетъ въ Рязани «Очерки по исторіи русской культуры». Эти очерки сначала публикуются въ журналѣ «Міръ Божій», а затѣмъ выходятъ отдѣльнымъ изданіемъ и имѣютъ совершенно исключительный успѣхъ. Исходя изъ той точки зрѣнія, что предметомъ исторіи является «жизнь народной массы», Милюковъ въ этихъ очеркахъ обнимаетъ «всѣ стороны внутренней исторіи: и экономическую, и соціальную, и государственную, и умственную, и религіозную, и эстетическую». Милюковъ стремится сдѣлать выводы въ очеркахъ «общедоступными и общеизвѣстными». Но этотъ трудъ предназначается П. Н. Милюковымъ не только для широкихъ круговъ русской читающей публики, а также и для спеціалистовъ, работающихъ «обыкновенно въ одной маленькой области науки и рѣдко представляющихъ отчетливо связь этой области съ цѣлымъ».

Безспорно огромное образовательное и воспитательное вліяніе очерковъ на широкіе круги русскаго общества: читатель почерпалъ въ этихъ очеркахъ познаніе не только основныхъ процессовъ русской исторіи и своеобразнаго развитія нѣкоторыхъ ея сторонъ, не только знакомился съ методами историческаго изслѣдованія, но и воспитывался въ смыслѣ общественномъ, ибо знанія, которыя онъ пріобрѣталъ въ очеркахъ, давали ему возможность лучше и вѣрнѣе разбираться въ разныхъ вопросахъ современной ему государственной и общественной жизни.

П. Н. Милюковъ пробылъ въ ссылкѣ въ Рязани два года. Къ этому времени правительство предложило ему: или поселиться на жительство въ Уфѣ, или уѣхать заграницу. Милюковъ избралъ послѣднюю возможность. Это рѣшеніе было имъ принято потому, что Милюковъ принялъ отъ Софійскаго университета предложеніе занять кафедру исторіи, которая освободилась со смертью Драгоманова (1895 г.).

П. Н. Милюковъ отправляется въ Болгарію и возобновляетъ тамъ свою прерванную поневолѣ на родинѣ преподавательскую дѣятельность. Въ Софійскомъ университетѣ П. Н. Милюковъ читаетъ курсы по всеобщей исторіи, по философіи исторіи, по исторіи Рима и христіанства и, наконецъ, по доисторической эпохѣ славянства. Преподавательской дѣятельности Милюкова въ Софійскомъ университетѣ, однако, не суждено было долго длиться. Эта дѣятельность была вскорѣ прервана при необычныхъ обстоя-

тельствахъ. 6-го декабря 1898 года, въ день имянинъ Николая II, Милюковъ присутствовалъ на молебнѣ въ соборѣ по этому поводу, но затѣмъ не пошелъ къ русскому посланнику въ Софіи, чтобы принести ему по этому случаю соотвѣтствующія поздравленія и привѣтствія. Этого было достаточно, чтобы русское правительство начало настаивать на увольненіи Милюкова изъ Софійскаго университета. Цѣлые полъ года длилась между Петербургомъ и Софіей переписка по поводу Милюкова. Софійское правительство вынуждено было, въ концѣ концовъ, уступить настояніямъ русской власти и уничтожить контрактъ, заключенный съ Милюковымъ.

Устраненный въ результатѣ этихъ домогательствъ русскаго правительства изъ Софійскаго университета, П. Н. Милюковъ, въ качествѣ члена экспедиціи Константинопольскаго археологическаго института, (а затѣмъ — русской Академіи Наукъ), предпринимаетъ путешествіе по Турціи, изучаетъ въ то же время этнографію балканскихъ народовъ и участвуетъ въ археологическихъ раскопкахъ въ Македоніи.

Пребываніе П. Н. Милюкова въ Болгаріи имѣло въ его жизни и въ развитіи его ученой карьеры большое значеніе. Здѣсь Милюковъ приступаетъ къ детальному изученію исторіи славянскихъ народовъ, и это изученіе дѣлаетъ его затѣмъ однимъ изъ самыхъ авторитетныхъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, знатоковъ славянской исторіи. Къ этому времени относятся работы по исторіи болгарской конституціи и сербско-болгарскихъ отношеній. Здѣсь же Милюковъ знакомится, вмѣстѣ съ тѣмъ, со всей сложной политической обстановкою Балканъ, а постоянная и тѣсная связь балканскихъ проблемъ съ международной политикой выводитъ его на путь широкаго интереса европейской и міровой политики, дѣлая его въ Россіи едва ли не самымъ компетентнымъ знатокомъ въ вопросахъ международной политики.

Срокъ высылки П. Н. Милюкова заграницу истекалъ въ 1899 году. По истеченіи этого срока, русское правительство разрѣшило ему вернуться въ Петербургъ. Попутно, на кіевскомъ съѣздѣ, Милюковъ читаетъ докладъ о доисторическихъ раскопкахъ въ Македоніи. Въ Петербургѣ Милюковъ погружается въ атмосферу редакціи «Русскаго Богатства», писателей и публицистовъ, группирующихся вокругъ этого народническаго журнала. Студенческое движеніе, охватившее русскіе университеты въ 1900 году, усиливаетъ подозрительное отношеніе правительства къ Милюко-

ву, и въ результатѣ одной вечеринки, устроенной студентами съ участіемъ Милюкова въ память Лаврова, Милюковъ въ 1901 году былъ арестованъ. Допрашивавшій Милюкова, въ качествѣ слѣдователя, генералъ Шмаковъ хотѣлъ на допросѣ установить причастность Милюкова къ организаціямъ, ведущимъ борьбу съ правительствомъ. Но эта попытка генерала Шмакова не дала результатовъ и не вскрыла передъ нимъ того факта, который могъ бы тяжело отразиться на дальнѣйшей участи П. Н. Милюкова: Милюковъ совмѣстно съ Пѣшехоновымъ составилъ попавшій въ руки полиціи документъ, заключавшій въ себѣ проектъ подпольной организаціи.

По истеченіи шести мѣсяцевъ Милюковъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы, и ему было запрещено проживаніе въ Петербургѣ. Милюковъ поселился вблизи Петербурга — въ Удѣльной, ожидая рѣшенія правительства, которое должно было послѣдовать, о его дальнѣйшей судьбѣ.

Тюремное заключеніе лишь на время прервало связь П. Н. Милюкова съ общественными группами, съ которыми онъ былъ близокъ и которыя вели все болѣе и болѣе настойчивую борьбу съ самодержавіемъ. Поселившись около Петербурга и возобновивъ хотя и запретныя сношенія со своими политическими друзьями, Милюковъ становится въ это время участникомъ возникшаго въ либеральной земской средѣ проекта изданія заграницей политическаго журнала, который, въ виду тяжелыхъ цензурныхъ условій въ Россіи, могъ бы служить источникомъ информаціи о Россіи, быть трибуной свободнаго слова для либеральныхъ круговъ русской интеллигенціи и вмѣстѣ съ тѣмъ могъ бы являться организующимъ центромъ освободительной борьбы въ Россіи. Проэктъ этотъ и былъ осуществленъ въ формѣ изданія журнала «Освобожденіе» въ Штутгардтѣ. Первый номеръ этого журнала появился 15 іюня 1902 года. П. Н. Милюкову было предложено его политическими друзьями, черезъ земца Жуковскаго, стать редакторомъ «Освобожденія», но онъ отклонилъ это предложеніе, предпочитая оставаться въ Россіи. Въ отвѣтъ на это предложеніе Милюковъ выдвинулъ кандидатуру П. Б. Струве, и, какъ извѣстно, Струве сталъ редакторомъ этого журнала. Милюковъ, съ участіемъ И. И. Петрункевича, пишетъ передовую программную статью для перваго номера «Освобожденія» и затѣмъ продолжаетъ сотрудничать въ этомъ журналѣ и въ дальнѣйшемъ, подписывая свои статьи буквами С. С.

Тѣмъ временемъ состоялось рѣшеніе правительства по поводу дальнѣйшей участи П. Н. Милюкова. Ему было предложено одно изъ двухъ: или отправиться въ ссылку въ Уфу на три года, или быть заключеннымъ въ тюрьму еще на шесть мѣсяцевъ. Милюковъ предпочитаетъ послѣднее и начинаетъ отбывать положенное ему тюремное заключеніе.

В. О. Ключевскій, знаменитый русскій ученый и профессоръ московскаго университета, преподававшій русскую исторію наслѣднику престола, ходатайствовалъ передъ государемъ объ освобожденіи Милюкова изъ тюрьмы. Всесильный въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве вызвалъ П. Н. Милюкова изъ тюрьмы въ свой кабинетъ и сказалъ ему, что онъ имѣетъ отъ государя порученіе освободить его изъ тюрьмы до срока. Въ бесѣдѣ съ Милюковымъ, Плеве провоцировалъ его вопросомъ, принялъ ли бы онъ постъ министра народнаго просвѣщенія. На это П. Н. Милюковъ отвѣтилъ Плеве, что, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, онъ ровно ничего не могъ бы сдѣлать, но если бы Плеве предложилъ ему занять свой постъ — министра внутреннихъ дѣлъ, — это было бы дѣло другое.

Черезъ недѣлю Милюковъ снова былъ вызванъ изъ тюрьмы къ министру внутреннихъ дѣлъ, и на этотъ разъ Плеве заявилъ Милюкову слѣдующее: «Вы свободны, хотя мы знаемъ, что вы нашъ врагъ и что вы съ нами никогда не примиритесь. Не выступайте публично. Если вы осмѣлитесь выступить, то вы будете сметены».

По освобожденіи изъ тюрьмы, Милюковъ вскорѣ отправляется въ Америку. П. Н. Милюковъ принялъ полученное имъ еще въ 1902 году предложеніе чикагскаго университета прочесть лѣтомъ 1903 года курсъ лекцій о современномъ положеніи въ Россіи. По окончаніи этого курса, осень и зиму 1903-1904 года Милюковъ проводитъ въ Лондонѣ, гдѣ доканчиваетъ третій томъ «Очерковъ по исторіи русской культуры» и готовится къ курсу по исторіи славянъ. Этотъ курсъ онъ долженъ былъ, по приглашенію того же чикагскаго университета, читать въ 1904-1905 году. Въ связи съ подготовкой къ этому курсу Милюковъ предпринимаетъ лѣтомъ 1904 года поѣздку по Далмаціи, Босніи и Герцеговинѣ, повторенную имъ въ 1908 г. Совершивъ это путешествіе, Милюковъ останавливается на пути въ Америку въ Парижѣ для участія, въ качествѣ представителя «Союза Освобожденія», наравнѣ съ П. Б. Струве и съ княземъ П. Д. Долгоруковымъ, въ междупартійной

конференціи, которая была созвана съ цѣлью сговора объ общей борьбѣ съ самодержавіемъ. Эта конференція составилась изъ делегатовъ трехъ оппозиціонныхъ и пяти революціонныхъ русскихъ организацій, изъ которыхъ партія соціалистовъ революціонеровъ была представлена Азефомъ*).

9-ое января 1905 года застаетъ П. Н. Милюкова въ Америкѣ. Событія этого дня показываютъ Милюкову всю серьезность внутренняго положенія въ Россіи. Милюковъ въ виду этого обрываетъ свой курсъ лекцій въ Чикаго и возвращается въ Петербургъ.

II

Вернувшись въ Россію изъ Америки послѣ 9 января 1905 г., Милюковъ находитъ картину большого общественнаго сдвига: русское общество, поставленное передъ лицомъ неудачъ русско-японской войны и ея печальнаго для Россіи финала, дѣлаетъ отвѣтственнымъ правительство за эти неудачи, которыя наносятъ ударъ національнымъ интересамъ и національному достоинству Россіи. Настоятельная необходимость измѣненія самодержавнаго государственнаго строя становится очевидной для широкихъ круговъ русскаго общества, и государственная реформа составляетъ теперь цѣль всѣхъ общественныхъ устремленій. На почвѣ этого напряженнаго общественнаго настроенія создается въ 1905 году рядъ новыхъ общественныхъ организацій и политическихъ объединеній. Милюковъ, по возвращеніи своемъ въ Россію, принимаетъ дѣятельное участіе въ этомъ общественномъ движеніи. Онъ участвуетъ въ организаціи союза писателей и ученыхъ, дѣлается предсѣдателемъ этого союза, и когда профессіональныя организаціи, позднѣе, слагаются въ Союзъ союзовъ, сыгравшій въ исторіи русской освободительной борьбы крупную роль, Милюковъ въ маѣ 1905 г. становится предсѣдателемъ этого Союза союзовъ. Кромѣ участія въ организаціяхъ, Милюковъ въ это время читаетъ имѣющій большой успехъ циклъ публичныхъ лекцій по исторіи развитія либеральной и соціалистической мысли въ Россіи, доказывая, между прочимъ, въ нихъ, что только при условіи контакта, а не взаимной борьбы представителей этихъ двухъ теченій, возможенъ успѣхъ освободительнаго движенія.

---

*) См. подробности объ этой Парижской конференціи въ книгѣ П. Н. Милюкова: «Russia and its crisis», Chicago. 1905, стр. 524-25.

6-го августа 1905 года правительство опубликовало положеніе о такъ называемой Булыгинской Думѣ. Являясь плодомъ министерскихъ канцелярій, это «Положеніе о Думѣ» не могло удовлетворить ни въ какой мѣрѣ конституціонныя стремленія русскаго общества. Лѣвая, соціалистическая, часть русской общественности призывала къ бойкоту этого учрежденія. Милюковъ же, отдавая себѣ ясный отчетъ во всѣхъ несовершенствахъ новаго учрежденія, все же призывалъ русское общество къ участію въ работѣ въ немъ.

В связи съ дѣятельностью Милюкова въ Союзѣ союзовъ, какъ разъ въ день опубликованія «Положенія» о Булыгинской Думѣ, Милюковъ былъ арестованъ и вмѣстѣ со всѣмъ первымъ составомъ Союза союзовъ былъ заключенъ въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ.

Наступаетъ 17-е октября 1905 года, знаменательная дата въ новѣйшей исторіи Россіи, когда появляется манифестъ Николая II-го о созданіи въ Россіи представительнаго учрежденія въ лицѣ Государственной Думы. Правительство подъ разными предлогами чинило препятствія къ выбору Милюкова въ члены Первой и Второй Думы. Поэтому Милюковъ и не былъ членомъ первыхъ двухъ Думъ. Партія, лидеромъ которой былъ Милюковъ, имѣла какъ въ Первой, такъ и во Второй Думѣ многочисленныхъ представителей. Милюковъ, оставаясь внѣ Думы, былъ фактическимъ руководителемъ думскихъ фракцій партіи. Въ виду этого Милюковъ оказалъ большое вліяніе на дѣятельность Думы первыхъ двухъ созывовъ. Къ этому времени относятся попытки переговоровъ съ нимъ гр. Витте, Трепова и Столыпина*). Въ Думѣ третьяго и четвертаго созывовъ Милюковъ уже состоялъ членомъ Думы и былъ лидеромъ фракцій партіи.

Одновременно съ введеніемъ въ Россіи представительнаго учрежденія Государственной Думы, т. е. въ октябрѣ 1905 года, организовалась формально конституціонно-демократическая партія, однимъ изъ главнѣйшихъ основателей которой, а также и ея идеологическимъ вождемъ былъ Милюковъ. Какіе же общественные элементы вмѣщала въ себя эта вновь народившаяся партія? «За исключеніемъ членовъ соціалистическихъ партій, — говоритъ Милюковъ, — и сторонниковъ сохраненія самодержавія въ подготов-

*) См. его брошюру: «Три попытки», Парижъ, изд. Поволоцкій, 1921 г.

кѣ къ созданію первой открытой конституціонной и демократической партіи Россіи участвовалъ весь остальной широкій фронтъ русской общественности».

Конституціонно - демократическая партія, опиравшаяся на столь широкіе общественные круги, никогда не была партіей революціонной. «Партія съ самаго своего возникновенія до революціи 1917 года, — замѣчаетъ Милюковъ, — искала мирнаго исхода изъ длившагося конфликта между короной и страной». Партія и ея лидеръ Милюковъ были всегда далеки отъ крайностей и въ борьбѣ за свои идеалы пользовались лишь парламентарными пріемами, опирались лишь на парламентарную тактику. Какъ въ партіи, такъ и въ Думѣ, Милюковъ былъ неизмѣнно реальнымъ политикомъ, сторонникомъ органической дѣятельности, врагомъ демагогіи и революціоннаго засилья. Партія и Милюковъ дали многочисленныя доказательства способности къ политическому компромиссу и вмѣстѣ съ тѣмъ твердости въ отстаиваніи конституціонно-демократическихъ принциповъ. Трагизмъ партіи заключался въ томъ, что она призывала къ конституціонной борьбѣ и осуществляла эту борьбу въ парламентарныхъ формахъ, а практика конкретныхъ условій, въ которыхъ ей приходилось дѣйствовать, открывала широкій просторъ для административнаго произвола, толкавшаго страну къ революціи.

За время существованія Государственной Думы партія представила большое количество законопроектовъ, осуществленіе которыхъ могло бы обезпечить странѣ мирное политическое и соціальное развитіе и создать въ Россіи конституціонно-демократическій строй. Партія подробно разработала аграрный законопроектъ, который, при разрѣшеніи сложнаго земельнаго вопроса, хотѣлъ «соединить», — какъ говоритъ Милюковъ, — преимущества соціальной справедливости со строгой законностью». Партія внесла также законопроекты о свободѣ печати, совѣсти, союзовъ, собраній. Партія неизмѣнно боролась со всѣми проектами, имѣвшими своей цѣлью уничтожить финляндскую государственность. Что касается автономіи Польши, то партія настаивала еще въ 1915 году на внесеніи соотвѣтствующаго проекта въ Государственную Думу. Милюковъ, вернувшійся въ іюлѣ 1916 года изъ за границы, куда онъ ѣздилъ въ качествѣ члена парламентской делегаціи, доложилъ на засѣданіи военно-морской комиссіи Думы «объ отношеніи общественнаго мнѣнія въ союзныхъ странахъ къ польскому вопросу», и «вывелъ заключеніе о необходимости не-

медленнаго разрѣшенія польскаго вопроса въ смыслѣ широкой автономіи».

Выступленіе Милюкова въ Государственной Думѣ по вопросамъ внѣшней политики всегда обнаруживали его совершенно исключительныя познанія и дальновидность. Эти выступленія, цѣнныя сами по себѣ, пріобрѣтали воспитательное значеніе для всего русскаго общества, которое весьма мало интересовалось вопросами внѣшней политики, и, какъ говоритъ Милюковъ въ своей книгѣ «Балканскій кризисъ», «безконтрольно и безраздѣльно предоставляла своему правительству дѣлать эту политику». Въ отношеніи нѣкоторыхъ международныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, вопросовъ славянства и балканской политики, Милюковъ проявилъ такую компетентность, которая дѣлаетъ его первымъ въ Россіи знатокомъ этихъ вопросовъ и рѣдкимъ ихъ знатокомъ въ Европѣ. Въ самый разгаръ войны, въ 1915 году, Милюковъ уже указываетъ на «искуственное раздѣленіе славянъ въ предѣлахъ Австро-Венгріи», говоря, что это раздѣленіе «должно прекратиться и уступить мѣсто естественнымъ группировкамъ по національностямъ». Милюковъ отмѣчалъ уже тогда, что «среди чехословаковъ мысль о національномъ объединеніи сдѣлала большіе успѣхи передъ войной». «Національная борьба, — писалъ Милюковъ въ «Ежегодникѣ Рѣчи» за 1916 годъ, — чешскаго элемента съ германскимъ, главнымъ образомъ въ сферѣ экономической, уже достигла большихъ результатовъ, закаливъ чешское населеніе для политической борьбы и пріучивъ его къ самой строгой національной дисциплинѣ и выдержкѣ». Ко всему этому надо прибавить, что Милюковъ былъ первымъ, который далъ въ своихъ статьяхъ еще въ 1916 году конфигурацію независимаго чехословацкаго государства.

Точка зрѣнія Милюкова на балканскій вопросъ, въ связи съ исторіей возникновенія Великой Войны и въ связи съ политикой русскаго правительства по отношенію къ Сербіи и Болгаріи, пріобрѣтаетъ теперь особый интересъ. Еще въ 1910 году Милюковъ писалъ, что «если мы что-нибудь должны дѣлать на Балканахъ, то должны это дѣлать въ интересахъ Россіи». Спрашивается: была ли балканская политика русскаго правительства, предшествующаго Великой Войнѣ, политикой соотвѣтствовавшей интересамъ Россіи. «Аксіома русской внѣшней политики, — говоритъ Милюковъ въ своей статьѣ о Сазоновѣ, — ея традиція состояла въ томъ, что Россія относилась съ большимъ вниманіемъ къ за-

падной половинѣ Балканскаго полуострова, чѣмъ къ восточной». «Вѣроятно, — замѣчаетъ далѣе Милюковъ, — причину надо искать въ томъ, довольно обычномъ правѣ дипломатіи, по которому она ищетъ союзниковъ въ ближайшемъ тылу непріятеля. Сербы были въ тылу у Австро-Венгріи, всякая анти-австрійская политика должна была поддерживать сербовъ. Австро - Венгрія должна была платить намъ тѣмъ же, устанавливая связь съ Болгаріей. Если говорить о «сферахъ вліянія», то естественнымъ раздѣленіемъ сферъ вліянія на Балканахъ *было бы какъ разъ обратное*». «Такая степень солидаризированія Россіи съ интересами Сербіи была очевидно традиціей русской политики, *но нужно еще доказать,* говоритъ Милюковъ, *что она была въ интересахъ Россіи*».

Традиціонная балканская политика русскаго правительства встрѣчала со стороны Милюкова основательную критику, ибо въ этомъ неестественномъ раздѣленіи «сферъ вліянія» на Балканахъ коренился источникъ опасныхъ осложненій. Какъ извѣстно, въ 1912 году образовался Балканскій союзъ, направленный противъ Австро - Венгріи и заключенный съ вѣдома и согласія русскаго правительства. Было неожиданностью, когда этотъ Балканскій союзъ началъ войну съ Турціей. Война эта была закончена славянами успѣшно, но между побѣдителями возникла распря изъ за дѣлежа добычи. Послѣдовала попытка арбитража съ посредническимъ участіемъ русскаго царя. Со стороны Болгаріи не могло быть полнаго довѣрія къ этому арбитражу, ибо традиціонная русская политика, отдававшая предпочтеніе Сербіи, дѣлала болгаръ подозрительными и недовѣрчивыми, — тѣмъ болѣе, что въ столкновеніи были замѣшаны жизненные интересы Болгаріи. Милюковъ въ прессѣ и въ личныхъ бесѣдахъ съ тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Сазоновымъ старался объяснить, въ какой мѣрѣ традиціонная русская политика не соотвѣтствовала интересамъ Россіи и таила въ себѣ источникъ опаснѣйшихъ осложненій. Приходится пожалѣть, что усилія Милюкова не привели къ цѣли и что со стороны Сазонова онъ встрѣтилъ «стѣну незнанія и даже нежеланія понять». При взглядѣ теперь, въ результатѣ Великой Войны, на эту эпоху Балканскаго союза, получаютъ особенное значеніе въ историческомъ свѣтѣ эти предостереженія Милюкова, его дальновидность и его тревога за сохраненіе европейскаго мира. Если бы предостереженія Милюкова были учте-

ны, то слѣдуетъ полагать, что и картина событій 1914 года была бы иной и обстоятельства были бы болѣе благопріятны для Россіи.

Возвращаясь къ внутренней политикѣ, нужно сказать, что политическій реализмъ Милюкова сообщалъ его взглядамъ рѣдкую силу проницательности. Все меньше оставалось надеждъ на мирный исходъ конфликта между короной и страной. Все сильнѣе нарастала напряженность политическаго положенія, которое должно было завершиться революціонной катастрофой. Уже въ маѣ 1914 года, т. е. до начала войны, Милюковъ предупреждаетъ о «гибельномъ движеніи къ катастрофѣ», и нѣсколько позднѣе, весной 1915 года, Милюковъ говоритъ о томъ, что «мы ходимъ по вулкану, что характеръ сохраняемаго равновѣсія таковъ, что достаточно легкаго толчка, чтобы все пришло въ колебаніе и смятеніе». Милюковъ предусматривалъ, что народная мысль «имѣетъ опасный уклонъ въ сторону анархизма» и что нельзя смѣшивать явленія дѣйствительной политической революціи съ явленіями, могущими ввергнуть страну въ состояніе анархіи.

Когда февральская революція 1917 года привела къ отреченію Николая II, то Милюковъ, сознавая «всю опасность крутого разрыва съ политической символикой прошлаго», убѣждалъ в. к. Михаила Александровича принять переданную ему царемъ власть и предупреждалъ, что «иначе революціонное правительство не сможетъ удержать въ рукахъ власть, и въ Россіи воцарится хаосъ безвластія». Наступаетъ эпоха Временнаго Правительства, въ составъ котораго входитъ Милюковъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, проводившій въ этомъ званіи политику продолженія войны при участіи союзниковъ. Конституціонно-демократическая партія и Милюковъ видятъ основную задачу Временнаго Правительства въ томъ, чтобы довести страну до Учредительнаго Собранія. Партія сознавала, что только сильная власть можетъ обезпечить Россіи благополучное завершеніе войны и сохраненіе и упроченіе завоеваній революціи. Дѣятельность соціалистическихъ партій, приводившая къ подрыву авторитета Временнаго Правительства, упадокъ военной дисциплины, усталость армій, утомленныхъ затянувшейся и жестокой войной, продовольственный кризисъ въ странѣ, — все это ставило Временное Правительство въ чрезвычайно трудное положеніе. Дезорганизующее вмѣшательство Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ дѣла государственнаго управленія создавали систему *двоевластія,* которая не могла не повести Россію къ новымъ катастро-

фамъ. Въ тотъ моментъ, когда на очередь всталъ вопросъ о вступленіи въ составъ Временнаго Правительства соціалистовъ, отвѣтственныхъ передъ Совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, Милюковъ подалъ 2-го мая 1917 года въ отставку, ибо онъ оцѣнивалъ этотъ шагъ, какъ «капитуляцію власти передъ лѣвыми теченіями», и онъ «не считалъ для себя возможнымъ при этихъ условіяхъ нести отвѣтственность за правительственную работу».

Въ августѣ вспыхиваетъ возстаніе ген. Корнилова. Милюковъ дѣлаетъ, какъ онъ говоритъ, «отчаянную попытку» примирить Керенскаго съ Корниловымъ, выдвигая при этомъ кандидатуру ген. Алексѣева во главу правительства. Попытка Милюкова однако успѣха не имѣла, и Россія приближалась къ роковой октябрьской грани.

Со времени большевистской революціи, вызвавшей длительную гражданскую войну, конституціонно-демократическая партія, какъ единое цѣлое, перестала существовать. Центръ партіи былъ разгромленъ въ маѣ 1918 г. большевиками, члены партіи были объявлены внѣ закона и подвергались преслѣдованію, многіе изъ нихъ пали жертвами большевистскаго террора. Въ антибольшевистской борьбѣ, организованной Деникинымъ, Колчакомъ, Врангелемъ, Юденичемъ, принимали участіе отдѣльные члены партіи, но ихъ роль, какъ говоритъ Милюковъ, была неблагодарна; они служили лишь «либеральнымъ политическимъ покрытіемъ для право-настроенныхъ руководителей борьбы».

1918 годъ застаетъ Милюкова въ Кіевѣ, въ этотъ періодъ оккупированномъ германскими войсками. Во время этого пребыванія въ Кіевѣ Милюковъ принимаетъ дѣятельное участіе въ мѣстномъ Комитетѣ партіи и, въ качествѣ делегата этого Комитета, отправляется въ Екатеринодаръ, гдѣ въ октябрѣ 1918 года собралась партійная конференція. Въ связи съ этой конференціей, Милюковъ представляетъ союзникамъ, черезъ французскаго представителя Гокье, записку, въ которой онъ, отъ имени партіи, отстаиваетъ право антибольшевистской Россіи на участіе въ рѣшеніи вопросовъ перемирія и мира. Вернувшись затѣмъ къ Кіевъ, Милюковъ вмѣстѣ съ представителями другихъ политическихъ партій получаетъ приглашеніе поѣхать на совѣщаніе въ Яссы, гдѣ обсуждался вопросъ о формахъ помощи союзниковъ для освобожденія Россіи отъ большевиковъ. Изъ Яссъ вся делегація, въ томъ числѣ и Милюковъ, вернулась въ Одессу (Кіевъ сталъ за это время уже ареной гражданской войны). Въ Одессѣ, изъ состава

этой делегаціи было выдѣлено шесть лицъ (въ томъ числѣ и Милюковъ), которымъ было поручено вести въ Парижѣ и Лондонѣ переговоры съ союзниками о присылкѣ военной помощи и объ участіи анти-большевистской Россіи въ мирныхъ переговорахъ. Какъ извѣстно, изъ Парижа эта делегація была выслана Клемансо подъ тѣмъ предлогомъ, что Милюковъ германофилъ.

Вскорѣ послѣ этого, антибольшевистское движеніе терпитъ полную неудачу, разбитая большевиками русская національная армія эвакуируется въ Константинополь. Милюковъ уже болѣе не возвращается на родину, оставаясь за границей въ качествѣ политическаго эмигранта.

Пораженіе русскихъ національныхъ армій не означаетъ, по мнѣнію Милюкова, конца борьбы съ большевиками. «Борьба съ большевизмомъ, — говоритъ Милюковъ, — должна продолжаться до освобожденія Россіи», но эта борьба «не можетъ продолжаться въ прежнихъ формахъ», а должна измѣниться въ соотвѣтствіи съ перемѣной обстановки.

За границей Милюковъ поселяется сначала въ Лондонѣ, гдѣ въ 1920 году онъ предпринимаетъ изданіе журнала на англійскомъ языкѣ New Russia, а затѣмъ, переѣхавъ въ Парижъ, съ марта мѣсяца 1921 года состоитъ редакторомъ газеты «Послѣднія Новости». Въ многочисленныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ этой газетѣ и въ другихъ изданіяхъ, а также въ публичныхъ докладахъ, Милюковъ пристально и со свойственнымъ ему даромъ анализа слѣдитъ за сложными соціальными и политическими процессами, которые интенсивно развиваются въ большевистской Россіи, перерождая всю ея соціальную ткань и открывая тѣмъ самымъ возможность ликвидаціи извнутри большевистской партійной диктатуры, оковывающей страну. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ октябрьской книгѣ 1928 г. La Revue des Vivants Милюковъ, подводя итоги властвованію большевиковъ въ Россіи, говоритъ, что за истекшее десятилѣтіе все болѣе и болѣе возрастаетъ противодѣйствіе населенія, особенно крестьянъ, противъ большевиковъ. Трудности, особенно экономическіе, большевистскаго правительства непрестанно углубляются, вынуждая большевиковъ не только отступать отъ намѣченной ими программы, но и совершенно отказаться отъ нея. Внутрипартійный конфликтъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ и обостряетъ внутрипартійную борьбу. За годы своего пребыванія за границей, Милюковъ, кромѣ публицистической дѣятельности, кромѣ участія въ организованной

жизни русской эмиграціи, опубликовалъ наряду съ брошюрами по очереднымъ политическимъ вопросамъ, свой капитальный двухтомный трудъ «Россія на переломѣ», посвященный исторіи русской революціи, переведенный, въ болѣе сжатомъ видѣ, на нѣмецкій языкъ, подъ названіемъ: Russlands Zusammenbruch.

Въ дополненіе къ характеристикѣ дѣятельности, за послѣдніе годы, Милюкова укажемъ на его двѣ поѣздки въ Америку, которыя вызваны были предложеніями, исходящими со стороны американскихъ ассоціацій: въ 1921-22 г.г., Милюковъ по приглашенію Lowel Institute прочелъ курсъ лекцій въ Бостонѣ о Россіи и о путяхъ ея дальнѣйшаго развитія, а затѣмъ весной 1928 года Милюковъ, по приглашенію American Peace Society принялъ участіе, какъ давнишній поборникъ мира, на происходившемъ въ Клевелендѣ конгрессѣ, заключавшемъ въ себѣ представителей европейскихъ странъ и Америки.

П. Н. Милюковъ, родившійся еще, какъ мы видѣли, до уничтоженія въ Россіи крѣпостного права, прошелъ въ своей жизни поразительную смѣну историческихъ эпохъ. Свою сознательную жизнь онъ началъ въ тотъ періодъ, когда были еще такъ живы воспоминанія о рабствѣ въ Россіи и когда русское общество, послѣ освобожденія крестьянъ, было полно надеждъ на то, что послѣдующія либеральныя реформы, вытекающія, какъ неизбѣжное слѣдствіе уничтоженія рабства, выведутъ Россію на путь политическаго и культурнаго прогресса и что эти реформы завершатся одной реформой, вѣнчающей все зданіе преобразуемаго государства, — введеніемъ конституціи, которая открыла бы обществу и народу возможность участія въ строительствѣ Россіи. Но наступили времена царствованія Александра III. Это царствованіе было враждебно всѣмъ либеральнымъ начинаніямъ предшествовавшей эпохи и охраняло всѣми доступными мѣропріятіями незыблемость самодержавнаго строя. По восшествіи на престолъ Николая II, съ момента печальнаго окончанія русско-японской войны, наступаетъ въ Россіи бурная эпоха общественнаго и революціоннаго движенія. Подъ напоромъ общественныхъ и народныхъ силъ создается Государственная Дума, которая становится средоточіемъ напряженной и непрестанной борьбы народа съ короной. Начинается Великая Война, проходятъ нѣсколько лѣтъ, и въ февралѣ 1917 года рушится могущественная многовѣковая русская монархія. Послѣ краткаго періода демократическаго режима, который, въ условіяхъ войны и тяжелаго внутренняго по-

ложенія, осуществляло Временное Правительство, вспыхиваетъ большевистская революція, которая влечетъ за собой въ Россіи длительную эпоху гражданской войны и водворяетъ въ странѣ партійную большевистскую диктатуру, возвращая русскій народъ въ смыслѣ политическихъ и другихъ условій его существованія къ режиму гораздо болѣе худшему, нежели низвергнутое самодержавіе.

Жизнь Милюкова протекаетъ въ рамкахъ этихъ смѣняющихъ одна другую эпохъ. Свою жизнь Милюковъ начинаетъ съ увлеченія наукой, которой онъ посвящаетъ все свое время, всѣ свои исключительныя способности. Но русская дѣйствительность, ея быстрая перемѣнчивость политической и общественной обстановки, отвлекаютъ Милюкова отъ его ученыхъ занятій и выводятъ его на путь борьбы за конституціонный и демократическій строй въ Россіи. И въ каждой смѣнѣ эпохъ, которыя чередуются одна за другой и которыя проходитъ Милюковъ, онъ сохраняетъ рѣдкій, но столь свойственный Милюкову даръ всесторонняго и глубокаго пониманія каждой эпохи, всегда чувствуя ея основной историческій нервъ. При всякой перемѣнѣ обстановки Милюковъ сохраняетъ неизмѣнно свою руководящую роль въ русскомъ обществѣ, оставаясь непрерывно провозвѣстникомъ политической и общественной идеологіи, указуя пути мысли и дѣятельности.

Мѣнялась жизнь, мѣнялась историческая обстановка, мѣнялись и условія борьбы. Все это, естественно, мѣняло политическую тактику Милюкова, мѣняло очередные лозунги борьбы. Но всѣ эти событія, какъ бы грандіозны они ни были, не мѣняли никогда одного существа Милюкова, основы его политическаго міровоззрѣнія, его демократическихъ убѣжденій. Черезъ какія бы политическія и соціальныя катастрофы ни вела жизнь Милюкова, демократія, ея идеалы были для Милюкова всегда его путеводной звѣздой. Идеалъ демократіи велъ его въ первыхъ рядахъ на приступы самодержавія, въ равной мѣрѣ какъ тотъ же идеалъ демократіи ведетъ его теперь на борьбу съ большевизмомъ, являющимся воплощеннымъ отрицаніемъ демократіи. Милюковъ знаетъ, что только русская демократія способна вывести страну изъ настоящаго ея трагическаго положенія и что только демократія можетъ обезпечить русскому народу полный расцвѣтъ всѣхъ его духовныхъ и матеріальныхъ возможностей и сдѣлать изъ русскаго государства, одинъ изъ крупнѣйшихъ факторовъ міроваго прогресса.

С. Смирновъ.

Третье марта

I

27-го февраля 1917 года предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко по телефону попросилъ великаго князя Михаила Александровича возможно скорѣе прибыть изъ Гатчины въ Петербургъ.

Великій князь послѣ кампаніи 1915-16 гг., болѣлъ дифтеритомъ. Въ теченіе нѣкотораго времени онъ жилъ въ Крыму, затѣмъ отправился оттуда въ свое имѣніе Брасово и въ дорогѣ, подъѣзжая къ имѣнію, получилъ извѣстіе объ убійствѣ Распутина. Въ Брасовѣ великому князю пришлось остаться недолго. Неотложныя служебныя дѣла требовали его присутствія въ столицѣ. Февральскія событія застали великаго князя въ Гатчинѣ. Къ вечеру 26 февраля Петербургъ уже былъ военнымъ лагеремъ.

Трудно сказать съ полной увѣренностью, для чего именно вызывалъ М. В. Родзянко в. к. Михаила Александровича. Мысль о регентствѣ обсуждалась давно, но могъ-ли говорить о ней предсѣдатель Государственной Думы съ великимъ княземъ до отреченія императора? Какъ бы то ни было, съ Фурштадтской великій князь, не безъ опасности для жизни, проѣхалъ въ Государственный Совѣтъ, и затѣмъ, уже поздно вечеромъ, въ домъ военнаго министра, откуда по прямому проводу соединился со ставкой. Государь не подошелъ къ аппарату, и великій князь передалъ генералу М. В. Алексѣеву свой совѣтъ: немедленно

назначить новое правительство во главѣ съ княземъ Г. Е. Львовымъ *).

Часъ былъ поздній. На улицахъ шла пулеметная стрѣльба. Говорили, что стрѣляютъ съ крыши Азовско-Донского Банка. Повидимому, пулеметъ стоялъ въ домѣ, строившемся на углу Кирпичнаго и Мойки. Ночевать въ квартирѣ военнаго министра было невозможно. Кто-то посовѣтовалъ великому князю отправиться въ Зимній Дворецъ! На заказъ было трудно подыскать болѣе опасное мѣсто въ Петербургѣ. Великій князь проѣхалъ во дворецъ и убѣдился, что оставаться тамъ было бы чистымъ безуміемъ. Пальба все усиливалась. Никакой охраны не было, — съ минуты на минуту можно было ждать нападенія. Великій князь хотѣлъ было отправиться на ночь къ своему адъютанту гр. Воронцову, но затѣмъ принялъ другое рѣшеніе.

На Милліонной, по правую ея сторону, недалеко отъ Марсова Поля, находится большой, старинный трехъэтажный домъ ном. 12. Въ домѣ этомъ жила семья князя Путятина, съ давнихъ поръ связанная тѣсной дружбой съ великимъ княземъ. Для того, чтобы пройти туда, требовалось не болѣе 5-ти минутъ. Въ сопровожденіи всюду за нимъ слѣдовавшаго Н. Н. Джонсона, великій князь вышелъ изъ Зимняго Дворца и направился пѣшкомъ къ дому ном. 12. Переходъ былъ опасенъ, отчаянная пальба шла именно вдоль Милліонной. Кто стрѣлялъ, въ точности и теперь сказать трудно. Приходилось перебѣгать вдоль стѣнъ отъ дома къ дому. Около трехъ часовъ ночи великій князь оказался у княгини О. Б. Путятиной.

Начались фантастическіе дни, дни безъ времени, безъ сна, безъ извѣстій. Ночью видно было зарево пожаровъ. Безпрерывно грохотала непонятная, неизвѣстно откуда идущая пальба. Шли зловѣщіе слухи о грабежахъ, объ убійствахъ. Домъ, гдѣ жилъ великій князь, не очень годился въ качествѣ убѣжища. Милліонная, по своему «классо-

---

*) Матеріалы Слѣдственной комиссіи Временнаго Правительства. Показанія генерала М. А. Бѣляева и князя Н. Д. Голицына (томъ II, стр. 242 и 266-7).

вому характеру», и вообще была ненадежной улицей. Но именно домъ ном. 12 могъ считаться особенно опаснымъ. Въ домѣ этомъ были три квартиры. Княгиня Путятина *) жила во второмъ этажѣ. Фамиліи жильцовъ двухъ другихъ квартиръ по газетамъ были всѣмъ хорошо извѣстны и легко могли навлечь бѣду на весь домъ. И дѣйствительно, въ квартирѣ третьяго этажа, гдѣ жили гг. Столыпины (кажется, родственники министра) солдатскія шайки учинили настоящій погромъ: что не было уничтожено, было разграблено.

О пріѣздѣ великаго князя вначалѣ никому ничего не было извѣстно. Ночью въ квартирѣ появился простолюдинъ въ армякѣ и потребовалъ, чтобы его проводили къ великому князю Михаилу Александровичу. Въ этомъ переодѣтомъ человѣкѣ хозяева узнали великаго князя Николая Михайловича, жившаго по другую сторону Милліонной. Объ отреченіи царя еще не было извѣстно. Въ гостинной всю ночь говорили о томъ, что дѣлать.

Великій князь Михаилъ Александровичъ, — по общему отзыву всѣхъ его знавшихъ, очень добрый, мужественный и благородный человѣкъ, безукоризненный джентльмэнъ, — былъ всю жизнь совершенно свободенъ отъ какого бы то ни было честолюбія или властолюбія. О престолѣ онъ не хотѣлъ слышать. На возможность своего регентства смотрѣлъ, какъ на личное несчастье, которое можетъ стать государственной необходимостью. «Моя жизнь будетъ тогда разбита!» — безпрестанно говорилъ онъ въ тѣ дни. Онъ не имѣлъ политическаго опыта, однако, трагическая парадоксальность его положенія бросалась въ глаза: великому князю предлагали корону величайшей въ мірѣ имперіи, а ему негдѣ было переночевать.

II

У всѣхъ революцій существуютъ, конечно, историческія причины. Но есть революціи ясныя, отчетливыя, на-

---

*) Князь Путятинъ, кавалергардскій офицеръ, находился на фронтѣ.

столько логически-стройныя, что надъ ихъ «вѣковыми причинами» историкамъ задумываться не надо. 2-го сентября 1870 года Наполеонъ III сдается съ арміей подъ Седаномъ. 4-го сентября въ Парижѣ провозглашается республика.

Иностранцы, которымъ все ясно въ февральской революціи, создаютъ для нея такія же стройныя схемы. Вѣковыя причины достаточно извѣстны. Не-вѣковыя, ближайшія: неудачи на фронтѣ, голодъ въ Петербургѣ, Сухомлиновъ, Распутинъ. Однако, въ этихъ схемахъ причины **ближайшія** составляютъ самое слабое мѣсто. Никакого Седана у насъ не было; Распутинъ былъ убитъ все же за десять недѣль до революціи; о Сухомлиновѣ въ февралѣ 1917 года, можетъ быть, еще говорили въ провинціи, но въ столицахъ и на фронтѣ давно вспоминать перестали. Что до продовольственныхъ затрудненій въ Петербургѣ, то о нихъ въ качествѣ причины революціи, историку послѣ 1920 года писать будетъ неловко. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я въ Германіи видѣлъ приблизительно такія же продовольственныя затрудненія... Февральская революція точно безъ «ближайшихъ причинъ». Ждали ее сто лѣтъ, — и все-таки пришла она неожиданно даже для главныхъ ея дѣятелей.

Рано утромъ, 27 февраля, разбуженный шумомъ на улицѣ, П. Н. Милюковъ вышелъ на балконъ и прямо передъ собой увидѣлъ первое событіе революціи: выходъ изъ казармъ возставшаго Волынскаго полка. Я едва-ли ошибусь, предположивъ, что это зрѣлище вызвало въ немъ чувства, весьма далекія отъ радости.

Много лѣтъ тому назадъ (еще въ Петербургѣ), въ статьѣ, посвященной Павлу Николаевичу пишущій эти строки пытался установить его двойную генеалогію. Одна линія совпадала съ дорогой всей радикальной русской интеллигенціи. Другая шла къ великодержавнымъ историческимъ традиціямъ Россіи. Упрощенно - символически можно было бы сказать, что въ мышленіи П. Н. Милюкова Михайловскій сочетался съ Ордынъ - Нащокинымъ. Въ годы міровой войны эти двѣ традиціи съ разной силой сказались въ программѣ прогрессивнаго блока, которая, въ случаѣ

полнаго успѣха, должна была, безъ революціонныхъ потрясеній, привести къ созданію свободной демократической колоссальной имперіи. Въ размахѣ, въ величіи замысла этой государственной программѣ отказать было бы трудно.

Роль П. Н. Милюкова, признаннаго вождя и вдохновителя прогрессивнаго блока, въ годы войны росла съ каждымъ днемъ. 16 декабря 1916 года П. Н. сказалъ въ Государственной Думѣ: «Мы переживаемъ теперь страшный моментъ. Время не ждетъ. Атмосфера насыщена электричествомъ, въ воздухѣ чувствуется приближеніе грозы. Никто не знаетъ, господа, когда и гдѣ грянетъ ударъ!» Ударъ, какъ извѣстно, грянулъ въ слѣдующую ночь во дворцѣ князя Юсупова. Въ статьѣ «Мрачныя предсказанія г. Милюкова», цитируя приведенныя выше слова, М. О. Меньшиковъ глухо писалъ: «Можно быть далекимъ отъ поклонничества въ отношеніи этого стараго парламентарія, но нельзя не признать, что долгіе годы, посвященные имъ сплошь политической оппозиціи, достаточно изощрили его чутье» («Нов. Вр.», 20 декабря 1916 года). Статья Меньшикова была чрезвычайно туманна, — цензура видимо совершенно растерялась, — но объясненій читателямъ и не требовалось: въ томъ же номерѣ газеты, въ отдѣлѣ политическихъ новостей, очень подробно, но такъ же глухо и неясно сообщалось о происшедшемъ въ Петроградѣ таинственномъ убійствѣ. Имя убитаго не было названо, но найденное въ проруби тѣло подробно описывалось, тутъ же былъ изображенъ планъ Петровскаго Острова, а кончалось это, я думаю, небывалое въ исторіи хроникерское сообщеніе слѣдующими словами: «Лица, вызванныя для опознанія, узнали въ мертвецѣ жильца, исчезнувшаго изъ квартиры, находящейся въ д. № 64, по Гороховой улицѣ. О находкѣ трупа прибывшимъ къ этому времени директоромъ департамента полиціи было сообщено министру внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопопову и предсѣдателю Совѣта Министровъ А. Ф. Трепову».

Возстаніе Волынскаго полка было послѣднимъ ударомъ и по старому строю, и по тому дѣлу, которому служилъ П. Н. Милюковъ. Съ утра 2 февраля и для него на-

чалась фантастическая жизнь. Онъ пять дней не выходилъ изъ Государственной Думы.

Впрочемъ, Государственной Думы уже не было: въ Таврическомъ Дворцѣ былъ Сѣнной Рынокъ. — «Солдаты, солдаты, солдаты», — вспоминалъ потомъ В. Д. Набоковъ, — «съ усталыми, тупыми, рѣдко добрыми или радостными лицами; всюду слѣды импровизированнаго лагеря, соръ, солома; воздухъ густой, стоитъ какой-то сплошной туманъ, пахнетъ солдатскими сапогами, сукномъ, потомъ»... Другой очевидецъ описалъ намъ появленіе П. Н. Милюкова въ этой обстановкѣ: «Онъ пробивался черезъ толпу, куда-то, бѣлый, какъ лунь, но чисто выбритый и съ «достоинствомъ». В. В. Шульгинъ подошелъ въ Думѣ къ Павлу Николаевичу и сказалъ ему: «Надо правительство, и надо, чтобы вы его составили. **Только вы можете это сдѣлать»** *).

Слова и сами по себѣ знаменательныя въ устахъ человѣка, который въ теченіе многихъ лѣтъ велъ съ Милюковымъ упорную и ожесточенную борьбу. Но въ этомъ предложеніи удивительно еще и другое: едва-ли г. Шульгинъ могъ не знать, что правительство собственно было составлено еще въ 1916 году. Въ неясномъ предвидѣньи неясныхъ событій оно было составлено на засѣданіяхъ у Г. Е. Львова въ кабинетѣ гостиницы «Франція», и списокъ будущихъ министровъ почти цѣликомъ совпадалъ съ первымъ составомъ Временнаго Правительства. Почему главой кабинета былъ избранъ кн. Львовъ?**). Вѣроятно, значеніе здѣсь имѣло то обстоятельство, что инициатива списка принадлежала земскимъ, а не думскимъ кругамъ. Но, можетъ быть, нѣкоторую роль сыграла здѣсь и самая личность главы прогрессивнаго блока: въ силу особаго сочетанія его свойствъ, тѣ организаціи, въ которыхъ П. Н. принималъ близкое участіе, часто превращались въ совѣщательные органы при Милюковѣ.

---

*) В. В. Шульгинъ. «Дни», Бѣлградъ. 1925 г., стр. 211.

**) Въ военныхъ кругахъ, повидимому, обсуждалась въ ту же пору кандидатура въ премьеры А. И. Гучкова (Показанія ген. Н. І. Иванова, Матеріалы Слѣдственной Комиссіи, т. V, стр. 325).

Впрочемъ, теперь обстановка была совершенно иная, о старомъ правительственномъ спискѣ можно было и просто забыть. Да и было дѣло еще болѣе неотложное. Солдаты вышли на улицу съ оружіемъ. Къ нимъ присоединилась толпа. Начались грабежи, убійства. Труденъ лишь первый шагъ. Наступившая ночь легко могла стать Варфоломеевской ночью.

Въ главномъ залѣ Таврическаго Дворца уже засѣдалъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Кто входилъ въ этотъ совѣтъ, кто его выбиралъ, какимъ вліяніемъ онъ пользовался, — все это было весьма темно. Велика была въ эти дни доля обмана и самообмана. Стекловъ могъ по существу представлять развѣ только «Institut de beauté» своей жены. Именъ Суханова, Соколова, конечно, ни одинъ солдатъ въ Россіи отроду не слышалъ. Но видимыхъ лидеровъ Совѣта, по крайней мѣрѣ, знала интеллигенція. Рядомъ съ ними были сотни другихъ, которыхъ не зналъ рѣшительно никто. Они называли себя «Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ», «Исполнительнымъ комитетомъ», «Представительствомъ петроградской демократіи», — исторія движется фикціями. Отъ этого таинственнаго Совѣта — во всякомъ случаѣ много больше, чѣмъ отъ кого бы то ни было другого на свѣтѣ — зависѣла жизнь всѣхъ офицеровъ петербургскаго гарнизона.

«За этихъ людей», — пишетъ г. Шульгинъ, — «взялся Милюковъ. Съ упорствомъ, ему одному свойственнымъ, онъ требовалъ отъ нихъ: написать воззваніе, чтобы не дѣлали насилій надъ офицерами... Милюковъ убѣждалъ, умолялъ, заклиналъ... Это продолжалось долго, безконечно... Это не было уже засѣданіе. Было такъ... Милюковъ доказывалъ, что выборное офицерство невозможно, что его нѣтъ нигдѣ въ мірѣ и что армія развалится»... — «Онъ вцѣпился въ нихъ мертвой хваткой», — говоритъ не то съ восхищеніемъ, не то съ какимъ-то ужасомъ г. Шульгинъ, возвращаясь, точно въ бреду, къ разнымъ часамъ и **днямъ** этой борьбы съ неизвѣстными людьми. — «Очевидно, онъ надѣялся на свое, всѣмъ извѣстное упрямство, передъ которымъ ни одинъ кадетъ еще не устоялъ... Чхеидзе лежалъ... Керенскій иногда вскакивалъ и убѣгалъ куда-то,

потомъ опять появлялся... Я не помню, сколько часовъ все это продолжалось. Я совершенно извелся и пересталъ помогать Милюкову, что сначала пытался дѣлать... Направо отъ меня лежалъ Керенскій, прибѣжавшій откуда-то, повидимому, въ состояніи полнаго изнеможенія. Остальные тоже уже совершенно выдохлись. Одинъ Милюковъ сидѣлъ упрямый и свѣжій» (В. В. Шульгинъ, стр. 230-234).

«Болтовня!» — скажетъ презрительно иной читатель, — «тутъ нужны были не убѣжденія, а пулеметы!»... Допустимъ. Но пулеметовъ не было. Въ Петербургѣ пулеметы въ тѣ дни были въ распоряженіи Совѣта. Сколько солдатъ и матросовъ приходилось на одного офицера? — Мы были безсильны, — говоритъ прямо г. Шульгинъ. — «Кто это мы? Самъ Милюковъ, прославленный россійской общественности вождь, сверхчеловѣкъ народнаго довѣрія! И мы — вся остальная дружина, — которые, какъ никакъ, могли себя считать «всероссійскими именами». И вотъ со всѣмъ нашимъ всероссійствомъ мы были безсильны» (стр. 230).

Къ этой внѣшней картинѣ тѣхъ памятныхъ дней, я — не безъ колебанія — хотѣлъ бы добавить слѣдующее. Настоящій очеркъ выходитъ на страницахъ газеты, не прередактированныхъ П. Н. Милюковымъ. Я не знаю, все ли въ этой замѣткѣ для него пріемлемо и соотвѣтствуетъ-ли мое толкованіе его настроеній и поступковъ собственнымъ мыслямъ Павла Николаевича. Въ предисловіи къ своей «Исторіи второй русской революціи» П. Н. Милюковъ говоритъ, что для его **воспоминаній** время еще не наступило, ибо онъ не считаетъ возможнымъ касаться «интимной атмосферы событій» и «интимныхъ мотивовъ» дѣйствующихъ лицъ той эпохи. Я поэтому не считалъ себя въ правѣ его объ этомъ разспрашивать. П. Н. Милюковъ — чрезвычайно сложный и сдержанный человѣкъ, — въ опредѣленіи интимныхъ мотивовъ его собственныхъ дѣйствій легко и ошибиться.

Начну съ того, что, по моимъ предположеніямъ, составъ перваго Временнаго Правительства, образованнаго при ближайшемъ участіи Павла Николаевича, едва-ли представлялся ему удовлетворительнымъ. При этомъ я имѣю

въ виду не политическій характеръ правительства, а личныя свойства почти всѣхъ его участниковъ. Чтобы не быть совершенно голословнымъ, сошлюсь на тотъ скрыто - ироническій тонъ, въ которомъ на протяженіи всей своей книги П. Н. говоритъ о дѣйствіяхъ разныхъ членовъ Временнаго правительства. Сошлюсь еще на одно случайно - оброненное замѣчаніе, которое мы находимъ въ мемуарахъ В. Д. Набокова: обсуждая съ нимъ въ апрѣлѣ 1917 года вопросъ о передачѣ портфеля министра иностранныхъ дѣлъ М. И. Терещенко, П. Н. сказалъ: **«Онъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ въ этихъ вопросахъ безграмотный** и хоть съ послами будетъ въ состояніи говорить...»*).

Затѣмъ другое. Въ отличіе отъ иностранныхъ знатоковъ русской жизни, П. Н. Милюкову далеко не все было ясно и понятно въ ближайшихъ причинахъ революціи 1917 года. Въ той же своей исторіи (т. I, стр. 36) онъ замѣчаетъ: «Нѣкоторымъ предвѣстіемъ переворота было глухое броженіе въ рабочихъ массахъ, источникъ котораго остается неясенъ, хотя этимъ источникомъ навѣрное не были вожди соціалистическихъ партій, представленныхъ въ Государственной Думѣ. Здѣсь мы касаемся самаго темнаго момента въ исторіи русской революціи. Будущій историкъ, навѣрное, прольетъ свѣтъ и на эту сторону дѣла; но современнику, далекому отъ этого фокуса общественнаго движенія, остаются только догадки».

Объ этихъ своихъ догадкахъ П. Н. Милюковъ всегда говорилъ неохотно и кратко. Но мысль его достаточно ясна: онъ подозрѣвалъ, что «таинственнымъ источникомъ, изъ котораго шло руководство рабочимъ движеніемъ», былъ германскій генеральный штабъ **).

Я не могу входить въ обсужденіе этихъ догадокъ П. Н. Милюкова. Но онѣ у него были и нетрудно понять, какъ онѣ должны были сказаться на душевномъ состояніи П. Н.

*) Архивъ русской революціи, т. I, стр. 62.

**) На одномъ изъ засѣданій Временнаго Правительства П. Н. Милюковъ прямо сказалъ, что «германскія деньги сыграли свою роль въ числѣ факторовъ, содѣйствовавшихъ перевороту». (Архивъ русской революціи, т. I, стр. 23).

Четыре дня и четыре ночи онъ велъ политическіе переговоры, идейную борьбу съ людьми, изъ которыхъ громадное большинство было ему совершенно неизвѣстно. И все это время въ глубинѣ души у него шевелились самыя ужасныя подозрѣнія: можетъ быть, съ нимъ, въ самомъ дѣлѣ, разговаривалъ «представитель революціонной демократіи», а можетъ быть, передъ нимъ былъ германскій агентъ. Въ противовѣсъ всѣмъ этимъ людямъ въ ихъ совокупности, Милюковъ содѣйствовалъ созданію правительства изъ людей, въ опытъ и силу которыхъ онъ вѣрилъ довольно плохо. Время отъ времени онъ выходилъ на перронъ Думы и «привѣтствовалъ» какой-либо новый, «переходившій на сторону Думы» полкъ. Со своимъ обычнымъ видомъ «смотри весело», онъ говорилъ солдатамъ объ открывающейся передъ Россіей новой свѣтлой жизни, и видѣніе близкой гибели Россійскаго государства складывалось въ немъ все яснѣе. Собирая остатки душевныхъ силъ, уже безъ всякой помощи, на собственный страхъ и рискъ, П. Н. Милюковъ готовился къ рѣшительной игрѣ. Она должна была составить одну изъ самыхъ блистательныхъ страницъ его біографіи и ужъ, конечно, самую парадоксальную ея страницу. Это была его ставка на великаго князя Михаила Александровича.

III

Въ шесть часовъ утра, 3-го марта, къ княгинѣ Путятиной позвонилъ по телефону А. Ф. Керенскій и сообщилъ ей, что члены Временнаго Правительства желали бы поговорить съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Княгиня, вѣроятно, уже больше ничему не удивлялась: погромы и пальба на Милліонной, новый императоръ, живущій въ комнатѣ рядомъ со столовой, великій князь, переодѣтый мужикомъ, этотъ телефонный звонокъ въ шесть часовъ утра, исходящій отъ главы революціонеровъ... Русское барское гостепріимство вступило тотчасъ въ свои права: княгиня занялась приготовленіями къ завтраку для гостей.

Въ ночь на 3 марта въ Таврическомъ дворцѣ настроеніе опредѣлилось: за исключеніемъ П. Н. Милюкова, всѣ *), и лѣвые, и правые сошлись на томъ, что великій князь не долженъ принимать престолъ. П. Н. отказался наотрѣзъ подчиниться общему рѣшенію. Было постановлено, что обѣ стороны выскажутся на Милліонной.

Русской общественности всегда была свойственна нѣкоторая любовь къ стенограммамъ. Мы имѣемъ цѣнныя подробнѣйшія записи трудовъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета. Мы можемъ въ любую минуту съ совершенной точностью воспроизвести обмѣнъ мнѣній въ русскомъ энтомологическомъ обществѣ по вопросу объ усикахъ сѣтчатокрылыхъ. Но засѣданіе 3 марта 1917 года въ зеленой гостиной кн. Путятиной, разумѣется, велось безъ записей и для сужденія объ одной изъ самыхъ драматическихъ сценъ въ тысячелѣтней исторіи русскаго государства намъ остается всецѣло положиться на воспоминанія отдѣльныхъ участниковъ. Пишущій эти строки разспрашивалъ объ этой сценѣ всѣхъ, кого только могъ, но въ настоящей замѣткѣ хотѣлъ бы использовать (по необходимости съ сокращеніями) лишь печатный документъ, тѣ же «Дни» г. Шульгина, — документъ этотъ очень ярко написанъ, да и исходитъ онъ отъ политическаго врага П. Н. Милюкова:

«Направо отъ Великаго Князя стоялъ диванъ, на которомъ ближе къ Великому Князю сидѣлъ Родзянко, а за нимъ Милюковъ.

Пять сутокъ нечеловѣческаго напряженія сказались... Вѣдь и Наполеонъ выдерживалъ только четыре... И желѣзный Милюковъ, прячась за огромнымъ Родзянко, засыпалъ, сидя... Вздрагивалъ, открывалъ глаза и опять засыпалъ...

— Вы, кажется, хотѣли сказать?

Это Великій Князь къ нему обратился.

Милюковъ встрепенулся и сталъ говорить.

---

*) А. И. Гучковъ, раздѣлявшій взгляды Павла Николаевича, выѣхалъ 2-го марта въ Псковъ.

Эта рѣчь его, если это можно назвать рѣчью, была потрясающая...

Головой — бѣлый, какъ лунь, лицомъ сизый отъ безсонницы, совершенно сиплый отъ рѣчей въ казармахъ и на митингахъ, онъ не говорилъ, онъ каркалъ хрипло...

— Если вы откажетесь... Ваше Высочество... будетъ гибель. Потому что Россія... Россія потеряетъ... свою ось... Монархъ — это ось... Единственная ось страны!!.. Масса, русская масса... вокругъ чего.... вокругъ чего она соберется? Если вы откажетесь... будетъ анархія!... хаосъ... кровавое мѣсиво.... Монархъ — это единственный центръ.... Единственное, что всѣ знаютъ.. Единственное — общее... Единственное понятіе о власти!.. пока... въ Россіи... Если вы откажетесь... будетъ ужасъ... полная неизвѣстность... ужасная неизвѣстность.. потому что не будетъ.... не будетъ присяги!... не будетъ государства.... Россіи... ничего не будетъ...» (В. Шульгинъ, стр. 237-8).

«Это была какъ бы обструкція!» — разсказывалъ мнѣ другой участникъ совѣщанія — «Милюковъ точно не хотѣлъ, не могъ, боялся кончить. Этотъ человѣкъ, обычно столь учтивый и выдержанный, никому не давалъ говорить, онъ обрывалъ возражавшихъ ему, обрывалъ Родзянко, Керенскаго, всѣхъ»...

Да, это была волнующая сцена, замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Большой честью для Россіи всегда будетъ то обстоятельство, что изъ людей, собравшихся въ зеленой гостиной, въ эти минуты **для себя** никто ничего не желалъ, да и не могъ желать. О великомъ князѣ я говорилъ выше. Но какіе личные нитересы могли быть у остальныхъ? Независимо отъ рѣшенія великаго князя, власть все равно должна была достаться этимъ людямъ, — другихъ вѣдь и не было. Помнится, Вл. Соловьевъ говоритъ гдѣ-то о потрясающе - парадоксальномъ смыслѣ русской исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, трудно найти сцену подобнаго характера въ исторіи западно - европейскихъ государствъ: отказывавшагося отъ престола потомка двадцати царей, мыслями, чуть-ли не языкомъ большихъ людей стараго строя, мыслями Ордынъ - Нащокина и Дм. Голицына, Сперан-

скаго и Витте, убѣждалъ принять корону — П. Н. Милюковъ!

Въ классной 12-лѣтней дочери кн. Путятина, В. Д. Набоковъ и Б. Э. Нольде, сидя за партой, на большомъ листѣ школьной «въ одну линейку» бумаги, писали актъ отреченія трехсотлѣтней династіи. Въ четвертомъ часу дня, за той же партой, его подписалъ великій князь. Павелъ Николаевичъ не присутствовалъ при этой сценѣ, — не легко дается зрѣлище «головы Газдрубала». Не оставшись завтракать на Милліонной, П. Н. Милюковъ отправился домой. Онъ заявилъ, что въ правительствѣ остаться не намѣренъ *). Въ душѣ у него было глубокое, безпросвѣтное отчаяніе.

IV

Разумѣется, принципіальнаго вопроса за этимъ трагическимъ совѣщаніемъ не было. Можно быть монархистомъ, можно быть республиканцемъ, но какъ монархистъ, такъ и республиканецъ, который, во имя своего принципа, сознательно обрекъ бы Россію на все то, что ее въ дѣйствительности постигло, былъ бы человѣкомъ ненормальнымъ. Это, вѣроятно, внѣ спора. Споръ между П. Н. Милюковымъ и остальными участниками совѣщанія на Милліонной шелъ по существу о двухъ предметахъ: о вѣрности историческаго предвидѣнія, о дѣйствительности предлагавшагося выхода.

По первому вопросу побѣда Милюкова нынѣ совершенно очевидна. У насъ теперь очень много людей, которые «съ самаго начала говорили и съ перваго дня все предвидѣли». Мы все же вынуждены требовать доказательствъ необыкновенной проницательности этихъ людей, заранѣе отводя ссылки на разговоры за чаемъ съ женой или съ племянникомъ. Обращаясь къ документамъ того времени, историкъ признаетъ, что такого яснаго, истинно вѣщаго

*) Вечеромъ къ Павлу Николаевичу пріѣхали представители центральнаго комитета к.-д. партіи съ ея требованіемъ не отказываться отъ портфеля.

предвидѣнія надвигающейся на Россію великой катастрофы не имѣлъ въ первые часы революціи ни одинъ другой политическій дѣятель. Это обстоятельство само по себѣ даетъ мнѣ право назвать блестящей названную страницу біографіи Милюкова, — независимо отъ отчаянной смѣлости плана, который онъ предлагалъ великому князю Михаилу Александровичу.

Подробно останавливаться на этомъ неосуществленномъ планѣ незачѣмъ. П. Н. Милюковъ совѣтовалъ великому князю въ эту же ночь оставить Петербургъ съ его революціоннымъ гарнизономъ и, не теряя ни минуты, выѣхать въ Москву, гдѣ еще была военная сила. Три энергичныхъ, популярныхъ, на все готовыхъ человѣка, — на престолѣ, во главѣ арміи, во главѣ правительства, — могли предотвратить развалъ страны. П. Н. не скрывалъ чрезвычайной опасности этого плана, въ своей рѣчи онъ прямо сказалъ, что не можетъ гарантировать жизнь ни великому князю, ни министрамъ.

Доводы другихъ членовъ Временнаго Правительства, которымъ въ концѣ совѣщанія уступилъ великій князь, настолько просты и ясны, что едва-ли ихъ могъ не предвидѣть столь опытный политическій дѣятель. Вполнѣ возможно, что П. Н. переоцѣнивалъ медленность процесса разложенія войскъ. Возможно, что великому князю не дали бы даже доѣхать до вокзала *). Возможно, что и самому рѣшительному человѣку не удалось бы спасти отъ развала ни московскій гарнизонъ, ни фронтъ. Но кто **съ увѣренностью** можетъ отвѣтить на всѣ эти вопросы? Сколько времени еще нужно было продержаться? Въ этомъ военно-политическомъ уравненіи 1917 года всѣ величины были неизвѣстны. Вѣдь Россію, очевидно, могъ спасти конецъ войны, а весной черезъ **нѣсколько недѣль** ожидалось генеральное наступленіе союзниковъ. Крупнѣйшіе военные авторитеты разсчитывали, что Германія будетъ имъ сломлена, и самъ Людендорфъ въ своихъ воспоминаніяхъ прямо говоритъ: «Въ апрѣлѣ и маѣ 1917 года, несмотря на

---

*) Въ теченіе всего засѣданія 3-го марта освѣдомленные люди съ минуты на минуту ждали вторженія толпы въ домъ ном. 12.

наши побѣды на Энъ и въ Шампани, насъ спасла только русская революція». Нужно было еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сохранить **полную** боеспособность арміи, т. е., и способность ея къ наступленію. Удалось-ли бы это, — вотъ вопросъ, который никогда разрѣшенъ не будетъ. Почти всѣ видные политическіе дѣятели 1917 года были убѣждены, что, въ случаѣ принятія плана П. Н. Милюкова, «дѣло кончится очень плохо». Однако, теперь надо считаться и съ тѣмъ, что планъ этотъ принятъ не былъ и дѣло все-таки кончилось не совсѣмъ хорошо.

Въ настоящей замѣткѣ я не ставлю себѣ цѣлью характеристику П. Н. Милюкова и не хочу впадать въ юбилейный тонъ. Можно, однако, сказать нѣсколько словъ о томъ, что споровъ не вызываетъ. Огромныя дарованія, умъ, сила воли Милюкова общеизвѣстны. На этотъ счетъ, кажется, двухъ мнѣній не существуетъ. «Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ людей», — говоритъ о немъ Набоковъ. (Арх. русской рев., I, 52). «Милюковъ былъ головой выше другихъ и умомъ и характеромъ», — пишетъ г. Шульгинъ (стр. 225). «Этого рокового человѣка я всегда считалъ стоящимъ головой выше своихъ сотоварищей по прогрессивному блоку, т. е. головой выше всѣхъ столповъ, всего цвѣта, сливокъ, красы и гордости нашей буржуазіи», — говоритъ г. Сухановъ («Зап. о революціи» т. I, стр. 113). Насколько мнѣ извѣстно, такого же мнѣнія держались и Плеве, и Ленинъ. Было бы невозможно отрицать и недостатки П. Н. Милюкова, какъ политическаго дѣятеля. Это въ мою задачу не входитъ, но одно его свойство, — не знаю, достоинство или недостатокъ — я позволю себѣ здѣсь отмѣтить.

На западѣ основное стремленіе государственныхъ дѣятелей: составить себѣ и прочно связать со своимъ именемъ извѣстный морально - политическій капиталъ. Салоникская экспедиція, Локарнскій договоръ, занятіе Рура, освобожденіе Рура, урегулированіе долговъ, стабилизація валюты, признаніе большевиковъ, изгнаніе большевиковъ, — все это заносится въ активъ того или другого государственнаго дѣятеля, который больше всего на свѣтѣ заботится о томъ, чтобы всѣми способами, тысячекратнымъ

повтореніемъ, вдолбить въ умы избирателей этотъ свой активъ, часто весьма тощій.

Если бы П. Н. Милюковъ хотѣлъ, оставаясь на прежней позиціи, использовать тотъ морально-политическій капиталъ, который ему давала описанная выше сцена, онъ былъ бы теперь, вѣроятно, идоломъ девяти десятыхъ русской эмиграціи. Въ своей «Исторіи», написанной еще въ 1918 - 21 гг., онъ своей роли въ этой сценѣ удѣлилъ **9 строкъ!** Затѣмъ, неизмѣнно продолжая служить тому дѣлу, которому онъ посвятилъ 50 лѣтъ жизни, П. Н. со свойственной ему крайней крутостью, измѣнилъ свои тактическіе взгляды. Мнѣ не все было понятно и въ старой, и въ новой тактикѣ Милюкова и отнюдь не всему, конечно, я могъ бы сочувствовать. Довольно ясно одно: онъ ставитъ на отдаленное будущее. Какъ бы то ни было, съ днемъ третьяго марта связана память о замѣчательной попыткѣ съ самаго начала «ввести революцію въ русло». Попытка эта не удалась, и была она чрезвычайно опасна. Черчилль въ 1916 году не безъ раздраженія замѣтилъ одному изъ генераловъ, находившему очень опасными его дѣйствія: «Долженъ вамъ сказать, генералъ, это вообще очень опасная война».

М. Алдановъ.

П. Н. МИЛЮКОВЪ,
КАКЪ ИСТОРИКЪ

П. Н. Милюковъ, какъ историкъ*)

На мою долю выпала сегодня отвѣтственная задача — говорить о результатахъ научной работы П. Н. Милюкова въ области русской исторіи, поскольку эти результаты осуществились до настоящаго времени. Какъ ни парадоксально звучатъ эти слова, я рѣшился бы сказать, что эта задача одновременно и легкая, и очень трудная. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ результаты, которые дала въ области русской исторіи работа П. Н., настолько велики и значительны, что для всякаго, кто сколько-нибудь причастенъ въ научной работѣ, вполнѣ очевидна ихъ чрезвычайная важность. Но именно благодаря громадности и многообразію этихъ результатовъ не только вполнѣ оцѣнить ихъ, а просто даже назвать и перечислить въ короткой по необходимости рѣчи является задачей въ высшей степени трудной. И вы поймете меня, если я не возьму на себя этой задачи въ полномъ ея объемѣ. Не оцѣнку всей научной работы П. Н. собираюсь я вамъ предложить, я хотѣлъ бы только вмѣстѣ съ вами вспомнить нѣкоторые ея этапы и отмѣтить наиболѣе важныя, наиболѣе существенныя ея черты.

Первое, что бросается въ глаза всякому, кто слѣдилъ за научнымъ путемъ П. Н. и, въ частности, за его трудами по русской исторіи, это необыкновенная широта его научныхъ интересовъ. Археологія, этнографія, лингвистика, исторія хозяйства, соціальнаго быта, политическихъ уч-

*) Рѣчь произнесенная на торжественномъ юбилейномъ собраніи въ Парижѣ 3 марта 1929 г.

режденій и политической мысли, исторія культуры въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, исторія церкви, школы и науки, литературы, искусства, философіи, — все это привлекало вниманіе Милюкова и останавливало на себѣ его пытливый взглядъ изслѣдователя, всѣ эти далеко стоящіе одинъ отъ другого ряды явленій подвергалъ онъ своему анализу. И, надо прибавить, во всѣхъ этихъ областяхъ онъ являлся не случайнымъ гостемъ, а хозяиномъ, всюду охватывалъ все, что сдѣлано было исторической наукой до него, и стоялъ на высотѣ современныхъ ея достиженій.

Необыкновенная широта научнаго кругозора и соединявшаяся съ ней глубокая, по-истинѣ блестящая эрудиція позволили Милюкову внести много новаго въ самую постановку проблемъ русской исторіи. Но, конечно, при этомъ имѣло значеніе не только знакомство изслѣдователя съ тѣмъ, что было сдѣлано въ наукѣ до него, а и то, что было сдѣлано имъ самимъ. Дѣйствительно, второй особенностью, невольно останавливающей на себѣ вниманіе въ научной работѣ Милюкова, является громадное количество свѣжаго матеріала, внесеннаго имъ въ сокровищницу историческихъ знаній. Цѣлый рядъ вопросовъ русской исторіи былъ изученъ имъ по такимъ матеріаламъ, которыхъ раньше его не касалась рука ни одного изслѣдователя и которые имъ впервые были введены въ научный оборотъ.

Почти четыре десятка лѣтъ прошло съ той поры, какъ появилась на свѣтъ магистерская диссертація П. Н. «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и реформа Петра Великаго», но я помню, какое впечатлѣніе произвела она въ кругахъ русскихъ историковъ. Съ почтительнымъ изумленіемъ, я сказалъ бы даже, съ почтительнымъ восторгомъ, и мы, младшіе товарищи П. Н. по научной работѣ, и его сверстники, и люди, раньше его начавшіе работу надъ русской исторіей, останавливались передъ этимъ капитальнымъ трудомъ, который въ нашей исторіографіи явился однимъ изъ тѣхъ произведеній, къ какимъ нѣмцы прилагаютъ названіе Epochenmachende. Громадный матеріалъ, вновь привлеченный Милюковымъ къ дѣлу изученія и петровской эпохи, и предшествовавшаго ей періода, перевернулъ многіе изъ тѣхъ взглядовъ,

которые раньше установились въ исторической литературѣ, и заставилъ иными глазами взглянуть на цѣлый рядъ крупныхъ явленій русской исторіи, по иному расцѣнить цѣлый рядъ фактовъ, которые раньше представлялись вполнѣ изученными. Благодаря изслѣдованію Милюкова, мы въ новомъ свѣтѣ увидѣли если не всю петровскую эпоху, то рядъ крупнѣйшихъ ея явленій. Правда, это было достигнуто не только путемъ привлеченія новаго матеріала. Полученный результатъ въ такой же мѣрѣ зависѣлъ и отъ періода изслѣдованія матеріала, надъ которымъ работалъ историкъ, отъ тѣхъ задачъ, какія ставилъ себѣ послѣдній, и тѣхъ пріемовъ, при помощи которыхъ онъ рѣшалъ эти задачи, и тутъ я подхожу къ третьей характерной чертѣ Милюкова, какъ историка.

Слѣдуя традиціи, установленной въ русской исторіографіи такъ наз. московской исторической школой, наиболѣе блестящими представителями которой въ свое время являлись Соловьевъ и Ключевскій, Милюковъ главное свое вниманіе сосредоточивалъ на изслѣдованіи процесса внутренняго развитія русской народной жизни, стремясь уловить и выяснить закономѣрность этого процесса. Но въ то время, какъ его предшественники искали этой закономѣрности главнымъ образомъ въ сферѣ культурной исторіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, Милюковъ явился однимъ изъ первыхъ проводниковъ въ среду русскихъ историковъ того взгляда, что очередною задачей русской исторіографіи должно быть изученіе матеріальной стороны историческаго процесса, иначе говоря, изученіе исторіи хозяйства, финансовъ, соціальнаго строя, развитія учрежденій. Держась этого взгляда, П. Н. не былъ, однако, послѣдователемъ того, широко растространявшагося въ Россіи въ годы расцвѣта его научной дѣятельности ученія, согласно которому всѣ явленія человѣческой жизни выростаютъ изъ одного корня, изъ формъ хозяйственнаго быта, по отношенію къ которымъ все остальное развитіе является лишь надстройкой. Такое пониманіе исторіи представлялось П. Н. одностороннимъ. Возможности возведенія всей жизни къ единому началу онъ искалъ за предѣлами исторической науки. Оставаясь же въ этихъ предѣлахъ, онъ видѣлъ задачу историка въ изслѣдованіи

развитія различныхъ сторонъ человѣческой природы, тѣсно связанныхъ между собой, находящихся въ постоянномъ взаимодѣйствіи, но не поддающихся сведенію къ какой-либо одной изъ нихъ. Основныя свойства человѣческой природы создаютъ всюду, во всякомъ обществѣ одну и ту же тенденцію развитія и развитіе это носитъ строго закономѣрный характеръ. Но эта основная тенденція въ разныхъ странахъ осуществляется въ различной географической и международной средѣ и вліяніе послѣдней создаетъ отличіе въ жизни отдѣльныхъ народовъ, внося частныя видоизмѣненія въ общій всѣмъ имъ процессъ развитія. Извѣстное воздѣйствіе на этотъ процессъ оказываетъ и цѣлесообразная дѣятельность человѣческихъ личностей, которая, однако, въ свою очередь протекаетъ въ условіяхъ закономѣрнаго развитія.

Выступая на поприще историческаго изслѣдованія съ этими теоретическими предпосылками, Милюковъ тѣмъ самымъ занималъ вполнѣ опредѣленную позицію по отношенію къ существовавшимъ до него схемамъ русской исторіи. Въ такихъ схемахъ основныя явленія русской исторіи обычно объяснялись національными особенностями русскаго народа. Съ точки зрѣнія, выдвинутой Милюковымъ, наоборотъ, эти національныя особенности были созданы условіями русскаго историческаго процесса и съ дальнѣйшимъ его ходомъ неизбѣжно должны были претерпѣвать измѣненія въ направленіи, указываемомъ общимъ развитіемъ всѣхъ народовъ. Въ результатѣ русская исторіографія освобождалась отъ туманныхъ метафизическихъ построеній и переходила на болѣе твердую почву реалистическаго истолкованія явленій народной жизни.

Указанныя свойства Милюкова, какъ историка, опредѣлили собою и характеръ его ученыхъ трудовъ. Широта темы, чрезвычайно основательная и глубокая ея разработка, острота, точность и ясность мысли, положенной въ основу этой разработки, — таковы характерныя ихъ особенности. Ярко сказались онѣ уже въ первомъ крупномъ изслѣдованіи П. Н., въ упомянутой магистерской его диссертаціи.

Поставивъ своей задачей въ ней выяснить связь реформаціонной дѣятельности Петра В. съ состояніемъ госу-

дарственнаго хозяйства Россіи въ его время, онъ блестяще выполнилъ эту задачу, давъ на основѣ громаднаго матеріала широкую картину историческаго процесса. Онъ началъ ее съ установленія того, какъ и подъ вліяніемъ какихъ мотивовъ складывалась организація русскихъ финансовъ въ XVII вѣкѣ, какъ отражалась она на населеніи, какія измѣненія вызывала въ механизмѣ государственнаго управленія и какой видъ приняли и этотъ механизмъ и самые финансы къ концу XVII столѣтія. Далѣе онъ подробно выяснялъ, какъ финансовыя затрудненія, созданныя, главнымъ образомъ, войнами Петра, мѣры, принимавшіяся для устраненія этихъ затрудненій, и реакція населенія на правительственныя мѣропріятія привели къ разрушенію старой системы управленія и къ замѣнѣ ея новой, сперва возникшей изъ отдѣльныхъ, плохо связанныхъ между собою, распоряженій, затѣмъ значительно болѣе продуманной, но все же, до самаго конца Петровскаго царствованія, остававшейся мало согласованной съ реальными условіями государственнаго быта. Въ результатѣ этого возсозданія конкретнаго хода государственной и государственно-хозяйственной реформы Петра складывалось опредѣленное представленіе и о сущности самой реформы, и о личной роли въ ней царя-реформатора. Реформа оказывалась не столько зрѣлымъ плодомъ мысли реформатора, сколько результатомъ стеченія ряда обстоятельствъ, которыя застигали реформатора врасплохъ и на которыя онъ по большей части реагировалъ болѣе или менѣе случайными мѣрами, лишь постепенно, да и то изъ вторыхъ рукъ, усваивая себѣ мысль о планомѣрномъ преобразованіи государственнаго хозяйства и государственныхъ учрежденій. Поэтому, тѣсно связанная въ своемъ происхожденіи со всѣмъ предыдущимъ развитіемъ государства, реформа носила на себѣ, въ своемъ практическомъ выполненіи, рѣзкую печать индивидуальности своего творца и потребностей текущаго дня съ его случайностями. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта реформа, вызванная, главнымъ образомъ, задачами внѣшней политики, была куплена крайне дорогой цѣной и достигнутое ею возведеніе Россіи въ рангъ европейской державы сопровождалось разореніемъ страны.

Въ тѣсной связи съ этимъ изслѣдованіемъ стояла дру-

гая, почти одновременно съ нимъ вышедшая въ свѣтъ работа П. Н. — «Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства». Написанная по порученію Академіи Наукъ, въ видѣ рецензіи на книгу А. С. Лаппо-Данилевскаго, работа эта по существу явилась также самостоятельнымъ и чрезвычайно цѣннымъ изслѣдованіемъ, пролившимъ яркій свѣтъ на многіе темные и запутанные вопросы исторіи московскихъ финансовъ.

Не менѣе широко была поставлена тема изслѣдованія и не менѣе важные результаты были достигнуты и въ слѣдующей крупной работѣ П. Н., носившей названіе: «Главныя теченія русской исторической мысли». Задача этого труда, въ пониманіи автора, заключалась въ томъ, чтобы установить связь развитія русской исторіографіи съ общимъ развитіемъ теоретической мысли въ Россіи, иначе говоря, свести частные взгляды и спеціальные выводы историковъ къ тому или иному міровоззрѣнію, представителями котораго они сознательно или безсознательно являлись. Въ вышедшемъ первомъ томѣ этого труда, доведенномъ до 30-хъ годовъ XIX вѣка, авторъ, давъ отчетливое изображеніе смѣны различныхъ міровоззрѣній въ русскомъ обществѣ XVIII и начала XIX столѣтій, поскольку такая смѣна отражалась на ходѣ русской исторіографіи, вмѣстѣ съ тѣмъ далъ и яркое изображеніе тѣхъ конкретныхъ условій, въ которыхъ совершалось развитіе послѣдней, и рядъ мѣткихъ характеристикъ отдѣльныхъ ея дѣятелей. Ломоносовъ, Щербатовъ и Болтинъ, Байеръ, Миллеръ и Шлецеръ, Карамзинъ и современные ему спеціалисты, занявшіеся разработкой архивовъ, Каченовскій и его послѣдователи, Погодинъ и Полевой, наконецъ, Чаадаевъ и И. Кирѣевскій, — всѣ эти лица и представленные ими послѣдовательные моменты въ развитіи русской исторіографіи нашли себѣ на страницахъ данной книги тонкую и остроумную оцѣнку, подкрѣпленную солидной аргументаціей. Въ результатѣ получалась широкая и ясная картина движенія русской исторической мысли и ея достиженій, картина, представлявшая едва-ли не одинаковый интересъ какъ для рядового образованнаго читателя, такъ и для спеціалиста-историка, желающаго уяснить себѣ мѣсто своихъ спеціальныхъ трудовъ въ общемъ ходѣ науки.

Такое же значеніе имѣла и имѣетъ и другая, всѣмъ намъ хорошо извѣстная работа П. Н. — его «Очерки по исторіи русской культуры». Въ нихъ П. Н. задался цѣлью подвести общіе итоги научной разработки русской исторіи и показать, какимъ представляется съ точки зрѣнія современной науки развитіе русской жизни, указать путь и формы этого развитія въ прошломъ и результаты, достигнутые имъ къ настоящему времени. И эта задача была поставлена имъ съ необычайной широтой. Если вы возьмете любой университетскій курсъ русской исторіи, вы найдете въ немъ, помимо политической, соціальной и иногда экономической исторіи, развѣ лишь исторію церкви, и то, по большей части, доведенную только до конца XVII вѣка и на этомъ моментѣ оборванную. Иначе построены «Очерки» Милюкова. Авторъ ихъ вводитъ въ свое изложеніе, наряду съ экономической, соціальной и политической исторіей, и исторію умственнаго и религіознаго движенія, и исторію развитія нравственныхъ и эстетическихъ понятій. Данныя археологіи, этнографіи и статистики, говорящія о первоначальномъ составѣ и постепенномъ ростѣ населенія Россіи, характеръ использованія послѣднимъ природныхъ силъ страны и складывавшійся въ результатѣ экономическій строй, формы соціальнаго быта и развитіе государственныхъ учрежденій, судьбы церкви и создавшихся съ теченіемъ времени религіозныхъ сектъ, средства и содержаніе образованія, развитіе литературы и искусствъ, выработка и смѣна различныхъ міровоззрѣній, — все это представлено въ «Очеркахъ», и почти во всѣхъ ихъ отдѣлахъ авторъ, начавъ свое изложеніе съ древнихъ временъ, доводитъ его почти до самаго момента написанія книги.

Эта широкая постановка темы соединяется и въ «Очеркахъ» съ чрезвычайнымъ богатствомъ фактическаго содержанія. Авторъ не только знакомитъ въ нихъ читателя съ послѣдними достиженіями русской исторической науки, но въ цѣломъ рядѣ отдѣловъ вводитъ въ свое изложеніе и результаты своего самостоятельнаго изслѣдованія трактуемыхъ въ книгѣ вопросовъ. И однако, это богатство фактическаго матеріала нисколько не подавляетъ читателя. « Очерки по исторіи русской культуры »

явились, можно сказать, еще не превзойденнымъ въ нашей исторической литературѣ образцомъ сочетанія серьезнаго научнаго содержанія съ популярной формой изложенія, обилія фактическихъ данныхъ съ чрезвычайной ясностью и отчетливостью ихъ передачи. Такая ясность и отчетливость особенно усиливаются тѣмъ, что все изложеніе автора проникнуто стройной и цѣльной идеей, властвующей надъ фактическимъ матеріаломъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не уродующей его, выводимой изъ конкретныхъ фактовъ, а не накладываемой насильственно на нихъ. Въ высшей степени обладая искусствомъ анализа фактовъ, умѣньемъ допрашивать и допытывать ихъ, извлекая скрытый въ нихъ смыслъ, Милюковъ никогда не пыталъ ихъ, не загонялъ искусственно въ рамки впередъ составленной системы. Я не хочу, конечно, сказать этимъ, что всѣ его положенія и выводы совершенно безупречны и безспорны. По поводу нѣкоторыхъ его положеній возможны большіе споры и все же надо сказать, что, идя къ своимъ выводамъ, онъ никогда не искажалъ и не упрощалъ фактовъ исторической дѣйствительности въ угоду заранѣе придуманной теоріи.

Здѣсь мы подходимъ еще къ одной характерной чертѣ историческихъ работъ П. Н. Ученый его типа, соединяющей въ себѣ ученость съ научностью, знанія и навыки большого спеціалиста съ яснымъ представленіемъ объ общихъ цѣляхъ и задачахъ науки, не можетъ наглухо замкнуться въ своемъ рабочемъ кабинетѣ отъ вѣяній окружающей его современной жизни. Историкъ такого типа всегда помнитъ, что настоящее порождено прошлымъ и таитъ въ себѣ будущее. Къ пониманію настоящаго онъ подходитъ съ тѣми знаніями и пріемами, какими вооружило его изученіе прошлаго. Для истиннаго историка, по выраженію одного изъ крупныхъ представителей нашей науки въ прошломъ, листокъ современной газеты имѣетъ такое же значеніе, какъ листъ древняго папируса. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, историкъ захваченный интересами современности, легко можетъ использовать и нерѣдко, дѣйствительно, испытывать искушеніе подойти къ древности съ точки зрѣнія этой современности и, быть можетъ, невольно, безсознательно, но все же модернизировать прошедшее.

Устоять противъ такого искушенія можетъ только тотъ, кто закаленъ въ огнѣ научной работы. Въ лицѣ П. Н. мы имѣемъ именно такого закаленнаго работника. Онъ никогда не отгораживалъ науку отъ жизни, онъ зналъ, что результаты ученой работы имѣютъ большое значеніе для современной жизни, для происходящей въ ней борьбы, но, пока онъ добывалъ эти результаты, онъ былъ лишь ученымъ изслѣдователемъ. Самъ участникъ политической борьбы, онъ умѣлъ пользоваться въ ней тѣмъ оружіемъ, какое давала ему историческая наука, но, готовя это оружіе, онъ оставался только добросовѣстнымъ кузнецомъ въ научной мастерской.

Таковы тѣ черты научнаго облика П. Н. Милюкова, которыя невольно встаютъ въ моей памяти, когда я оглядываюсь на пройденный имъ до сихъ поръ путь. Этотъ путь былъ не только путемъ ученаго. П. Н. не только изучалъ русскую исторію, но и дѣлалъ ее, и его работа въ этой области въ свою очередь дала большіе результаты, о которыхъ, впрочемъ, не мнѣ сегодня говорить. Но, оставаясь въ предѣлахъ своей темы, я не могу разстаться съ ней, не напомнивъ П. Н., что за нимъ числится еще долгъ передъ русской исторіографіей — имъ не закончены «Очерки по исторіи русской культуры», не закончены и «Главныя теченія русской исторической мысли». Есть въ области русской исторіи и еще много задачъ, которыя ждали бы, чтобы къ нимъ приложилъ свой трудъ и энергію П. Н. Я напоминаю ему, однако, только незаконченные имъ труды и позволю себѣ заключить свою рѣчь призывомъ къ П. Н. найти среди его сложныхъ и многообразныхъ занятій время и для прерванныхъ работъ надъ русской исторіей, которыя такъ много дали въ прошломъ, на которыхъ воспитывалось поколѣніе за поколѣніемъ, учась понимать, цѣнить и любить исторію Россіи.

В. Мякотинъ.

О П. Н. Милюковѣ-историкѣ

Съ первыхъ лѣтъ XX-го столѣтія П. Н. Милюковъ всецѣло отдался политической дѣятельности и та роль, которая выпала на его долю въ качествѣ политическаго бойца и въ періодъ борьбы за введеніе въ Россіи народнаго представительства и во время четырехъ Государственныхъ Думъ и въ моментъ революціонныхъ переворотовъ 1917 г., — закрѣпила за нимъ прочно и неотъемлемо репутацію одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ политическихъ дѣятелей. И въ эмиграціи П. Н. Милюковъ продолжаетъ неутомимо предаваться политической работѣ, пріобрѣтая, какъ это и подобаетъ всякому крупному дѣятелю, и друзей и враговъ, и возбуждая страстные споры, въ пылу которыхъ и друзья и противники сходятся все же въ одинаковомъ признаніи крупнаго политическаго авторитета, благородной чистоты побужденій и подлинной любви къ родинѣ этого выдающагося человѣка.

Вполнѣ естественно, что въ настоящее время въ сознаніи общественныхъ массъ П. Н. Милюковъ представляется прежде всего именно какъ политическій дѣятель и политическій боецъ. Но какъ разъ по этой-то причинѣ на насъ, — спеціалистахъ по исторической наукѣ, — лежитъ обязанность напомнить обществу, что политической работой не исчерпывается значеніе дѣятельности П. Н. Милюкова въ исторіи русскаго культурнаго развитія.

П. Н. Милюковъ — крупный русскій ученый историкъ. Прежде, чѣмъ отдаться всецѣло политической борьбѣ, онъ успѣлъ создать нѣсколько капитальныхъ научно-историческихъ

работъ, которыя вошли прочнымъ вкладомъ въ желѣзный инвентарь русской исторіографіи.

Въ началѣ 90-хъ г.г. минувшаго столѣтія появилось огромное по размѣру и замѣчательное по научнымъ результатамъ изслѣдованіе П. Н. Милюкова: «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго». То былъ — плодъ многолѣтнихъ архивныхъ изысканій П. Н. Милюкова. Громадная масса архивныхъ матеріаловъ была имъ впервые извлечена на свѣтъ Божій и пущена въ оборотъ науки. А въ обработкѣ этого матеріала сказался первоклассный мастеръ научнаго анализа.

Впервые былъ брошенъ яркій свѣтъ на многія важныя области исторической жизни Россіи въ эпоху подготовки и осуществленія реформы Петра Великаго. Движеніе населенія по даннымъ Петровскихъ ревизій, эволюція русской податной системы той эпохи и отраженіе фискальной политики тогдашней власти на экономическомъ состояніи страны, ходъ правительственныхъ реформъ Петра, ихъ примѣненіе въ жизни и ихъ результаты, — все это было впервые изучено П. Н. Милюковымъ на основѣ великолѣпной обработки громаднаго архивнаго матеріала. Но этимъ не исчерпывалось значеніе этого капитальнаго труда.

П. Н. Милюковъ не даромъ сосредоточилъ свои изысканія прежде всего именно на эпохѣ Петра Великаго. Подобно тому, какъ во Франціи каждый новый этапъ въ развитіи исторической мысли находилъ себѣ выраженіе въ новомъ пересмотрѣ исторіи великой французской революціи, такъ въ Россіи такую роль, какъ бы сказать, пробнаго камня для проявленія того или иного историческаго міровоззрѣнія играло то или иное отношеніе историка къ пониманію реформы Петра. На спорахъ именно о реформѣ Петра западники и славянофилы нѣкогда заостряли свои историко-философскія концепціи, при чемъ тѣ и другіе представляли себѣ эту реформу какимъ-то рѣзкимъ разрывомъ съ предшествующей исторической эволюціей, какой-то, какъ бы сказать, августѣйшей революціей, когда съ высоты самодержавнаго трона вся русская жизнь мгновенно была перевернута вверхъ дномъ. Западники славословили Петра за этотъ предполагаемый его отрывъ отъ національной старины, славянофилы негодовали за это на Петра, но и тѣ и другіе одинаково рисовали себѣ реформу Петра, какъ революціонный разрывъ

съ національнымъ прошлымъ, какъ рѣзкій скачокъ на какія-то дотолѣ невѣдомыя новыя рельсы жизненнаго развитія.

Соловьевъ первый порвалъ съ такимъ пониманіемъ Петровской реформы и, опираясь на документальное изученіе, вскрылъ органическую связь реформъ Петра съ предшествующей эволюціей русской государственной жизни. Но и Соловьевъ все еще отдавалъ обильную дань традиціямъ западнической идеологіи. Ключевскій въ своемъ геніальномъ курсѣ русской исторіи далъ яркую схему реформы Петра, одинаково свободную и отъ западническихъ и отъ славянофильскихъ предубѣжденій. Въ изображеніи Ключевскаго реформа Петра явилась не въ видѣ капризнаго ниспроверженія національныхъ началъ, какъ думали славянофилы, и не въ видѣ магическаго приведенія Россіи «изъ небытія въ бытіе», какъ думали западники, а въ видѣ великой всенародной страды, во время которой исполинскимъ напряженіемъ всѣхъ народныхъ силъ Россія была возведена на высоту великой европейской державы.

Эту схему Ключевскаго Милюковъ и положилъ въ основу своего изслѣдованія. Но Милюковъ облекъ эту общую схему своего учителя въ плоть и кровь и возсоздалъ ходъ реформы во всей его конкретности, особенно ярко показавъ отсутствіе планомѣрности и систематичности въ проведеніи преобразованій и тѣсную зависимость отдѣльныхъ мѣропріятій Петра отъ неотложныхъ потребностей каждой данной минуты въ связи съ шведской войной и внутренними событіями. Попутно П. Н. Милюковъ сдѣлалъ нѣсколько крупныхъ открытій. Онъ первый вскрылъ историческіе прецеденты петровскаго дѣленія Россіи на губерніи и административной организаціи этихъ губернскихъ округовъ; онъ первый далъ новое освѣщеніе отношенію къ реформѣ Петра широкихъ круговъ населенія.

Ранѣе почти общимъ мѣстомъ было убѣжденіе, что Петръ творилъ реформу наперекоръ большинству населенія: только малая кучка сотрудниковъ поддерживала Преобразователя, а массы были не только глухи, но и прямо враждебны реформѣ. П. Н. Милюковъ открылъ и первый ввелъ въ оборотъ науки любопытнѣйшую и обильную литературу преобразовательныхъ проектовъ, которые подавались Петру со всѣхъ сторонъ людьми различныхъ общественныхъ положеній. Петръ внимательно читалъ эти проекты, что видно по его собственноручнымъ помѣткамъ на поляхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и Милюковъ устано-

вилъ связь ряда указовъ Петра съ этими совѣтами и указаніями, исходившими отъ самого общества.

Такъ, въ замѣчательномъ изслѣдованіи П. Н. Милюкова со всей яркостью былъ показанъ органическій характеръ реформы Петра и ея связь съ неотложными жизненными потребностями страны при величайшей тягостности тѣхъ жертвъ, которыя при этомъ пришлось наложить на плечи народа.

А вмѣстѣ съ тѣмъ, это изслѣдованіе давало блестящій образецъ преимуществъ реалистическаго метода историческаго изученія примѣнительно къ такой эпохѣ русской исторіи, которая какъ разъ слишкомъ долго разсматривалась подъ угломъ зрѣнія отвлеченнаго философствованія надъ не провѣренными критически фактами.

Книгой о реформѣ Петра П. Н. Милюковъ упрочилъ за собой высокій авторитетъ въ научномъ мірѣ. Ключевскій могъ гордиться своимъ ученикомъ, который сталъ бы и его преемникомъ по кафедрѣ, если бы налетѣвшія политическія бури не оторвали Милюкова отъ академической дѣятельности.

Но прежде чѣмъ налетѣли эти бури, Милюковъ успѣлъ создать еще одно научно-историческое произведеніе, сыгравшее видную роль въ исторической образованности русскаго общества. Я разумѣю его «Очерки по исторіи русской культуры».

Если въ книгѣ о Петровской реформѣ Милюковъ далъ блестящее монографическое аналитическое изслѣдованіе, то въ этихъ «Очеркахъ» онъ показалъ свое мастерство въ сферѣ широкихъ синтетическихъ обобщеній.

Онъ даетъ здѣсь общее построеніе русскаго историческаго процесса, выполненное по своеобразному плану. Онъ послѣдовательно перебираетъ одну за другой отдѣльныя стороны исторической жизни Россіи и вычерчиваетъ эволюцію каждой изъ нихъ на всемъ пространствѣ нашей исторіи, — отъ удѣльной эпохи до новѣйшаго времени. Такъ, поочередно прослѣживается эволюція экономическихъ отношеній, эволюція государственнаго устройства, эволюція соціальныхъ отношеній, эволюція духовной культуры. То было яркое выступленіе противъ тогдашнихъ увлеченій марксистской идеологіей. Твердокаменные марксисты упирались, какъ въ глухую стѣну, въ основное положеніе марксистскаго Корана: первоисточникъ всѣхъ историческихъ явленій заключается въ производственныхъ отношеніяхъ, все остальное — лишь надстройка на экономикѣ.

Милюковъ своими «Очерками» бросалъ прямой вызовъ этому марксистскому шаблону. Онъ исходилъ изъ теоріи взаимно-зависимости всѣхъ сторонъ историческаго процесса. Если экономика вліяетъ на общественный строй и общественную идеологію, то и обратно, — то и другое вліяетъ на экономику. И на примѣрѣ исторіи русской культуры Милюковъ показывалъ въ своихъ «Очеркахъ», какъ, въ силу особыхъ историческихъ условій, ходъ экономическаго развитія можетъ быть и опережаемъ ростомъ государственно - общественныхъ учрежденій. Русскій народъ въ своемъ историческомъ прошломъ какъ разъ былъ поставленъ въ необходимость создавать крупное государство и вести оборонительную борьбу за его существованіе раньше, нежели естественное развитіе экономическихъ отношеній давало къ тому нужный запасъ матеріальныхъ средствъ.

Не трудно понять, какъ возопіяли противъ «Очерковъ» Милюкова твердокаменные марксисты. А Милюковъ и въ этомъ случаѣ стоялъ на почвѣ реалистическаго изслѣдованія фактовъ. Подобно тому, какъ въ книгѣ о Петровской реформѣ онъ противопоставлялъ реалистическій методъ славянофильскимъ и западническимъ увлеченіямъ гегельянской метафизикой, такъ въ «Очеркахъ» онъ противопоставлялъ свой историческій реализмъ метафизикѣ марксизма.

Я уже не могу останавливаться здѣсь на дальнѣйшихъ подробностяхъ, не могу касаться и ряда другихъ историческихъ работъ Милюкова, изъ которыхъ наибольшую важность имѣетъ его книга: «Основные моменты въ развитіи русской исторической мысли».

Мнѣ кажется, что и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какая крупная сила была похищена въ лицѣ Милюкова у русской исторической науки, когда онъ во имя требованій гражданскаго долга бросился въ пылъ политическихъ битвъ.

Въ обстановкѣ нормальной политической жизни Милюковъ, конечно, благополучно совмѣщалъ бы роль парламентарія перворазряднаго калибра съ энергичнымъ продолженіемъ научныхъ изысканій. Его хватило бы и на то и на другое.

Но когда Россіи выпало на долю въ грозѣ и бурѣ рѣшать загадки своего бытія, Милюковъ уже не могъ спокойно усидѣть въ своемъ кабинетѣ. Онъ никогда не отдѣлялъ науки отъ жизни. А когда грозныя событія отняли у него возможность дѣ-

лить силы между перомъ ученаго и мечомъ политическаго бойца, онъ самое свое перо превратилъ въ боевой мечъ.

И теперь профессіональные политики вправѣ предъявлять на него свои права, но и ученые историки никакъ не уступятъ его всецѣло политикамъ.

Придетъ время и нашъ отдаленный потомокъ напишетъ sine ira et studio исторію нашей бурной и страшной эпохи. И въ этой будущей книгѣ — и въ главѣ о политической борьбѣ нашего времени и въ главѣ о развитіи русской исторической науки — П. Н. Милюкову будетъ отведено не малое количество страницъ, исполненныхъ захватывающаго содержанія.

А. Кизеветтеръ.

П. Н. Милюковъ въ русской исторической наукѣ*)

М. Г.

Вы всѣ навѣрное слышали ту характеристику П. Н. Милюкова, какъ историка, которую далъ ему на этихъ дняхъ В. А. Мякотинъ. Если я васъ сегодня снова возвращаю къ этой темѣ, то дѣлаю это потому что въ обстановкѣ торжественнаго юбилейнаго чествованія въ многочисленномъ собраніи, въ большинствѣ своемъ стоящемъ внѣ непосредственнаго соприкосновенія съ вопросами научнаго и научно-учебнаго характера, подобная характеристика естественно должна звучать нѣсколько иначе, чѣмъ въ университетской аудиторіи. Въ послѣдней, къ тому же, не только возможно, но и необходимо болѣе детально и точно охарактеризовать и опредѣлить то мѣсто, которое П. Н. Милюковъ занимаетъ среди другихъ русскихъ историковъ.

Профессорская и научно-изслѣдовательская дѣятельность П. Н. Милюкова началась въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ 1886 г. по новому уставу возникла приватъ-доцентура и тогда же, въ качествѣ первыхъ приватъ-доцентовъ, на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета появились П. Н. Милюковъ и С. Ф. Фортунатовъ.

Въ воспоминаніяхъ такого безспорно крупнаго историка, какимъ является А. А. Кизеветтеръ, около трехъ лѣтъ тому назадъ была дана оцѣнка первыхъ академическихъ шаговъ П. Н.

*) Лекція, читанная во Франко-Русскомъ Институтѣ въ Парижѣ 7 марта 1929 г.

Милюкова. «Милюковъ, писалъ А. А. Кизеветтеръ, тогда весь погруженный въ кабинетныя изслѣдованія и архивныя изысканія, читалъ намъ спеціальные курсы по исторіографіи, по исторіи колонизаціи, по обзору начатковъ исторической жизни на русской равнинѣ. Всѣ эти курсы представляли изъ себя самостоятельныя монографическія изслѣдованія... Изъ этихъ курсовъ могли бы вырости такія же фундаментальныя монографіи, какой является и книга о государственномъ хозяйствѣ Россіи при Петрѣ Великомъ. Лекціи Милюкова производили на тѣхъ студентовъ, которые уже готовились посвятить себя изученію русской исторіи, сильное впечатлѣніе именно тѣмъ, что передъ нами былъ лекторъ, вводившій насъ въ текущую работу своей лабораторіи, и кипучесть этой изслѣдовательской работы заражала и одушевляла внимательныхъ слушателей. Лекторъ былъ молодъ и далеко еще не искушенъ въ публичныхъ выступленіяхъ всякаго рода. Даже небольшая аудиторія спеціальнаго состава волновала его, и не разъ во время лекціи его лицо вспыхивало густымъ румянцемъ. А намъ это было симпатично. Молодой лекторъ сумѣлъ сблизиться съ нами, и скоро мы стали посѣщать его на дому... Тутъ уже воочію развертывалась передъ нами картина кипучей работы ученаго, съ головой ушедшаго въ свою науку. Его скромная квартира походила на лавочку букиниста. Тамъ нельзя было сдѣлать ни одного движенія, не задѣвъ за какую-нибудь книгу. Письменный столъ былъ заваленъ всевозможными спеціальными изданіями и документами. Въ этой обстановкѣ мы просиживали вечера за пріятными и интересными бесѣдами... Мы не сомнѣвались, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который наполнитъ нашу ученую литературу многочисленными фундаментальными историческими трудами. И точно, онъ сдѣлалъ не мало въ этой области».

Молодой, начинающій ученый, такимъ образомъ, сразу же завоевалъ себѣ видное и почетное мѣсто въ умахъ и сердцахъ своихъ слушателей. Такія мѣста обыкновенно не достаются даромъ. Студенческая молодежь удивительно умѣетъ отличать чисто внѣшнія аксессуары учености отъ самостоятельной и творческой изслѣдовательской мысли. А между тѣмъ, выдѣлиться на фонѣ московской профессуры было въ то время не такъ легко. Историко-филологическій факультетъ московскаго университета въ 80-хъ годахъ блисталъ выдающимися учеными именами. Историческія науки были представлены въ немъ такими учены-

ми, какъ В. О. Ключевскій, П. Г. Виноградовъ, В. И. Герье, а смежныя историко-литературныя и лингвистическія дисциплины — такими, какъ Н. С. Тихонравовъ, Ф. Е. Коршъ и Ф. Ф. Фортунатовъ.

Тогда же опредѣлились и пріемы изслѣдованія, а также нѣкоторыя характериныя черты научной работы П. Н. Милюкова, прошедшіе впослѣдствіи черезъ всю его профессорскую и ученую дѣятельность.

Какъ это было вполнѣ вѣрно отмѣчено А. А. Кизеветтеромъ, лекціи и книги П. Н. Милюкова — настоящая лабораторія изслѣдовательской мысли. Передъ своимъ слушателемъ или читателемъ П. Н. Милюковъ обыкновенно развертываетъ весь тотъ научный матерьялъ, на которомъ онъ строитъ свое научное зданіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно и систематически раскрываетъ и всю научную работу, продѣланную надъ этимъ матеріаломъ. Студентъ въ этихъ условіяхъ не можетъ оставаться только болѣе или менѣе пассивнымъ свидѣтелемъ профессорской бесѣды, а волей неволей становится ея активнымъ участникомъ. Такой пріемъ какъ нельзя лучше способствуетъ усвоенію научно-правильнаго методологическаго подхода къ разрѣшенію поднятыхъ проблемъ, т. е., выработкѣ того главнаго и основного, что отличаетъ подлинное научное творчество отъ, быть можетъ, иногда и остроумныхъ, но въ корнѣ обывательскихъ сужденій. Возможны, конечно, и другіе пути ведущіе къ той же цѣли — пріобщенію слушателей къ работѣ изслѣдовательской мысли. Въ этомъ отношеніи университетскій учитель П. Н. Милюкова, В. О. Ключевскій во многомъ былъ непохожъ на своего ученика. Дѣло здѣсь, конечно, идетъ не о томъ, чтобы сказать, кто изъ этихъ двухъ историковъ, учитель или ученикъ, выше или ниже, кто является номеромъ первымъ, а кто — вторымъ. И В. О. Ключевскому и П. Н. Милюкову свойственны, какъ ученымъ, имъ индивидуально присущія черты, по своему положительныя и по своему приводившія къ плодотворнымъ и многоцѣннымъ результатамъ.

В. О. Ключевскій не только глубокій знатокъ русской исторіи и талантливый ея изслѣдователь, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ его лично слышавшихъ, большой художникъ слова и выдающійся лекторъ-артистъ. Его лекціи покоряли и содержаніемъ и формой. Въ печатныхъ произведеніяхъ В. О. Ключевскаго, особенно въ его «Курсѣ рус-

ской исторіи», черновая работа изслѣдовательской мысли нерѣдко въ значительной степени затушевана, читателю преподносятся ея конечные результаты. Только послѣ послѣдняго довоеннаго изданія «Курса» В. О. Ключевскаго сдѣлалось яснымъ, что многія изъ его утвержденій, казавшіяся до того времени удачной догадкой, въ дѣйствительности опираются на документальныя данныя. Но и эти находки въ черновыхъ записяхъ не въ состояніи опровергнуть того, что въ отдѣльныхъ случаяхъ художественное прозрѣніе и историческая интуиція играютъ видную роль въ построеніяхъ В. О. Ключевскаго.

П. Н. Милюковъ не можетъ быть названъ ни художникомъ слова, ни лекторомъ артистомъ. Въ своихъ историческихъ трудахъ, онъ, быть можетъ, даже вполнѣ преднамѣренно избѣгаетъ «художественныхъ образовъ», и, во всякомъ случаѣ, явно не довѣряетъ исторической интуиціи. Единственная опора его историческихъ изысканій — документъ или вещественный фактъ; средство — логика; путеводная нить, связующая въ одно цѣлое дробные историческіе факты, — научное міросозерцаніе. Лекціи В. О. Ключевскаго сильнѣйшимъ образомъ должны были дѣйствовать на чувство, лекціи П. Н. Милюкова — на разумъ. При всемъ томъ и чисто эмоціональное значеніе лекцій П. Н. Милюкова также несомнѣнно. Онѣ не могли не наполнять молодыя сердца радостной вѣрой въ творческую силу человѣческой мысли.

Чрезвычайная насыщенность документальнымъ и, въ частности, архивнымъ матеріаломъ составляетъ вторую особенность всѣхъ безъ исключенія научныхъ работъ П. Н. Милюкова. Отъ этого эти работы не всегда легко доступны читателю-неспеціалисту, но зато онѣ всегда особенно убѣждающи. Въ такихъ трудахъ, какъ «Государственное хозяйство Россіи первой четверти XVIII вѣка» обиліе документальныхъ данныхъ доходитъ повидимому, до своего крайняго возможнаго предѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ это обиліе ссылокъ на первоисточники никогда не переходитъ у П. Н. Милюкова той черты, за которой оно становится излишнимъ, для рѣшенія даннаго вопроса, балластомъ. Чрезвычайно щедрый въ своихъ архивныхъ ссылкахъ П. Н. Милюковъ необычайно строгъ и требователенъ въ томъ, что касается ихъ подбора. Онъ ссылается только на тѣ архивныя свѣдѣнія, которыя говорятъ новое или о новомъ. Въ качествѣ иллюстраціи научной цѣнности того архивнаго матеріала, которымъ опери-

руетъ П. Н. Милюковъ въ своихъ научныхъ трудахъ достаточно указать, что въ «Государственномъ хозяйствѣ Россіи» напечатанъ найденный имъ въ архивахъ первый русскій государственный бюджетъ. Эта находка такого значенія, что она одна въ состояніи сдѣлать извѣстнымъ имя любого архивнаго изыскателя.

Съ первыхъ же шаговъ П. Н. Милюкова на академическомъ поприщѣ опредѣлилась еще одна характерная черта всей его научной дѣятельности — это полное отсутствіе въ его трудахъ какой-нибудь апріорной точки зрѣнія. Насколько всякая предвзятость органически чужда П. Н. Милюкову, можно видѣть изъ того, что блестящій талантъ В. О. Ключевскаго въ его пріемахъ историческихъ характеристикъ путемъ художественныхъ антитезъ увлекъ всѣхъ его учениковъ и послѣдователей. Пріемъ этотъ одно время былъ усвоенъ и П. Н. Милюковымъ, но онъ очень скоро отъ него отказался, видя въ немъ внѣшнюю схему, въ которую опасно облекать многообразіе живого историческаго явленія и живого историческаго лица. Нѣтъ поэтому ничего ошибочнѣе утвержденія, что въ Милюковѣ - историкѣ виденъ Милюковъ - политикъ. Доказать подобныя утвержденія ссылками на конкретное содержаніе его историческихъ работъ до сихъ поръ никому не удалось. Въ самые послѣдніе дни такую попытку снова повторилъ въ газетномъ фельетонѣ П. П. Муратовъ. Онъ утверждаетъ, что въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» П. Н. Милюковъ проводитъ традиціонную интеллигентскую русскую точку зрѣнія, приписывающую въ ходѣ русскаго историческаго процесса всѣ плюсы народу и интеллигенціи, а всѣ минусы — власти. Чтобы высказать подобное сужденіе недостаточно игнорировать общій обликъ Милюкова-историка, а нужно еще забыть или не знать, что, именно въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры», для всего московскаго періода русской исторіи, а также для извѣстной части XVIII в. особенно отчетливо подчеркнута организующая и творческая роль власти. «Способъ постройки (русскаго общества), сохранилъ за верхомъ русскаго общества, за правительственной властью, руководящую роль въ процессѣ историческаго домостроительства», говоритъ П. Н. Милюковъ, видящій во власти «наиболѣе сознательнаго тогда выразителя коллективнаго общественнаго сознанія». Противорѣчіе между словами П. П. Муратова и содержаніемъ «Очерковъ» столь очевидно, что его можно объяснить только предвзятымъ отношеніемъ къ Милюкову-историку.

Наконецъ, и самый выборъ темъ, съ которыми выступилъ впервые П. Н. Милюковъ передъ студентами Московскаго университета, въ свою очередь весьма характеренъ для основного направленія всей его изслѣдовательской работы. Руководящая идея, съ которой П. Н. Милюковъ подходитъ къ научному объясненію исторіи — это идея закономѣрности. Закономѣрность историческихъ явленій познается не на сложныхъ явленіяхъ, а на создающихъ ихъ процессахъ. Историческая эволюція есть переходъ отъ болѣе простого къ сложному. Въ исходныхъ стадіяхъ русскаго историческаго процесса П. Н. Милюковъ, очевидно, подходилъ ближе къ тѣмъ первичнымъ фактамъ исторіи, которые дѣлали болѣе конкретной и осязательной самую идею исторической закономѣрности, столь близкую и дорогую для Милюкова-историка.

Къ сожалѣнію, только небольшая часть курсовъ «по исторіи колонизаціи и по обзору начатковъ исторической жизни на русской равнинѣ» вышла впослѣдствіи въ свѣтъ. Незначительные отрывки этихъ лекцій вошли, повидимому, въ содержаніе «Очерковъ по исторіи русской культуры» и въ «Книгу для чтенія по средней исторіи», вышедшую подъ редакціей П. Г. Виноградова, и только курсъ русской исторіографіи, и то исключительно въ своей начальной части, составилъ содержаніе, напечатанной впослѣдствіи книги, «Главныя теченія русской исторической мысли». Научная цѣнность этого произведенія лучшее доказательство той большой потери, которую понесла русская историческая наука, благодарю тому, что и другіе университетскіе крусы П. Н. Милюкова не успѣли подвергнуться монографической обработкѣ.

«Главныя теченія русской исторической мысли» появились въ печати въ 1897 г., но еще за пять лѣтъ до того вышла въ свѣтъ магистерская диссертація П. Н. Милюкова — «Государственное хозяйство Россіи въ первую четверть XVIII в.», — опредѣлившая мѣсто, занимаемое имъ въ русской исторіографіи.

Русская историческая наука послѣднихъ десятилѣтій XIX в. знаетъ нѣсколько диссертацій, составившихъ своего рода эпоху и нашедшихъ себѣ широкій откликъ далеко за предѣлами спеціальныхъ историческихъ изданій. Это были диссертаціи С. М. Соловьева — «Отношенія между князьями Рюрикова Дома», В. И. Сергѣевича — «Вѣче и князь» и В. О. Ключевскаго — «Боярская дума древней Руси»; сюда же относится и диссер-

тація П. Н. Милюкова. Каждое изъ этихъ четырехъ произведеній не только выясняло отдѣльные, существеннѣйшіе факты русскаго прошлаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ давало также и пониманіе русскаго историческаго процесса, взятаго въ длительномъ хронологическомъ отрѣзкѣ, научно объясняло самый ходъ русской исторіи.

«Государственное хозяйство Россіи первой четверти XVIII вѣка» посвящено Петровской реформѣ. Та или иная научная оцѣнка этой реформы знаменуетъ собой нѣчто значительно большее, чѣмъ простое выясненіе хода и исхода отдѣльныхъ преобразованій начала XVIII вѣка. Она опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пониманіе всей русской исторіи XVIII-XIX в.в., а, въ значительной степени, также и исторіи Московской Руси. Во многомъ эта тема до сихъ поръ не потеряла и интереса актуальности. Мы всѣ дѣти Петровскихъ реформъ и сжились съ ними до такой степени тѣсно, что иногда сами того незамѣчаемъ, что результаты этихъ реформъ совсѣмъ рядомъ съ нами, или даже въ насъ самихъ.

Ко времени выхода въ свѣтъ диссертаціи П. Н. Милюкова споры славянофиловъ и западниковъ были уже въ значительной степени закончены. Реформы 60-хъ и 70-хъ годовъ прошлаго вѣка особенно убѣдительно подчеркивали сходство основныхъ линій историческаго развитія Россіи и Запада, что не помѣшало, однако, въ самое послѣднее время «евразійцамъ», назвавшимъ Петра «коронованнымъ большевикомъ», новыми словами повторять старыя славянофильскія мысли. Что касается строгой исторической науки, то она еще въ 1851 г. въ лицѣ С. М. Соловьева и, нѣсколько позднѣе (въ 1866 г.) — К. Д. Кавелина сумѣла дать надлежащую научную оцѣнку Петровской реформѣ, утверждая ея «необходимость» и «органичность». Соловьевъ выводилъ необходимость реформы изъ экономической неудовлетворенности и культурныхъ запросовъ русскихъ людей XVII в. Продолжая и углубляя этотъ взглядъ В. О. Ключевскій въ 4-мъ томѣ своей «Русской исторіи», тѣсно связалъ ее, вмѣстѣ съ тѣмъ, со всѣмъ ходомъ великой сѣверной войны. Самая реформа представлялась В. О. Ключевскому «скорѣй потрясеніемъ, чѣмъ переворотомъ». П. Н. Милюковъ въ своей диссертаціи вполнѣ воспринялъ мысль своего учителя, и не только воспринялъ, но и окончательно ее утвердилъ. По словамъ акад. С. Ф. Платонова «мысль эта была раскрыта и доказана Милюковымъ на об-

ширномъ архивномъ матеріалѣ съ талантомъ и надлежащей ученой осмотрительностью». Но вмѣстѣ съ тѣмъ П. Н. Милюковъ пошелъ еще дальше.

Неудовлетворенность культурныхъ запросовъ у русскихъ людей XVII в. — удѣлъ немногихъ и избранныхъ. Имена такихъ избранниковъ извѣстны, это кн. Хворостининъ, Котошихинъ, Матвѣевъ, Ртищевъ, Ордынъ-Нащокинъ, Вас. Голицынъ. Но, если бы этихъ именъ было еще больше, то и тогда сами по себѣ эти люди продолжали бы оставаться культурными одиночками. Съ этой точки зрѣнія можно только доказать, что у Петра были духовные предки, но основной вопросъ, — какимъ образомъ мысль немногихъ могла претвориться во всеобъемлющую Петровскую реформу, — по прежнему осталася бы загадкой. Вліяніе шведской войны на ходъ и содержаніе реформы въ настоящее время также не подлежитъ оспариванію. Но чѣмъ сильнѣе было вліяніе военныхъ событій, тѣмъ законнѣе сомнѣніе, не была ли реформа силой этихъ внѣшнихъ событій России «навязана».

П. Н. Милюковъ въ своей диссертаціи показалъ, что Петровская реформа была подготовлена, иногда даже въ деталяхъ, еще въ XVII в. Дѣятели реформы оказывались, такимъ образомъ, стоящими въ самомъ руслѣ русской исторіи. Они рвали съ тѣми формами московской жизни, которыя пріобрѣли характеръ музейной старины, но не съ ея живыми творческими силами, работу которыхъ они только продолжали. Органичность и національный характеръ Петровской реформы устанавливались тѣмъ самымъ особенно твердо и выпукло.

Сужденіе П. Н. Милюкова о Петровской реформѣ само по себѣ ни въ какой мѣрѣ не исключаетъ величія Петра. «Личность, пишетъ въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» П. Н. Милюковъ, какъ выразитель и исполнитель потребности времени становится всемогущей». Однако, въ «Государственномъ хозяйствѣ» личность преобразователя оказалась отодвинутой на задній планъ. «Стихійно подготовленная, коллективно обсужденная эта реформа, по словамъ П. Н. Милюкова, только изъ вторыхъ рукъ, случайными отрывками проникала въ сознаніе Петра». Самъ Петръ въ этихъ условіяхъ являлся не столько субъектомъ, сколько объектомъ реформы. Со времени выхода въ свѣтъ диссертаціи П. Н. Милюкова русская историческая наука обогатилась нѣсколькими изслѣдованіями о Петров-

ской эпохѣ и новыми документальными данными, извлеченными изъ архивовъ Сенатскаго, Морского и Государственнаго Совѣта. Эти новыя данныя обрисовали роль Петра несравненно болѣе вліятельной и сознательной, чѣмъ она могла представляться ранѣе. П. Н. Милюковъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ о Петрѣ, читанныхъ въ Парижѣ (1925 г.) и въ своей статьѣ, напечатанной тогда же, учелъ эти новыя данныя и личность Петра и въ его представленіи выросла въ мощную и вліятельную фигуру. Оцѣнка самой реформы отъ этого не измѣнилась, но отпечатокъ на ней Петровской индивидуальности сдѣлался значительно болѣе яркимъ. Сила этого личнаго вліянія Петра помогла вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить, какимъ образомъ Петровская реформа въ одно и то же время была органической и насильственной, стихійной и сознательной, подготовленной и преждевременной. Упрекъ, сдѣланный П. Н. Милюкову С. Ф. Платоновымъ въ недооцѣнкѣ личной роли Петра, сдѣланный имъ въ его книжкѣ «Петръ Великій» (1926 г.), является, такимъ образомъ, запоздалымъ.

Въ то время, какъ П. Н. Милюковъ писалъ свою диссертацію въ русской исторіографіи были еще достаточно прочны традиціи, такъ называемой, «юридической школы». Юридическое направленіе, созданное такими выдающимися русскими историками и учеными, какъ Соловьевъ, Кавелинъ, Неволинъ, Чичеринъ, интересовалось главнымъ образомъ исторіей учрежденій и развитіемъ правоотношеній, признавая за юридическими формами быта опредѣляющее значеніе въ ходѣ историческаго процесса. Еще въ трудахъ В. О. Ключевскаго, вполнѣ признававшаго все значеніе соціальныхъ и экономическихъ условій исторической жизни, вліяніе юридической школы продолжаетъ оставаться довольно замѣтнымъ. Въ диссертаціи П. Н. Милюкова традиціи «юридической школы» преодолѣны окончательно. Въ этомъ отношеніи интересно уже то, что трудъ, посвященный Петровскимъ преобразованіямъ озаглавленъ «Государственное хозяйство Россіи». Все содержаніе книги вполнѣ оправдываетъ такое наименованіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекрасно иллюстрируетъ общій взглядъ на значеніе тѣхъ или иныхъ историческихъ «факторовъ», формулированный П. Н. Милюковымъ во введеніи къ «Очеркамъ по исторіи русской культуры»: «попытки свести всѣ стороны исторической эволюціи къ какой-нибудь одной мы считаемъ безнадежными».

Если «Государственное хозяйство» останавливается главнымъ образомъ на фактахъ экономическаго, соціальнаго и государственнаго порядка, то «Главныя теченія русской исторической мысли» разсматриваютъ умственную сторону русской жизни XVIII в. и начала XIX-го въ части, касающейся историческаго знанія. Помимо того интереса, который представляетъ собой эта книга, знакомящая съ историками Татищевымъ, Ломоносовымъ, Щербатовымъ, Болтинымъ, Байеромъ, Миллеромъ, Шлецеромъ, Карамзинымъ, Погодинымъ, Кирѣевскимъ, Чаадаевымъ и мн. др., она имѣетъ и болѣе широкое значеніе. Основная задача «Главныхъ теченій русской исторической мысли» — найти связь между спеціальными историческими изслѣдованіями и общимъ міровоззрѣніемъ, между «наукой и ученостью». Такая связь, утверждаетъ П. Н. Милюковъ, существуетъ и въ томъ случаѣ, когда тотъ или иной историкъ самъ этого не подозрѣваетъ, и даже тогда, когда онъ эту зависимость прямо отрицаетъ. «Пренебреженіе теоріей большей частью сводится къ тому, что спеціалистъ становится невольнымъ орудіемъ отжившей теоріи, конечно, къ большому ущербу для значенія его ученой работы»... «Разсматривая продукты старой исторической мысли, какъ отголоски былыхъ моментовъ теоретическихъ построеній, изслѣдователь тѣмъ самымъ лишаетъ ихъ абсолютнаго значенія и, слѣдовательно, освобождаетъ обиходъ современной мысли отъ множества аксіомъ, принятыхъ на вѣру изъ старыхъ историческихъ произведеній». Поставленная такимъ образомъ задача отличалась большой новизной. Вышедшая до того книга Кояловича — «Исторія русскаго самосознанія» сама была не болѣе, какъ «невольнымъ орудіемъ отжившей теоріи».

Основное завоеваніе русской исторической мысли — переходъ отъ практическаго, эстетическаго и этическаго представленія объ исторіи къ представленію о ней, какъ о наукѣ, совершалось, какъ это устанавливаетъ П. Н. Милюковъ, съ большимъ трудомъ и медленностью. Воззрѣнія Татищева, дѣлившаго всѣ науки «на нужныя или, по крайней мѣрѣ, полезныя, и на науки щегольскія» въ той или иной мѣрѣ характерны для всего XVIII вѣка. Неудивительно, что русская исторіографія этого столѣтія отмѣчена «практическимъ, утилитарно - націоналистическимъ взглядомъ на задачи историка, наивнымъ смѣшеніемъ источника съ изслѣдованіемъ и наивнымъ представленіемъ начала исторіи въ терминахъ современности». Еще въ «Исторіи государ-

ства Россійскаго Карамзина», стоящаго «на рубежѣ 2-хъ столѣтій», сильны старыя традиціи. Знаменитый исторіографъ находится не только въ явной зависимости отъ ходячихъ, трафаретныхъ сужденій XVIII в., и его «историческая схема есть, въ сущности, та же схема, которая намъ извѣстна изъ исторіографіи XVIII в., но и буквально въ плѣну у тенденціозныхъ построеній русскихъ книжниковъ XV-XVI в.в.

Только къ концу столѣтія начинаетъ постепенно пробиваться въ русской исторіографіи новая струя : растетъ идея исторической критики и зрѣетъ представленіе объ исторіи, какъ наукѣ. Переходу отъ стараго воззрѣнія на исторію къ новому не мало способствовало то обстоятельство, что къ концу XVIII в. занятіе исторіей переставало быть исключительно оффиціальнымъ дѣломъ, а писаніе историческихъ произведеній — государственной службой. Въ связи съ этимъ «любопытство диллетанта уступило мѣсто научному интересу изслѣдователя и задачи и пріемы изслѣдованія совершенно видоизмѣнились... Новый періодъ развитіи русской исторической мысли начинается тогда, когда исходной точкой всѣхъ историческихъ разсужденій становится идея исторической закономѣрности».

«Главныя теченія русской исторической мысли» прерываются на 30-хъ годахъ XIX в., и объ этомъ не могутъ, конечно, самымъ глубокимъ образомъ не пожалѣть всѣ интересующіеся развитіемъ русской исторической науки. Но, и будучи неоконченными, «Главныя теченія» представляютъ собой необходимѣйшее и незамѣнимое руководство для каждаго русскаго историка. Отдѣльныя главы этого изслѣдованія, въ частности, относящіяся къ Карамзину, являясь образцами глубокаго и тонкаго научнаго анализа, впервые въ исторіи нашей науки дали объективную характеристику ряда историческихъ конструкцій, въ нѣкоторой своей части не совсѣмъ изжитыхъ и въ наше время. И, если правда, что возникновеніе и развитіе подлиной исторической науки опредѣляется талантомъ и техникой изслѣдователя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніемъ его научнаго міровоззрѣнія, — а вся книга автора доказываетъ, что это дѣйствительно такъ, — то тѣмъ самымъ подсказывается выводъ, который по необходимости приложимъ и къ историческимъ трудамъ самого П. Н. Милюкова. Широта его научнаго міросозерцанія безспорна и общепризнанна и только немногіе русскіе историки въ этомъ отношеніи могутъ быть поставлены рядомъ съ нимъ.

Въ одной лекціи невозможно коснуться всѣхъ историческихъ трудовъ П. Н. Милюкова и даже столь существенныхъ, какъ его «Очерки по исторіи русской интеллигенціи», «Спорные вопросы финансовой политики московскаго государства», изслѣдованіе о «Разрядной книгѣ», отдѣльныя статьи въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, выраставшія иногда въ цѣлыя научныя изслѣдованія (напр., статья «Крестьяне»), археологическихъ изысканій и т. д., и потому я, въ заключеніе, остановлюсь только на его знаменитыхъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры».

Въ русской исторической литературѣ трудно указать книгу, которая получила бы болѣе широкую извѣстность, чѣмъ «Очерки по исторіи русской культуры». Они принадлежатъ къ числу тѣхъ немногихъ произведеній, которыя не только читаютъ, но и изучаютъ. Выполняя роль «посредника» между спеціальной наукой и обширнымъ кругомъ образованной публики, «Очерки» явились одновременно и настольной книгой для спеціалистовъ русской исторіи. Назвать это произведеніе популярнымъ можно только съ большой оговоркой: его содержаніе во многихъ частяхъ является результатомъ самостоятельныхъ научныхъ изысканій автора, въ немъ — что такъ характерно для П. Н. Милюкова — есть даже одна архивная ссылка. Содержаніе «Очерковъ» составляютъ всѣ внутреннія стороны русской исторіи — экономическая, соціальная, умственная, нравственная, религіозная и эстетическая.

Останавливаться на всемъ богатствѣ содержанія «Очерковъ», хотя бы въ виду ихъ общеизвѣстности, представляется излишнимъ, но вопроса, поднятаго П. Н. Милюковымъ во введеніи и послѣсловіи къ отдѣльнымъ выпускамъ его «Очерковъ» — о «научномъ объясненіи исторіи» — трудно миновать при опредѣленіи мѣста, занятаго П. Н. Милюковымъ въ русской исторіографіи.

П. Н. Милюковъ при анализѣ историческаго процесса видитъ «три группы производящихъ его условій». «Первое условіе заключается во внутренней тенденціи, внутреннемъ законѣ развитія, присущимъ всякому обществу». Это условіе сообщаетъ историческому развитію отдѣльныхъ народовъ «характеръ сходства въ основномъ ходѣ развитія». Взятая сама по себѣ, эта внутренняя тенденція представляетъ только «отвлеченную возможность», такъ какъ для ея осуществленія необходима оп-

редѣленная матеріальная среда. Такимъ образомъ «второе условіе заключается въ особенностяхъ той матеріальной среды, обстановки, среди которой обществу суждено развиваться», — отсюда разнообразіе отдѣльныхъ историческихъ процессовъ. Наконецъ, «третье условіе состоитъ во вліяніи отдѣльной человѣческой личности на ходъ историческаго процесса», — оно «вноситъ въ историческія явленія характеръ случайности». Однако, какихъ бы высокихъ и сложныхъ формъ ни достигало развитіе сознательной дѣятельности личности, «эта личность является только факторомъ, подлежащимъ научному изученію и объясненію съ точки зрѣнія закономѣрности... Это тотъ же закономѣрный процессъ, перенесенный изъ области внѣшняго міра въ область психической жизни». Исключительно при учетѣ этихъ «трехъ группъ условій» возможно научно объяснить, какимъ образомъ «несомнѣнное своеобразіе русскаго историческаго процесса не мѣшаетъ находить весьма значительное сходство и въ его общемъ ходѣ, и еще болѣе, въ отдѣльныхъ факторахъ этого процесса, между нимъ и развитіемъ западно-европейскихъ государствъ».

Считать тѣ или иныя условія «производящими» возможно, конечно, только въ томъ случаѣ, если исходить изъ закономѣрности историческаго процесса. Идея закономѣрности исторіи и есть главная исходная точка всѣхъ историческихъ построеній П. Н. Милюкова. Откуда онъ получаетъ эту идею? Она «необходимо вытекаетъ изъ современнаго взгляда на міръ, точно такъ же, какъ идея цѣлесообразности вытекала изъ стараго міровоззрѣнія». Такова единственная предпосылка, которую допускаетъ и которой руководится въ своихъ историческихъ трудахъ П. Н. Милюковъ.

Признавая закономѣрность историческаго процесса П. Н. Милюковъ не предполагаетъ, однако, открывать «законы исторіи». Историческіе явленія и факты столь сложны, что «нисколько не подрывая идеи закономѣрности, вполнѣ естественно усомниться даже въ самомъ существованіи спеціальныхъ историческихъ законовъ». Путемъ анализа историческихъ явленій «закономѣрность сводится къ закономѣрности сосѣднихъ областей». «Явленія общественной жизни находятъ себѣ объясненіе въ психологіи и вмѣстѣ съ послѣдней опираются на все зданіе закономѣрности болѣе простыхъ явленій міра, — физическихъ, химическихъ или физіологическихъ».

Историко-теоретическіе взгляды П. Н. Милюкова какъ нельзя болѣе гармонируютъ со всѣмъ содержаніемъ его историческихъ трудовъ и одновременно ими подтверждаются. Въ данномъ случаѣ теорія и спеціальная разработка историческаго матеріала, что вообще далеко не часто встрѣчается, идутъ рука объ руку.

Изъ сказаннаго выше нельзя, конечно, дѣлать вывода, что всѣ безъ исключенія сужденія П. Н. Милюкова въ области спеціальныхъ историческихъ вопросовъ абсолютно безспорны и не подлежатъ опроверженію. Самому П. Н. Милюкову не разъ приходилось въ связи съ новыми историческими изслѣдованіями и новымъ документальнымъ матеріаломъ дѣлать довольно серьезныя поправки и дополненія къ ранѣе высказаннымъ имъ взглядамъ. Можно думать, что и въ новое изданіе «Очерковъ по исторіи русской культуры», которое теперь подготовляется къ печати, П. Н. Милюковъ введетъ кой-какія измѣненія по сравненію со старымъ текстомъ. Но, если даже допустить, что отдѣльныя историческія положенія П. Н. Милюкова, не только спорны, но и ошибочны, — это не можетъ имѣть никакого значенія при опредѣленіи мѣста, занятаго имъ въ русской исторіографіи. Величина писателей, художниковъ и ученыхъ опредѣляется исключительно вершинами ихъ творческихъ достиженій, а достиженія П. Н. Милюкова велики и безспорны.

Какова же та общая формула, которая опредѣляетъ значеніе Милюкова-историка? П. Н. Милюковъ — виднѣйшій представитель соціологическаго направленія русской исторіографіи. Такимъ онъ долженъ являться для спеціалистовъ изслѣдователей. Для широкихъ же русскихъ образованныхъ круговъ, знакомыхъ съ Милюковымъ-историкомъ главнымъ образомъ по его «Очеркамъ по исторіи русской культуры», а, нерѣдко только изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, повторяющихъ его историческія сужденія, успѣвшія войти въ общій оборотъ, П. Н. Милюковъ, — совершенно независимо отъ того, сознаютъ ли это эти круги, хотятъ ли они этого, или не хотятъ, — является авторитетнѣйшимъ наставникомъ и учителемъ русской исторіи.

Д. М. Одинецъ.

„Милюковъ“

Книги стоятъ на полкѣ стройными рядами. Для тѣхъ, кто въ своей жизни имѣетъ съ ними дѣло, онѣ — живыя существа: знакомые, неизмѣнные друзья, учителя и спутники. Надъ одной загрустишь, заплачешь, надъ другой посмѣешься, отдохнешь, надъ третьей задумаешься. Съ одной — мимолетная встрѣча, она почти неразрѣзана и стоитъ гдѣ-то тамъ высоко, на верхней полкѣ. Съ другой было болѣе близкое знакомство, какъ съ случайнымъ попутчикомъ, съ которымъ познакомились въ поѣздѣ или на пароходѣ, проговорили, перелистывая страницу за страницей, всю ночь, а потомъ и забыли о ея существованіи. Умираютъ люди, пылью покрываются книги и стоятъ долгіе годы въ шкапу, не раскрываемыя, не читаемыя, дожидаясь своего времени, когда, можетъ быть, вновь вспомнятъ о нихъ...

Бываютъ книги, какъ близкіе друзья, къ которымъ обращаешься за совѣтомъ, ищешь поддержки, повѣряешь свои мысли, у которыхъ учишься. Хочется, что бы такой другъ жилъ недалеко, что бы видѣться чаще. Такія книги стоятъ близко, какъ справочники, возлѣ письменнаго стола, что бы можно было только руку протянуть, легко достать съ полки и положить на столъ. Ихъ зовутъ иногда настольными. Достоинство этихъ книгъ не только въ значительности разработки какой - либо спеціальной темы (въ этомъ смыслѣ всякая книга, изучаемая къ вопросу, можетъ быть настольной), но въ широкомъ захватѣ темы, въ глубинѣ анализа и серьезной смѣлости поставленныхъ прогнозовъ.

Такія книги называются еще классическими. Подъ этимъ выраженіемъ, обыкновенно, понимаются работы высокаго научнаго значенія и блестящаго выполненія. Но въ старину класси-

ческими назывались, главнымъ образомъ, тѣ книги и сочиненія, которыя штудировались въ школахъ, служили руководствомъ въ познаніи науки цѣлымъ поколѣніямъ, создавая ихъ авторамъ почетную славу не только учителей, но и воспитателей молодежи...

Завидная доля историка П. Н. Милюкова. Если многія его работы (напр. «Разрядная книга», «Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго Государства» и др.) имѣютъ значеніе лишь для узкаго круга спеціалистовъ, то нѣкоторыя изъ его книгъ еще многіе годы не будутъ залеживаться на книжныхъ складахъ, покрываться пылью на полкахъ общественныхъ библіотекъ, а будутъ постоянно спрашиваться, трепаться въ рукахъ читателей, исписываться всевозможными замѣчаніями на поляхъ, переиздаваться и проч. Дѣйствительно, въ нихъ есть чему учиться и спеціалисту, и студенту, и рядовому читателю.

Обширный трудъ Милюкова «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и реформа Петра Великаго», являясь очереднымъ звеномъ въ ряду работъ историковъ Московской школы, представляетъ самъ по себѣ поучительную книгу. Несмотря на громадный матеріалъ, главнымъ образомъ архивный, и нагруженность «нижняго этажа» примѣчаній, это сочиненіе ясно и отчетливо по выводамъ, потому что авторъ не потонулъ въ матеріалѣ, не расплылся въ немъ, а дѣйствительно его преодолѣлъ, и получилась не описательная работа архивиста, а подлинное изслѣдованіе историка (по настоящему, кажется, это пойметъ только историкъ). Наука идетъ впередъ (въ частности, имѣя въ виду второй отдѣлъ книги, у Милюкова имѣется достойный преемникъ въ лицѣ академика М. М. Богословскаго), но, какъ бы не мѣнялись и не колебались историческія концепціи, какъ бы ни были существенны поправки, диссертація Милюкова останется на долгіе годы настольной книгой для историковъ Петра Великаго, какъ бы мы, согласно или несогласно съ Милюковымъ, не смотрѣли на личность преобразователя и на его реформу. Спеціалистъ эту книгу не обойдетъ, какъ нельзя обойти историкамъ англійскаго средневѣковья — Павла Виноградова, — французскаго — Фюстель де Куланжа, историкамъ удѣльнаго періода — Ключевскаго, — Смутнаго времени — Платонова и проч.

Умѣнье возвыситься надъ матеріаломъ, схватить самое зерно броженія какой-либо мысли, анализировать чужія мнѣнія,

привести ихъ въ систему — особенно ярко проявилось въ университетскихъ лекціяхъ Милюкова по русской исторіографіи, изданныхъ въ печати подъ заглавіемъ «Главнѣйшія теченія русской исторической мысли». Курсы исторіографіи, обычно, читаются въ каждомъ университетѣ, но зачастую они переходятъ въ простой обзоръ исторической литературы. У покойнаго В. И. Иконникова, въ его «Опытѣ русской исторіографіи» этотъ обзоръ принялъ необъятный масштабъ въ смыслѣ количества приводимаго и обслѣдуемаго матеріала, но небольшая книга Милюкова заняла свое мѣсто и оказалась «томовъ премногихъ тяжелѣй». Это не просто исторія науки, это раскрытіе философіи русской исторической мысли, тѣсно сплетенной съ развитіемъ идей, какъ русской государственной, такъ и западно-европейской мысли. Анализируя вмѣстѣ съ авторомъ Татищева, Щербатова, происхожденіе исторической схемы Карамзина, философскую конструкцію Чаадаева и т. д., читатель видитъ не отвлеченныя схемы и названія, а самую русскую жизнь съ ея общественными настроеніями, отраженную историками въ ихъ работахъ. При такомъ подходѣ къ своей задачѣ, самое содержаніе исторіографіи, какъ отдѣльной отрасли науки, сильно расширялось и углублялось. По этой книгѣ мы учились подходить къ историческимъ работамъ не только съ точки зрѣнія спеціальнаго интереса къ новизнѣ ихъ выводовъ, но вскрывая внутреннюю сущность ихъ направленія, отыскивая ихъ корни...

Отъ «Главнѣйшихъ теченій русской исторической мысли» — прямой переходъ къ исторіи русской государственной и общественной мысли, культуры вообще. Хронологически выходы перваго тома «Очерковъ по исторіи русской культуры» съ очерками по исторіографіи почти совпадаютъ. Между этими книгами существуетъ органическая связь. Внимательный глазъ замѣтитъ, какъ изъ обзора историческихъ концепцій историка Милюкова выростаетъ философія русскаго историческаго процесса «Очерковъ» и... содержаніе политической дѣятельности ихъ автора.

Если «Государственное хозяйство» — книга для ученыхъ, а «Главнѣйшія теченія» — книга для молодыхъ спеціалистовъ, то «Очерки исторіи русской культуры» — настольная и классическая книга для всякаго русскаго, независимо отъ его политическихъ взлядовъ, который хочетъ осмыслить историческій путь своего отечества. Значеніе этой книги Милюкова исключи-

тельно. Несмотря на то, что «Очерки» написаны въ популярной формѣ, умѣло скрывающей научную эрудицію автора, они цѣнны прежде всего именно своей научной стороной. Сводка итоговъ исторіи русской культуры имѣетъ настолько вѣскую научную аргументацію, что эти популярные «Очерки» Милюкова пріобрѣли характеръ спеціальной научной работы, при чемъ самая форма обзора русскаго историческаго процесса не въ горизонтальномъ (какъ обычно строятся курсы), а, такъ сказать, въ вертикальномъ разрѣзѣ представлялась новостью въ исторіографіи. «Очерки» Милюкова, вышедшіе, какъ научный продуктъ, изъ авторитетнѣйшей школы русскихъ историковъ, въ сущности до сего времени не знаютъ серьёзныхъ конкуррентовъ, хотя ихъ матеріалъ мѣстами очень нуждается въ подновленіи. Правда, были двѣ попытки ихъ замѣнить, обѣ онѣ шли изъ соціалистическаго лагеря и опирались на опредѣленное марксистское міросозерцаніе. Одна принадлежитъ проф. Н. А. Рожкову: «Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія» — интересно задуманная, но сумбурная и невыдержанная; другая — М. Н. Покровскому «Очеркъ исторіи русской культуры», въ которой имѣются на лицо всѣ недостатки схемы и методовъ экономическаго матеріализма, да еще въ большевицкомъ обостреніи.

Сейчасъ же, послѣ выхода со страницъ «Міра Божьяго» въ отдѣльномъ изданіи, «Очерки» Милюкова сдѣлались распространеннѣйшей книгой въ русскомъ обществѣ, какъ одна изъ книгъ для «самообразованія». Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что они имѣли гражданское воспитательное значеніе для цѣлаго поколѣнія. На это расчитывалъ и самъ авторъ. «Задача «Очерковъ», — писалъ онъ, — будетъ выполнена, если всѣ сообщаемыя въ нихъ данныя, вмѣстѣ съ вытекающими изъ нихъ выводами, дѣйствительно сдѣлаются «элементарными», т е. общедоступными и общеизвѣстными». И причина успѣха «Очерковъ» въ этомъ отношеніи совершенно очевидна. Взявъ на себя «роль посредника между спеціальной наукой и обширнымъ кругомъ образованной публики», авторъ отечественную исторію настолько приблизилъ къ русскому читателю-интеллигенту, что тотъ въ немъ нашелъ отвѣты на многіе вопросы русской дѣйствительности на перевалѣ съ XIX вѣка въ XX-ый. Читатель зналъ, что искалъ и понималъ, что находилъ, потому что въ выводахъ авторъ былъ ясенъ и отчетливъ. «Представляетъ-ли Рос-

сія совсѣмъ особый типъ національнаго развитія, или только одну изъ ступеней, давно пройденныхъ Европой?», спрашиваетъ читатель вмѣстѣ съ авторомъ въ «Итогахъ» перваго тома «Очерковъ». Отвѣтъ у автора диссертаціи о реформахъ Петра Великаго совершенно несомнѣненъ, и читатель, пройдя компетентное изложеніе автора, подчеркивающаго «своеобразіе» русскаго историческаго процесса, самъ нащупываетъ отвѣты, подсказанные авторомъ, вродѣ: «Историческія условія создали насильственное сплоченіе сословій и одностороннее развитіе государственности; но дальнѣйшее развитіе экономической жизни уже привело отчасти къ ослабленію государственной опеки, къ раскрѣпощенію сословій, къ зачаткамъ общественной самостоятельности и самодѣятельности» и т. д. Очевидно, что «Россія выросла изъ извѣстныхъ формъ и переросла извѣстныя традиціи». «Отрицать это, — говоритъ авторъ при полномъ одобреніи читателя, — значитъ закрывать глаза на дѣйствительность и отрицать законы историческаго роста». Но разъ существуетъ въ обществѣ «сознательная человѣческая дѣятельность» стремящаяся «цѣлесообразно воспользоваться естественной эволюціей и согласовать ее съ извѣстными человѣческими идеалами» — необходимо, слѣдовательно, «распространить эти идеалы и затѣмъ воспитать волю». Нетрудно усмотрѣть въ этихъ словахъ хорошо намъ знакомую политическую программу. Намъ не нужно поддерживать «археологическіе остатки отдаленной старины» и всѣ наши усилія должны быть направлены на созданіе новой русской культурной традиціи, «соотвѣтствующей современнымъ общественнымъ идеаламъ», и звучатъ бодрыя надежды автора въ приведенныхъ стихахъ:

Das alte stürzt; es ændert sich die Zeit,
Und neues Leben blüht aus den Ruinen...

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что первый и второй томы «Очерковъ» подъитожены, что же касается третьяго, то тамъ заключительныхъ главъ нѣтъ, онъ вообще не законченъ, обрывается, и «Очерки» не подъитожены въ цѣломъ. Такова ихъ судьба. Автору, если бы онъ ихъ заканчивалъ, пришлось бы писать о самомъ себѣ: съ того времени опальный профессоръ исторіи П. Н. Милюковъ сдѣлался виднымъ общественнымъ и политическомъ дѣятелемъ. Вѣщія, но глухія подцензурныя слова «итоговъ» перваго тома «Очерковъ» скорѣе, вѣроятно, нежели думалъ самъ авторъ и его читатели, получили жизненное во-

площеніе, и, вмѣсто послѣднихъ главъ третьяго тома «Очерковъ» или новаго тома ихъ, были написаны авторомъ книги о Государственныхъ Думахъ и многіе томы о «кризисѣ», о «переломѣ» — о **второй** русской революціи. Авторъ — тотъ же, но аудиторія дифференцируется: историкъ - учитель встрѣтился со своими учениками - читателями на политической аренѣ. Такія встрѣчи не всегда бываютъ гладки...

Сочетаніе историка и политика въ одномъ лицѣ случается довольно часто, но не всегда бываетъ, что бы направленіе политической дѣятельности было тѣсно связано съ историческими трудами, почти вытекало изъ нихъ. Таковъ, напр., былъ Джемсъ Брайсъ, авторъ «Священной Римской Имперіи» и «Американской демократіи», профессоръ, парламентарій и дипломатъ, который въ своей общественной и политической дѣятельности руководился идеалами, согрѣвавшими его въ его историческихъ работахъ. Какъ Джемсъ Брайсъ вѣрилъ въ спасительную и сцѣпляющую силу идей, въ частности политической идеи, способной къ сверхнаціональному объединенію (Священная Римская Имперія) и въ побѣдѣ демократической идеи видѣлъ орудіе будущаго единенія народовъ, такъ и П. Н. Милюковъ не перестаетъ вѣрить въ творческую силу политическихъ идей для Россіи и въ демократизаціи ея общественнаго строя видѣть надежды будущаго. Грани этихъ идей П. Н. Милюкова уже отмѣчены: и въ отношеніи къ реформѣ Петра Великаго, и въ анализѣ главнѣйшихъ теченій русской исторической мысли, и въ развернутой перспективѣ «Очерковъ по исторіи русской культуры» и, наконецъ, въ работахъ парламентарія и политика — удивительное единство взглядовъ и твердость общей линіи — политической и демократической. Мѣняются люди, обстановка, тактика, но эта линія демократической политики у П. Н. Милюкова остается неизмѣнной. Можетъ быть, живучесть этой политической линіи и заключается, между прочимъ, въ томъ, что она выведена, какъ традиція, изъ исторіи русской общественности и построена на базисѣ изученія исторіи народа и государства? Можетъ быть и прогнозы политика Милюкова реальны потому, что они являются прогнозами историка?..

Книги стоятъ на полкѣ стройными рядами. За спиной ихъ автора — полвѣка работы — научной, политической, общественной. Кажется, трудно быть ея судьей въ настоящее время. Но въ ея оцѣнкѣ есть крѣпкія вѣхи — стоитъ только протянуть

руки къ полкѣ книгъ, и мы тамъ найдемъ и объясненія, и основанія, и оправданія, подкрѣпленныя авторитетной связью съ русской научной мыслью.

И нынѣ, въ лицѣ автора названныхъ здѣсь классическихъ книгъ, мы привѣтствуемъ не только страницу изъ исторіи русской науки, главу изъ русской исторіографіи, но и почетную страницу русской культуры вообще.

Н. Кноррингъ.

Основная идея

Лѣтомъ 1894 года, въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ съѣхались на каникулы студенты и курсистки, преимущественно изъ Москвы. Привезли съ собой, какъ водится, кучу книжныхъ новинокъ — легальныхъ и рукописныхъ нелегальныхъ — и разныя лекціи. Среди этихъ послѣднихъ у одной курсистки оказался небольшой литографированный курсъ по исторіи русской культуры молодого Московскаго профессора Милюкова, читанный имъ на женскихъ курсахъ.

Молодежь — не московская, жившая въ этомъ городкѣ, помнится, очень заинтересовалась лекціями, читала ихъ съ увлеченіемъ, но одно недоумѣніе высказывала по ихъ поводу. Лекціи были составлены въ ярко прогрессивномъ духѣ, съ рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ «господствующей оффиціальной идеологіи», но въ то же время по нимъ никакъ нельзя было распознать — даже искушеннымъ въ тогдашней эзоповщинѣ, — къ какому изъ оформившихся соціально - политическихъ направленій русскихъ можетъ быть отнесенъ авторъ: опредѣленно не кажется «народникомъ», но и къ марксистамъ его не причислишь. Есть что то новое, отличающее его и отъ обычнаго типа русскаго либерала: напримѣръ, по вопросу о «своеобразіи русскаго историческаго развитія: лекторъ проводитъ свою особую линію. Не разъясняла загадки и ссылка въ заключительныхъ замѣчаніяхъ, въ концѣ лекцій, на книгу французскаго автора — Леруа Болье «Имперія царей», которую лекторъ настоятельно рекомендовалъ своимъ молодымъ слушателямъ, чтобы лучше оріентироваться въ основныхъ чертахъ русской культуры.

Приблизительно черезъ полгода послѣ того, въ петербургскомъ журналѣ «Міръ Божій», успѣвшемъ завоевать симпатіи молодого поколѣнія, начали печататься «Очерки по исторіи русской культуры» того же автора, и съ перваго же номера они привлекли къ себѣ самое напряженное вниманіе всѣхъ группъ, безъ различія направленій. Читатели и слушатели упомянутыхъ лекцій нашли въ «Очеркахъ» кое что знакомое для себя — можно думать, что этотъ курсъ былъ первоначальнымъ наброскомъ къ тому, что въ разработанномъ и развитомъ видѣ появилось теперь въ «Мірѣ Божьемъ», какъ «Очерки».

Однако, и «Очерки» не сразу отвѣтили на вопросъ: кто авторъ по своему направленію, какъ трактовать его, согласно тѣмъ рубрикамъ, которыя уже устанавливались въ русской политической общественности? Годы печатанія « Очерковъ » были въ этомъ отношеніи рѣшительные: на одной сторонѣ политическаго горизонта всходили одновременно звѣзды Плеханова (во всемъ блескѣ), П. Б. Струве и... Ленина (тогда еще — «Ильина»), на другомъ — рядомъ со старымъ свѣтиломъ въ лицѣ Н. К. Михайловскаго показывались звѣздочки В. М. Чернова и его коллегъ. Въ «Очеркахъ» П. Н. Милюкова, чувствовалось, кладется фундаментъ тоже какому то направленію, какой то идеологіи, но общая позиція автора оставалась критической, срединной, не склонявшейся ни къ одному изъ намѣченныхъ направленій.

Обычно въ то время вопросъ о направленіи разрѣшался отчасти въ зависимости отъ того, какъ данный авторъ смотритъ на «боевой» пунктъ — о роли личности въ исторіи и какое значеніе придаетъ онъ «стихійнымъ силамъ историческаго процесса». Отвѣты на это опредѣляли, къ какому соціалистическому направленію надо отнести автора. Въ данномъ случаѣ дѣло осложнялось. Въ Введеніи къ «Очеркамъ» П. Н. Милюковъ выразилъ свое отношеніе къ указанной проблемѣ въ такихъ словахъ. Комментируя извѣстные взгляды Карлейля; Милюковъ говорилъ : «При той безсознательности и стихійности, съ которой совершалось до сихъ поръ весгда и вездѣ общественная эволюція, дѣйствительно, только личности, оффиціальные или моральные руководители массы, совершали общественно-цѣлесообразные поступки. Но за то эти единичныя дѣйствія личностей всегда наталкивались на косность массы, и отдѣльные цѣлесообразные поступки не влекли за собой прочныхъ общественно-цѣлесооб-

разныхъ результатовъ. Полагать, что такъ всегда и будетъ, значило бы предаваться излишнему и во всякомъ случаѣ преждевременному пессимизму. Возможности распространенія общественнаго сознанія въ массѣ мы отрицать не можемъ, а, слѣдовательно, не можемъ и указать границы, на которй должно остановиться развитіе сознательнаго соціальнаго поведенія массы. Двигающія пружины человѣческой психологіи, разумѣется, всегда останутся однѣ и тѣ же. Стремленіе поддержать собственное существованіе и продлить существованіе рода, потребность упражнять органы и выполнять функціи человѣческаго организма, физическаго и психическаго, — всегда будутъ направлять дѣятельность человѣческой воли. Но формы, которыя могутъ принимать эти стремленія и потребности, будутъ разнообразиться до безконечности, будутъ безконечно развиваться въ направленіи большей сложности и цѣлесообразности. Какъ далеко пойдетъ человѣчество на этомъ пути, — мы не знаемъ, но путь, которымъ можно придти къ замѣнѣ стихійнаго историческаго процесса сознательнымъ, можетъ быть только одинъ: постепенная замѣна общественно - цѣлесообразныхъ поступковъ отдѣльныхъ личностей — общественно цѣлесообразнымъ поведеніемъ массъ». («Очерки», т. I, стр. 18).

Я цитирую эти слова по экземпляру, который попалъ въ эмигрантскую библіотеку Русскаго Дома въ Варшавѣ изъ студенческой библіотеки Сельско - Хозяйственнаго Института б. Новой Александріи (нынѣ Пулавы). Цитированное мѣсто въ этомъ экземплярѣ подчеркнуто карандашемъ въ рядѣ строкъ. Очевидно, эти строки были предметомъ особеннаго вниманія тогдашнихъ читателей. Можно догадываться, что усвоеніе мыслей, въ нихъ заключенныхъ, давалось не сразу. Боевые пункты! И, конечно, тогда они не могли удовлетворить многихъ. Прежде всего потому, что авторъ оставлялъ открытымъ вопросъ — «какъ далеко пойдетъ человѣчество по этому пути». — «Мы не знаемъ», — отвѣчалъ Милюковъ. Развѣ это былъ отвѣтъ для поколѣнія 90-хъ и 900-хъ годовъ? Эти слова означали, что авторъ оставлялъ неразрѣшеннымъ, теперь сказали бы — «непредрѣшеннымъ» — самый вопросъ о непремѣнномъ пришествіи соціализма. Такая «непредрѣшенность», конечно, должна была разочаровывать ту часть читателей, для которой вопросъ былъ «предрѣшенъ» — по той или иной схемѣ, — марксистской или народнической. А авторъ «Очерковъ» останавливался около

этого пункта и говорилъ: ignoramus. — «Не предрѣшаю, куда дойдемъ». Не знаю, конечно, — это ли было причиной того, что читатели имѣющагося у меня экземпляра «Очерковъ», сочли нужнымъ пустить въ ходъ карандашъ къ приведеннымъ строкамъ. Помнится, однако, что и тогда уже были читатели, которые, не смущаясь «непредрѣшенчествомъ» автора, старались вникнуть въ основную суть цитируемаго мѣста и находили въ немъ руководящую идею того, что называется демократическимъ міросозерцаніемъ.

«Постепенная замѣна общественно - цѣлесообразныхъ поступковъ отдѣльныхъ личностей общественно-цѣлесообразнымъ поведеніемъ массы» — вотъ краткая (едва ли можно выразиться кратче) формула демократической политики, демократическаго отношенія къ общественности, къ участію въ историческомъ процессѣ.

При вскрытіи, при развертываніи этой формулы въ конкретной обстановкѣ возможны и даже неизбѣжны, можетъ быть, расхожденія въ разныя стороны, — но основное положеніе — остается краеугольнымъ камнемъ каждой истинно-демократической программы.

Подлинное, богатое содержаніемъ значеніе этого положенія вскрылось для русской интеллигенціи и дѣятелей изъ народа только постепенно въ трагическихъ испытаніяхъ послѣдняго 25-лѣтія. Но чѣмъ глубже уходятъ въ туманную даль вѣрованія въ ту или иную соціалистическую доктрину и чѣмъ жесточе развивается «стихійный историческій процессъ», уносящій въ своемъ разрушительномъ потокѣ груды безплодныхъ и невинныхъ жертвъ, — тѣмъ убѣдительнѣе и содержательнѣе звучатъ слова приведенной «формулы прогресса», — какъ когда то любили выражаться у насъ.

Тогда, когда эти слова были написаны, они показались многимъ недостаточными, они разочаровывали своей «недоговоренностью». Теперь, спустя 35 лѣтъ для всякаго, кто вдумывается въ нихъ, ясны сложность и значительность мысли, въ нихъ заключенной и тяжесть задачъ, ими выдвигаемыхъ. Прожитое время не только ничего не стерло въ ихъ значеніи, не только не вывѣтрило ихъ смысла, но усилило и укрѣпило то и другое. И соціализмъ нынѣ обновляющійся, освобождающійся отъ увлеченія игрой стихіями, самъ принимаетъ эти положенія, уже безъ полемическаго придыханія.

Такъ, слова, написанныя въ Введеніи къ «Очеркамъ по исторіи русской культуры», въ 1895 году, становятся теперь основной идеей новой русской культуры, очертанія которой начинаютъ вырисовываться сквозь мракъ, тяготѣющій еще надъ Россіей.

В. Португаловъ.

Философія русской исторіи въ трудахъ П. Н. Милюкова *)

Чѣмъ значительнѣе человѣческая личность, тѣмъ болѣе она **индивидуальность,** въ буквальномъ смыслѣ слова (individuum — недѣлимое). «Среднiй» человѣкъ — ничто иное, какъ центръ пересѣченія различныхъ внѣшнихъ сферъ; такой человѣкъ пассивенъ по отношенію къ «средѣ». Значительная личность активна; внѣшнія сферы для нея — матеріалъ для творчества и объектъ творческаго воздѣйствія, исходящаго изъ **ея собственнаго** духовнаго центра.

Милюковъ былъ и остается прежде всего **ученымъ историкомъ** и **политическимъ дѣятелемъ.** И Милюковъ-ученый неотдѣлимъ отъ Милюкова-политика. Мало того: всѣ сферы, въ которыхъ проявляется творчество значительной личности, **автономны,** хотя и связаны одна съ другой. Нѣтъ гетерономнаго творчества; ибо творчество есть свобода. Для Милюкова, какъ и для другихъ историковъ, которые были политиками, для Гизо, для Трейчке, политика — прикладная исторія, а исторія — осмысленіе политики. Однако, онъ никогда не «приспособлялъ» исторію къ политикѣ такъ, чтобы первая служила «оправданіемъ» второй, а также никогда не подчинялъ политики доктринамъ, извлеченнымъ изъ исторіи. Онъ никогда не былъ **публицистомъ** въ исторіи и **доктринеромъ** въ политикѣ —

*) Докладъ читанный въ засѣданіи Союза Софійскихъ Журналистовъ, посвященномъ чествованію 70-лѣтія П. Н. Милюкова 2 марта 1929 г. Напечатано впервые въ журналѣ «Българска Мисълъ», апрѣль 1929, подъ заглавіемъ «Милюковъ историкъ на Русия».

именно потому, что исторія и политика связывались у него болѣе глубокой и органической связью.

Личныя особенности творческой индивидуальности легче и нагляднѣе познаются изъ ея практической дѣятельности, нежели изъ теоретической. Въ практической сферѣ менѣе проступаетъ главная черта всякой сильной личности. Ея самый общій и такъ сказать формальный признакъ тотъ, что она — не такова какъ «всѣ». Она всегда находится «въ оппозиціи». Всякій крупный политикъ — оппозиціонеръ, — не только тогда, когда онъ занимается спеціально проваливаніемъ министерствъ, какъ Клемансо, но и тогда, когда онъ самъ властвуетъ, какъ тотъ же Клемансо, и какъ Бисмаркъ, пребывавшій въ состояніи хроническаго конфликта; какъ съ «обществомъ», такъ и съ тѣми силами, на которыя онъ опирался преимущественно: съ Кайзеромъ, съ правящей аристократіей, съ генеральнымъ штабомъ. Русскіе культурные люди поколѣнія Милюкова были почти всѣ въ оппозиціи къ власти. Оригинальность Милюкова въ томъ, что, создатель **первой русской политической** (въ строгомъ смыслѣ слова) **партіи,** разумѣется, оппозиціонной, и ея многолѣтній лидеръ, онъ почти всегда въ оппозиціи и — къ собственной партіи. Милюковъ былъ въ Россіи руководителемъ либеральнаго общественнаго мнѣнія, но въ наиболѣе критическіе моменты онъ почти всегда шелъ противъ этого мнѣнія. Такъ, напр., было въ началѣ міровой войны, когда онъ не поддался общему настроенію и открыто критиковалъ въ Думѣ односторонность русской политики по отношенію къ балканскимъ народамъ и ея невниманіе къ законнымъ домогательствамъ Болгаріи.

Точно также какъ въ политикѣ, и въ наукѣ онъ представляется намъ «оппозиціонеромъ», и въ этой сферѣ Милюковъ искалъ собственныхъ путей? Прежде всего въ томъ, что касается выбора темъ. Его главные научные труды написаны на темы, отличающіеся двумя особенностями: 1) онѣ совершенно новы и уже, поэтому 2) необыкновенно **трудны**. Это: 1) Государственное хозяйство и реформа Петра Великаго», гдѣ эта реформа изслѣдуется, впервые въ русской исторической наукѣ, съ ея хозяйственной стороны; 2) «Главныя теченія русской исторической мысли» — совершенно новая попытка прослѣдить происхожденіе и развитіе науки русской исторіи въ связи съ **эволюціей міровоззрѣнія** русской интеллигенціи; 3)

«Очерки по исторіи русской культуры» — первый и до сихъ поръ единственный подлинный **синтезъ** развитія рѣшительно всѣхъ сторонъ народной жизни: хозяйственной, политической, религіозной, художественной и т. д.

Книги, написанныя по такому плану, обычно — плодъ **коллективной** работы, напр., Histoire de France Лависса, Cambridge History (Ancien, Medieval и Modern). Такимъ книгамъ недостаетъ того, что составляетъ сущность всякой книги: единства мысли. Это скорѣе справочники, нежели синтезы. Милюковъ далъ для **цѣлаго** процесса русскаго культурнаго развитія то, что далъ Тэнъ для **одного** періода французской исторіи, а Буркгардтъ — для одного періода итальянской. Его синтезъ былъ возможенъ потому, что онъ приступилъ къ русской исторіи съ собственной **общей** концепціей русскаго историческаго процесса. Оригинальность, конечно, не исключаетъ преемственности. Концепція Милюкова — не простое отрицаніе традиціонныхъ концепцій русской исторической науки, «западнической» и «славянофильской» (иначе его концепція не была бы научной, ибо преемственность — законъ развитія науки). Это — **преодолѣніе** обѣихъ теорій въ нѣкоторомъ ихъ **синтезѣ.** Милюковъ пріемлетъ обѣ характеристики русскаго историческаго процесса: отъ западниковъ онъ воспріялъ идею его **элементарности,** отъ славянофиловъ — идею его **своеобразія**. Но онъ не удовлетворяется западническимъ объясненіемъ этой «элементарности», т. е. указаніемъ на «отсталость» Россіи по сравненію съ другими странами Европы: этого, указываетъ онъ, еще недостаточно для того, чтобы индивидуализировать историческій процессъ. Что до «своеобразія», то Милюковъ отвергаетъ славянофильскій тезисъ, согласно коему это качество обусловлено нѣкими «постоянными особенностями» русскаго народнаго «духа». Въ основѣ славянофильской теоріи лежитъ **романтическій натурализмъ**. Центральная идея романтики — идея **«организма».** Эта идея, съ которой предшественники романтическаго міросозерцанія, Гете, Гердеръ и Гаманнъ, да и первые романтики, связывали понятіе «тоталитета», «цѣлокупности», примата цѣлаго по отношенію къ частямъ, позже, отчасти въ силу терминологическаго недоразумѣнія, превратилась въ нѣчто совсѣмъ иное: понятіе «организма» начинаетъ употребляться въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употребляется въ естественныхъ наукахъ. Общество —

народъ, государство, — представлялось какъ «организмъ» въ смыслѣ «носителя» постоянныхъ и неизмѣняющихся «качествъ». Милюковъ, стоя на почвѣ историческаго **реализма,** признавая своеобразіе русской исторіи, въ то же время не удовлетворяется такимъ объясненіемъ, ибо оно, во-первыхъ, покоится на нѣкоторомъ **догматѣ** (ибо доказать тождественность общества и организма нельзя), а во-вторыхъ, сводится къ объясненію X черезъ У, скорѣе — къ простой тавтологіи. Нація для него **продуктъ** историческаго процесса, а не его субстратъ». Научный реализмъ отвергаетъ понятіе «субстрата», которое, подобно понятію «вещи въ себѣ», есть метафизическое — въ худшемъ смыслѣ слова — а не научное понятіе.

Монистъ (но не **марксистъ;** скорѣе послѣдователь Огюста Конта), Милюковъ старается освободить исторію отъ мета-историческихъ понятій. Въ то же время онъ не впалъ и въ до-научный историческій прагматизмъ, не считающійся съ дѣйствіемъ великихъ надъ-индивидуальныхъ силъ въ исторіи. И въ этомъ отношеніи онъ послѣдовательнѣе славянофиловъ. Онъ пріемлетъ и второй пунктъ ихъ теоріи: ихъ ученіе о «разрывѣ» между «народомъ» и «интеллигенціей» въ послѣпетровскій періодъ. Онъ не удовлетворился западническимъ истолкованіемъ этого явленія, какъ результата «отсталости» русскаго народа; ибо такое толкованіе ничто иное, какъ анти-историческій **формализмъ:** «разрывъ» между интеллигенціей и народомъ — явленіе общаго порядка. Для объясненія **даннаго** историческаго процесса надо установить **какъ** и **на какой почвѣ** произошелъ этотъ разрывъ и каковы были его **специфическія** слѣдствія. Западники отъ этой проблемы едва-ли не уклоняются. Милюковъ, приближающійся къ западникамъ по своимъ общимъ выводамъ, въ этомъ пунктѣ согласенъ со славянофилами. Онъ, къ слову сказать, вообще понялъ славянофильство глубже и интимнѣе, нежели его современники, эпигоны западничества: онъ много занимался раннимъ славянофильствомъ (какъ и раннимъ западничествомъ) въ связи со своими изслѣдованіями по исторіи русской исторіографіи, и одна из самыхъ блестящихъ его работъ — маленькая книжка, посвященная «Людямъ сороковыхъ годовъ» («Изъ исторіи русской интеллигенціи»). Между тѣмъ какъ эпигоны западничества ограничиваются чисто формалистической и, такъ сказать, «внѣшней» критикой славянофильства, Милюковъ былъ способенъ

проникнуть въ сущность этого ученія и преодолѣть его «извнутри». Онъ усвоилъ **центральную** идею славянофильства, а именно, что «разрывъ» произошелъ на почвѣ **религіи.** Извѣстно, какъ славянофилы истолковывали происхожденіе этого разрыва: это, согласно имъ, была катастрофа, вызванная дѣятельностью **одного** человѣка, Петра Великаго, который «порвалъ» съ русской національной традиціей. Такъ ихъ научный догматизмъ оказался не въ состояніи выдержать столкновенія съ исторической дѣйствительностью и, незамѣтно для нихъ самихъ, уклонился въ до-научный прагматизмъ. Тутъ Милюковъ отходитъ отъ славянофиловъ. Онъ не раздѣляетъ ихъ пониманія петровской реформы. Въ своей первой книгѣ онъ показалъ, что это реформа — результатъ всего предшествовавшаго развитія. «Разрывъ» между народомъ и интеллигенціей, другими словами **секуляризація** русской культуры, былъ исторической необходимостью. Милюковъ раздѣляетъ великую идею Огюста Конта, что всякая культура коренится въ религіи, какъ и другую идею основателя позитивизма, что всякая, въ нѣдрахъ религіи зародившаяся, культура, рано или поздно отъ религіи отходитъ, секуляризуется. Индивидуальныя же особенности каждаго даннаго историческаго процесса обуславливаются характеромъ данной религіи и ея ролью въ жизни даннаго народа. И для Милюкова, какъ и для славянофиловъ, русская культура, по своему происхожденію, культура православная. Православіе опредѣлило ея сущность, ея индивидуальность. Однако славянофилы ошибались въ томъ отношеніи, что они просто отожествили православіе съ русскимъ народнымъ «духомъ», такъ что секуризація русской культуры была для нихъ «измѣной» православію, а, значитъ, русскому народному «духу». Послѣпетровская культура для нихъ, вообще, **не русская** культура. Такъ это незаконное, произвольное, мета-историческое отожествленіе двухъ понятій «православія» и «русской культуры» (славянофилы здѣсь были вѣрными учениками нѣмецкихъ романтиковъ, проводившихъ знакъ равенства между Deutschtum и Christentum довело славянофиловъ до очевиднаго внутренняго противорѣчія. Религія и народъ (національная культура) — различныя категоріи. Въ сущности славянофилы не были въ состояніи, да и не имѣли нужды въ томъ, чтобы прослѣдить историческія судьбы русскаго православія: они ограничивались «дедукціей» его отдѣльныхъ «моментовъ», ко-

торые «объективировались» въ допетровской культурѣ. Напротивъ, Милюковъ изслѣдовалъ православіе какъ **факторъ,** который эту культуру создалъ. И кромѣ того: то, что онъ изслѣдовалъ, было не «православіе вообще», «чистая идея православія» (какъ у славянофиловъ), но **реальное, историческое** православіе, православіе, которое въ свою очередь находилось подъ вліяніемъ той среды, въ которой оно дѣйствовало. Милюковъ отмѣчаетъ **слабость** православной церкви, не бывшей въ состояніи ни ассимилировать себѣ культуру той среды, въ которую она попала (какъ это сдѣлала западная церковь), ни искоренить старое русское язычество. Такъ православію не оставалось ничего иного, какъ занять оборонительную позицію, оберегать свою чистоту и стараться дѣйствовать на народъ своими внѣшними формами. Отсюда проистекаетъ значеніе ритуальной стороны въ русской церкви, вырожденіе религіозности въ обрядность, между тѣмъ какъ идейная сторона религіи осталась для народа неизвѣстной. Милюковъ проводитъ параллель между русскимъ православіемъ какъ культурнымъ факторомъ, съ одной стороны, и западными историческими религіями съ другой. Онъ сравниваетъ судьбу православія въ Россіи съ судьбами французскаго католичества и англійской національной церкви. Во Франціи католицизмъ подчинилъ себѣ рѣшительно всѣ сферы культуры. Французская культура была имъ цѣликомъ пропитана. Католичество развилось во Франціи во всеобъемлющее міросозерцаніе, въ идеологическую **систему,** въ которой все, — наука, право, искусство — было подчинено **одной** высшей идеѣ; такъ что въ этой системѣ невозможно было измѣнить ни одной, самой ничтожной, подробности безъ того, что бы не рухнула вся система. Церковь во Франціи рѣшительно и непримиримо противопоставила себя новой культурѣ, новымъ понятіямъ, новымъ стремленіямъ, независимой наукѣ, свѣтскому государству. Поэтому секуляризація культуры во Франціи означала **борьбу** съ церковью, борьбу, завершившуюся выработкой **новой идеи,** новаго **идеала.** Въ Англіи церковь еще въ средніе вѣка заняла позицію **національнаго учрежденія.** Она скорѣе ассимилировалась со средою, нежели сама ассимилировала послѣднюю. Она стала **англиканской,** т. е. національной церковью. Она проявила **гибкость,** на какую никогда не была способна церковь на европейскомъ материкѣ. Она приспособляла свое міровоззрѣніе къ новымъ культур-

нымъ запросамъ. Она эволюціонировала вмѣстѣ съ другими англійскими учрежденіями, съ монархіей, съ аристократіей, съ парламентомъ. Поэтому секуляризація культуры ея не затронула. Болѣе того, церковь не вызвала ни ненависти къ себѣ, ни индиферентизма. Русское православіе, которое не было столь гибкимъ, какъ англійская историческая религія, ни столь упорнымъ въ сопротивленіи, какъ католичество во Франціи, которое не было способнымъ ни къ тому, чтобы эволюціонировать вмѣстѣ съ народомъ, ни къ тому, чтобы противостать этой эволюціи, для русской интеллигенціи словно перестало существовать. Секуляризація породила въ Россіи религіозный индифферентизмъ. «Разрывъ» между народомъ и интеллигенціей въ Россіи сводится къ тому, что, между тѣмъ какъ народъ остался при своей «бытовой» вѣрѣ, интеллигенція осталась безъ какой бы то ни было религіи.

Договоримъ то, что у Милюкова осталось недоговореннымъ. Секуляризація русской культуры была, — поскольку рѣчь идетъ о русской интеллигенціи — такъ сказать, чисто **отрицательной.** Такъ какъ Церковь не была способна навязать свой собственный идеалъ, то и эмансипація отъ церкви не сопровождалась выработкой никакого **положительнаго** идеала. «Нигилизмъ» русской интеллигенціи, ея безпредметная, догматическая вѣра въ «революцію», ея скорѣе сентиментальное, нежели базирующееся на извѣстной идеологіи, «народничество» — порожденіе этого отсутствія строго продуманныхъ и обусловленныхъ самою эволюціей культуры убѣжденій относительно основного вопроса: вопроса объ отношеніи къ вѣрѣ и къ церкви...

Такова общая концепція русскаго историческаго процесса у Милюкова. Надо признать, что она одностороння. То, что Милюковъ говоритъ о русской интеллигенціи, непримѣнимо ко **всѣмъ** ея представителямъ, а главное — къ величайшимъ изъ нихъ. **Какъ,** вообще, мы составляемъ себѣ представленіе о національной культурѣ? На основаніи **чего** мы о ней судимъ? Что **важно,** что **характерно** для этой культуры: состояніе ли цивилизованныхъ «массъ», интеллигенціи въ кавычкахъ — или духовныхъ вождей даннаго народа? Антирелигіозность Вольтера и Mr Homais — одно ли это и то же? И если мы желаемъ образовать понятіе русской культуры, можемъ ли мы обойти Достоевскаго, Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Гоголя, Тют-

чева, Соловьева, Толстого? Достаточно привести эти имена, чтобы стало ясно, что формула «религіозный индифферентизмъ» для характеристики русской культуры не годится.

Значитъ ли это, что слѣдуетъ отвергнуть результаты анализа русскаго историческаго процесса у Милюкова? Конечно, нѣтъ. Это значитъ лишь то, что русское развитіе было еще трагичнѣе, чѣмъ это представлено у него. Милюковъ разсматриваетъ только «народъ» въ смыслѣ народныхъ массъ и «интеллигенцію». Онъ оставилъ безъ вниманія создателей современной русской культуры. Его формулѣ я бы противопоставилъ другую: между тѣмъ какъ «народъ» остался въ Россіи при традиціонной вѣрѣ, между тѣмъ какъ для интеллигенціи характеренъ религіозный индифферентизмъ, истинные представители русской **культуры** (культура есть **творчество!**) отличаются необыкновенной напряженностью и глубиной своихъ религіозныхъ исканій. И въ своихъ исканіяхъ далеко не всѣ они отходятъ отъ «традиціонной» вѣры; напротивъ, они приближаются, возвращаются къ ней. «Разрывъ», значитъ, имѣетъ мѣсто не только между интеллигенціей и народомъ, но и между интеллигенціей и ея вождями, которые, такимъ образомъ, оказываются вождями... безъ войска.

Если Милюковъ оставилъ этотъ фактъ безъ вниманія, то это, думается мнѣ, обусловлено его историческими воззрѣніями. За всю свою дѣятельность въ качествѣ историка онъ стремился остаться на научной почвѣ. А это значило для него: разрабатывать исторію на соціологической основѣ. Исторія и соціологія для него не — двѣ различныя научныя области. Исторія есть, такъ сказать, конкретная соціологія. А это значитъ, что она должна изучать преимущественно такія явленія, къ которымъ приложимы **мѣра** и **числа,** которыя можно сопоставить такъ, чтобы выяснилась ихъ взаимозависимость, и чтобы такимъ образомъ, обнаружилась закономѣрность историческаго процесса. Если это условіе не соблюдено, исторіи какъ науки, нѣтъ: исторіографія возвращается къ до-научному прагматизму. Другими словами, предметъ исторической науки — массовыя явленія. Надо ли говорить, какое значеніе для гуманитарныхъ наукъ имѣло примѣненіе соціологическаго метода. Безъ него историческая наука вообще не существуетъ, ибо наука есть система понятій. Какъ возможно образованіе понятій, составляющихъ основное содержаніе исторической науки, како-

вы общество, государство, народъ и т. д., безъ обращенія къ массовымъ явленіямъ? И все же: пользуясь соціологическимъ методомъ, нельзя упускать изъ виду главнаго условія всякой научной работы: наука обязана считаться со **всѣми** фактами, относящимися къ категоріи тѣхъ, которые суть спеціальный предметъ ея изслѣдованій. Если извѣстные факты нарушаютъ цѣнность извѣстной исторической концепціи, — тѣмъ хуже для послѣдней. Историкъ долженъ отказаться отъ нея, или попытаться ее видоизмѣнить, дополнить, или ограничить. Европейскимъ историкамъ было много легче примѣнить соціологическій методъ къ исторіи, нежели русскимъ. Европейскіе историки могли дѣйствительно спокойно оперировать съ «массовыми» явленіями. Болѣе того: для нихъ часто было удобнѣе брать въ качествѣ объекта изученія «средняго» человѣка, нежели заниматься великими людьми. Извѣстенъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ наиболѣе характерныя черты извѣстныхъ культурныхъ движеній проявляются въ болѣе чистомъ видѣ у подражателей, эпигоновъ, чѣмъ у творцовъ, создателей этихъ движеній. Во всякомъ случаѣ между «среднимъ» человѣкомъ и «великими» людьми въ Европѣ нѣтъ такого разрыва, такого hiatus какъ въ Россіи. Антирелигіозность Вольтера и Mr Homais, конечно, не «одно и то же», но все же, вторая — ничто иное какъ каррикатурное упрощеніе первой. При всѣхъ — громадныхъ — различіяхъ, Вольтеръ и Mr Homais оба, каждый по своему, представители **одной и той же** культуры. Въ Россіи словно не **одна** культура, **а двѣ.**

Это хорошо извѣстно. Обыкновенно это объясняется такими, ничего не значущими формулами, какъ «противорѣчивость» русской или даже славянской «души», и т. п. Это — тавтологіи, уклоненіе отъ отвѣта. Фактъ долженъ быть объясненъ научно, т. е. объективными историческими данными. Мы облегчимъ себѣ работу, прибѣгнувъ къ одной исторической аналогіи. То, что характерно для культурнаго развитія современной Россіи, напоминаетъ нѣчто, отмѣченное, хотя и въ меньшей степени, еще у одного народа — именно, у германскаго. И въ нѣмецкой культурѣ находимъ «внутреннія противорѣчія» такого же порядка. Интересно, что какъ разъ романтики, внесшіе въ историческую науку несчастное понятіе «народной души», въ данномъ случаѣ нашли правильное объясненіе для феномена, о которомъ идетъ рѣчь: для характеристики нѣмецка-

го народа, какъ продукта историческаго развитія романтики создали формулу: «недовершенная», «неготовая» нація. Къ русскому народу эта формула приложима въ еще большей степени. Рѣчь идетъ не о «возрастахъ». Къ народу понятіе «возрастовъ» неприложимо безъ оговорокъ и поясненій. Это — натуралистическое, не историческое понятіе. Рѣчь идетъ и не о «степеняхъ» культурнаго развитія. О народѣ, давшемъ человѣчеству Пушкина и Толстого, нельзя сказать, что онъ стоитъ на «низшей» ступени развитія, чѣмъ французы или англичане. И это же относится къ народу, давшему человѣчеству Гете и Бетховена. Но **какъ націи** русскіе и нѣмцы отстали отъ англичанъ и французовъ. И русскіе — въ еще большей степени, чѣмъ нѣмцы.

Прилагая къ русскимъ понятіе «недовершенной» націи, мы тѣмъ самымъ возвращаемся къ историческимъ идеямъ Милюкова. То, что мы сказали о «разрывѣ» между интеллигенціей и ея вождями въ Россіи, ничто иное, какъ использованіе его собственной общей мысли объ особенностяхъ русскаго національнаго развитія: ибо, послѣ Чаадаева, какъ разъ Милюковъ первый говорилъ о Россіи какъ «незавершенной» націи. Такимъ образомъ, критика, направленная нами противъ отдѣльныхъ сторонъ концепціи Милюкова, доказываетъ правильность этой послѣдней въ цѣломъ. Нація есть результатъ долгаго, сложнаго и труднаго процесса. Нація есть жизненная форма, извѣстное единство, и — въ этомъ смыслѣ — «организмъ». Это значитъ, что въ ней, всѣ сферы, изъ которыхъ состоитъ народная жизнь, образуютъ нѣкоторую **конкретность** (въ буквальномъ значеніи), срослись одна съ другою, проникнуты — выразимся неизбѣжными метафорами — общимъ «духомъ». Въ націи «незавершенной», «неготовой», въ народѣ, который еще не сталъ націей, эти сферы **дискретны,** несвязаны одна съ другой, несогласованы. Нація есть не только «духовное» въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и политическое единство. Въ ней Власть и Общество (Народъ) суть различные аспекты одной и той же величины. Обѣ категоріи, одинаково связаны **правомъ.** Безъ права нѣтъ общности политической жизни. Гдѣ нѣтъ господства права, нѣтъ и націи. Торжеству этого верховнаго принципа, этого основного начала національной жизни Милюковъ посвятилъ всю свою дѣятельность политика. И такъ какъ старая власть, которая далеко не была ни жестока, ни некультурна,

все же не считалась съ этимъ принципомъ, — это былъ ея **единственный,** но **роковой** порокъ — борьба за право неизбѣжно привела къ борьбѣ съ властью. Но, чтобы остаться послѣдовательнымъ въ этой борьбѣ, Милюковъ старался вести ее въ рамкахъ **легальности.** Ставъ, послѣ русской революціи во главѣ первой русской политической партіи, Милюковъ заявилъ, что его партія — «оппозиція Его Величества». Его цѣлью было — воспитать власть и общество въ духѣ права и законности, осуществить ту **конкретность** Власти и Народа, безъ которой нѣтъ Націи.

Въ этомъ отношеніи судьба Милюкова имѣетъ глубокое символическое значеніе. Онъ провѣрилъ на самомъ себѣ правоту своего утвержденія о «незаконченности» русскаго національнаго развитія. Этотъ поборникъ законности былъ взятъ подъ подозрѣніе и преслѣдуемъ властью какъ «мятежникъ» и «врагъ государства»; а послѣ второй русской революціи наихудшіе элементы русской интеллигенціи, ставшіе угнетателями Россіи, провозгласили его «врагомъ русскаго народа».

П. Бицилли.

Методологія П. Н. Милюкова*)

Германская историческая наука не можетъ оставаться въ сторонѣ, когда вы — сегодня — чествуете Павла Николаевича Милюкова. Его «Очерки по исторіи русской культуры», хотя и частично, но переведены на нѣмецкій языкъ: насколько мнѣ извѣстно, раньше всѣхъ другихъ **современныхъ** общаго характера работъ по русской исторіи. Не-русскій историкъ, имѣющій возможность ознакомиться съ оригиналомъ, найдетъ въ немъ существо русской культуры въ ея историческомъ развитіи, ея хозяйственную, государственную и сословную структуру, отъ церкви — къ просвѣщенію, національному сознанію и росту общественнаго мнѣнія.

Никакая историческая работа, какъ бы ни были объективны ея цѣли, не можетъ быть отдѣлена отъ личнаго міровоззрѣнія автора. Свое міровоззрѣніе Милюковъ отчетливо и подробно изложилъ въ введеніи къ своему труду. Съ самымъ крупнымъ русскимъ философомъ, Владиміромъ Соловьевымъ, этотъ историкъ не имѣетъ ничего общаго. «Философія исторіи», в смыслѣ телеологическаго объясненія историческихъ событій, является, по Милюкову, однимъ изъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ еще, пережитковъ давно отжившаго міросозерцанія. Онъ прибѣгаетъ къ помощи индуктивнаго и дедуктивнаго метода, чтобы познать историческое развитіе по его внутри-міровымъ законамъ. Бэконъ и Декартъ стоятъ у колыбели его соціоло-

*) Рѣчь произнесенная проф. докторомъ Карломъ Штеллиномъ въ Берлинѣ на банкетѣ посвященномъ чествованію П. Н. Милюкова 2 марта 1929 г. Печатается въ русскомъ переводѣ.

гическаго анализа. «Въ наше время», — пишетъ онъ, — «кажется, нѣтъ основанiй опасаться, что историческая теорiя будетъ продолжать игнорировать основныя, всюду одинаковыя тенденцiи историческаго процесса. Является, напротивъ, противоположная опасность, что теорiя придастъ имъ слишкомъ исключительное значенiе при объясненiи реальныхъ историческихъ явленiй. Не надо забывать, что установить дедуктивнымъ путемъ извѣстную закономѣрную послѣдовательность соцiальнаго развитiя еще не значитъ объяснить вполнѣ историческую реальность».

Эти строки направлены противъ марксизма. Милюковъ придаетъ также большое значенiе и роли личности въ исторiи. «Но только и послѣ пресловутаго яблока Ньютона, не сохраненнаго потомству никакимъ музеемъ древности, множество яблокъ падаетъ съ яблонь каждый день, не возбуждая болѣе ничьего вниманiя»; также въ примѣрѣ красоты Клеопатры — авторъ намекаетъ тутъ на остроумное замѣчанiе Паскаля объ ея носѣ — эта красота «могла бы для науки сыграть только въ томъ случаѣ роль ньютонова яблока, если бы нашелся какой-нибудь мыслитель, который вывелъ бы изъ этого обстоятельства новый законъ психологическаго тяготѣнiя». Впрочемъ, «психологическое значенiе любви намъ извѣстно изъ другихъ, болѣе надежныхъ источниковъ».

Иначе — и болѣе торжественно — судитъ нашъ Ранке. Въ общемъ, его историческая вѣра до самой смерти оставалась одна и та же. За 62 года до смерти, въ своей первой работѣ, онъ писалъ: «Человѣчество, какъ оно есть, — объяснимо или необъяснимо: надъ жизнью отдѣльнаго человѣка, поколѣнiй, народовъ временами простирается рука Божья». А Ранке умеръ только за 13 лѣтъ до появленiя труда Милюкова «Очерки по исторiи русской культуры». Наша современная нѣмецкая историческая наука переросла, конечно, культурно-историческiе взгляды Ранке и по **содержанiю** близка къ взглядамъ Милюкова. Тѣмъ самымъ и исторiи массъ она отводитъ болѣе широкое поле, такое же какъ и данное русское пониманiе и изображенiе исторiи.

И въ понятiи прогресса взгляды Милюкова отличаются отъ взглядовъ Ранке. Онъ сохраняетъ оптимистическую вѣру въ общiй прогрессъ массъ: «Какъ далеко пойдетъ человѣчество по этому пути, мы не знаемъ; но путь, которымъ можно придти

къ замѣнѣ стихійнаго историческаго процесса сознательнымъ, можетъ быть только одинъ: постепенная замѣна общественно-цѣлесообразныхъ поступковъ отдѣльныхъ личностей общественно-цѣлесообразнымъ поведеніемъ массъ». Здѣсь обнаруживается, какъ мнѣ кажется, вліяніе на точку зрѣнія Милюкова западнаго раціонализма. Но я рѣшаюсь къ этому прибавить, что въ ней сказывается также абсолютный противникъ Ленина и ленинскаго конечнаго идеала. Напротивъ, Ранке усматриваетъ безусловный и всеобщій прогрессъ только въ области матеріальныхъ интересовъ. Морали — а мораль мы должны въ данномъ случаѣ приравнять къ общественной цѣлесообразности дѣйствій — онъ придаетъ значеніе только **экстенсивнаго** прогресса. Если каждое послѣдующее поколѣніе будетъ цѣликомъ превосходить предыдущее, то каждое предыдущее поколѣніе будетъ, такъ сказать, къ нему присоединено (медіатизировано), но цѣнность послѣдующаго все же заключается въ его собственномъ существованіи. Потокъ исторіи движется не по прямой линіи, «а пробиваетъ себѣ путь своими собственными средствами». И «хитрость Разума», по Гегелю, кажется ему недостойной точкой зрѣнія. Руководящія идеи для Ранке — не что иное, какъ господствующія въ каждомъ столѣтіи тенденціи, съ присущимъ имъ безконечнымъ разнообразіемъ развитія по таинственно-великимъ законамъ.

И все-таки каждая отдѣльная личность, — а особенно политическій дѣятель, какъ Милюковъ, чей жизненный корабль, начиная съ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка, плылъ по все болѣе бурному потоку времени, будетъ хранить въ своей груди, какъ руководящую звѣзду, вѣру въ прогрессъ. Больше того: онъ всегда будетъ стремиться къ тому, чтобы ее обобщить съ точки зрѣнія окружающаго его міра и эпохи, даже если взглядъ Ранке на міровую исторію будетъ учить его другому. Это одна изъ человѣческихъ антиномій: Кантъ разрѣшилъ ее регулятивной идеей, которая послужила ему подтвержденіемъ его трансцендентальнаго идеализма.

Во всякомъ случаѣ, **послѣднее** слово Милюкова — въ его исторіи гибели старой Россіи — посвящено вѣрѣ въ прогрессъ, вѣрѣ въ эволюцію. **Въ этомъ** и Ранке не сталъ бы ему противорѣчить.

Я оставляю въ сторонѣ всякую **политическую** оцѣнку. Здѣсь имѣются внутри русскаго міра такія чаянія, противорѣчія

— и прежняго, и недавняго происхожденія, — что разсматривать ихъ не подобаетъ гостю-нѣмцу въ вашемъ кругу. Мои самыя сердечныя пожеланія, которыя я присоединяю къ вашимъ, его соотечественниковъ, относятся къ **историку,** открывшему намъ въ своихъ — имѣющемъ большое значеніе — трудахъ новые пути для познанія великой исторіи Россіи.

Д-ръ **Карлъ Штеллинъ.**

П. Н. МИЛЮКОВЪ, КАКЪ ПОЛИТИКЪ

Милюковъ, какъ политикъ*)

На меня выпала честь характеризовать на сегодняшнемъ собраніи нашего уважаемаго юбиляра, П. Н. Милюкова, какъ политическаго дѣятеля.

Задача эта, и сама по себѣ трудная и сложная, осложняется еще тѣмъ, что мнѣ приходится говорить въ присутствіи самого юбиляра, котораго я слишкомъ уважаю, чтобы говорить о немъ въ обычномъ приподнятомъ юбилейномъ панегиристическомъ тонѣ. А кромѣ того о политическомъ дѣятелѣ, который, вступая въ восьмой десятокъ своей жизни, не сказалъ «нынѣ отпущаеши», а напротивъ того, еще находится въ гущѣ политической борьбы, вокругъ котораго кипятъ человѣческія страсти, о политическомъ дѣятелѣ, имѣющемъ горячихъ приверженцевъ и страстныхъ ненавистниковъ, вообще нельзя говорить совершенно объективно. Объективной оцѣнки значенія П. Н. Милюкова въ исторіи Россіи придется ждать можетъ быть еще семьдесятъ лѣтъ.

Въ частности мнѣ, какъ члену той партіи, которую много лѣтъ въ Россіи возглавлялъ Павелъ Николаевичъ, трудно быть вполнѣ безпристранымъ несмотря на искреннее желаніе праздновать сегодня его не какъ партійнаго вождя, а какъ русскаго дѣятеля. Не сомнѣваюсь также, что моя оцѣнка П. Н. Милюкова покажется односторонней и крайне субъективной всѣмъ тѣмъ, кому великіе принципы свободы, равенства и братства представляются пустыми словесными побрякушками. Но вѣдь они

*) Рѣчь произнесенная на торжественномъ юбилейномъ собраніи въ Парижѣ 2-го марта 1929 г.

и не празднуютъ вмѣстѣ съ нами семидесятилѣтія Милюкова, какъ одинъ изъ дней русской культуры.

Въ многовѣковой исторіи человѣчества 70 лѣтъ — одна минута. Но какъ разъ за послѣдніе 70 лѣтъ въ жизни народовъ всего міра, а въ особенности въ жизни народа русскаго, произошли такія крупныя перемѣны, что вѣроятно будущіе историки именно тутъ гдѣ то проведутъ условную черту, отдѣляющую эпоху такъ называемой «новой» исторіи отъ какой-то иной начавшейся эры.

Если говорить только о Россіи, то вѣдь теперь она, пожалуй, менѣе похожа на ту Россію, какую П. Н. Милюковъ зналъ въ годы своей юности, чѣмъ та Россія на Россію времени царя Алексѣя Михайловича.

Когда въ жизни государства происходятъ такія колоссальныя перемѣны, быстро смѣняются въ немъ и политическіе вожди.

Руководство политической жизнью и политической мыслью до своей старости можетъ сохранить лишь тотъ изъ нихъ, кто уже въ прежнихъ условіяхъ жизни учитывалъ будущія перемѣны, но вмѣстѣ съ тѣмъ всю свою жизнь твердо стремился къ осуществленію опредѣленнаго общественнаго идеала, не смущаясь временными неудачами и крушеніями, а лишь измѣняя пути къ основной цѣли въ соотвѣтствіи съ измѣняющимися условіями жизни. Этими качествами обладаетъ П. Н. Милюковъ и потому мы видимъ его по прежнему бодрымъ и крѣпкимъ, сохранившимъ даже въ эмиграціи постъ политическаго вождя, съ мнѣніями котораго считаются не только за рубежомъ Совѣтской Россіи.

О томъ, что Милюковъ — одинъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ политическихъ дѣятелей, никто не споритъ. Споръ идетъ лишь объ оцѣнкѣ его дѣятельности.

Къ оцѣнкѣ я вернусь впослѣдствіи. Сейчасъ мнѣ хочется установить причины, почему именно П. Н. Милюкову довелось играть въ политической жизни нашей Родины столь выдающуюся роль. Позвольте для этого заглянуть въ далекое прошлое.

Въ семидесятыхъ годахъ, когда формировался духовный обликъ Милюкова молодежь рѣзко дѣлилась на двѣ, совершенно обособленныя другъ отъ друга группы. Одни

еще на гимназической скамьѣ на лету схватывали красивыя и завлекательныя идеи равенства и братства, принимавшія тогда въ Россіи форму народнической идеологіи. Познавъ истину, они принимали ее безъ критики и становились ея страстными адептами и пропагандистами. Полная благородныхъ чувствъ, горѣвшая страстной любовью къ низшему брату, готовая безоговорочно на самопожертвованіе, эта молодежь стихійно шла въ революцію.

Когда говорятъ о молодежи семидесятыхъ годовъ, представляютъ себѣ молодежь этого типа, хотя и въ тѣ времена, какъ и всегда, преобладала другая молодежь — бодрая и жизнерадостная, не увлеченная никакими широкими идеями, молодежь, учившаяся въ университетахъ въ мѣру, веселившаяся въ мѣру, а затѣмъ нормально продѣлывавшая свою жизненную карьеру. Большинство шло въ чиновничество, меньшинство уѣзжало въ свои дворянскія усадьбы и уже тамъ, на практической работѣ изъ наблюденій надъ жизнью, участвуя въ земствѣ, вырабатывало свои политическіе взгляды.

Была еще небольшая группа молодежи, занимавшаяся наукой и готовившаяся къ научной дѣятельности, каждый въ своей спеціальности.

П. Н. Милюковъ принадлежалъ къ этой послѣдней группѣ молодежи, но отличался отъ нея тѣмъ, что уже на студенческой скамьѣ заинтересовался и принялъ участіе въ общественномъ студенческомъ движеніи. Политическіе взгляды его сложились не путемъ эмоціональнаго воспріятіи и не изъ практическаго участія въ жизни, а прежде всего, какъ выводъ изъ научной работы мысли. Милюковъ-политикъ — отраженіе Милюкова-историка. Такое происхожденіе политическихъ идей Милюкова, почерпнутыхъ имъ изъ научныхъ занятій и, лишь затѣмъ, провѣренныхъ наблюденіями надъ жизнью, и явилось причиной ихъ прочности. Идеи, воспринятыя эмоціонально, легко стираются новыми эмоціями. Идеи, почерпнутыя изъ практической жизни не выдерживаютъ часто жизненныхъ перемѣнъ. Работа мысли всегда прочнѣе.

На старшихъ курсахъ университета Милюковъ уже законченный либералъ и демократъ.

Съ тѣхъ поръ много воды утекло. П. Н. Милюковъ

прожилъ долгую жизнь. Но убѣленный сѣдинами политическій вождь, прославившійся рѣзкими зигзагами своей политической тактики, всю эту долгую жизнь боролся за тѣ идеалы, которые онъ воспринялъ въ стѣнахъ университета.

Когда то вѣрность идеѣ считалась огромнымъ достоинствомъ человѣка. Теперь мода на «смѣну вѣхъ».

Конечно бываютъ гнилыя вѣхи, которыя слѣдуетъ мѣнять. Но за рѣдкими исключеніями смѣна вѣхъ политическимъ вождемъ знаменуетъ собою конецъ его политической карьеры.

Люди, стремящіеся руководить жизнью, не должны отступать отъ поставленныхъ себѣ цѣлей, если сами эти цѣли жизненны.

Итакъ, идеологическая прочность мысли была одной изъ причинъ, выдвинувшихъ П. Н. Милюкова въ ряды самыхъ выдающихся русскихъ политиковъ.

Другая особенность П. Н. Милюкова, ставшая причиной его исключительно выдающагося политическаго вліянія, лежитъ въ свойственной ему самостоятельности мысли. Въ то время, когда вся радикальная и демократическая молодежь была заражена соціалистическимъ народничествомъ, Милюковъ, хорошо изучившій, — лучше многихъ соціалистовъ, — соціалистическую литературу, не воспринялъ соціалистическихъ ученій. Это обстоятельство сыграло огромную роль въ его дальнѣйшей политической карьерѣ.

Въ концѣ прошлаго вѣка политическая борьба съ самодержаніемъ шла по двумъ главнымъ русламъ: по руслу революціоннаго соціализма и земскаго либерализма. Оба движенія эти были разрознены и попытки ихъ координировать не удавались. Значительная часть городской интеллигенціи сочувствовала революціонному движенію, но не участвовала въ немъ, не обладая для такой специфической дѣятельности необходимыми свойствами. Ощущалась поэтому потребность создать какое-то среднее приложеніе силъ, какую то смычку борящихся фронтовъ, чтобы разрушительная борьба одновременно стала и творческой. И вотъ создается представителями земскихъ либеральныхъ круговъ и городской интеллигенціи сначала Со-

юзъ Освобожденія, и затѣмъ партія Народной Свободы. Въ этихъ политическихъ объединеніяхъ естественно одна изъ главныхъ руководящихъ ролей досталась Милюкову. Какъ радикалъ и демократъ, признающій революцію, онъ былъ своимъ человѣкомъ въ демократическихъ кругахъ городской интеллигенціи, какъ не соціалистъ былъ пріемлемъ для либеральныхъ земцевъ. И вотъ, послѣ ухода по болѣзни съ политической арены его друга и старшаго политическаго наставника И. И. Петрункевича, П. Н. Милюковъ становится общепризнаннымъ вождемъ этого средняго теченія, представляемаго партіей Народной Свободы.

Ни одна изъ русскихъ политическихъ партій не имѣла въ своемъ составѣ такого количества выдающихся и блестящихъ людей, какіе входили въ партію Народной Свободы, а между тѣмъ, ни одинъ изъ партійныхъ лидеровъ, если не считать партійнаго диктатора Ленина, не пользовался внутри своей партіи столь огромнымъ вліяніемъ и авторитетомъ, какое имѣлъ Милюковъ среди своихъ единомышленниковъ.

Авторитетъ его не покоился на жестокой диктатурѣ. Упорный въ достиженіи цѣлей и съ твердой волей, онъ, однако, обладалъ той необходимой гибкостью, которая давала ему возможность руководить своей партіей не путемъ духовнаго насилія, а внутреннимъ авторитетомъ. То обстоятельство, что онъ, благодаря имъ же задуманной конструкціи партіи, оказался въ ея политическомъ центрѣ, въ положеніи какъ бы арбитра между ея правымъ и лѣвымъ крыльями еще болѣе упрочивало его незыблемое положеніе ея безсмѣннаго лидера.

Я позволю себѣ здѣсь остановиться на нѣкоторыхъ личныхъ свойствахъ нашего юбиляра, свойствахъ, утверждавшихъ его авторитетъ внутри партіи и за ея предѣлами. Вѣдь когда человѣкъ вступилъ въ восьмой десятокъ своей жизни, а въ особенности, если этотъ человѣкъ Милюковъ, — похвала въ лицо не звучитъ лестью.

Изъ личныхъ свойствъ Милюкова, кромѣ вышеуказанныхъ, я хотѣлъ бы отмѣтить здѣсь прежде всего его феноменальную трудоспособность. Для людей, близко наблюдавшихъ его кипучую дѣятельность въ теченіе многихъ лѣтъ, представляется чудомъ, что онъ стоитъ теперь

передъ нами свѣжій и бодрый. Даже свойственный его возрасту обычный терминъ — «старикъ» къ нему не подходитъ. Другой человѣкъ давно бы согнулся подъ тяжестью такой работы.

Работа въ Думѣ и ея комиссіяхъ, во фракціи, въ ея центральномъ комитетѣ. Безконечныя засѣданія въ которыхъ онъ или лидерствуетъ или предсѣдательствуетъ, а слѣдовательно все время на чеку, въ нервномъ и умственномъ напряженіи. Одновременно съ этимъ онъ публицистъ, почти ежедневно пишущій статьи, и редакторъ большой политической газеты. А для того, чтобы быть политикомъ такого масштаба, какъ онъ, нужно неустанно слѣдить за научной и политической литературой не только русской, но и иностранной.

Работаетъ днемъ, работаетъ ночью, спитъ наспѣхъ, ѣстъ наспѣхъ. И такъ многіе годы изо дня въ день.

Меня всегда поражало, что при этой нагрузкѣ, онъ всегда былъ въ курсѣ литературныхъ новинокъ, посѣщалъ театры и концерты и самъ игралъ на скрипкѣ.

Вспоминается мнѣ засѣданіе партійнаго съѣзда въ Михайловскомъ театрѣ во время революціи. Милюковъ предсѣдательствуетъ. Внимательно слушаетъ ораторовъ, рѣчи которыхъ долженъ резюмировать въ заключительномъ словѣ. Передъ нимъ на столѣ двѣ бумажки. На одной онъ записываетъ конспектъ рѣчей — (у него вѣдь привычка записывать всѣ рѣчи, не только умныя, но и глупыя). Но съ этой бумажки карандашъ его перескакиваетъ постоянно на другую. На ней пишется передовая статья для «Рѣчи» на тему, не имѣющую непосредственнаго отношенія къ съѣзду. А редакціонный мальчикъ подходитъ къ нему сзади и забираетъ эти бумажки, чтобы сейчасъ же везти ихъ въ типографію.

Козьма Прутковъ сказалъ: «нельзя дѣлать три дѣла разомъ: ѣсть вкусное кушаніе, обнимать пріѣзжаго друга и чесать гдѣ чешется». Афоризмъ этотъ написалъ миѳическій авторъ, очевидно не знавшій Милюкова.

Такая работоспособность имѣла своимъ двигателемъ не только пытливую мысль, но и глубокую вѣру въ свое дѣло и въ его правоту. А вѣра эта въ свою очередь поддерживала у Милюкова другое свойство, тоже необходи-

мое для крупнаго политическаго дѣятеля: безчувственность къ личнымъ нападкамъ враговъ.

Въ Россіи, да и теперь въ русской эмиграціи, едва-ли найдется человѣкъ, который подвергался бы такому количеству оскорбленій, какъ онъ. Въ чемъ только его ни обвиняли. Вспомните періодъ III Думы, когда Пуришкевичъ обвинялъ его въ томъ, что онъ купленъ финскими деньгами. Эту клевету размазывали во всѣхъ правыхъ газетахъ. Когда Милюковъ всходилъ на трибуну, справа неизмѣнно кричали: «финскія деньги!» «сколько получилъ?». Но вся эта клевета какъ горохъ отскакивала отъ спокойнаго, равнодушно улыбавшагося Милюкова. Ни тѣни волненія или раздраженія. Онъ выше обидъ и оскорбленій. И такъ всегда. И не онъ волнуется отъ получаемыхъ обидъ, а враги его раздражаются тѣмъ, что обиды не дѣйствуютъ. «Зевсъ, ты сердишься, значитъ ты неправъ».

Такъ же чуждъ былъ Милюкову всегда рефлексъ страха, парализующій необходимое для политическаго вождя чувство гражданскаго и физическаго мужества.

Всѣ мы въ большей или меньшей степени пережили состояніе людей травимыхъ и преслѣдуемыхъ, большинство изъ присутствующихъ навѣрно сидѣло когда-нибудь въ царскихъ или большевистскихъ тюрьмахъ, многіе — въ тѣхъ и другихъ. Нѣкоторый тюремный стажъ есть и у нашего юбиляра. Но что тюрьма по сравненію съ волей, если на волѣ вы постоянно живете въ атмосферѣ травли, которая ежеминутно можетъ перейти въ лучшемъ случаѣ въ оскорбленіе дѣйствіемъ, а въ худшемъ — грозить смертью. П. Н. Милюковъ значительную часть своей жизни провелъ въ положеніи травимаго. То справа, то слѣва, то въ Россіи, то за границей. Не разъ подготовлялись покушенія на его жизнь. И ни разу не дрогнулъ его голосъ, ни разу не остановилась пишущая рука. Всегда и вездѣ онъ говорилъ и писалъ то, что считалъ нужнымъ. Личная опасность даже побуждала его къ болѣе рѣзкимъ выпадамъ противъ своихъ противниковъ.

Мнѣ хорошо запомнился одинъ моментъ во время революціи, имъ самимъ вѣроятно забытый, когда я невольно залюбовался его мужествомъ и исключительнымъ при-

сутствіемъ духа. Это было 3-го іюля 1917 г. во время перваго возстанія большевиковъ въ Петербургѣ.

Вечеромъ 3-го іюля должно было состояться засѣданіе Центральнаго Комитета кадетской партіи въ партійной квартирѣ, на набережной Невы. Когда я пришелъ на это засѣданіе, то съ балкона увидѣлъ огромную толпу взбунтовавшагося Московскаго полка и вооруженныхъ красноармейцевъ, направлявшуюся съ Выборгской стороны черезъ Александровскій мостъ. Мы сразу поняли, какая опасность грозитъ Милюкову, котораго въ лицо знало большинство петербуржцевъ, если онъ поѣдетъ на засѣданіе черезъ эту взбунтовавшуюся стихію, быстро заполнившую Литейный проспектъ и набережную Невы. Спѣшно рѣшили перенести засѣданіе на частную квартиру, на Захарьевской улицѣ, о чемъ и сообщили Милюкову.

Онъ, невозмутимый, какъ всегда, пріѣхалъ туда и открылъ засѣданіе.

Вдругъ мы услышали шумъ остановившагося у подъѣзда грузовика. Кто-то выглянулъ въ окно и дрожащимъ голосомъ сообщилъ намъ, что съ грузовика соскочили вооруженные красноармейцы и входятъ въ подъѣздъ. Засѣданіе само собой прервалось. Два-три блѣдныхъ человѣка поднялись со своихъ мѣстъ и исчезли. Остальные, перебивая другъ друга, стали спорить о томъ, что дѣлать. Всѣ понимали, что непосредственная опасность грозитъ, главнымъ образомъ, Милюкову — этому размалеванному большевиками кровавому злодѣю, капиталисту и имперіалисту. Стали предлагать ему перебраться по черной лѣстницѣ въ другую квартиру и тамъ спрятаться, или переодѣться. Милюковъ спокойно продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, нѣсколько удивленно поглядывая на суетившихся вокругъ него людей. «Господа, вдругъ раздался его спокойный голосъ, есть положенія, изъ которыхъ нецѣлесообразно искать выхода. Предлагаю продолжать наши занятія. Слово принадлежитъ такому то». Засѣданіе продолжалось...

Увлекшись воспоминаніями, я отклонился отъ послѣдовательнаго изложенія своей темы. Позвольте ее продолжать.

Итакъ, Милюковъ послѣ революціи 1905 года занялъ центральное мѣсто въ центральной политической группировкѣ.

Во всякой нормальной конституціонной странѣ такое положеніе открывало бы передъ одареннымъ государственнымъ дѣятелемъ широкія творческія перспективы. Но въ уродливой россійской политической диспозиціи развернувшагося политическаго фронта, власть и монархъ, ее возглавлявшій, заняли мѣсто на крайнемъ правомъ флангѣ. Въ этомъ неустойчивомъ равновѣсіи власти было наше проклятіе и одна изъ главныхъ причинъ послѣдующихъ несчастій.

Вы можете себѣ представить весь трагизмъ положенія конституціонной партіи и ея лидера Милюкова, которые упорно продолжали вести борьбу въ такихъ условіяхъ политическаго тупика. Съ годами это ощущеніе безъисходности борьбы росло внутри партіи. На каждой партійной конференціи ощущался приливъ революціонныхъ настроеній, которыя привозили съ собой главнымъ образомъ наши провинціальные сочлены. Эти внутри-партійныя страсти умѣлъ сдерживать одинъ только Милюковъ. Онъ не хуже другихъ видѣлъ, какъ съужаются возможности конституціоннаго выхода изъ создавшагося положенія, но много лучше другихъ понималъ всѣ опасности для Россіи выхода революціоннаго. И умѣлой рукой опытнаго политика держалъ партію на тормозахъ, предпочитая малыя достиженія въ направленіи своихъ цѣлей бурнымъ потрясеніямъ со скачкомъ въ темную неизвѣстность.

И все же, несмотря на всю трудность работы, выпавшей на долю кадетской партіи и въ частности Милюкова, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, между двумя революціями, эта работа имѣла нѣкоторыя достиженія. Въ своей сегодняшней статьѣ въ «Послѣднихъ Новостяхъ» я о нихъ говорилъ. Здѣсь только перечислю: Это- во-первыхъ, утвержденіе мысли простой, однако, не только мало проникавшей въ широкія народныя массы, но даже не вполнѣ усвоявшейся русской интеллигенціей, а именно, что помимо идейныхъ догмъ и классовыхъ интересовъ существуютъ интересы общегосударственные, что Россія не только

привычная намъ почва, но и большая самоцѣль. Во-вторыхъ, противупоставленіе политикѣ утопическихъ лозунговъ реальной политики, связанной съ неизбѣжными компромиссами, т. е. той, которая дѣлается въ любомъ культурномъ государствѣ.

Кадетская партія подъ руководствомъ Милюкова была хорошей политической школой и многое изъ того, чему мы научились въ этой школѣ, не погибло въ огнѣ революціи, а наоборотъ, можетъ быть еще больше закрѣпилось въ сознаніи, и еще пригодится при будущемъ строительствѣ Россіи.

Конечно, Милюковъ, какъ политическій и государственный дѣятель далъ Россіи меньше, чѣмъ могъ дать. Несчастье его заключалось въ томъ, что ему, созданному для руководства политикой мирно развивающагося культурнаго конституціоннаго государства, пришлось жить въ эпоху величайшихъ потрясеній, когда мысль и воля отдѣльнаго человѣка безсильны среди бушующихъ волнъ стихіи.

Характерной особенностью Милюкова-политика является его исключительная политическая дальнозоркость. И не разъ осуждавшіе его политику люди по прошествіи ряда лѣтъ признавали его правоту. Вспомните споры его съ лѣвыми въ періодъ выборовъ въ I-ую Государственную Думу, которую они бойкотировали. Если бы не было этого бойкота, если бы на всѣхъ петербургскихъ и московскихъ митингахъ лѣвые ораторы не дискредитировали бы Думу, можетъ быть правительство не рѣшилось бы ее распустить, а тогда и дальнѣйшая исторія Россіи сложилась бы иначе. Вспомните споръ Милюкова по балканскому вопросу съ оффиціальными представителями власти передъ войной. Если бы балканская политика творилась по Милюкову, міровая война, можетъ быть, была бы отсрочена, да и результатъ ея могъ быть инымъ для Россіи. Вспомните, какъ поносили Милюкова во время революціи изъ-за вопроса о проливахъ. Теперь, проѣхавъ бѣженцами черезъ эти самые проливы, закрытые для Россіи уже навсегда, мы всѣ конечно понимаемъ, что тогда онъ былъ безконечно правъ съ точки зрѣнія интересовъ Россіи, которая теперь еще больше отрѣзана отъ свободныхъ

морскихъ торговыхъ путей. Вообще о многомъ теперь приходится говорить условно: «Если бы». Если бы въ свое время была произведена кадетская аграрная реформа, если бы своевременно Польша получила автономію, если бы во время войны Россія имѣла бы отвѣтственное правительство, котораго такъ страстно добивалась еще Первая Дума...

Вспоминается мнѣ одно засѣданіе центральнаго комитета партіи Народной Свободы во время революціи, послѣ того, какъ самому Милюкову пришлось уйти изъ Временнаго Правительства. Онъ тогда рѣшительно настаивалъ на отозваніи всѣхъ кадетскихъ министровъ. Я лично возмущался его точкой зрѣнія. Возмущались и многіе. Помню взволнованнаго Шингарева, который ходилъ большими шагами по сосѣдней комнатѣ, но, будучи самъ министромъ, не считалъ себя вправѣ участвовать въ преніяхъ. Онъ сказалъ: «Съ какой-бы я радостью ушелъ изъ правительства, но вмѣстѣ съ тѣмъ морально я не считаю себя въ правѣ на это, и позиція Милюкова для меня непріемлема».

А Милюковъ говорилъ (слова его помню почти дословно): «Господа, развѣ вы не видите, что революція сошла съ рельсъ и катится въ пропасть. Это стихійный и страшный процессъ, но предотвратить его мы уже не въ силахъ. Чѣмъ скорѣе онъ пойдетъ, тѣмъ скорѣе закончится, и для Россіи это будетъ лучше».

При голосованіи онъ остался въ меньшинствѣ, вѣроятно въ первый разъ съ основанія партіи. А теперь, вспоминая его точку зрѣнія, я не могу не признать, что и тогда онъ былъ правъ.

Я хочу коснуться здѣсь и политики Милюкова въ эмиграціи, политики, которую самъ не во всемъ раздѣляю. Вспомните, какую бурю вызвала нѣсколько лѣтъ тому назадъ его такъ называемая «новая тактика». А теперь уже многое изъ того, что онъ тогда говорилъ и что почиталось тогда невѣроятной ересью, молча признано всѣми. Кто теперь серьезно будетъ разсуждать объ интервенціи, о походѣ бѣлыхъ армій на Россію, кто сомнѣвается въ томъ, что большевистское иго сможетъ быть низвергнуто лишь

внутренними силами и что паденію большевиковъ долженъ предшествовать (а съ тѣхъ поръ прошло уже 8 лѣтъ) длительный періодъ изживанія диктатуры партіи съ одной стороны и организаціи враждебныхъ имъ силъ съ другой, кто сомнѣвается въ невозможности возстановленія въ правахъ старыхъ собственниковъ послѣ паденія большевизма? Вѣдь сейчасъ полемика съ Милюковымъ его газетными врагами ведется о другихъ и, нужно сказать, довольно туманныхъ вещахъ, какъ напримѣръ, по вопросу о такъ называемомъ «активизмѣ», понятіи не поддающемуся точному опредѣленію и т. п.

Но политическая дальнозоркость, являющаяся огромнымъ его качествомъ и которая при нормальныхъ условіяхъ содѣйствовала бы развитію его творческихъ силъ, въ условіяхъ революціоннаго времени иногда была источникомъ его политическихъ промаховъ. Глядя поверхъ бурлящей жизни, онъ не всегда ощущалъ ея біеніе, ея психологію. Это, при всѣхъ качествахъ его, какъ политическаго дѣятеля, является его основнымъ недостаткомъ. И еще есть одно и качество и недостатокъ у Милюкова политика. Онъ органически неспособенъ быть демагогомъ. И, если это качество помогло ему всегда твердо вести свою политическую линію, то оно же, какъ недостатокъ иногда бывало причиной его пораженій. Поэтому онъ былъ вождемъ интеллигенціи и черезъ нее, конечно, вліялъ на массы, но толпу, то правую, то лѣвую, руководимую демагогами имѣлъ противъ себя. А въ революціи вѣдь часто именно толпа рѣшаетъ.

Заканчивая свою поневолѣ неполную характеристику П. Н. Милюкова, какъ политическаго дѣятеля, позвольте сказать нѣсколько словъ о тѣхъ идеяхъ, которымъ онъ служилъ всю свою жизнь.

До революціи въ соціалистическихъ кругахъ (а русская демократическая интеллигенція была въ большинствѣ своемъ пропитана соціалистическими идеями) господствовала мысль, что демократія — это лишь этапъ, лишь средство къ достиженію соціализма. Господа, теперь всѣ мы, и соціалисты въ томъ числѣ, стали зрѣлѣе. Я думаю, что большая часть мыслящей демократіи теперь понимаетъ ошибочность этого взгляда, понимаетъ, что

принципы демократіи — свобода, равенство и братство, или, точнѣе говоря — свобода, справедливость и любовь, суть извѣчные идеалы человѣческаго общежитія, къ которымъ человѣчество всегда будетъ стремиться, а что соціализмъ является лишь однимъ изъ мыслимыхъ средствъ къ достиженію этого высокаго идеала. Большевики обожествили это средство и упразднили цѣль.

Мы-же сегодня собрались сюда привѣтствовать человѣка, вся жизнь котораго была, есть и будетъ служеніемъ дорогой намъ всѣмъ великой цѣли.

Но дорогъ онъ намъ не только этимъ. Мы цѣнимъ его, какъ русскаго патріота сумѣвшаго сочетать это служеніе высокому идеалу съ неустанной заботой о благѣ родины, о ея мощи и преуспѣяніи.

Пожелаемъ-же ему жить и работать еще многіе годы.

В. Оболенскій.

Политическая дѣятельность П. Н. Милюкова*)

Политическая дѣятельность Милюкова началась въ 90-хъ годахъ, — въ воспоминаніяхъ того времени часто фигурируетъ молодой московскій историкъ, которому, по не зависѣвшимъ отъ него причинамъ, пришлось оставить сначала Москву, а потомъ на нѣсколько лѣтъ и Россію, — но на первыхъ мѣстахъ, въ центрѣ событій мы видимъ Милюкова начиная съ начала 900-хъ годовъ, когда онъ быстро сталъ вождемъ широкаго общественнаго движенія, приведшаго къ побѣдѣ 17 октября. Милюкову принадлежало одно изъ первыхъ мѣстъ въ Союзѣ Освобожденія и онъ былъ авторомъ самыхъ отвѣтственныхъ документовъ этого движенія. Въ статьяхъ Милюкова въ «Освобожденіи» мы видимъ уже того самаго Милюкова, — перваго въ Россіи политика европейскаго типа, — котораго мы потомъ слышали съ трибуны Государственной Думы и читали въ его «Рѣчи», котораго теперь читаемъ въ его парижской газетѣ. Перу Милюкова принадлежитъ историческое заявленіе «Отъ русскихъ конституціоналистовъ», напечатанное лѣтомъ 1902 года въ первомъ нумерѣ «Освобожденія» и написанное по порученію группы лицъ, вмѣстѣ съ Милюковымъ объединившихся тогда вокругъ покойнаго И. И. Петрункевича. Этотъ историческій документъ есть первая конституціонная программа новаго періода русской политической борьбы. Для Милюкова-политика характерна въ этомъ документѣ его заключительная часть. Ми-

*) Рѣчь произнесенная въ Берлинѣ на банкетѣ посвященномъ чествованію П. Н. Милюкова 2 марта 1929 г.

люковъ разсказываетъ полную глубокаго смысла легенду изъ исторіи древняго Рима. Сивилла изъ Кумъ пришла къ царю Тарквинію продавать ему Книгу Судебъ. Царь хотѣлъ купить эту книгу, но назначенная Сивиллою цѣна показалась царю дорогой. Тогда Сивилла бросила въ огонь часть книги, а за оставшуюся часть потребовала ту же цѣну. Царь все колебался. Сивилла сожгла еще часть книги — и вновь потребовала прежнюю цѣну. Посовѣтовавшись съ авгурами, царь купилъ — за прежнюю цѣну — то, что осталось. Разсказавъ эту легенду, Милюковъ писалъ: «Римская легенда даетъ полезный урокъ царямъ и авгурамъ. Съ историческою необходимостью торговаться опасно. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше она уступаетъ. И кто не хочетъ читать таинственную Книгу Судебъ въ ея естественномъ порядкѣ, тотъ дорого заплатитъ за послѣднія страницы, на которыхъ написана развязка». Въ этихъ словахъ — весь Милюковъ. Въ этомъ самомъ тонѣ онъ говоритъ и съ нынѣшними властителями Россіи.

Вооруженный зрѣніемъ рѣдкой остроты и зоркости, — притомъ зрѣніемъ, обращеннымъ въ будущее, — онъ не только борется, но и всегда предупреждаетъ. Онъ предупреждалъ — настойчиво, упорно предупреждалъ старую власть о томъ, къ чему приведетъ ея безумная, слѣпая политика. Онъ предупреждалъ Россію о томъ, что ее ждетъ, если не заставятъ монархію и правящіе круги одуматься.

Борьба, которую вели съ властью руководившіеся Милюковымъ общественныя группы, была борьбою за пріобщеніе народа къ государственному дѣлу, къ государственности, которыя, — такъ сложилась, къ несчастью, русская исторія, — были для русскаго народа силою внѣшняго порядка, мало проникавшею народное сознаніе, не цементировавшею народной жизни, какъ это имѣетъ мѣсто у западныхъ народовъ. Это была борьба за удовлетвореніе въ правовыхъ формахъ вѣковыхъ народныхъ нуждъ, — чтобы отчаявшійся народъ не имѣлъ надобности въ обращеніи къ насильственнымъ формамъ. Это была борьба за предотвращеніе давно обозначившейся — ясно видимой историку Милюкову — опасности революціи. Будущій историкъ признаетъ, что это была единственная въ Россіи того времени созидательная политическая программа. Консерватизмъ не могъ вѣдь у насъ служить программою борьбы за предотвращеніе революціи, — былъ ли у насъ вообще консер-

ватизмъ, достойный этого имени? Тургеневъ писалъ когда-то Герцену: «Откуда взяться консерваторству на Руси? Не подойти же къ гнилому плетню и сказать ему: ты — не плетень, а каменная стѣна, къ которой я намѣренъ пристраивать»... Слѣпая власть упорно отказывалась смѣнить догнивавшій плетень каменной стѣной народной государственности — и вооруженный глазъ видѣлъ въ перспективѣ угрозу революціи. Милюковъ зналъ, какою она будетъ въ Россіи, съ ея политической и соціальной отсталостью, съ отсутствіемъ цемента въ ея государственномъ и соціальномъ строеніи, съ вѣковымъ невѣжествомъ и вѣковыми обидами ея народа, съ созданнымъ властью максимализмомъ большой части ея интеллигенціи.

Слѣпая власть упорно не желала отказать Россіи въ революціи. Милюковъ же упорно не признавалъ за «помазаникомъ Божіимъ» и за его «окруженіемъ» права вести народъ къ катастрофѣ. И онъ велъ борьбу за предотвращеніе катастрофы. Если бы старая власть, — та государственность, которая была налицо, — не отвергла протянутой ей общественностью руки, она не рухнула бы въ пропасть, отъ края которой она упорно не хотѣла отойти. Если бы она въ свое время приняла и честно исполнила основныя требованія первой Думы, мы не имѣли бы революціи. Вмѣсто того—что сдѣлали старая власть и поддерживавшіе ее круги? О конституціонномъ манифестѣ 17 октября царю — какъ говорилъ Витте приглашавшимся въ министры общественнымъ дѣятелямъ—нельзя было упоминать: царь ненавидѣлъ этотъ манифестъ и только о томъ и думалъ, какъ отказаться отъ даннаго слова, какъ взять назадъ данную уступку. Конституціонное законодательство систематически саботировалось, — для этого была использована «пробка» Государствен. Совѣта. Власть открыто поддерживала партію государственнаго переворота. Съ Думою — даже третьеіюньскою — велась война. Управленіе было сведено къ примѣненію исключительныхъ положеній. На всей западной окраинѣ — отъ Торнео и до Чернаго моря — на всемъ будущемъ плацдармѣ и ближнемъ тылу виднѣвшейся на горизонтѣ войны Столыпинъ ковалъ, не покладая рукъ, будущій сепаратизмъ окраинныхъ народностей. Милюковъ ни на одну минуту не прекращалъ борьбы: онъ дѣлалъ дѣло организаціи общественныхъ силъ. Милюковъ не останавливалъ и своего постояннаго дѣла — дѣла разъясненія и предупрежденія.

Говоря объ этомъ періодѣ и въ связи съ нашими національными вопросами, я долженъ остановиться на роли Милюкова въ нашей предвоенной внѣшней политикѣ. Здѣсь, въ Германіи его часто называютъ шовинистомъ, обвиняютъ въ потворствѣ аггресивной политикѣ на Балканахъ, считаютъ чуть ли не однимъ изъ виновниковъ войны. Конечно, это невѣрно, до вздорнаго невѣрно. Но и въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ нерѣдко приходится встрѣчаться съ неправильными представленіями по этимъ вопросамъ. Поэтому нужно сказать со всею определѣнностью: Милюковъ былъ не сторонникомъ, а именно противникомъ той оффиціальной русской политики, которая ставила себѣ задачею осуществить въ Сербіи угрозу тылу Австро-Венгріи и этимъ путемъ обезпечить позиціи Россіи на Балканахъ и въ проливахъ. Поэтому онъ и предостерегалъ противъ чрезмѣрностей нашего оффиціальнаго сербофильства,—отсюда и такъ наз.«болгарофильство» Милюкова. Перечтите его книгу о «Балканскомъ вопросѣ и политикѣ Извольскаго» — и вы уже въ предисловіи къ ней найдете формулировку политики, которую Милюковъ рекомендовалъ и отстаивалъ. Онъ требовалъ рѣшенія балканскихъ вопросовъ силами и въ интересамъ всѣхъ балканскихъ народовъ, всѣхъ — значитъ и турокъ. Перечтите эту книгу — и вы увидите, что Милюковъ былъ противъ постановки вопроса о проливахъ какъ очередной реальной задачи русской внѣшней политики (что касается Константинополя — онъ навсегда остался противникомъ его отобранія у турокъ). Возстановите въ вашей памяти парламентскія рѣчи Милюкова по бюджету министерства иностранныхъ дѣлъ, его статьи въ «Рѣчи» и въ «Ежегодникахъ Рѣчи» — и вы удивите, какъ не переставалъ онъ сдерживать черезчуръ импульсивнаго Извольскаго и вообще нашу оффиціальную дипломатію, какъ старался онъ помочь Сазонову высвободиться изъ связывавшихъ его путъ традиціи и фатализма. Милюковъ не принадлежалъ никогда къ славянофильству, — старшее поколѣніе нашей интеллигенціи помнитъ его литературную борьбу со славянофильскими теоріями и съ эпигонами славянофильства, — но онъ не принялъ участія и въ такъ называемомъ неославянскомъ движеніи: привлеченный къ нему, онъ тотчасъ же оставилъ его, не желая дѣлать дѣла «Новаго Времени» и Владиміра Бобринскаго; онъ не поѣхалъ поэтому и на славянскіе съѣзды въ Прагу и Софію, не принялъ участія въ политикѣ мелкихъ провокацій, явно грозив-

шихъ крупными послѣдствіями. Едва успѣло остыть возбужденіе, вызванное кризисомъ 1908 года, закончившимся дипломатическимъ пораженіемъ Россіи, — наступилъ рядъ новыхъ, смѣнявшихъ другъ друга международныхъ кризисовъ, все болѣе отчетливо вырисовывавшихъ на горизонтѣ очертанія грозящей войны. Милюковъ указывалъ на эти очертанія — и опять предупреждалъ. Онъ предъявлялъ къ власти и къ командующимъ кругамъ два требованія: большей осторожности во внѣшней политикѣ и прекращенія войны съ собственнымъ населеніемъ — во внутренней. Бухарестскій миръ, разрушившій всякое равновѣсіе на Балканахъ и приблизившій этимъ войну, Милюковъ ставилъ въ пассивъ нашей дипломатіи, которая не только не сумѣла предотвратить его, но несетъ за него и часть отвѣтственности. Милюковъ не переставалъ предупреждать, что безудержное сербофильство можетъ завести далеко — дальше даже, чѣмъ того хотятъ сами русскіе націоналисты... А потомъ — потомъ пришли іюльскіе дни 1914 года. Милюковъ опять предупреждалъ... Онъ понималъ, конечно, откуда война идетъ, понималъ, что раньше или позже она неминуема, но боролся за новую ея отсрочку, боролся противъ войны. Онъ требовалъ локализаціи австро-сербскаго конфликта. Отъ дня, когда въ Петербургъ пришла телеграмма съ содержаніемъ австрійскаго ультиматума, и до дня объявленія намъ Германіей войны Милюковъ, не переставая, защищалъ эту — въ тѣ дни такую непопулярную — позицію. Если называть теперь вещи ихъ подлинными именами, то нужно сказать, что Милюковъ тогда, въ тѣ роковые предвоенные дни требовалъ отъ русской дипломатіи величайшихъ уступокъ Германіи, вплоть до формальнаго согласія на основное требованіе Германіи, — ибо локализація австросербскаго конфликта была въ тѣ дни оффиціальной позиціей Германіи. Этимъ я совсѣмъ не хочу сказать того, что принятіемъ этого требованія Германіи война была бы непремѣнно избѣгнута. Однако, это могло ее отодвинуть, могло ее отложить... Такъ или иначе, будущій историкъ признаетъ, что Милюковъ былъ въ тѣ дни единственной въ Россіи общественной силой, активно боровшейся противъ войны. Милюковъ понималъ, чѣмъ грозитъ и человѣчеству, и Россіи европейская война. И онъ открыто писалъ, что размѣры повода ни въ малѣйшей степени не соотвѣствуютъ размѣрамъ риска... Мы помнимъ, какимъ улюлюканьемъ встрѣчены были эти мудрыя предостерегающія слова

въ казенной и націоналистической печати. Мы помнимъ, что въ самый день назначенія вел. кн. Николая Николаевича главнокомандующимъ газета Милюкова была закрыта...

Началась война. И уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россія вступила въ полосу рѣшающихъ потрясеній. Постепенно стало становиться ощутимымъ приближеніе катастрофы. А лѣтомъ-осенью 1915 года началась революція. Да, она началась не въ февральскіе дни 1917 года, — всѣ врутъ календари: до солдатскаго возстанія, до бѣгства царскихъ министровъ, до отреченія царя — Россія прожила полтора года въ революціи (и во Франціи, кстати, начало ея революціи относятъ даже не къ 1791, а именно къ 1789 году). Правительство и монархъ были постепенно всѣми оставлены, ихъ перестали уважать, постепенно имъ перестали повиноваться. Это о томъ времени писалъ впослѣдствіи Шульгинъ, что государю были въ лицо брошены всѣ возможныя оскорбленія. Монархія была въ корнѣ подточена и падала, никѣмъ и ничѣмъ не поддерживаемая, окруженная общимъ презрѣніемъ. Что дѣлалъ въ эти страшные полтора года Милюковъ? что дѣлали въ это время руководившіеся имъ общественные круги, чрезвычайно тогда возросшіе? Противники Милюкова говорятъ: онъ дѣлалъ революцію. Пустыя слова. Страна была уже во власти революціи, — и думать приходилось о томъ, какъ спасти въ революціи страну отъ анархіи. Другой противникъ, Гучковъ обвиняетъ Милюкова въ обратномъ: онъ ставитъ Милюкову и руководившимся имъ общественнымъ кругамъ въ упрекъ то, что они въ нужное время не сдѣлали революціи, что они не сознали необходимости насильственнаго революціоннаго переворота и не взяли его въ свои руки, тѣмъ самымъ предоставивъ выполненіе этой болѣзненной операціи слѣпымъ стихійнымъ силамъ. Здѣсь не мѣсто разбирать вопросъ о томъ, правъ ли Гучковъ, ставящій Милюкову въ вину недѣланіе революціи. Вѣрно, что до послѣдней минуты Милюковъ боролся за предотвращеніе элементовъ переворота, не открывающаго двери стихіи. Кто правъ въ этомъ — Милюковъ или Гучковъ? Можемъ ли мы рѣшить теперь этотъ вопросъ — одинъ изъ самыхъ большихъ и самыхъ трудныхъ вопросовъ русской революціи? И черезъ сто лѣтъ историки русской революціи не будутъ согласно рѣшать этотъ капитальный вопросъ, — подобно тому какъ теперь, черезъ почти полтораста лѣтъ послѣ начала французской революціи историки ея

дѣлятся на дантонистовъ, робеспьеристовъ и др. Но вспомнимъ одно — что вѣдь и Гучкову не удавалось сдвинуть его планъ съ начальной точки... Милюковъ боролся противъ предоставленія рѣшенія стихійнымъ силамъ. Шульгинъ такъ описываетъ борьбу прогрессивнаго блока: «Мы — такая цѣпь, когда солдаты берутся за руки. Насъ толкаютъ въ спину и заставляютъ двигаться впередъ. Но мы упираемся. Держимъ другъ друга за руки и не позволяемъ толпѣ прорваться. Такъ мы идемъ, упираясь, а насъ давятъ въ спину, уже полтора года. Богъ его знаетъ, если бы мы не сдѣлали этой цѣпи, можетъ быть, — толпа уже давно прорвалась бы». Не знаю, присоединится ли самъ Милюковъ къ этой характеристикѣ борьбы, которою онъ тогда руководилъ. Но думаю, что это было такъ: это была борьба за мирный исходъ, борьба за то, чтобы не вырвалась изъ береговъ стихія. Съ упорствомъ, вошедшимъ въ поговорку, Милюковъ не переставалъ предупреждать власть о послѣднихъ страницахъ книги Сивиллы — о тѣхъ страницахъ, на которыхъ написана развязка..

Этой борьбѣ не суждено было успѣха. Даже тогда, когда вѣрность предупрежденій Милюкова стала осязательно-очевидной, когда эти предупрежденія стали голосомъ всей сознательной Россіи, — и тогда слѣпая, глухая, обреченная монархія не желала отодвинуть свой тронъ отъ края пропасти, не желала отказать Россіи въ катастрофѣ. И роковое совершилось. Цѣпь была прорвана. Царскіе министры сбѣжали и попрятались, бѣжалъ генералъ командующій войсками Петербурга, оставленный самыми близкими людьми царь отрекся. Милюковъ продолжалъ и въ эти дни бороться. Онъ продолжалъ все ту же борьбу — становившуюся все болѣе безнадежной — противъ стихіи. Его роль въ совѣщаніи 3 марта на квартирѣ князя Путятина, когда онъ, поддержанный однимъ Гучковымъ, встрѣтивъ противодѣйствіе со стороны монархистовъ Родзянко и Шульгина, призывалъ вел. кн. Михаила Александровича стать центромъ борьбы противъ уже раскрывшей свою звѣриную пасть анархіи,—проливаетъ свѣтъ на разгадку его личности, на смыслъ всей его политической жизни. Въ его выступленіяхъ въ этомъ совѣщаніи, красочно воспроизведенныхъ въ воспоминаніяхъ Шульгина, отразился весь Милюковъ. Кто другой уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ переворота обнаружилъ такую остроту предвидѣнія, кто другой обнаружилъ тогда столько независимо-

сти и столько мужества? Даже его противникъ Шульгинъ вынужденъ признать: «онъ каркалъ, какъ воронъ каркалъ мудрыя, вѣщія слова». Милюковъ предложилъ отчаянной смѣлости планъ борьбы, предложилъ себя для исполненія этого плана. Но — этотъ планъ требовалъ смѣлости и отъ другихъ: прежде всего отъ в. кн., но и отъ другихъ руководителей событій. Планъ не былъ принятъ. Романтикъ монархіи Шульгинъ нашелъ планъ Милюкова неосуществимымъ; и теперь приходится слышать повтореніе этого упрека въ неосуществимости. Я желалъ бы знать: болѣе ли осуществимыми оказались другіе планы спасенія страны? лучшими ли были другіе планы? И еще вопросъ — важный для характеристики чествуемаго нами сегодня Милюкова: кто другой обнаружилъ въ тѣ дни столько мужества, столько отчаянной смѣлости, кто еще сдѣлалъ въ тѣ дни такой вызовъ стихіи?..

Послѣ неудачи 3 марта для Милюкова все дальнѣйшее было, повидимому, ясно. Немногимъ извѣстно, что онъ послѣ этого не хотѣлъ оставаться во временномъ правительствѣ, что онъ остался въ немъ, лишь уступивъ принужденію своей партіи, — а послѣ апрѣльскаго конфликта онъ 2 мая отказался уступить и этому принужденію и окончательно ушелъ изъ правительства. Онъ видѣлъ неизбѣжное. Однако не только не уклонялся отъ участія въ борьбѣ, но и звалъ къ борьбѣ. Онъ участвовалъ во всей дальнѣйшей борьбѣ — и въ дооктябрьской, и въ послѣоктябрьской.

Большіе этапы этой борьбы уже стали достояніемъ исторіи. Причины неудачи періода гражданской войны не представляютъ уже, въ общемъ, загадки. Уже въ 1920 году Милюковъ далъ этой неудачѣ объясненіе, съ тѣхъ поръ въ основномъ — я не говорю о частностяхъ — подкрѣпленное большой литературой. И уже тогда, указывая причины пораженія, только что понесеннаго, Милюковъ призывалъ къ пересмотру всей идеологіи борьбы. Онъ призывалъ разстаться съ иллюзіями и открыто смотрѣть въ глаза совершающемуся въ Россіи. За большевиками, говорилъ Милюковъ, за туманной завѣсой коммунистическаго дурмана и подъ покровомъ большевистской лжи нужно разглядѣть подлинную — большую и глубокую — народную революцію, процессъ передвиженія всѣхъ пластовъ и перерожденія всѣхъ тканей народной жизни. Не только п р и з н а т ь нужно этотъ процессъ во всемъ его значеніи, — его нужно и

принять, т. е. его нужно сдѣлать отправною точкою всей дальнѣйшей борьбы, потому что отъ него, какъ отъ исходнаго момента, будетъ идти вся дальнѣйшая исторія Россіи. И именно отправляясь отъ признаной и принятой революціи, нужно вести борьбу съ деспотіей большевиковъ — борьбу во имя тѣхъ же началъ, во имя которыхъ велась борьба противъ творившей катастрофу старой власти: во имя культуры и политической свободы, во имя свободной Россіи.

Кто изъ насъ не помнитъ, какъ встрѣчены были эти мысли тогда, въ первые годы нынѣшняго десятилѣтія? Тогда и произошелъ расколъ въ старой партіи Милюкова, — къ этому времени относится появленіе у Милюкова тѣхъ противниковъ, для которыхъ І. В. Гессенъ только что придумалъ (не знаю, удачно ли) названіе «друзей-противниковъ». На чемъ произошелъ расколъ? Онъ произошелъ на вопросѣ о возможности вооруженной борьбы съ большевиками извнѣ. Но съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ уже рѣшенъ — рѣшенъ жизнью — рѣшенъ въ пользу точки зрѣнія Милюкова. И теперь, въ послѣдніе годы полемика съ Милюковымъ его «друзей-противниковъ» уже болѣе не ведется по главному, по основному вопросу: о значеніи и смыслѣ происходящаго въ Россіи, — объ этомъ многіе изъ нихъ теперь говорятъ, въ сущности, его же словами. И то, что 8 лѣтъ назадъ такъ раздражало многихъ, теперь — повидимому — становится общимъ достояніемъ всѣхъ, кто не утратилъ потребности видѣть вещи въ ихъ реальномъ видѣ. Такъ въ чемъ же теперь отличіе «друзей-противниковъ» отъ друзей? Этого — при всемъ желаніи — не понять.

На эти темы можно было бы сказать много. Но это не входитъ въ мою задачу, да и время уже позднее: я только что получилъ отъ нашего предсѣдателя записку, въ которой онъ обращаетъ мое вниманіе на поздній часъ. Я скажу поэтому еще только нѣсколько словъ.

Часто говорятъ и пишутъ о несогласіи съ тактикой Милюкова. Его тактика, говорятъ, не удовлетворяетъ: она, говорятъ, недостаточно активна. Въ этой связи въ нѣкоторыхъ кругахъ эмиграціи вошло въ моду склонять во всѣхъ извѣстныхъ грамматикѣ падежахъ словечко «активизмъ». Но — я спрашиваю: чѣмъ «активисты» активнѣе Милюкова? И еще: кто, какъ не онъ, безспорно представляетъ небольшевистскую Россію передъ лицомъ всего цивилизованнаго міра?

Большевикамъ также не избѣжать чтенія послѣднихъ страницъ книги Сивиллы — тѣхъ страницъ, на которыхъ написана развязка. Такъ пусть же это будетъ скорѣе! Старому же вождю, котораго мы сегодня чествуемъ, пожелаемъ — пожелаемъ этого и намъ самимъ, пожелаемъ этого Россіи — скорой побѣды въ его борьбѣ. Пожелаемъ ему — пожелаемъ этого и себѣ, пожелаемъ нашей родинѣ, — чтобы скорѣе вернулся онъ туда, домой, въ Россію. Онъ тамъ нуженъ! Я поднимаю бокалъ за здоровье Павла Николаевича. Долгіе ему годы!

Б. Элькинъ.

Значеніе новой тактики

Изъ всей огромной политической біографіи П. Н. Милюкова я останавливаюсь только на одномъ моментѣ, такъ какъ этотъ моментъ имѣлъ лично для меня совершенно исключительное психологическое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ я могу оцѣнить его болѣе безпристрастно, болѣе со стороны, чѣмъ многіе другіе, которые высказываются и будутъ высказываться по поводу юбилея. Ибо въ тотъ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, я былъ человѣкомъ изъ публики, — съ очень ограниченными политическими «связями», а поэтому и несвязаннымъ ни какой-либо моей собственной, предшествующей позиціей, ни позиціей кого-либо другого. И самъ П. Н. былъ для меня въ тотъ моментъ — несмотря на личное знакомство — только тѣмъ, чѣмъ бываетъ знаменитость для человѣка изъ публики. Практическая совмѣстная работа съ нимъ началась у меня много позже того момента, когда онъ идеологически, помогъ мнѣ, какъ и многимъ другимъ, найти свой путь въ эмиграціи.

Откровенно говоря, я не считаю названія «новая тактика» особенно удачнымъ. Съ извѣстной точки зрѣнія, можно пожалуй сказать, что «новая тактика» была вовсе не тактикой въ собственномъ смыслѣ, — и что суть ея заключалась не въ указаніи чего то совершенно новаго, а въ возстановленіи въ новыхъ условіяхъ старыхъ принциповъ. Это названіе означало отказъ отъ «старой тактики» гражданской войны и интервенціи, — въ этомъ отрицательномъ моментѣ и заключалась собственно — тактическая сторона «новой тактики». П. Н. могъ считать ее «новой тактикой» проведенія старой к.-д. программы. Но въ самой «новой тактикѣ» заключались исключительно важные

программные моменты, — и прежде всего необходимость возстановленія «свергнутой» программы и уточненія ея въ опредѣленномъ респ.-дем. смыслѣ. Фактически, «новая тактика» стала не только и не столько тактической, сколько программной основой движенія далеко вышедшаго за предѣлы «кадетизма». Правильнѣе сказать, что эта «тактика» была установленіемъ извѣстныхъ предпосылокъ («пролегоменъ») всякой демократической политики въ условіяхъ, созданныхъ побѣдой большевиковъ въ гражданской войнѣ, распадомъ бѣлаго движенія и послѣдующей эмиграціей. Но эти «пролегомены» политики были чѣмъ-то болѣе крупнымъ, чѣмъ какая бы то ни было политика въ узкомъ смыслѣ. Они были подлиннымъ актомъ спасенія культуры.

Нужно признать тотъ фактъ, что революція, столько разрушившая въ Россіи, привела въ извѣстный моментъ почти вплотную къ худшему и наиболѣе непоправимому изъ всѣхъ разрушеній: къ полному разрыву культурной традиціи и интеллигенціи страны, къ духовному самоотреченію мозга націи не только отъ тѣхъ идеаловъ, подъ знаменемъ которыхъ происходило развитіе русскаго культурнаго сознанія, — но болѣе того: отъ самого права на свой, «раціональный», разумомъ и наукой обоснованный, идеалъ. Это требованіе отреченія отъ права на разумъ, требованіе признанія «конвенціональной лжи», обращенной въ догматъ, — было, въ сущности, наибольшимъ, наиболѣе неподлежащимъ прощенію грѣхомъ большевизма, — тѣмъ именно его элементомъ, который дѣлалъ и дѣлаетъ какое-либо примиренчество съ нимъ прямой измѣной самому себѣ, недопустимымъ и невыносимымъ ни на минуту униженіемъ для всякаго, дорожащаго своей собственной духовной природой, своей возможностью «гордаго познанія». Это неслыханное униженіе, къ которому привела революція, — этотъ окрикъ: «не разсуждать», раздавшійся въ результатѣ переворота, завершившаго освободительныя усилія поколѣній, — не могъ не вызвать трагическаго духовнаго кризиса у многихъ и многихъ. Но этотъ кризисъ самъ принялъ направленіе, диктовавшееся дико-потрясенной психологіей съ одной стороны и съ другой — одичаніемъ, неизбѣжно создаваемымъ условіями вооруженной борьбы. Возненавидѣть свободу, прогрессъ, демократію за то, что большевики, все это поправшіе ногами, привели къ чудовищному развалу всѣхъ вообще условій жизни и культуры,

— было также нелогично, какъ и признать негодность демократіи или политическую негодность русскаго народа, на томъ основаніи, что этотъ народъ, послѣ вѣковъ самодержавія, не успѣлъ въ восемь мѣсяцевъ, да еще въ условіяхъ военной катастрофы, усвоить и осуществить начала просвѣщенной демократіи. Никакой логики тут никогда не было и нѣтъ. Есть и, въ извѣстный моментъ, была очень сильна психологія разочарованія и «отреченія отъ наслѣдства», — отреченія не менѣе дикаго, и полнаго, чѣмъ то, которое происходило въ Россіи въ дѣйствіяхъ совѣтской диктатуры и вокругъ нея. Психологіи ненависти къ тѣмъ лозунгамъ, которые звучали въ революціи, и не къ существу большевизма, которое «некогда» было анализировать, а къ тѣмъ вывѣскамъ коммунизма, которыми это существо прикрывалось. И если въ Россіи приходилось наблюдать ужасную послѣдовательность соціально-культурнаго регресса, происходившаго подъ чудовищно-несоотвѣтствующими существу дѣла названіями «коммунистическаго эксперимента», — то выѣхать въ эмиграцію — значило попасть въ атмосферу регресса духовнаго, вплоть до того ужаснаго момента, когда вы переставали узнавать иныхъ людей, переставали понимать, какъ они могли говорить то, что они говорятъ, — переставали понимать, есть ли вообще русское культурное сознаніе?

Съ соціологической точки зрѣнія, здѣсь происходило завершеніе того всеобщаго процесса милитаризаціи, который глубоко повредилъ культуру всей Европы, и который, казалось, долженъ былъ совершенно разгромить русскую культуру. На обѣихъ сторонахъ, въ побѣдоносномъ красномъ и побѣжденномъ бѣломъ лагерѣ, дошло до послѣдней черты: до какой-то милитаризаціи психологіи, облеченія духа человѣческаго въ мундиръ. Война, обратившаяся изъ исключительнаго событія, изъ максимальнаго зла, которое необходимо оправдывать какъ крайнее, отчаянное средство, въ какое то перманентное состояніе, наконецъ обратилась въ нѣкоторую верховную и моральную обязательную идею, предполагаемую даже тогда, когда ея реально нѣтъ на-лицо. Перманентная «война» съ «міровымъ капиталомъ», — тамъ; — предполагаемый, или «умопостигаемый», хотя бы реально не происходящій походъ въ Россію, — здѣсь. Идея «національнаго объединенія противъ большевиковъ» была не только политически связана съ этимъ принципіальнымъ милитаризмомъ, но и носила на самой себѣ явные

слѣды его духа: это было запрещеніе и «программъ» и идеологій, — замѣна идей «идеей» военнаго приказа, объявленіе разума на военномъ положеніи. Тамъ и здѣсь, — все сводилось къ одному, къ казармѣ, не къ казармѣ Петра, жестокому техническому средству, а къ «принципіальной казармѣ» Павла и Николая.

Ужасъ и вмѣстѣ съ тѣмъ парадоксъ этого положенія заключался въ томъ, что сов. Россія и эмиграція, — идя по этому пути, каждая поворачивались спиной къ міровой культурѣ, — и въ то же время, неизбѣжно, должны были все болѣе удаляться другъ отъ друга. Отождествляя революціонную Россію съ большевизмомъ, разсматривая ее только какъ объектъ «войны» за возстановленіе бывшей Россіи и русской культуры, разрушенной и въ данный моментъ на русской территоріи несуществующей, — эмиграція, въ сущности, отказывалась навсегда отъ возможности возвращенія въ Россію. Ибо для этого умонастроенія, сколько бы режимовъ ни смѣнялось, — но въ ней навсегда устанавливался «большевизмъ», подобно тому, какъ для нѣкоторыхъ французскихъ роялистовъ во Франціи до сихъ поръ существуетъ «якобинскій режимъ».

Все это до самой глубины понялъ человѣкъ, бывшій вождемъ движенія, добивавшагося мирной реформы стараго государственнаго строя, — человѣкъ, который, когда неуступчивость власти привела къ революціи, которую онъ всѣми силами пытался предотвратить, занялъ въ ней «крайне-правую» позицію и первый требовалъ «непримиримаго» отпора по отношенію къ силамъ соціальной анархіи. Человѣкъ XIX вѣка, онъ не растерялся послѣ космическаго переворота, сбившаго съ ногъ людей, воспитавшихся уже въ предвоенный періодъ. Либералъ и формальный демократъ, — съ нѣкоторыми поправками въ духѣ умѣреннаго соціальнаго реформизма, по своему личному міровоззрѣнію, — онъ сумѣлъ понять историческую законность революціи, окрашенной въ преобладающій цвѣтъ соціализма, увидѣть и опредѣлить ея подлинныя «завоеванія» подъ покровами коммунистической лжи. Не примиряясь ни на минуту съ коммунистическимъ самодержавіемъ, онъ сумѣлъ отдѣлить моментъ этого самодержавія отъ происходящаго процесса глубокаго перерожденія страны. Не признавая совѣтской власти, — онъ училъ признавать революцію, какъ фактъ и какъ право народа. И, — тутъ было самое главное, — онъ указалъ на не-

обходимость борьбы противъ этого самодержавнаго режима, во имя тѣхъ же началъ, во имя которыхъ велась борьба противъ самодержавія стараго, — и какъ продолженія той борьбы. Людямъ, разбитымъ сознаніемъ своего пораженія, готовымъ отказаться отъ своего знамени, — онъ объявилъ: нѣтъ, ничего не потеряно, — сраженіе продолжается. Врагъ, одинъ разъ разбитый, снова возсталъ подъ другимъ обликомъ. Ибо павшій деспотизмъ оставилъ свои «яички» въ народной тьмѣ. Иначе не могло быть, — иначе это было бы чудо, а въ соціологіи для людей науки нѣтъ чудесъ, какъ ихъ нѣтъ и въ природѣ. Да, врагъ живъ — онъ тотъ же, но и мы тѣ же, — и здѣсь на чужбинѣ мы продолжаемъ дѣло поколѣній русской интеллигенціи, — дѣло борьбы за свободу и культуру.

Такъ были связаны нити культурной традиціи, было спасено настоящее и открытъ путь къ будущему, — открыта возможность подлиннаго и, безъ капитуляціи, возстановленія разорванной связи между Россіей и выброшенной за рубежъ интеллигенціей, — и указана историческая роль этой интеллигенціи не въ войнѣ съ Россіей, а въ содѣйствіи освобожденію Россіи.

Это было больше, чѣмъ политическая программа. Это было, — это нужно подчеркнуть, — даже больше, чѣмъ возстановленіе «въ правахъ» демократическаго идеала. Были возстановлены въ правахъ наука и этика, общечеловѣческіе законы культурнаго развитія и немеркнущія звѣздныя цѣли стремленій человѣчества на его крестномъ пути. Былъ данъ выходъ для тѣхъ, кто отказывался сдать свои права человѣка той или другой реакціи, — для тѣхъ, кто сумѣли бы сами отстоять себя, какъ людей и европейцевъ, которыхъ Милюковъ спасъ, какъ русскихъ гражданъ. Это было созданіе возможности политическаго пробужденія людей еще нетронутыхъ политической идеей, и возможности воспитанія новаго поколѣнія въ подлинной традиціи русской культуры.

В моментъ величайшей государственной опасности римскій сенатъ торжественно благодарилъ консула за то, что онъ «не отчаялся въ судьбѣ отечества». И нѣтъ въ политической работѣ Милюкова болѣе великолѣпнаго, болѣе плодотворнаго момента, чѣмъ тотъ, когда онъ **не отчаялся въ судьбѣ Россіи и русской интеллигенціи.**

А. Кулишеръ.

На посту

На долю нашихъ поколѣній выпала исключительная по своему трагическому значенію историческая эпоха. Мы оказались на переломѣ великаго историческаго пути Россіи. Подъ давленіемъ сложныхъ причинъ, имѣвшихъ глубокіе корни въ далекомъ прошломъ, разрушалось и внезапно рухнуло старое обветшавшее зданіе россійскаго самодержавія. Кончилась одна историческая эпоха. Началась новая невѣдомая, полная таинственныхъ загадокъ. Эпоха, по своему началу, обманувшая надежды и ожиданія рѣшительно всѣхъ, не исключая и современныхъ кажущихся побѣдителей и мнимыхъ творцовъ новаго періода въ русской исторіи.

Ученые, политики, вожди и мыслители многое предугадывали, предвидѣли и предрекали. Но всѣ безъ исключенія обманулись въ своихъ расчетахъ. Русская революція, имѣющая свою «естественную исторію», въ условіяхъ россійской дѣйствительности, эту свою исторію изживаетъ по своему, въ своемъ своеобразіи, оплачивая ее безмѣрно дорогой цѣной. Въ этомъ ходѣ революціоннаго процесса и его изживанія оказались отброшенными попытки провозглашенія демократіи, свободы и права. Не это отвѣчало бушевавшей стихіи революціи въ первый ея періодъ. Смяты и отброшены были сопротивленія этой стихіи, поднявшейся со всѣхъ четырехъ концовъ необъятной Россіи.

Въ дальнѣйшемъ процессѣ взломаны, исковерканы и представляютъ собой не что иное, какъ старый, негодный хламъ коммунистическія системы, которыя, инымъ казалось, отвѣтили было революціонной стихіи.

Всѣ просчитались, всѣ обманулись въ своихъ предположе-

ніяхъ и догадкахъ. Историческій процессъ отыскиваетъ свои пути, но еще далеко не вылился въ устойчивыя формы, которыя опредѣлили бы новую эпоху въ русской исторіи.

Въ такихъ условіяхъ доживаютъ, живутъ и нарождаются поколѣнія русскихъ людей въ Россіи и на чужбинѣ.

Мудрено ли, что одни, извѣрившись, растерявшись, и тамъ и тутъ, покорились неотвратимому, давно сложили оружіе и покорно предоставили все своему теченію... Иные попросту дезертировали и продались новымъ кровавымъ владыкамъ — тамъ, а здѣсь промѣняли свою кровную и духовную связь съ родиной на выгоды и преимущества чужого подданства. Другіе, полные непримиримаго чувства ненависти къ деспотамъ и насильникамъ современной Россіи, провозглашаютъ борьбу до конца, не угашаютъ своего чувства пламенной любви къ родинѣ и готовности жертвеннаго подвига для нея, но не находятъ пока путей и способовъ дѣйствительной и приводящей къ цѣли борьбы.

Среди этихъ общихъ настроеній, опредѣляющихъ состояніе русскихъ людей въ Россіи и эмиграціи, есть, однако, люди, которые иначе понимаютъ свой долгъ передъ Россіей. Не только настроенія, но каждодневное дѣйствіе, каждодневное движеніе мысли и воли, слагающееся въ опредѣленную систему единаго движенія и постояннаго дѣйствія — составляютъ смыслъ и задачу ихъ жизни. Пусть отдѣльныя дѣйствія и отдѣльныя движенія, отвѣчающія на комбинаціи событій даннаго дня, окажутся невѣрными, иногда ошибочными. Это не порочитъ и не разрушаетъ общей системы и линіи единаго дѣйствія. Ошибки въ пылу полемики, перелетъ и недолетъ при пристрѣлкѣ, поспѣшное съ точки зрѣнія медленно создающагося общаго мнѣнія, провозглашеніе новаго поворота въ пути — все это волнуетъ, мучитъ и раздражаетъ медленно идущія массы. Но за всѣмъ этимъ было бы большой ошибкой проглядѣть основную линію, основныя цѣли и побужденія идущаго впереди.

Среди этихъ людей, неустанно борющихся и отыскивающихъ пути, опредѣляющихъ положеніе противника и въ зависимости отъ этихъ опредѣленій и оріентировокъ указывающихъ дальнѣйшія направленія движенія, въ современныхъ условіяхъ, самое яркое мѣсто занимаетъ нынѣшній юбиляръ П. Н. Милюковъ.

Есть ли другой человѣкъ, который соединилъ бы вокругъ

своего имени и своего дѣла столько споровъ, раздраженія, часто негодованія и борьбы?.. И въ то же время, есть ли другой человѣкъ, къ мнѣнію котораго такъ прислушивались бы въ Европѣ, въ Америкѣ, въ эмиграціи и даже на вершинахъ защищенной чекистами цитадели поработителей нашей великой и несчастной родины?

Путь жизни П. Н. Милюкова — путь большого государственнаго человѣка. Каждый наблюдатель общественно-политической жизни Россіи всегда и безъ труда можетъ обнаружить этотъ путь. Это постоянная дѣятельная защита и указаніе дѣйствительныхъ, подлинныхъ интересовъ Россіи и русской государственности.

Въ этомъ постоянномъ и безкорыстномъ стремленіи ему были одинаково чужды какъ интересы класса, поддерживавшаго произволъ и деспотію въ Россіи, такъ и стремленія воплотить въ русскую жизнь чужеродныя утопіи переустройства жизни людей, придуманныя для иныхъ соціально-политическихъ условій, чѣмъ Россія.

Будучи «европейцемъ» въ самомъ истинномъ и совершенномъ смыслѣ слова, П. Н. Милюковъ умѣлъ, какъ прежде, такъ и теперь, отстаивать русскіе національные интересы пріемами чисто европейскими. Въ пониманіи историческихъ задачъ Россіи, пользъ и интересовъ русскаго народа, въ защитѣ государственности онъ всю жизнь боролся за право, за демократію и стремился спасти государство от «великихъ потрясеній». Эти цѣли онъ защищалъ съ настойчивостью рѣдкой для общихъ русскихъ настроеній, способныхъ на короткіе удары, но часто лишенныхъ выдержки и упорства.

Интересы Россіи, русскаго народа, россійской государственности заставили его вести борьбу съ произволомъ и деспотіей. Тѣ же интересы Россіи побудили его точно формулировать то, что Россія должна была получить въ результатѣ начавшейся великой войны. Защита погибавшей государственности вынудила его въ разныхъ путяхъ отыскивать средства ея обороны и спасенія.

Пусть въ этихъ исканіяхъ были ошибки. П. Н. Милюковъ умѣлъ ихъ признать. Основныя же его устремленія были и остались неизмѣнными. И тогда и теперь защита права и демократіи.

Онъ въ постоянной борьбѣ. Онъ безсмѣнно на своемъ сторожевомъ государственномъ посту. Мѣняются событія и ихъ

комбинаціи. На нихъ нужно отвѣчать немедленно. Многіе ли способны на это! Вождямъ приходится нерѣдко круто мѣнять свою тактику, мѣнять диспозиціи и планы борьбы. Это такъ неизбѣжно, когда борьба затягивается и ведется на истощеніе. Планы и тактика мѣняются. Цѣли борьбы остаются.

Въ своей борьбѣ П. Н. Милюковъ неутомимъ, настойчивъ непримиримъ.

Въ день его юбилея желаю ему силъ на продолженіе его большой работы. Мои разногласія съ нимъ не умаляютъ горячности и искренности моихъ пожеланій, ибо я знаю, что работа П. Н. Милюкова имѣетъ цѣлью благо моей родины.

Н. Астровъ.

Политическія идеи П. Н. Милюкова

П. Н. Милюковъ встрѣчаетъ свое 70-лѣтіе на чужбинѣ, въ изгнаніи. Такой юбилей — праздникъ плодотворной жизни — для людей его калибра обычно знаменуется объективной оцѣнкой крупныхъ заслугъ и личности не только со стороны друзей, но и противниковъ. Но Милюковъ оторванъ отъ родной почвы, живетъ въ эмиграціи, и уже поэтому кругозоръ, перспективы, необходимыя для оцѣнки его всесторонней грандіозной работы, какъ бы сужены, какъ бы сдавлены. Изгнаніе со всѣми его тяжелыми переживаніями, воспоминаніями о катастрофахъ, потеряхъ, обидахъ, все это затрудняетъ для многихъ возможность подойти къ Милюкову съ тѣмъ критеріемъ, который примѣнила бы къ нему свободная родная страна, цѣнящая своихъ наиболѣе выдающихся сыновъ. Кромѣ того, въ эмиграціи уже выростаетъ поколѣніе, мало знакомое съ прежней русской общественностью и съ тѣмъ мѣстомъ, которое въ ней занималъ П. Н., какъ ученый, политикъ, писатель и публицистъ.

Не претендуя на всестороннюю характеристику личности Милюкова, мнѣ хочется отмѣтить только нѣкоторыя черты этого крупного русскаго человѣка, который и сейчасъ полонъ силъ, бодрости и надеждъ.

Не буду касаться Милюкова, какъ историка и ученаго. Ключевскій считалъ его крупнѣйшей научной силой, а его изслѣдованія (см. статью проф. А. Кизеветтера) капитальными вкладами въ русскую исторію. Ученые славяновѣды очень высоко цѣнятъ также и работы Милюкова по изученію славянства. Собственно, и книгъ Милюкова было бы достаточно для признанія за нимъ права на занятіе почетнаго мѣста среди выдающихся дѣятелей русской культуры.

Праздный вопросъ, далъ ли бы Милюковъ больше русскому народу, если бы онъ остался **только** ученымъ. Онъ не сдѣлалъ этого, не могъ сдѣлать какъ яркій типичный представитель русской интеллигенціи: она вѣдь никогда не умѣла уходить на высоты холодной науки, когда передъ нею стояла задача служить непосредственно народу. Милюковъ, какъ и многіе другіе (Герценъ, Михайловскій, Струве) принесли въ жертву свои исключительныя научныя дарованія, научныя возможности, сулившія имъ славу и покой; они бросились въ водоворотъ общественной и политической борьбы со всѣми ея волненіями, терніями, сомнѣніями, обвиненіями и ошибками. И если Милюковъ, какъ ученый, могъ быть увѣренъ въ общемъ признаніи его заслугъ, то для него, какъ политика, была уготована другая участь.

Вѣнчаніе славой государственныхъ людей, увы, зависитъ отъ успѣха ихъ въ **данный моментъ**. Но Милюковъ не только какъ историкъ, но и какъ политикъ принадлежитъ къ дѣятелямъ, которыхъ нужно оцѣнивать не только съ точки зрѣнія преходящаго успѣха, но и по значенію ихъ работы въ масштабѣ не только настоящаго, но и прошлаго и будущаго. И тутъ то и выступаетъ крупный калибръ Милюкова и значительность того дѣла, которому онъ посвятилъ столько силъ, таланта и энергіи.

Политическое міросозерцаніе Милюкова имѣетъ не только индивидуальный интересъ. Милюковъ, оставивъ занятія чистой наукой, использовалъ свои знанія, свое погруженіе въ прошлое Россіи для оформленія началъ, которымъ слѣдовала и **будетъ** слѣдовать русская прогрессивная общественность.

Каковы эти начала? Въ своемъ первомъ историческомъ изслѣдованіи, въ своемъ крупнѣйшемъ историческомъ трудѣ объ эпохѣ Петра Великаго Милюковъ, на основаніи тщательнаго изученія первоисточниковъ, пришелъ къ выводу, что реформы Петра В., сводившіяся къ европеизаціи государственности и соціальнаго строя, вытекали не столько изъ личныхъ свойствъ великаго преобразователя, сколько изъ всего историческаго прошлаго русскаго государства. Вотъ это положеніе и составляетъ одну изъ основъ политической идеологіи, стержень, вокругъ котораго образовалась программа Милюкова и его партіи. Европеизація, созданіе въ Россіи правопорядка на основѣ гражданской свободы, просвѣщенія, демократіи и представительства. Политическіе принципы у Милюкова были обоснованы не про-

сто тягой къ Западу, не формальнымъ западничествомъ, а глубокимъ изученіемъ **особенностей русскаго историческаго процесса.** Россія — Европа, но со **своими** соціальными особенностями, со своими національными интересами, вотъ что опредѣляетъ въ значительной мѣрѣ всю линію милюковской внѣшней и внутренней политики.

Другая основа міросозерцанія Милюкова, опять таки связанная съ научнымъ изученіемъ соціальныхъ, сословныхъ и классовыхъ явленій прошлаго Россіи, состоитъ въ той роли, которую онъ отводитъ интеллигенціи. Это сила **надклассовая,** призванная организовать **весь** народъ и создать для него въ цѣломъ наиболѣе справедливыя и цѣлесообразныя формы государственности. Интеллигенція — сила государственная, она должна находить **равнодѣйствующую** между интересами отдѣльныхъ классовъ. Чисто классовая концепція государства была враждебна Милюкову не только какъ историку, но и какъ политику. Именно поэтому онъ никогда не былъ зараженъ соціализмомъ, опирающимся на Маркса. Онъ предугадывалъ опасности, соединенныя съ классовой борьбой. И вражда Милюкова непримиримая, упорная, активная, вражда къ марксистскому большевизму, глубоко обоснована его общимъ міросозерцаніемъ.

Выдвигая роль интеллигенціи и ея идеалы, Милюковъ чуждъ мистическаго отношенія къ ней. Вообще все его міросозерцаніе носитъ характеръ **позитивизма,** зиждется на **трезвомъ анализѣ дѣйствующихъ силъ.** Но это отнюдь не обозначаетъ отсутствія у него идеализма, чувства національзма, глубокой преданности и любви къ своему народу. Но у Милюкова и націонализмъ, и народность не являются фетишами.

Демократія, народное представительство, соціальныя реформы, все это у Милюкова связывается съ идеей исторической преемственности, съ тѣми задачами, которыя были поставлены прежними поколѣніями русской интеллигенціи и должны осуществляться послѣдующими.

Выработавъ свое міросозерцаніе, Милюковъ сумѣлъ теорію приложить къ жизни. Кадетская партія со всей ея идеологіей и программой въ значительной мѣрѣ созданіе Милюкова. Какія бы дешевыя насмѣшки ни сыпались **теперь** на кадетство, но основы его — не только памятникъ благородныхъ и возвышенныхъ стремленій русской интеллигенціи **въ прошломъ,** но и вѣхи **въ грядущемъ возрожденіи Россіи.**

Благодаря исключительному авторитету Милюкова, партія народной свободы включила въ свои ряды цвѣтъ русской интеллигенціи разныхъ настроеній и разныхъ національностей. Петрункевичъ, Набоковъ, Шингаревъ, Кокошкинъ, Винаверъ, князь Павелъ Долгоруковъ — всѣ эти нынѣ уже отошедшіе въ вѣчность выдающіеся люди, а равно и здравствующіе: Родичевъ, Маклаковъ, Струве, Петражицкій, Карѣевъ, Ледницкій, князь Петръ Долгоруковъ и многіе, многіе другіе въ теченіе болѣе десятка лѣтъ признавали водительство Милюкова. Это безсмѣнное лидерство, эта своего рода «диктатура» не была проявленіемъ волевого темперамента Милюкова. Она принималась добровольно, созидательно, въ полномъ убѣжденіи, что **даже при наличности разногласій именно Милюковъ по всѣмъ своимъ качествамъ долженъ быть вождемъ.** Лучшее, объективное доказательство, какъ высоко люди, близко знавшіе Милюкова и даже его «ошибки», цѣнили его неисчерпаемыя знанія, его политическій кругозоръ, его безкорыстіе и внутреннее мужество.

Да, скажутъ мнѣ, но вѣдь эта самая кадетская партія распалась, и теперь Милюковъ возглавляетъ только въ эмиграціи небольшую часть ея прежнихъ силъ. Что отвѣтить на это? Если подъ напоромъ стихійныхъ бурь, войны и революціи не устояли династіи, государства, то право ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что и партія Милюкова въ обстановкѣ разсѣянія распалась на куски.

Но это нисколько не умаляетъ (даже при наличности ошибокъ) цѣнности того, что сдѣлала партія подъ предводительствомъ Милюкова для распространенія и внѣдренія идей свободы, права, для политическаго воспитанія и просвѣщенія массъ, для созданія терпимости въ области религіи, національизма и т. д. Посѣвы, которые были сдѣланы, теперь засыпаны глубокимъ слоемъ сора, нанесеннаго вихремъ революціи. Когда почва очистится, посѣвы взойдутъ...

А самъ Милюковъ? Въ Государственной Думѣ, за предѣлами ея за рубежомъ Россіи былъ и остается крупнѣйшимъ представителемъ новаго типа русскаго политическаго дѣятеля. Стоитъ только вспомнить его парламентскія выступленія по внѣшней политикѣ, его рѣчи въ защиту гражданской свободы и права національностей (Финляндія), его патріотическія выступленія во время войны, его статьи въ «Рѣчи», его книги по-

литическаго содержанія, все это достойно первокласснаго европейскаго государственнаго человѣка.

Созданіе прогрессивнаго національнаго блока во время войны, блока, въ который вошли и ярые враги Милюкова, показало, какъ великъ былъ его авторитетъ не только среди единомышленниковъ. И блокъ этотъ былъ воплощеніемъ той идеи, которая всегда направляла Милюкова. Путемъ организаціи государственныхъ силъ онъ всегда стремился спасти страну отъ великихъ потрясеній революціи и направить ее по пути мирнаго постепеннаго осуществленія началъ свободы и права. Выполненію этой великой задачи были посвящены всѣ силы его дарованія и способностей!

Попытки удержать катастрофу не удались. Кто повиненъ въ этомъ? Старыя ли силы Россіи, не понимавшія куда ведетъ ихъ рокъ? Слабая ли организованность авангарда новой Россіи, не сумѣвшаго въ опасный моментъ проявить активность и силу, противопоставивъ ее темной революціонной стихіи? Вѣковое ли рабство народа, такъ облегчившее смуту? Въ каждомъ отвѣтѣ на эти роковые вопросы содержится истина, и въ каждомъ изъ нихъ заключается разгадка тѣхъ «ошибокъ», которыя приписываются теперь Милюкову и его партіи.

Конечно, при правильности общаго міросозерцанія Милюкова, при продуманности основныхъ принциповъ его, ошибки были, но это были ошибки государственнаго человѣка, имѣющаго смѣлость брать на себя отвѣтственность за то, что онъ дѣлаетъ. Именно поэтому онъ является мишенью всякаго рода обвиненій и упрековъ, связанныхъ съ катастрофой Россіи. На «ошибки» Милюкова охотно набрасывается обыватель, ищущій конкретнаго виновника своихъ страданій. При другомъ оборотѣ событій нѣкоторыя изъ этихъ «ошибокъ» вѣроятно послужили бы къ тому, чтобы возвести Милюкова на вершину славы и увѣнчать его лаврами національнаго героя. Хотя бы, напримѣръ, «дарданельскіе» проекты, которые такъ долго служили мишенью насмѣшекъ сначала лѣвыхъ пошляковъ, а теперь вошли въ обширную коллекцію нападокъ на Милюкова со стороны правыхъ.

Были, конечно, и **индивидуальныя** ошибки. Сегодня не мѣсто и не время на нихъ останавливаться, но онѣ всѣ вытекали не изъ личнаго самолюбія, не изъ жажды власти, а были связаны съ попытками найти **какіе-нибудь пути** спасенія родной стра-

ны. Только въ неестественной обстановкѣ изгнанія, только въ атмосферѣ отчаянія, только при полномъ забвеніи и незнаніи прошлаго Милюковъ могъ въ нѣкоторыхъ правыхъ кругахъ прослыть чуть ли не «губителемъ» Россіи. Вспомнимъ при этомъ, что и въ лѣвыхъ кругахъ послѣ революціи 1905 года онъ считался тоже губителемъ революціи...

Нельзя обойти молчаніемъ роли Милюкова, какъ своего рода авторитетнѣйшаго делегата русской общественности среди иностранныхъ политическихъ и культурныхъ круговъ. Еще до 1905 года въ Европѣ, особенно въ Америкѣ, онъ пріобрѣлъ широкую извѣстность своими лекціями, выступленіями и книгами, разъяснявшими положеніе Россіи и славянства. Въ славянскомъ мірѣ авторитетъ его былъ всегда великъ. Недаромъ дружба и уваженіе такихъ дѣятелей, какъ Массарикъ, никогда не мѣнялись по отношенію къ нему, все равно былъ ли Милюковъ на высотѣ своего вліянія или жилъ въ изгнаніи.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о Милюковѣ, какъ несмѣнномъ политическомъ руководителѣ крупнаго органа печати «Рѣчь». Мнѣ пришлось работать въ этой газетѣ съ П. Н. изо дня въ день въ теченіе почти двѣнадцати лѣтъ въ качествѣ его ближайшаго сотрудника.

Обыкновенно повседневное, будничное общеніе съ крупными людьми, соединенное съ неизбѣжными мелочами, способно субъективно умалить представленіе объ ихъ калибрѣ. Могу сказать, что съ Милюковымъ этого не происходило. Чѣмъ ближе его сотрудники знакомились съ нимъ, тѣмъ болѣе высоко цѣнили его неисчерпаемыя духовныя богатства, его личность, его благородную простоту и подлинный внутренній демократизмъ. Воспоминанія о совмѣстной редакціонной работѣ — свѣтлая страница моей журнальной дѣятельности.

Какъ журналистъ и редакторъ Милюковъ въ отношеніи исключительной всесторонности, талантливости, умѣнья откликаться на всѣ злобы дня, въ благородномъ пониманіи задачъ печати, былъ столь же значителенъ, какъ въ политикѣ и наукѣ.

Милюковъ встрѣчаетъ свое 70-лѣтіе хотя въ изгнаніи, но полный силъ, бодрости и надеждъ. Онъ продолжаетъ работать для того дѣла, которое онъ считаетъ задачей своей жизни, онъ имѣетъ поэтому и теперь горячихъ сторонниковъ и не менѣе страстныхъ враговъ. Въ русской средѣ нѣтъ еще единодушія въ **объективной** оцѣнкѣ этого выдающагося русскаго человѣка.

Иностранцы удивляются тому, какъ мало мы его понимаемъ и цѣнимъ. Если бъ мы могли возвыситься надъ нашими разногласіями, и спокойно, безпристрастно оцѣнить и заслуги и ошибки Милюкова, то, конечно, въ одномъ могли бы сойтись — въ признаніи Милюкова однимъ изъ дѣятелей, которыми **можетъ гордиться всякая страна, всякій народъ**. И пусть это признаніе придетъ для Милюкова не въ изгнаніи, пусть оно увѣнчаетъ закатъ его жизни въ стряхнувшей съ себя иго рабства свободной Россіи!

М. Ганфманъ.

Трагическое въ вождѣ

Не запомню времени, когда бы вокругъ имени Павла Николаевича Милюкова не скрещивались шпаги, не бушевали страсти. Даже въ старыя, относительно спокойныя годы его политической работы, при самодержавіи, каждое его выступленіе будило, расшевеливало лѣнивую русскую общественную среду, привыкшую двигаться по готовымъ трафаретамъ. Въ этихъ жаркихъ схваткахъ съ человѣкомъ, на видъ такимъ спокойнымъ, сдержаннымъ, всегда корректнымъ, полемика никогда не выливалась въ пустыя словопренія: онъ всегда принуждалъ противника къ болѣе точной идейной формулировкѣ, — онъ заставлялъ мыслить. И каждый, даже не соглашаясь, выходилъ изъ спора съ Павломъ Николаевичемъ идейно приподнятымъ и обогащеннымъ. Но не только къ мысли принуждалъ П. Н. Милюковъ своихъ послѣдователей и своихъ противниковъ. Страсти потому и бушевали вокругъ него, всегда и неизмѣнно, что люди видѣли въ немъ не только высокоразвитого мыслителя; они видѣли въ немъ и несомнѣннаго **политическаго вождя.** Званіе — почетное, но всегда несущее обладателю его безконечный рядъ болѣе или менѣе тяжелыхъ переживаній, а въ русскихъ условіяхъ и глубоко трагическое въ существѣ своемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вся структура русской политической жизни отрицаетъ существованіе вождей политическихъ партій въ западно-европейскомъ смыслѣ, — она противорѣчитъ и самому понятію «политическая партія». Всѣ русскія политическія партіи въ прошломъ были гораздо болѣе похожи на заговорщицкія секты, подпольныя мафіи, боевыя организаціи для опредѣлен-

ной цѣли «сверженія», чѣмъ на европейскія парламентскія группировки для цѣлей длительныхъ, а не только для революціонныхъ набѣговъ. Уже по одному этому европеецъ съ ногъ до головы, П. Н. Милюковъ, долженъ былъ сдѣлаться прицѣломъ для нападеній. Трудно себѣ представить его членомъ какого-либо нелегальнаго «сапожнаго подрайона»... Съ другой стороны, и сапожный подрайонъ не могъ понять — въ прошломъ — политическое значеніе «шелеста бюллетеней», т. е. подачи голосовъ въ парламентское учрежденіе. И всѣмъ еще памятны жаркія сраженія приверженца этой тактики «шелеста бюллетеней» съ подпольными организаціями, естественно, по положенію своему, возлагавшими свои надежды на возстаніе Ахерона, а не на тонкій инструментъ парламентаризма.

Уже въ одномъ этомъ спорѣ двухъ тактикъ заключено явленіе, глубоко-трагическое для вождя русской партіи европейскаго типа. Если въ Западной Европѣ, въ парламентскихъ странахъ съ давно практикуемой конституціей, вожди партій всегда должны считаться съ приливами и отливами политическихъ настроеній, должны переходить отъ побѣды къ пораженію и отъ пораженія къ побѣдѣ, то все-же границы этихъ колебаній можно предугадать: народные массы уже достаточно организованы, психика ихъ достаточно устойчива, и работа политиковъ не можетъ даже при случайномъ пораженіи повиснуть въ воздухѣ. Въ Россіи политическій вождь никогда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что завтра же, при рѣзкомъ поворотѣ, при провалахъ на зыбкой почвѣ, — его собственные приверженцы не перебѣгутъ въ другой лагерь, не перемѣнятъ — и вполнѣ добросовѣстно! — до неузнаваемости своего лица, не обрушатся на своего вождя, котораго еще вчера они такъ чтили и такъ поддерживали... Въ русскихъ политическихъ построеніяхъ (и до сихъ поръ) почти всегда фигурируютъ не вопросы планомѣрной работы надъ сырымъ человѣческимъ матеріаломъ, а операціи съ «настроеніемъ», т. е. ставка на что-то студенистое, некристаллизованное, всегда временное, какъ капризъ нервнаго человѣка. Сегодня это «настроеніе» большого числа послѣдователей за эсъ-эровъ, завтра за большевиковъ, а послѣзавтра — гадать не возбраняется никому, трудно лишь предвидѣть. А между тѣмъ, болѣе или менѣе точное **предвидѣніе** должно быть свойственно вождю, если онъ имѣетъ дѣло не съ сплошнымъ болотомъ, а съ людьми, воспитанными долгой практикой парламентаризма...

Вотъ почему въ Россіи нѣтъ ни одной партіи, ни одного теченія на твердой почвѣ. Въ идеяхъ, какъ будто, все стройно, логично, а иногда и очень умно. На практикѣ — все зыбко, все подвижно, колеблемо попутнымъ вѣтромъ, все — съ переменнымъ успѣхомъ. Это ли не трагизмъ для вождей, обязанныхъ поступать разсчетливо, сообразуясь со своимъ активомъ, т. е. съ числомъ послѣдователей и ихъ качествомъ: твердостью въ борьбѣ и вѣрностью разъ принятой программѣ. У русскихъ политическихъ партій такой разсчетливости въ дѣйствіяхъ быть не можетъ... Почти все — въ темную.

Написавъ на своемъ знамени **«демократія и конституція»**, П. Н. Милюковъ хорошо понималъ весь трагизмъ, заключенный въ содержаніи этихъ понятій въ ихъ приложеніи къ русской дѣйствительности. Съ одной стороны, для осуществленія демократической конституціи было совершенно необходимо, чтобы всѣ эти «сапожные районы и подрайоны» вышли изъ подполья, научились бы тактикѣ парламентаризма, не считали бы «шелеста бюллетеней» дѣломъ баръ, «прихвостней буржуазіи», а, съ другой стороны, было еще болѣе необходимо, чтобы старая монархія эту задачу — **историческую задачу для Россіи** — поняла... Вѣдь этотъ сапожный подрайонъ былъ лишь передовымъ авангардомъ забитаго въ подполье народа и его желаній; именно потому и была такъ велика опасность его дѣйствій — дѣйствій взрывчатаго вещества, заложеннаго подъ самымъ фундаментомъ государства... Самъ П. Н. Милюковъ никогда не вѣрилъ въ формулу: flectere si nequeo superos, Acheronta movebo, — если не смогу поднять небожителей, подниму самый адъ. «Поднятія ада» онъ всегда боялся, и это было главной темой его спора съ «друзьями слѣва». «Мы, — писалъ онъ 25-го мая 1906 года*), **не вѣримъ въ возможность организованнаго выступленія массъ** и потому нисколько не хотимъ ни «поднимать ада», ни помогать нашимъ друзьямъ совершать тѣ подготовительныя мѣры, которыя, по ихъ мнѣнію, могутъ пригодиться для этой цѣли». И опять — трагическое противорѣчіе... Для демократіи и конституціи «Ахеронъ долженъ былъ выйти на поверхность, выйти какою угодно цѣной. Но «небожители» этого не способны понять: полицейскими мѣрами, замедленіемъ реформъ они держатъ Ахеронъ въ подпольи, накаливая его до состоянія ки-

*) «Рѣчь» № 82, май 1906 года.

пѣнія... Центральной группѣ съ ея вождемъ и съ европейской тактикой все же исторически необходимо сдѣлать попытку созданія компромисса: небожители **должны** уступить и предотвратить неорганизованное появленіе на аренѣ дѣйствій народа, т. е. революцію... Какъ европеецъ, понимающій значеніе «политическаго компромисса», П. Н. Милюковъ именно въ эту сторону, въ сторону соглашательства, долженъ былъ вести свою партію. Онъ долженъ былъ, обязанъ былъ искать мирнаго исхода въ рѣшеніи самыхъ трудныхъ вопросовъ политической жизни. Желаніе — законное, на государственныхъ соображеніяхъ построенное...

Возможно ли было его исполненіе, или же заранѣе былъ предначертанъ его провалъ? А въ то-же время и провалъ вождя русскаго либерализма, провалъ и самыхъ зачатковъ русскаго парламентаризма, или же, какъ называлъ его самъ П. Н. Милюковъ, русскаго лжеконституціонализма. Сомнѣнія въ исполнимости этого желанія, въ правильности (практической) этой тактики гнетутъ и самого П. Н. Милюкова. Въ № 113 «Рѣчи» (30 іюня 1906 года) онъ пишетъ статью на жгучую тогда тему: «Думское меньшинство или внѣдумская организація?». Расположеніе силъ — ясное: правые требуютъ, — **сила въ русскомъ парламентѣ!** — укрѣпленія самодержавія, лѣвые — требуютъ «образованія исполнительнаго комитета изъ состава революціонныхъ элементовъ Думы; и только «кадетское меньшинство» видитъ исходъ въ компромиссѣ, — въ образованіи отвѣтственнаго министерства изъ прогрессивныхъ элементовъ, **т. е. въ уступкѣ правительства велѣніямъ исторіи**. Вѣритъ ли самъ вождь въ побѣду этой «центральной» точки зрѣнія? Нѣтъ, онъ полонъ сомнѣній: «Къ несчастью, — пишетъ онъ, — на этомъ пути спокойнаго народнаго законодательства громоздятся такія препятствія, какъ конфликтъ законодательной власти съ исполнительной, конфликтъ съ другимъ, квази-законодательнымъ учрежденіемъ, неясность намѣреній высшей власти, сохраненіе старыхъ пріемовъ управленія въ странѣ... Усилія, которыя могли бы направляться на полезную работу, уходятъ на тренія, сознаніе плодотворности работы постепенно слабѣетъ, увѣренность въ результатѣ теряется, а вмѣстѣ съ тѣмъ быстро растутъ сомнѣнія въ правильности пути, появляется нервная растерянность и создается настроеніе, **при которомъ первое попавшееся средство кажется желаннымъ для накопившагося нетерпѣнія**. И

если такая смѣна настроеній замѣчается у самихъ работниковъ, насколько же быстрѣе долженъ пройти тотъ же процессъ у простыхъ зрителей, изъ которыхъ многіе притомъ съ самаго начала сомнѣвались въ возможности или продуктивности спокойной парламентской работы. Жизнь не ждетъ, и препятствія, которыя заграмождаютъ путь, хочется устранить какими нибудь болѣе сильными, чрезвычайными средствами. До сихъ поръ вѣдь только эти чрезвычайныя средства и выручали, и населенію нѣкогда было привыкнуть къ мысли о болѣе экономной тратѣ общественныхъ силъ въ рамкахъ парламентской борьбы. Идея «внѣпарламентскаго давленія» была уже заранѣе готова».

Эта статья поистинѣ замѣчательна. Въ ней мыслитель-аналитикъ какъ-бы побиваетъ приверженца опредѣленной тактики... Онъ уже предвидитъ трагическое въ русской политикѣ: **перевѣсъ** внѣпарламентскихъ «чрезвычайныхъ» средствъ надъ возможностью спокойной парламентской работы и борьбы...

Но въ этой же статьѣ ярко выступаетъ и прогнозъ о пути самаго вождя русскаго либерализма. Если и онъ не вполнѣ вѣритъ въ возможность компромисса съ самодержавіемъ, совершенно ясно, гдѣ онъ очутится, когда всѣ средства, вся ловкость тактики «мирнаго исхода» будутъ исчерпаны, и когда «внѣпарламентское давленіе» получитъ моральную санкцію въ сочувствіи широчайшихъ слоевъ народа. Вѣрный своему девизу — демократія и конституція — на историческомъ поворотѣ отъ мира къ возстанію — онъ будетъ членомъ того самаго «революціоннаго Комитета Думы», котораго требовали лѣвые... Вѣдь именно этому Комитету выпала на долю обязанность **возглавить революцію и окончательно ликвидировать неспособный къ компромиссамъ старый строй.** Таковы шутки или роковыя коллизіи исторіи... Противникъ революціи, вождь мирной «оппозиціи Его Величеству», онъ **долженъ** очутиться на самой вершинѣ революціи, когда придетъ ея часъ. Иного мѣста у него не могло и быть. Такъ понимали его позицію всѣ. Авторы весьма цѣнной по подобраннымъ фактамъ книги «Хроника февральской революціи»*), вышедшей уже при большевикахъ въ Петроградѣ въ 1924 году, такъ опредѣляютъ законность его мѣста въ первомъ революціонномъ учрежденіи — Временномъ Прави-

*) Книга написана сотрудниками «Дня»: покойнымъ Канторовичемъ и живымъ, но сбившимся съ пути, публицистомъ Заславскимъ.

тельствѣ: — «Еще болѣе индивидуально-подчеркнутой личностью былъ (въ рядахъ Временнаго Правительства) министръ иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюковъ. Если Гучковъ въ извѣстной мѣрѣ по думской традиціи занялъ постъ военнаго министра, то при любой комбинаціи либеральнаго правительства портфель министра иностранныхъ дѣлъ всегда предназначался для Милюкова. И думская борьба, и межпарламентская дѣятельность, и продолжительный политическій стажъ, — все говорило въ пользу такого именно назначенія. Милюковъ былъ центральной фигурой временнаго комитета Государственной Думы и вступилъ въ правительство не по приглашенію извнѣ, а въ порядкѣ прямой исторической послѣдовательности, сохранивъ, естественно, руководящую роль и впредь. Несмѣнный лидеръ партіи народной свободы, занявшей и въ количественномъ и качественномъ отношеніи главное мѣсто во Временномъ Правительствѣ, онъ продолжалъ чувствовать и вести себя лидеромъ на правахъ министра иностранныхъ дѣлъ. Наконецъ, кризисъ правительства былъ вызванъ уходомъ Милюкова. Несомнѣнно, поэтому, что первый періодъ въ исторіи Временнаго Правительства — мартъ-апрѣль — можетъ быть названъ періодомъ **«милюковскимъ».**

«Милюковскій» періодъ Временнаго Правительства долго продолжаться не могъ: вѣдь это была — революція... Революція, т. е. нарушеніе всѣхъ правъ и всякаго права. На первой стадіи революціи вождь парламентской партіи какъ-будто бы вплотную сольется съ «сапожнымъ подрайономъ», главнымъ и, во всякомъ случаѣ, символическимъ агентомъ революціи. Но дальше — трагедія неизбѣжна. Двусторонняя трагедія — для Россіи и для вождя, столкнувшагося съ совершенно «непарламентскимъ» народомъ... непарламентскому народу ненавистенъ всякій, кто позволитъ себѣ **ограничить** его волю или, вѣрнѣе, его своеволіе. Въ свою очередь, и это своеволіе не можетъ принять политикъ, все время стремившійся привить Россіи эти европейскіе методы политической борьбы. Революцію **душою** европеецъ принять не можетъ. Умомъ онъ можетъ очень хорошо понимать всѣ ея изгибы, даже ея преступленія. Но слиться съ съ ней на ступеняхъ безпощаднаго, часто варварскаго разрушенія ею старой культуры онъ не сможетъ и не захочетъ. Онъ будетъ быстро отодвинутъ съ главной арены революціи и уступитъ мѣсто вождямъ, **по иному связаннымъ съ возставшимъ**

Ахерономъ... Трагедія будетъ рости и расширяться. Привычная активность политическаго вождя не выдержитъ «ухода отъ революціи» и пассивнаго ожиданія ея неизбѣжнаго спада. Именно эта активность броситъ его на путь многочисленныхъ попытокъ поставить преграду разрушенію... Но на этомъ пути онъ долженъ столь же неизбѣжно встать въ рядъ не только съ тѣми, кто хочетъ ограничить сферу разрушенія, но и съ тѣми, кто хочетъ задушить революцію во имя реставраціи... Послѣдовательный конституціоналистъ, историкъ, хорошо знающій ликъ реставраціи и ее значеніе для всего будущаго Россіи, разорветъ и эту связь съ старымъ міромъ, все еще желающимъ возстановить свои права и привиллегіи.

И снова для вождя русскаго либерализма исторія установитъ «центральное» мѣсто. Наступитъ полоса, когда твердость въ сохраненіи этого политическаго централизма будетъ требовать отъ него почти что подвига. Слѣва, отъ побѣдившихъ большевиковъ, онъ получитъ званіе «измѣнника народа» и будетъ подвергаться издѣвательствамъ и даже опасностямъ. Справа, отъ сгрудившихся реставраторовъ, онъ получитъ званіе «измѣнника родинѣ», «активнаго пособника революціи», а въ придачу — жгучую ненависть не только отъ правыхъ, но часто и отъ своихъ бывшихъ соратниковъ, теперь раскаявшихся и растоптавшихъ свое прошлое...

Путь — поистинѣ трагическій. Трагизмъ этотъ усиливается въ огромной степени еще и отъ лицезрѣнія напрасныхъ жертвъ и ошибокъ революціи. Историческая задача, вставшая передъ Россіей въ февралѣ, не измѣнилась и сейчасъ: чтобы жить, страна должна встать на европейскій путь, путь народоправства. Если у исторіи есть слово «зачѣмъ», то вѣдь не для смѣны же диктатуры дворянской на диктатуру «пролетарскую» произошла въ странѣ столь кровавая гражданская война. Завершивъ свой кровавый и страшный кругъ, революція неизбѣжно придетъ къ той же давно поставленной задачѣ: демократія и конституція... Много пережилъ — и много трагическаго — за это время и побѣдившій «сапожный подрайонъ». На уродливыхъ выборахъ въ совѣты онъ все же познаетъ значеніе «шелеста бюллетеней», столь поносимого имъ въ былые времена... Познаетъ онъ вскорѣ и удивительное сходство двухъ столь различныхъ по соціальному составу диктатуръ... А когда — въ процессѣ этого познанія — и «сапожный подрайонъ», и «ре-

волюціонное крестьянство» придутъ, наконецъ, къ задачѣ построенія здороваго, истинно демократическаго государства, они правильно поймутъ и учтутъ и роль историка русской культуры и борца за европейскую конституцію въ самые темные времена самодержавія.

Да, поймутъ несомнѣнно. Поймутъ и съ негодованіемъ, съ отвращеніемъ будутъ вспоминать печальные времена русской исторіи, когда просвѣщенные и всегда честно служившіе народу люди заносились въ списки «враговъ народа», для убійства ихъ или для изгнанія изъ родной страны...

Ек. Кускова.

Два юбилея

Два юбилея: Катеринѣ Константиновнѣ Брешко-Брешковской вчера исполнилось 85 лѣтъ; сегодня исполняется 70 лѣтъ Павлу Николаевичу Милюкову.

Два юбилея — два человѣка, во всемъ другъ на друга непохожіе.

Два человѣка — два сталкивающихся міросозерцанія, два разныхъ плана общественной работы: созиданіе новаго строя въ революціи — преодолѣніе революціи преобразованіемъ строя существующаго...

Два плана, развивавшихся въ разныхъ плоскостяхъ, имѣвшихъ только одну точку пресѣченія.

Точка эта — беспредѣльная жертвенная любовь къ Россіи...

Но и здѣсь и жертва и любовь были разныя.

Одна, долго не замѣчая Государства, преодолѣвая его формальную черствость, любила Россію въ непосредственной стихіи страдающаго и мятущагося народа. Другого покоряла себѣ суровая стройность именно Государства; въ народѣ онъ видѣлъ матеріалъ для мощи и величія Россіи.

Жертва Брешковской была въ безграничномъ самоотреченіи, въ отказѣ отъ своей соціальной сущности, отъ своей духовно-утонченной личности. Въ избахъ, въ рабочихъ казармахъ, въ каторжныхъ казематахъ, подъ плетями и на этапахъ радостно расточала она себя во имя слабыхъ, сирыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ.

Милюковъ такой непосредственной жертвы не зналъ. Его жертва была въ самоограниченіи, въ отказѣ отъ восторга непо-

средственнаго жертвеннаго порыва, революціоннаго безумнаго взлета, во имя государственнаго строительства; во имя обязанности крѣпить серединные, крѣпкіе соціальные устои страны.

Революція Брешковской — эволюція Милюкова: вотъ двѣ крайнія точки, между которыми долгіе годы до Февраля раскачивался маятникъ россійскаго освободительнаго движенія.

Въ Февралѣ обѣ эти точки на одно историческое мгновеніе слились: родилась новая, свободная Россія. Родилась, чтобы умереть, какъ зерно умираетъ для того, чтобы взойти весенними зеленями.

Не пройдетъ безплодно для исторіи Россійскаго Государства время изумительной борьбы съ романовскимъ самовластіемъ. Сроки большевизму даны короткіе.

Да, зеленя свободы еще взойдутъ.

Но короткое въ исторіи часто бываетъ невыносимо-длиннымъ въ жизни отдѣльныхъ поколѣній. Невыносимы и нашему поколѣнію большевистскіе сроки. Поэтому у многихъ среди насъ въ душѣ только беспросвѣтный мракъ, печаль объ ушедшемъ и погибшемъ. Въ своей памяти они болѣзненно извращаютъ прошлое: благоговѣйно и благодарно вспоминаютъ тотъ государственный строй, который довелъ Россію до бездны; на тѣхъ, кто за многіе годы до катастрофы предвидѣли ее и пытались предотвратить, возлагаютъ нынѣ вину за чужія неискупимые ошибки.

Но тотъ, кто отрываетъ себя отъ прошлаго освободительной борьбы — обезоруживаетъ себя передъ новымъ большевистскимъ самовластіемъ. Ибо въ другихъ формахъ, въ другомъ выраженіи идетъ сейчасъ въ Россіи та же, уже вѣковая, борьба за свободу, за возрожденіе Россіи въ силѣ права и въ соціальной мощи.

Освободительная борьба сложна и многолика.

Единаго фронта у нея нѣтъ и быть не можетъ, какъ не можетъ быть единства въ настроеніяхъ и устремленіяхъ различныхъ соціальныхъ силъ въ государствѣ. Чаще, почти всегда, наоборотъ, въ своемъ наступательномъ движеніи силы освобожденія между собой сталкиваются, наносятъ другъ другу тяжкіе, сокрушительные удары.

Такъ было и въ политическомъ прошломъ К. К. Брешковской и П. Н. Милюкова. Партіи, къ которымъ они принадлежали

и въ которыхъ водительствовали, продвигаясь съ боемъ по путямъ освобожденія, находились почти въ неустанномъ бою между собой.

Каждый ощущалъ только свою правоту. Каждый ясно видѣлъ только чужія ошибки. Кто больше и жесточе ошибался, — узнаетъ только исторія, да и то едва ли.

Но за исключеніемъ всего разъединяющаго и спорнаго остается нѣчто для насъ — для меня, по крайней мѣрѣ, — безспорное. Остается и останется въ исторіи одна сторона жизни и К. К. Брешковской и П. Н. Милюкова

ихъ живые образы.

Подъ вліяніемъ опредѣленныхъ теченій въ исторической и соціальной наукахъ послѣднія до революціи русскія поколѣнія привыкли изъ исторіи исключать человѣка. Не пытался ли Толстой даже Наполеона превратить въ случайную подробность историческихъ безликихъ и безличныхъ процессовъ?

Самыми послѣдовательными поклонниками исторіи безъ человѣка были русскіе марксисты. Они закончили (совсѣмъ по Карлейлю) мавзолейнымъ обожествленіемъ трупа Ленина. И въ ихъ коншунственномъ вочеловѣченіи исторіи больше все-таки правды, чѣмъ въ толстовскомъ обезличиваніи ее.

Исторію дѣлаютъ не формулы и резолюціи, а люди и ихъ поступки. Нельзя дѣлать исторію, не дѣлая своей біографіи. Тотъ, кто хочетъ творить жизнь, долженъ учиться дѣлать себя человѣкомъ, способнымъ творить. Учиться можно только на примѣрахъ. Не на идейныхъ примѣрахъ, а на примѣрныхъ людяхъ...

Такими примѣрными людьми для молодыхъ поколѣній, которыя хотятъ быть общественными строителями, государственными работниками, я почитаю и К. К. Брешковскую и П. Н. Милюкова.

О «Бабушкѣ» цѣлыхъ поколѣній русскихъ революціонеровъ я говорить не буду: слишкомъ мы другъ другу близки. Я хочу говорить здѣсь о далекомъ, съ кѣмъ въ политической жизни мнѣ пришлось идти рядомъ, но всегда съ боемъ. Говоря о П. Н. Милюковѣ, я могу быть безпристрастнымъ.

Въ идеяхъ онъ для меня споренъ. Въ типѣ общественнаго работника — удивителенъ. Такимъ долженъ быть тотъ, кто хочетъ строить новое зданіе, высѣкать изъ камня новыя формы.

Долгая жизнь, направленная всегда къ одной цѣли. Цѣль,

которая подчиняетъ себѣ всю жизнь въ большомъ и маломъ. Въ большомъ и маломъ П. Н. Милюковъ подчиняетъ себя цѣли, которой служитъ: укрѣпленію Россіи преобразованіемъ въ ней государственнаго строя.

Тутъ главное не въ идеѣ, ибо много было и есть среди насъ такъ же мыслящихъ, а въ упорной волѣ къ ея осуществленію. Никакія неудачи, личныя пораженія не могутъ оторвать П. Н. Милюкова отъ его идеи, не могутъ разбить его волю **служить Россіи.** Его увѣренность въ правотѣ своего дѣла, можетъ быть, иногда переходитъ въ самоувѣренность, но никогда минутная слабость отъ неудачъ не превращалась и не превращается у него въ отчаяніе. Онъ никогда, по русскому обычаю, не махнетъ рукой на свое дѣло, никогда не превратится изъ призваннаго Павла снова въ обывательскаго Савла, какъ это принято въ русской политической средѣ.

Онъ такой же часовой у храма русской свободы, какъ и К. К. Брешковская.

Десятки лѣтъ настоящей каторги — у одной. У другого — десятки лѣтъ упорной политической работы въ каторжныхъ русскихъ условіяхъ. И послѣ всего пережитаго та же у обоихъ воля къ борьбѣ, та же вѣра въ свои идеалы и въ свои силы.

Люди, вылитыя изъ бронзы.

Кто хочетъ подлинно служить Россіи, долженъ себя, по ихъ примѣру, перековывать въ полноцѣнный металлъ.

А. Керенскій.

П. Н. МИЛЮКОВЪ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ

П. Н. Милюковъ, какъ учитель *)

Дорогой Учитель и Старый Другъ!

Сегодня не только Вашъ, и нашъ день, сегодня и общерусскій историческій день, ибо имя Милюкова уже вошло въ исторію нашей Родины; ибо провели Вы по дорогой землѣ глубокую индивидуальную борозду и бросили въ нее отборныя, полновѣсныя сѣмена культуры, знанія и любви; ибо уже третье поколѣніе идетъ по этой бороздѣ, питается ея сѣменами и чтитъ Ваше имя.

Въ Вашемъ лицѣ мы привѣтствуемъ и мыслителя, и ученаго, и общественнаго дѣятеля, и писателя-публициста, и политика... Сколько этихъ «и» надо перечислить, чтобы дать неущербленную сферу Вашего духовнаго міра?

Ко всему этому многообразію надо прибавить еще одно большое слово — **и учителя.**

Можно итти за Вами; можно избрать себѣ другой, не Вашъ путь; можно итти противъ Васъ, бороться съ Вами, но нельзя одного — нельзя не учиться у Васъ. И Ваши противники и недруги учатся у Васъ также, какъ учимся мы — Ваши послѣдователи и друзья.

И вотъ сейчасъ, когда я оглядываюсь назадъ, поскольку позволяетъ это сдѣлать мнѣ мой возрастъ, — а онъ не такъ ужъ малъ, ибо разница въ нашихъ съ Вами лѣтахъ, не достигаетъ и полутора десятка лѣтъ, — я невольно оста-

*) Рѣчь И. П. Демидова на торжественномъ юбилейномъ собраніи въ Парижѣ 2 марта 1929 г.

навливаюсь на четырехъ датахъ четырехъ десятилѣтій, пережить которыя мнѣ пришлось вмѣстѣ съ Вами, и въ которыхъ — для меня, по крайней мѣрѣ, — какъ то особенно ярко сказалась бытовая — безъ прикрасъ и стилизаціи — обстановка Вашего жизненнаго подвига, Вашего учительскаго пути — полнаго, повторяю, глубокой мысли, сильной воли и беззавѣтной любви къ Россіи.

Четыре десятилѣтія, четыре аудиторіи, четыре ступени, четыре вѣхи, отмѣтившія длинный и трудный путь и приведшія насъ сегодня сюда, въ эту пятую аудиторію — юбилейную.

Первая аудиторія — первая ступень.

1894 годъ. Николай II только что вступилъ на престолъ. Вся страна затихла и съ тревогой думала, что ждетъ ее? Кончился ли этотъ безпробудный тринадцати-лѣтній сонъ народа? Кончился ли, по выраженію покойнаго кн. Евгенія Трубецкого, «дортуаръ въ участкѣ, это «вотчинное» безправіе и безмолвіе?

Въ эту эпоху въ одномъ провинціальномъ городѣ появилось объявленіе, что въ ближайшемъ будущемъ состоятся шесть публичныхъ лекцій привать-доцента Московскаго Университета П. Н. Милюкова на тему «Общественныя теченія со временъ Екатерины II».

И имя лектора, и тема лекцій расшевелили обывателя: о какихъ «общественныхъ теченіяхъ» еще только вчера можно было бы говорить? Ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ никакихъ «теченій» не должно было существовать, ибо — «на Шипкѣ все было спокойно»: русскій царь удилъ рыбу въ Финляндскихъ шхерахъ; Европа ждала, пока онъ кончитъ удить, а русскій народъ... онъ, по оффиціальному сказанію, «благоденствовалъ» и «боготворилъ».

Послѣдняя изъ шести лекцій. До отказа, какъ и на первыхъ пяти, наполненный залъ дворянскаго собранія. Общее повышенное настроеніе. Въ первомъ ряду — вице-губернаторъ Чайковскій, братъ композитора, рядомъ съ нимъ викарный архіерей, черезъ нѣсколько креселъ — жандармскій полковникъ. А кругомъ — «весь городъ». По бокамъ, за колоннами, сплошная стѣна учащейся молодежи въ сѣрыхъ курткахъ и коричневыхъ платьяхъ.

Лекторъ кончилъ. Раздался громъ апплодисментовъ. Хлопали всѣ, начиная съ вице-губернатора и до гимназистовъ четвертаго класса — младшихъ начальство не пустило.

Не хлопали Вамъ только двое — архіерей и жандармскій полковникъ: первому не полагалось по сану, второму по мѣсту, да и пришелъ этотъ второй «съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ».

Послѣ этихъ лекцій, Вы, Павелъ Николаевичъ, принуждены были проститься съ Московскимъ Университетомъ и уѣхать на жительство въ Рязань, а затѣмъ оказаться въ Болгаріи и навсегда связать свое имя съ эпохой возрожденія этой страны.

Тѣ же лекціи навсегда разбили служебную карьеру вице-губернатора — нельзя было безнаказанно апплодировать какимъ-то «общественнымъ теченіямъ» — его «ушли».

Не погибъ, но все-же «пострадалъ» викарный архіерей — не хлопавшій, но осмѣлившійся присутствовать — долго не могъ онъ получить самостоятельной епархіи.

Но были и награжденные — жандармскій полковникъ «не въ очередь» получилъ генерала и съ гордостью надѣлъ новые штаны съ красными лампасами.

Получила награду и вся та монолитная стѣна зеленой молодежи, которая слушала Васъ, затаивъ дыханіе, а потомъ въ самозабвеніи хлопала Вамъ, пока не стали тушить свѣтъ въ залѣ.

Ее наградили Вы, бросивъ въ ея души имена великихъ борцовъ за Россію и русскій народъ: Новиковъ, Радищевъ, декабристы, Герценъ — загорѣлись въ юныхъ сердцахъ русскіе общественные свѣточи, имена, заплатившихъ за свое горѣніе тюрьмой, ссылкой, изгнаніемъ, каторгой, жизнью.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ слѣпая власть и Ваше имя внесла въ этотъ списокъ и тѣмъ сразу связала прошлое съ настоящимъ, исторію съ текущей дѣйствительностью. Молодежь все поняла и все запомнила. Это было во-истину политическое крещеніе.

Такъ вспоминается мнѣ Ваша первая ступень.

Вторая — подобная ей.

Минуло десятилѣтіе. Наступилъ 1905 годъ.

Много воды утекло въ русскомъ потокѣ Имперьялистическое теченіе этого потока привело Россію на Дальній Востокъ — къ Ляояну и Мукдену, къ Портъ-Артуру и Цусимѣ.

И опять аудиторія, но уже не въ провинціи, а въ Москвѣ. Громадный залъ частнаго особняка, наполненный такъ, что яблоку упасть некуда. Предстояла лекція только-что вернувшагося изъ-за границы Павла Николаевича Милюкова на тему — «Общественныя теченія второй половины XIX вѣка». — Ваше первое публичное выступленіе послѣ долгаго отсутствія.

Обстановка лекціи была странной: что называется «среди бѣла дня», въ частномъ домѣ, не только безъ разрѣшенія власти, но и даже безъ заявленія ей, публичная лекція того, кого самъ Плеве охарактеризовалъ словами — «Милюковъ — сильный и опасный врагъ Императорской власти».

И лекторъ, и хозяева дома, и всѣ слушатели были увѣрены въ разгонѣ и въ арестахъ. Одну минуту по залу пронесся шопотъ — «полиція». Да, къ дому подходилъ нарядъ полиціи во главѣ съ частнымъ приставомъ. Но она не вошла въ домъ, она заняла мѣста по двумъ сторонамъ особняка, выходившаго на улицу и въ переулокъ и начала наводить порядокъ среди скопившихся въ безпорядкѣ извозчиковъ. Частный приставъ вошелъ на крыльцо, позвонилъ и упрекнулъ только за одно — почему его не предупредили, что будетъ большой съѣздъ? Онъ самъ своевременно прислалъ-бы нарядъ для наблюденія за порядкомъ. А теперь это было приказано ему изъ Градоначальства — «обидно».

Очевидно, шли другія времена: и Вы стали другимъ, и другою стала тема объ «общественныхъ теченіяхъ», — «noli me tangere» начинало звучать въ нихъ

Въ этотъ разъ Вы подвели итогъ поставленной Вами темѣ. Вы говорили о томъ, какъ неизбѣжно должны были сблизиться и уже сблизились два прогрессивныхъ теченія русской общественности — либеральное и радикальное, ибо врагъ у нихъ былъ общій. Вы поставили своихъ слу-

шателей передъ «общественнымъ теченіемъ» настоящаго, передъ той задачей, которая уже выпадала на Вашу и ихъ долю, какъ современниковъ и уже не ученыхъ, а политическихъ работниковъ.

И опять несмолкаемый громъ апплодисментовъ и въ добавокъ цвѣты — привѣтъ вернувшемуся учителю.

Были пострадавшіе и въ этотъ разъ: имъ оказался частный приставъ, не догадавшійся поставить нарядъ полиціи для наблюденія за порядкомъ — за свою нераспорядительность онъ получилъ строгій выговоръ отъ градоначальника.

На второй ступени кончалась работа ученаго и профессора, и на ихъ мѣсто вставалъ публицистъ и политическій борецъ.

Минуло еще десятилѣтіе: пронеслись первая русская революція и первая Государственная Дума, какъ ея эпилогъ; Выборгъ и новый избирательный законъ; борьба со Столыпинымъ, и много другого очень большого. Вы всегда въ первомъ ряду, на виду у всѣхъ, подъ ударами ненависти и безсильной злобы Вашихъ противниковъ.

Ваша арена — уже не провинція, не Москва и не Петербургъ. Вы уже давно на кафедрѣ Государственной Думы, и слушаетъ Васъ вся Россія.

Наступилъ страшный 1914 годъ. Разразилась война. Двадцать шестого іюля Государственная Дума экстренно собралась, чтобы сказать объ этой войнѣ свое слово.

Что скажетъ Милюковъ — спрашивали въ кулуарахъ. Вашего слова съ нетерпѣніемъ ждали и на депутатскихъ, и на правительственныхъ скамьяхъ и на переполненныхъ «хорахъ». И это было понятно. — Ваше слово было словомъ всей передовой, прогрессивной Россіи.

И какъ удары молота, въ этотъ день падали Ваши слова — «счеты партіи Народной Свободы съ властью не кончены, — говорили Вы, — но сегодня, въ минуту общей національной опасности, она откладываетъ ихъ въ сторону и всю силу своего авторитета кладетъ на чашу вѣсовъ этой власти».

Какой единодушный кличъ, какіе раскаты рукоплесканій въ залѣ и на хорахъ были отвѣтомъ на эту мысль —

«сильнаго и опаснаго врага императорской власти» — кто слышалъ этотъ взрывъ, тотъ никогда его не забудетъ. Хлопало и все правительство — и какъ не сказать: бѣдный вице-губернаторъ Чайковскій, хлопавшій двадцатью годами раньше!

Въ тотъ день Вы сдѣлали и другое — Вы поѣхали въ Зимній Дворецъ и тамъ протянули руку своимъ врагамъ въ лицѣ Маркова II. Такова Ваша третья ступень.

А дальше?..

«Россія войны не боится — она готова» — величайшая ложь, произнесенная злымъ геніемъ Николая II, Сухомлиновымъ.

Дальше и предстояла борьба съ этой ложью. Здѣсь были уже не счеты партіи съ властью, здѣсь шелъ вопросъ о жизни Родины, о всемъ ея будущемъ, и вопросъ этотъ надо было рѣшать немедленно, на ходу, въ разгарѣ величайшаго за всю міровую исторію столкновенія народовъ.

Рождается «прогрессивный блокъ», Вы становитесь во главѣ его — послѣдняя попытка мирнаго сговора съ властью, послѣднее предложеніе ей опереться на авторитетъ и силу народнаго представительства.

Всѣ знаютъ, чѣмъ кончилась эта попытка, къ чему она привела и какія послѣдствія имѣла. Не здѣсь и не сейчасъ повторять это. Но здѣсь надо вспомнить о томъ, какъ Вы — «сильный и опасный врагъ императорской власти», учитывая обстановку и предвидя будущее, вопреки прогрессивному блоку, вопреки собственной партіи и **вопреки самой императорской власти** стояли за ея сохраненіе, мудро предупреждая всѣхъ, что «во время переправы лошадей не перепрягаютъ».

Тѣ, кто могли сохранить эту власть, сами рѣшили «перепречь» лошадей и съ прошлымъ было покончено. Настоящее бурлило въ хаосѣ, а будущее готовило распадъ арміи и уходъ ея съ фронта...

Съ 1914 года прошло не десять, а пятнадцать лѣтъ, изъ которыхъ десять падаютъ на эмиграцію — Вашу, а вмѣстѣ съ Вами и нашу четвертую ступень той крестной лѣстницы, по которой суждено Россіи пройти къ своему новому будущему.

Въ 1928 году мнѣ пришлось посѣтить одну аудиторію франко-русскаго института. Въ этой аудиторіи шла Ваша лекція по русской исторіи начала XIX вѣка. И какъ тридцать лѣтъ назадъ въ Нижнемъ Новгородѣ, такъ и здѣсь въ Парижѣ эта аудиторія была полна русской молодежью — молодежью эмиграціонной, которая, отрывая часы отъ своего рабочаго дня, шла слушать Васъ, слушать исторію утерянной на долгіе годы Родины.

Слушалъ и я. И невольно спрашивалъ себя, откуда у Васъ эти силы, которыя даютъ Вамъ возможность уже не дѣтей Вашихъ, а внуковъ учить тому, чему Вы учили насъ. Послѣ всего пережитаго и перенесеннаго, въ Вашихъ словахъ было еще больше вѣры въ русскій народъ, еще больше любви къ нему. И эта вѣра и любовь передавались Вашимъ слушателямъ.

Вотъ тѣ четыре даты, о которыхъ я хотѣлъ сказать сегодня. Повторяю, въ нихъ укладывается весь Вашъ путь, все дѣло Вашей жизни — нести свѣтъ знанія русскому народу, его молодому поколѣнію. И если великъ былъ Вашъ учительскій подвигъ на родной землѣ, то насколько величественнѣе онъ послѣ русскаго крушенія, на землѣ чужой, въ годы изгнанія. Что еще къ нему можно прибавить?

Повторяю то, что сказалъ въ началѣ: можно идти за Вами; можно избрать себѣ другой, не Вашъ путь; можно идти противъ Васъ, бороться съ Вами и — добавлю, — ненавидѣть Васъ, но нельзя одного — **нельзя не учиться у Васъ**.

Такъ живите же еще долго — учите уже не насъ, а нашихъ дѣтей и внуковъ познавать и понимать Россію. Какую? Конечно, Россію Петра Великаго и Пушкина. Ей вы посвятили Ваши силы мыслителя и ученаго; ей отдали и всю Вашу жизнь, какъ общественнаго дѣятеля и журналиста и политика. На этомъ пути Вы провидите и образъ новой Россіи — свободной, культурной, демократической, республиканской, идущей нога въ ногу со всѣми культурными народами міра.

И пусть благое Провидѣніе хранитъ Васъ во имя этого свѣтлаго и радостнаго дня.

И. Демидовъ.

Изъ поколѣнія въ поколѣніе

Чествованіе 70-лѣтія П. Н. Милюкова невольно вызываетъ на воспоминанія — уже историческаго характера...

Когда «Очерки по исторіи русской культуры» начались печатаніемъ въ «Мірѣ Божьемъ», былъ я еще гимназистомъ, разрушителемъ и отрицателемъ всѣхъ основъ. Несмотря на это внимательно штудировалъ ихъ съ карандашомъ въ рукахъ изъ номера въ номеръ. А когда они вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ трехъ томикахъ — каждый послѣдующій былъ толще предыдущаго, штудировалъ ихъ еще разъ, на этотъ разъ уже съ конспектомъ и большими выдержками. И тогда же прочно вошли эти «Очерки» въ мой «желѣзный инвентарь», какъ мы называли съ пріятелями тѣ книги, которыя считали для себя обязательными. Хорошо помню и курсъ литографированныхъ лекцій, которыя читались П. Н. въ Москвѣ, кажется, на женскихъ педагогическихъ курсахъ и которыя мнѣ досталъ съ превеликими трудностями знакомый лохматый студентъ. Изучалъ ихъ одновременно съ полу - запрещеннымъ литографированнымъ курсомъ русской исторіи Ключевскаго.

Немало въ высокой репутаціи П. Н. Милюкова въ нашихъ глазахъ тогда играло и то обстоятельство, что числился онъ крамольнымъ приватъ-доцентомъ, а позднѣе по секрету сообщали, что онъ даже былъ высланъ изъ Москвы (всего то въ Рязань!). Это вводило его въ рангъ «свѣточей науки опальной» и поднимало его цѣнность, заставляло въ его книгахъ искать чего то и между строкъ. И, конечно, находили...

Потомъ новыя вѣсти чуть ли не объ изгнаніи изъ Россіи, разсказы о блестящихъ успѣхахъ въ Болгарскомъ универси-

тетѣ. Здѣсь для меня легенда кончалась, послѣ этого начиналась дѣйствительность. П. Н. Милюковъ — уже общепризнанный историкъ русской общественности и публицистъ. Каждая новая статья, каждая новая книга должна быть прочитана обязательно.

Прошли учебные годы, началось собственное участіе въ жизни. Чѣмъ ближе самъ становишься къ жизни, тѣмъ сильнѣе расхожденія. Иной разъ даже бурный откликъ вызываютъ передовицы въ «Рѣчи», рѣчи въ Государственной Думѣ... Но — странное дѣло — постепенно все сильнѣе сокращается разстояніе, которое одно поколѣніе отдѣляетъ отъ другого. Кое-что, оказывается, приходится дѣлать сообща — и даже протягиваются какія то невидимыя ниточки между человѣкомъ, дѣйствующимъ открыто на виду у всѣхъ, и подпольщикомъ, втайнѣ подрывающимъ ненавистный обоимъ строй. Разные методы борьбы и разныя личныя судьбы, но во многомъ общая цѣль. Короткій мигъ 1917 года какъ будто все разъясняетъ — всѣ открыто борятся за свои идеалы своими собственными методами, выбравъ свою тактику. Здѣсь — встрѣча двухъ поколѣній, которыя неожиданно и незамѣтно вплотную подошли другъ къ другу.

Снова эмиграція, но на этотъ разъ привычную намъ эмиграцію съ нами дѣлитъ и П. Н. Милюковъ. Сначала расхожденіе, отзвукъ совмѣстно, но по разному пережитаго, потомъ почти по всѣмъ основнымъ вопросамъ злобы дня не только взаимное пониманіе, но и согласованность, почти единодушіе. И съ неодумѣніемъ признаешься: нѣтъ чувства принадлежности къ двумъ разнымъ поколѣніямъ! Что это — заслуга П. Н. Милюкова или нашъ недостатокъ? Взвѣшивая все, склоняюсь къ мысли, что скорѣе — первое.

За эти три десятка лѣтъ выросло новое поколѣніе. Новое изданіе «Очерковъ по исторіи русской культуры» — новое и навѣрное дополненное, такъ какъ П. Н. Милюковъ никогда не отстаетъ отъ современности — конечно, тоже войдетъ въ «желѣзный инвентарь» этой новой молодежи. Это будетъ означать, что на трудѣ П. Н. Милюкова будетъ учиться и воспитываться третье поколѣніе.

Завидна участь человѣка, на долю котораго выпала такая судьба.

В. Зензиновъ.

„На большой дорогѣ Русской интеллигенци“

«...Мы не фанатики «традиціи», но, ощутивши въ своемъ сознаніи эту связь поколѣній, мы ее пріемлемъ и цѣнимъ, какъ положительное богатство, какъ единственное цѣнное достояніе нашего столь еще юнаго коллективнаго сознанія. И мы хотимъ передать это богатство дальше. Скромная роль эта есть наша. Она намъ принадлежитъ по долгу и по праву, и ни на какую другую мы ее не промѣняемъ». *).

«Это единственный сейчасъ человѣкъ въ Россіи, который могъ бы ее спасти». Эту фразу мнѣ довелось слышать еще въ мои ученическіе годы, въ памятные октябрьскіе дни 1905 года въ интеллигентскихъ петербургскихъ кружкахъ, гдѣ постоянно — всегда съ восхищеніемъ или ненавистью — произносилось тогда имя П. Н. Милюкова. Но вотъ и сейчасъ, четверть вѣка спустя, это имя произносится съ тѣми же чувствами. И это не случайно. Оно давно стало идейно-политическимъ символомъ, дорогимъ или ненавистнымъ.

Это имя — символъ основного русла всего того сложнаго потока идей, настроеній и волевыхъ устремленій, которыя образуютъ въ своей совокупности русскую интеллигентскую традицію. Ея истолкователемъ, носителемъ и бойцомъ за нее уже давно сталъ П. Н. Милюковъ.

Интеллигентской традиціи не въ смыслѣ нити, протянутой черезъ максималистскія настроенія радикальныхъ кружковъ, а въ болѣе широкомъ и болѣе подлинномъ смыслѣ. Это созна-

*) П. Н. Милюковъ. «Интеллигенція и историческая традиція». СПБ. 1910.

тельное, инициативное и дѣйственное, связанное въ поколѣніяхъ, участіе въ томъ огромномъ культурно - политическомъ процессѣ, который составляетъ содержаніе двухъ послѣднихъ вѣковъ русской исторіи. Она тянется отъ Петра и Ломоносова и, отразившись уже въ первыхъ робкихъ побѣгахъ русской образованности въ 18-мъ вѣкѣ, сообщаетъ основную окраску всему великолѣпному цвѣтенію русской культуры 19-го вѣка. Послѣ ею подготовленной и созданной «эпохи великихъ реформъ», она все ширится и постепенно просачивается во все болѣе глубокіе слои русскаго населенія. Значеніе и смыслъ этого процесса — въ его самомъ общемъ обозначеніи — въ освобожденіи — духовномъ и политическомъ — русскаго народа и одновременно въ образованіи россійской націи. Созданіе россійской демократіи есть лишь политическое выраженіе этого внутреннецѣльнаго процесса.

Какъ всякій живой процессъ — это процессъ борьбы. Какъ культурный процессъ, это борьба за **очеловѣченіе** жизни, личной и общественной; за поднятіе человѣческаго достоинства, за воспитаніе и дисциплину; за обрѣтеніе достойныхъ человѣка навыковъ «мысли и дѣланія»; за культуру личности и общежитія въ ихъ первичномъ и непреходящемъ общечеловѣческомъ пониманіи. За все то элементарное, что прежде всего и, какъ воздухъ, до сихъ поръ необходимо Россіи и чего, увы, всегда такъ недоставало ей, при всей безкрайности и высотѣ ея духовныхъ взлетовъ.

«Конституціонная монархія», «демократическая конституція», «республиканская демократія» — очередныя смѣняющіяся формулы въ борьбѣ за право и свободу — были лишь политическимъ выраженіемъ того же по существу процесса. Выразителемъ и организаторомъ его традиціонно была интеллигенція. Если угодно, эта традиція была ея миссіей. И можно ли думать, что оборвался этотъ процессъ и что окончена эта миссія?

Въ этой борьбѣ у нея былъ страшный и живучій врагъ. Коммунистическій абсолютизмъ зацѣпился за тѣ же, обрубленные было революціей, но не выкорчеванные корни, на которыхъ держалось и самодержавіе въ свои послѣднія десятилѣтія. Эти корни глубоко уходили въ очень древніе, слежавшіеся пласты вспоенной рабствомъ и крѣпостничествомъ, темной, глухой и недоброй стихіи. Она только обернулась большевизмомъ. Больше того: именно въ немъ нашла эта стихія свое полное и закон-

ченное, столь зловѣщее выраженіе, передъ тѣмъ, какъ окончательно уступить и уйти изъ русской жизни. Но побѣдить ее можно лишь на тѣхъ же путяхъ, предопредѣленныхъ исторіей и осознанныхъ въ русской интеллигентской традиціи

**
*

Въ Павлѣ Николаевичѣ Милюковѣ счастливо соединилось все, чтобы стать истолкователемъ, носителемъ и вождемъ этой традиціи. Двумъ ликамъ ея — культурному и политическому — соотвѣтствовало сочетаніе въ его лицѣ ученаго и политика. Обширныя и всестороннія познанія его обращены преимущественно въ эту область — къ русскому прошлому. Какъ въ политикѣ, въ немъ всегда живутъ чутье и темпераментъ истиннаго бойца. Онъ всегда безошибочно знаетъ, гдѣ въ каждый данный моментъ борьбы проходитъ линія боя и всегда безстрашно на нее выходитъ. Обыватель этой линіи боится. Того, кто къ ней приближается, онъ называетъ «богомъ безтактности»; но вѣдь только тотъ, кто на этой линіи — можетъ держать въ своихъ рукахъ судьбу побѣднаго продвиженія. Наконецъ, самыя свойства его личности, пержде всего — свобода и независимость его ума, его высокая культурность и его неподдѣльный демократизмъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, — все отвѣчаетъ въ немъ этой роли. И, можетъ быть, для нея болѣе показательно не то поклоненіе, которымъ его окружаютъ друзья, сколько то отталкиваніе, которое вызываетъ онъ у враговъ: его вызываетъ не только политическая его работа, имъ ненавистенъ самый складъ мышленія этого дисциплинированнаго европейца. Это и понятно. Въ этомъ инстинктивная реакція той самой темной зоологической стихіи, которая питала худшія стороны самодержавія, которой держится большевизмъ. Въ немъ она всегда имѣла своего самаго безпощаднаго врага. Весь долгій путь П. Н. Милюкова — это **неутомимое и непрерывное наступленіе на духовную и политическую татарщину русской жизни.** Его путь и его задача. Сейчасъ — послѣ пережитой катастрофы — еще болѣе насущная, чѣмъ когда либо.

И П. Н. Милюковъ остался вѣренъ своей роли.

Въ эмиграціи, въ условіяхъ, казалось бы, столь неблагопріятныхъ и непропорціональныхъ громадности этой задачи, въ

атмосферѣ всеобщаго разброда, идейныхъ крушеній и духовнаго упадка надо было «поставить вещи внизъ ногами и вновь связать разорванные концы съ началами». Искать и найти выходъ и... готовить будущее. Надо было начинать чуть ли не съ самаго начала и, для начала, съ самаго малаго.

Съ той, только подлинно большимъ людямъ свойственной серьезностью, — какъ бы еще разъ подтверждая истину, что для большихъ людей нѣтъ малыхъ дѣлъ, и что всякое дѣло становится большимъ въ рукахъ большого человѣка, — съ той бодростью и упорствомъ, которымъ нельзя не позавидовать, П. Н. Милюковъ началъ его готовить. И младшее поколѣніе отозвалось. Это были тѣ изъ него, кто, только что переживъ гражданскую войну и растерявъ въ ней не одно дорогое вѣрованіе, все же, силою ничѣмъ непогасимой патріотической тревоги, не могли успокоиться, мучительно искали выхода и сами инстинктивно тянулись выйти на новую дорогу.

Въ своихъ газетныхъ статьяхъ, въ публичныхъ докладахъ, съ кафедры франко-русскаго института, въ своихъ бесѣдахъ на «политическихъ курсахъ», всегда бодрый и всегда вѣрный себѣ, П. Н. Милюковъ продолжаетъ искать, разъяснять, указывать эти новые пути; новые и, вмѣстѣ, выводящіе на все ту же старую большую дорогу національной интеллигентской традиціи.

Одни сразу и быстрѣе, другіе позже, но всѣ лучшіе изъ молодежи здѣсь, какъ и тамъ, — гдѣ бы ни бродила сейчасъ ихъ встревоженная мысль въ своихъ исканіяхъ — всѣ поймутъ рано или поздно: другой дороги нѣтъ. Ея не минуешь. Она предуказана исторіей.

Кончая мой сегодняшній привѣтъ отъ «младшихъ», мнѣ хочется сказать ему, что мы услышали его въ этомъ самомъ главномъ, и сказать это его же собственными словами. При всей разницѣ въ масштабѣ событій, послужившихъ имъ поводомъ, самый поводъ очень аналогиченъ по той психологической обстановкѣ — растерянности, забвенія и измѣнъ себѣ, — которыми они вызваны. Ихъ хочется вспомнить именно сегодня, такъ характерны они для всего дѣла его жизни: «... Я хотѣлъ бы сказать всѣмъ этимъ испугавшимся, уставшимъ, возненавидѣвшимъ, брезгующимъ и отчаявшимся: опомнитесь. Вспомните о долгѣ и дисциплинѣ, вспомните, что вы — только звено въ цѣпи поколѣній, несущихъ ту культурную миссію, о которой говорилъ Тургеневъ. Не вами начинается это дѣло и не вами оно

кончится. Вернитесь же въ ряды и станьте на ваше мѣсто. Нужно продолжать общую работу русской интеллигенціи съ той самой точки, на которой остановило ее политическое землетрясеніе, ничего не уступая врагамъ, ни отъ чего не отказываясь и твердо имѣя въ виду цѣль, давно поставленную не нашимъ произволомъ и прихотью, а законами жизни*).

Г. Арнольди.

---

*) П. Н. Милюковъ, «Интеллигенція и историческая традиція». СПБ. 1910.

Нити къ внукамъ

Въ ряду русскихъ политическихъ дѣятелей П. Н Милюковъ занимаетъ совершенно особое и исключительное мѣсто.

Къ его голосу съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваются русскіе люди по обѣ стороны рубежа. Его политическія выступленія горячо дебатируются всей свободной русской прессой и вызываютъ жестокую злобу прессы большевистской.

Здѣсь, въ эмиграціи, его имя неизмѣнно на устахъ не только людей его поколѣнія, но въ такой же степени и тѣхъ, кто лишь послѣднее десятилѣтіе вступилъ въ самостоятельную, отвѣтственную жизнь.

Принадлежа къ старшему поколѣнію современныхъ русскихъ вождей, П. Н. Милюковъ стоитъ въ самомъ центрѣ перекрещивающихся политическихъ тенденцій и борьбы **сегодняшняго** дня.

Руководитель и лидеръ республиканско-демократическаго движенія, онъ совершенно незамѣнимъ не только въ границахъ этого политическаго направленія, но и далеко за ихъ предѣлами. Эта особая «современность» и незамѣнимость Павла Николаевича имѣетъ достаточно основаній и объясненій.

Одно изъ нихъ слѣдуетъ искать въ его удивительномъ могучемъ оптимизмѣ, въ его непоколебимой, неодолимой вѣрѣ въ разумъ русскаго народа, въ великое будущее великой Россіи.

Эта, возбуждающая подлинное преклоненіе, твердая и радостная увѣренность даетъ ему силы для неустанной работы, оказывая вмѣстѣ съ тѣмъ, исключительное вліяніе на окружающихъ, передаваясь имъ. Общеніе съ П. Н. Милюковымъ заставляетъ людей быстрѣе двигаться, упорнѣе работать, крѣпче

думать. Но есть и нѣчто другое, что неразрывными органическими нитями связываетъ юбиляра съ современными русскими настроеніями и задачами.

Мыслитель и идеологъ, П. Н. Милюковъ — одновременно политическій и государственный дѣятель въ дѣловомъ, практическомъ значеніи этихъ понятій.

Свои громадныя познанія, свой талантъ и авторитетъ, свое имя — онъ безъ колебаній отдаетъ служенію непосредственнымъ національно - государственнымъ интересамъ.

Образъ дѣйствительной, реальной, страдающей и взыскующей Россіи всегда и неотступно стоитъ передъ его умственнымъ взоромъ.

Послѣдовательный и честный свободолюбецъ и демократъ, онъ никогда не былъ и не будетъ плѣнникомъ сухой догмы.

Онъ умѣетъ, безъ отказа отъ своего идеала, безъ «измѣны» и отреченія, согласовать демократическую доктрину съ капризной, бурной и многоликой жизнью и ея постоянно новыми, постоянно мѣняющимися заданіями.

Качество, пріобрѣтаемое, обычно, долгой культурно - политической традиціей и столь мало свойственное многимъ русскимъ дѣятелямъ.

Не эта ли черта заставляла Павла Николаевича въ его живомъ и жизненномъ патріотизмѣ, приходить иногда къ рѣшеніямъ, представляющимся многимъ «прямолинейнымъ» умамъ и темпераментамъ необъяснимыми и неоправданными?

Но это же свойство дѣлаетъ политическую фигуру П. Н. Милюкова особенно понятной и близкой сегодняшнимъ тенденціямъ русской интеллигенціи съ ея неотступной думой и патріотической тревогой за судьбу родины-отечества, съ ея стремленіемъ къ конкретному жизненно-цѣлесообразному и фактически-достижимому.

Такъ, черезъ поколѣніе, тянутся отъ стараго вождя русской интеллигенціи духовныя нити къ выросшимъ внукамъ.

Эти нити крѣпнутъ и будутъ становиться неразрывными по мѣрѣ заживленія тяжелыхъ ранъ и увѣчій, нанесенныхъ революціей и гражданской войной народной психикѣ.

Уже за недолгій эмигрантскій періодъ всеисцѣляющее время залѣчило много больного и ненужнаго, пріучило ко многому неизбѣжному, неотвратимому.

И это же время со своей логикой развернувшихся событій такъ полно засвидѣтельствовало правоту того, кто въ трагическій 1921 годъ имѣлъ мужество сказать: — **такъ** ничего не вышло. Не будемъ создавать иллюзій и стоять на мѣстѣ.

Давайте присмотримся къ нашей родинѣ и провѣримъ, не зоветъ ли она насъ на новые пути.

Не оглядываясь на свою популярность, не жалѣя силъ въ предстоящей борьбѣ, П. Н. Милюковъ и въ это тяжелое время сумѣлъ спокойно и проникновенно посмотрѣть въ глаза правдѣ.

Нѣкоторые за это его называли «измѣнникомъ».

Все явственнѣе и отчетливѣе ощущается близость радостнаго дня россійскаго освобожденія.

Скрипятъ и стонутъ коммунистическія цѣпи; не переставая, неустанно бьется насильниками неукрощенный народъ.

Неминуемъ часъ народной свободы.

Тогда высокій идеализмъ П. Н. Милюкова будетъ звать Россію на путь добра, справедливости и мира, а его зоркій, вѣрный глазъ подлиннаго государственнаго кормчаго будетъ необходимъ русскому кораблю, на пути котораго такъ много предательскихъ рифовъ и опасныхъ пучинъ.

Д. Мейснеръ.

Русскій интеллигентъ

Многіе начинаютъ забывать, что это такое — русскій интеллигентъ. Объ этомъ въ дни духовнаго гнета почти совершенно забыли на родинѣ. Пожалуй, это тамъ стало бранной кличкой: «интеллигентъ»! Но объ этомъ начинаютъ забывать и въ эмиграціи. Страдальческій, но одновременно и свѣтло-апполоновскій обликъ русскаго интеллигента то и дѣло начинаетъ вызывать здѣсь то раздраженное, то разочарованное отношеніе. Идейный кризисъ, переживаемый эмиграціей, находитъ, можетъ быть, свое печальное выраженіе какъ разъ въ этомъ явленіи: въ стихійномъ духовномъ отталкиваніи отъ образа и традиціи русской интеллигенціи. Точно хотятъ вернуться къ тому періоду, когда на сцену еще не вышелъ, бурно и неуклюже, но полный творческаго напряженія русскій интеллигентъ-разночинецъ, и, смутивъ любителей самобытныхъ и діонисовскихъ началъ русской жизни, сталъ твердою ногой на рубежахъ русской культуры. Провозглашаются здѣсь сумерки кумировъ русской интеллигенціи и создаются новые кумиры — кумиры идейныхъ сумерокъ.

Въ такой тяжкій моментъ отрадно привѣтствовать его, духовно - неущербленнаго, цѣлостнаго русскаго интеллигента — Павла Николаевича Милюкова. Въ такой моментъ, вопреки и поверхъ всякихъ разногласій, отрадно вдыхать эту атмосферу стойкости и вѣрности лучшимъ традиціямъ русской интеллигенціи.

П. Н. Милюкова часто характеризовали, какъ типичнаго «европейца» и этимъ какъ бы подчеркивали космополитическую струю въ его духовной стихіи. И это вѣрно — П. Н. Милюковъ не любитель самобытности въ ея различныхъ, всегда неулови-

мыхъ и потому всегда предательскихъ опредѣленіяхъ. И все таки въ моментъ крушенія множества россійскихъ самобытностей П. Н. Милюковъ является однимъ изъ самыхъ яркихъ и стойкихъ представителей того совершенно исключительнаго, въ лучшемъ смыслѣ этого слова самобытнаго русскаго явленія, какимъ является радикально-демократическая русская интеллигенція, воспитавшаяся на Новиковѣ, Радищевѣ, Бѣлинскомъ и Герценѣ. Недаромъ и въ своей научной дѣятельности онъ такъ любовно и такъ внимательно останавливался на рубежахъ русскаго интеллигентскаго сознанія въ лицѣ его наиболѣе яркихъ и трогательныхъ представителей.

Какъ всякая оригинальная личность, и П. Н. Милюковъ не подчинился слѣпо традиціи, хотя бы и самой возвышенной и самой глубокой, а внесъ въ нее свою «изюминку». Меньше всего П. Н. Милюковъ «расхлябанный русскій интеллигентъ». Твердость духовной поступи, ясность мышленія и органическая вражда къ «вообще», «и т. д.», «и т. п.» — основная черта въ интеллектуальномъ обликѣ юбиляра. Его раціонализмъ, за который его упрекали такъ часто, это не столько философская конструкція, сколько постоянная тревога передъ недоговореннымъ, недодуманнымъ, служащимъ зачастую то покровомъ идейной пустоты, то маскировкой робкой идейной стыдливости. П. Н. Милюковъ раціоналистъ не столько въ истолкованіи міра, сколько въ его измѣненіи, ибо знаетъ онъ, что безчисленны пути воспріятія истины, но весьма ограничены пути претворенія ея въ жизни.

П. Н. Милюковъ безжалостенъ въ общественной борьбѣ. Разъ узнаннаго и намѣченнаго врага онъ ни на мигъ не выпускаетъ изъ виду и бьетъ его точными, мѣткими ударами, почти математически разсчитанными. Въ этомъ отношеніи онъ тоже раціоналистъ. Но и въ этомъ отношеніи онъ только поддерживаетъ боевое значеніе русскаго разночиннаго интеллигента.

Уже многіе и многіе за эти тяжкіе годы изгнанія пали духомъ и горечь своего паденія пытались усладить идейной новизной, въ которой явно слышится давно оставленная старина русской разночинной интеллигенціи, безжалостно разгромленная. И когда русское радикально-демократическое сознаніе задается вопросомъ: есть ли въ полѣ живъ-человѣкъ, то невольно взглядъ обращается въ сторону П. Н. Милюкова. Есть! И стоитъ на сво-

емъ посту безстрашно, не боясь порою тяжкаго одиночества, столь многихъ убивающаго. Почти одинокій, во всякомъ случаѣ, въ наиболѣе близкой ему средѣ, онъ заложилъ основу своей «новой тактики» и теперь еще всегда это чувствуешь и всегда въ этомъ твердо убѣжденъ: когда понадобится, П. Н. Милюковъ, еще разъ не побоится остаться въ одиночествѣ и плыть противъ теченія.

Духъ прозелитизма ему свойствененъ въ высокой мѣрѣ, какъ и всякому столбовому русскому интеллигенту. И, однако, П. Н. Милюковъ боится не столько слишкомъ малаго количества послѣдователей, сколько слишкомъ большого ихъ количества. Онъ «раскалываетъ». Онъ нарушаетъ «единый фронтъ эмиграціи». Онъ занятъ больше врагами, чѣмъ друзьями. Но и въ этомъ одна изъ глубокихъ традицій русскаго интеллигентскаго сознанія.

Донести до 70 лѣтъ въ тягчайшихъ условіяхъ эмигрантскаго разсѣянія, среди массъ, для которыхъ обликъ русскаго интеллигента закрытъ дымомъ историческихъ пожарищъ, донести до этого возраста крѣпкую вѣру и твердую увѣренность въ творческой благодати русскаго интеллигентскаго сознанія — это подвигъ, за который нельзя не быть признательнымъ сегодняшнему юбиляру.

В. И. Талинъ.

Русскій европеецъ

Понадобилась бы спеціальная монографія, чтобы охарактеризовать — не то что описать— разностороннюю жизнедѣятельность П. Н. Милюкова. Нѣкоторыя стороны этой разнообразной дѣятельности, можетъ быть, вообще не дано схватить современникамъ — противникамъ и единомышленникамъ сегодняшняго юбиляра. Ибо и сейчасъ, какъ 35 лѣтъ сряду, продолжаетъ онъ волновать умы и сердца, продолжаетъ занимать одно изъ центральныхъ мѣстъ, вокругъ которыхъ не умолкаютъ теоретическіе споры и общественно - политическія страсти.

Во всякомъ случаѣ не здѣсь, не сейчасъ и не мнѣ пытаться дать всестороннюю характеристику П.Н.Милюкова, какъ ученаго, какъ политика и писателя-публициста. Если давать характеристику здѣсь и сейчасъ — характеристику по необходимости общую и бѣглую, — я бы сказалъ: жизненный, научный и общественно-политическіе пути П. Н. Милюкова опредѣляются тѣмъ, что онъ былъ р у с с к і й   е в р о п е е ц ъ.

Русскій европеецъ и терминологически, и въ качествѣ культурно-психологическаго типа — явленіе специфически русское, созданное европейски-азіатской протяженностью русскаго государства. Было бы лишено смысла говорить о типѣ нѣмецкаго, французскаго или британскаго европейца, ибо еврепеецъ и есть — общее и производное отъ всѣхъ этихъ культурно-психологическихъ типовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Въ такой же мѣрѣ полна глубокаго смысла и незаглушенныхъ и по сей день страстей — обращенность русскаго къ Европѣ, а не къ Азіи, къ западнымъ формамъ культуры, а не къ восточнымъ.

Русскій европеецъ обозначился въ П. Н. еще до того, какъ

онъ вышелъ на общественно-политическую авансцену. Уже въ Милюковѣ сказался русскій европеецъ не только въ тѣхъ выводахъ, къ которымъ онъ пришелъ въ итогѣ своихъ изслѣдованій, но и въ выборѣ темъ и вопросовъ, на которыхъ сосредоточился его изслѣдовательскій интересъ и вниманіе, въ самомъ его подходѣ къ историческимъ проблемамъ и проблемамъ русской исторіи.

Не приходится, конечно, говорить о томъ, что работы Милюкова находились на уровнѣ первоклассныхъ европейскихъ трудовъ. Но слѣдуетъ помнить, что вмѣстѣ съ другими русскими историками, Милюковъ содѣйствовалъ открытію Россіи для Европы: его работы по русской исторіи стали доступны иностранцамъ еще съ 90-хъ годовъ, когда впервые появились на нѣмецкомъ языкѣ его «Очерки по исторіи русской культуры». Въ то же время Россіи Милюковъ прививалъ достиженія европейскаго запада: къ явленіямъ русскаго прошлаго прилагалъ пріемы и методы западно-европейской науки, для русской политической дѣятельности рекомендовалъ начала западно-европейскаго конституціонализма и народоправства.

Для объясненія русской исторіи П. Н. Милюковъ пользовался «экономическимъ методомъ», не принимая крайностей «экономическаго матеріализма» и съ рѣшительностью отвергая «матеріализмъ философскій». «Матеріальный характеръ экономическаго фактора» казался ему мнимымъ, — «на самомъ дѣлѣ явленія человѣческой экономики происходятъ въ той же психической средѣ, какъ и всѣ другія явленія общественности». Милюковъ былъ и остался противникомъ «антропологическаго міровоззрѣнія» русской соціологической школы. Онъ защищалъ противъ нея монизмъ, въ которомъ видѣлъ и цѣнилъ идею закономѣрнаго въ исторіи. Но въ работахъ своихъ онъ всегда оставался на болѣе устойчивомъ базисѣ научнаго плюрализма. П. Н. Милюковъ отказывался выводить духовное изъ матеріальнаго или даже противопоставлять одно другому. Историкъ, по его мнѣнію, долженъ слѣдить за параллельнымъ развигіемъ многоразличныхъ сторонъ человѣческой натуры. Онъ предлагаетъ изучать взаимодѣйствіе разныхъ сторонъ человѣческой культуры и самъ занимается анализомъ внутренней эволюціи «русскаго теоретическаго и нравственнаго міропониманія, неза-

висимо отъ измѣненій и удовлетворенія экономическихъ потребностей».

Этимъ объясняется, почему «Очерки по исторіи русской культуры» и послѣ 35-лѣтней давности сохраняютъ свое значеніе не только памятника русской образованности и науки, но и предмета актуальнаго теоретическаго спора, — какъ это можно видѣть хотя бы изъ статьи П. М. Бицилли «Нація и Государство» *). Былые споры Милюкова съ Рюккертомъ и Н. Данилевскимъ нынѣ воскрешены въ спорахъ съ Шпенглеромъ, О. Шпаномъ и нашими зарубежными «евразійцами».

П. Н. Милюковъ не былъ бы русскимъ интеллигентомъ, если бы онъ не былъ въ той или иной мѣрѣ доктринеромъ. Но то, что онъ былъ русскимъ европейцемъ, заставило его въ русскую истовость и «дикость» — «широки натуры русскія!!»— вносить начало умѣряющее и упорядочивающее; заставило «гармонію» доктрины провѣрять опытомъ жизни. Это сказалось и въ пріемахъ его научной работы, и въ характерѣ его общественно-политической дѣятельности. Здѣсь, какъ и тамъ, стремился онъ поставить Россію вровень съ Европой: какъ европеецъ, — не забывая общихъ законовъ развитія государствъ въ сторону права и свободы, какъ русскій, — не упуская изъ виду своеобразныхъ условій развитія русской государственности.

Милюкова причисляютъ къ лагерю западниковъ. Онъ самъ предпочитаетъ говорить о русскомъ либерализмѣ, «снимающемъ» противорѣчія между націонализмомъ и западничествомъ. Въ дѣйствительности Милюковъ — западникъ въ томъ смыслѣ, что онъ былъ и остался непримиримымъ противникомъ специфически русскаго «самобытничества» и «націонализма». Онъ всегда желалъ, чтобы европейскій элементъ, не заимствованный, а органически присущій Россіи, взялъ въ ней верхъ надъ элементомъ азіатскимъ. И въ то же время П. Н. Милюковъ — противникъ западничества, если подъ этимъ понимать отрицаніе «большой разницы» между Россіей и Западной Европой. Подчеркивая «могущественное вліяніе исторической обстановки», П. Н. Милюковъ всегда подчеркивалъ элементарность

*) «Современ. Зап.». Кн. XXIX. 1929.

и отсталость русскаго историческаго процесса. Ожесточенно опровергая мнѣніе «нашихъ націоналистовъ» будто между Россіей и Европой нѣтъ ничего общаго, какъ между рыбой съ ея жабрами и млекопитающими съ его легкими, — Милюковъ не соглашался и съ тѣми, кто признавалъ тожественность процессовъ, черезъ которые проходили и должны пройти Европа и Россія. «Ни пересадить Европу въ Россію, ни сдѣлать русское прошлое настоящимъ — одинаково невозможно».

У Россіи съ Европой П. Н. Милюковъ признаетъ и черты сходства (внутреннихъ законовъ развитія), и разнообразія (особенности среды), и случайности (вліянія отдѣльныхъ лицъ). «Во всѣхъ областяхъ жизни историческое развитіе совершается у насъ въ томъ же направленіи, какъ совершалось и вездѣ въ Европѣ. Это не значитъ, что оно приведетъ въ частностяхъ къ совершенно тожественнымъ результатамъ, но тожественности мы не встрѣтимъ и между отдѣльными государствами Запада... Самое подведеніе ихъ подъ общую рубрику «западное государство можетъ имѣть только весьма условное и относительное значеніе». «Нѣтъ, историческая жизнь Россіи не остановилась; она шла своимъ ходомъ, можетъ быть, болѣе медленнымъ, но непрерывнымъ, и слѣдовательно, пережила извѣстные моменты развитія, пережитые и Европой — по своему... Мы уже не можемъ, какъ предполагали нѣкоторые наши старые писатели, совѣтовать Россіи пережить сначала всѣ стадіи европейской жизни, чтобы притти къ европейскимъ результатамъ. Такъ или иначе нѣкоторыя изъ этихъ стадій навсегда пережиты».

Отсюда — и опредѣленная культурно-политическая оріентація.

«Наша собственная сознательная дѣятельность должна быть направлена не на поддержаніе археологическаго остатка отдаленной старины, а на созданіе новой русской культурной традиціи, соотвѣтствующей современнымъ общественнымъ идеаламъ». Черезъ свою культуру русская исторія вела и требовала опредѣленной политики. И историкъ Милюковъ отъ «Государственнаго Хозяйства Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформы Петра Великаго» и «Спорныхъ вопросовъ финансовой исторіи московскаго государства» переходитъ къ «Очеркамъ русской культуры», а отъ нихъ — къ чистой

политикѣ: къ публицистической хроникѣ и болѣе углубленнымъ: «La Crise Russe», «Russia to-day and tomorrow», «Russlands Zusammenbruch», «Россія на переломѣ».

Въ этомъ перемѣщеніи центра вниманія и замѣщеніи научныхъ интересовъ о прошломъ политическами заботами о будущемъ сказались и вліяніе объективной исторической обстановки, и личная психологія, — психологія русскаго интеллигента, по первому зову готоваго безъ колебаній оставить любимое дѣло, даже научное творчество и долгими трудами заслуженный авторитетъ поставить подъ удары превратной политической судьбы. Въ личной судьбѣ П. Н. Милюкова какъ бы воплощена живая исторія русскаго освободительнаго движенія.

П. Н. Милюкова обвиняли въ доктринерствѣ и справа, и слѣва. Особенно охотно обвиняли тѣ, кто сначала обстрѣливали позиціи Милюкова слѣва, а затѣмъ стали нападать на него справа. И обратно: начавъ обстрѣломъ справа, стали впослѣдствіи обстрѣливать слѣва. Измѣнялись углы зрѣнія. Перемѣщались и противники Милюкова и позиціи самого Милюкова. Милюковъ оставался непримиримымъ врагомъ насилія и гнета, откуда бы они ни исходили, какими бы лозунгами и знаменами они ни прикрывались. Такая вѣрность усвоенной политической идеологіи, можетъ быть, была и не типична для политически малоустойчивой русской психологіи. Она была характерна для русскаго европейца.

П. Н. Милюковъ готовъ былъ какъ угодно сурово критиковать интеллигенцію — «мозгъ и память народа». Онъ никогда не шельмовалъ ея. Тѣмъ паче — не отрекался отъ нея, отлично сознавая, что отречься отъ нея значило бы отречься отъ самого себя.

Будучи убѣжденнымъ противникомъ революціи, Милюковъ всячески предостерегалъ отъ нея, противился ей. Но когда революція все же произошла, онъ безъ колебаній сталъ на ея сторону, рѣшительно отметая сомнѣнія доктринеровъ. «Меня спрашиваютъ, — говорилъ онъ собравшимся въ Екатерининскомъ залѣ Таврическаго дворца вслѣдъ за провозглашеніемъ Временнаго Правительства, — кто васъ выбралъ? — Насъ никто не выбиралъ! Насъ выбрала русская революція».

О П. Н. Милюковѣ можно сказать то же, что Ф. Ф. Кокошкинъ говорилъ о себѣ и о М. М. Винаверѣ: — «Мы рождены

быть парламентаріями, а судьба все ставитъ насъ въ условія, гдѣ борьба должна вестись другими путями». П. Н. Милюковъ былъ рожденъ быть ученымъ или парламентаріемъ, а судьба — злая судьба русской исторіи — все высылала его на передовыя позиціи, ставила подъ удары обостренной, ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ не считавшейся партійно-политической борьбы.

Милюкова-историка никто не смѣлъ отрицать. На Милюкова-политика кто не нападалъ?

И намъ приходилось не разъ сталкиваться съ Милюковымъ-политикомъ. Наши разногласія обострялись въ кратковременные періоды подъема освободительной борьбы, и они смягчались въ затяжные періоды спада политической волны. Но и обостренные конфликты касались больше тактики Милюкова, а не его политической идеологіи. Русскій народническій соціализмъ П. Н. Милюковъ считалъ ненаучнымъ. Но и онъ признавалъ его интимную связанность съ русской жизнью, его «почвенность». П. Н. Милюковъ всегда оставался въ сторонѣ отъ безвкуснаго «соціалистоѣдства». И мы, какъ соціалисты, съ своей стороны, могли только предпочитать того, кто насъ отрицалъ, — тѣмъ, кто насъ — и соціализмъ! — компрометировалъ...

Не былъ соціалистомъ и Вудро Вильсонъ, и Томасъ Массарикъ, и Вальтеръ Ратенау. Ихъ жизненному дѣлу, однако, сочувствовали и соціалисты; активнѣе и послѣдовательнѣе другихъ, можетъ быть, именно — соціалисты. Съ другой стороны, не одной же удачей опредѣляется истинная политика. Неудача — «профессіональный рискъ» политика, les risques du metier.

Да и чья политика въ Россіи, кромѣ большевицкой, оказалась удачной? Не слѣдуетъ же отсюда, что «удачливая» политика большевиковъ только и была единственно правильной.

Такъ сложилась русская исторія, что одинъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ современниковъ оказался «лишнимъ человѣкомъ» для своей родины и очутился на чужбинѣ какъ разъ въ то самое время, когда его западные коллеги и сверстники — профессора Вильсонъ и Массарикъ — получили прижизненное признаніе своихъ согражданъ. Мы не склонны видѣть въ этомъ чью-либо личную неудачу. То — неудача, трагедія и рокъ русской

исторіи, какъ живого культурно-политическаго процесса.

Привѣтствуя глубокочтимаго Павла Николаевича съ 70-лѣтіемъ его славной жизнедѣятельности, мы приносимъ ему и свое признаніе, каъ выдающемуся ученому и учителю трехъ поколѣній русскаго образованнаго общества, какъ одному изъ самыхъ заслуженныхъ вождей русской интеллигенціи и достойнѣйшихъ гражданъ Россіи.

Въ интересахъ Россіи, въ цѣляхъ скорѣйшаго ея возрожденія, мы желаемъ, чтобы такое признаніе получило общую значимость и было воспринято и тамъ, во глубинѣ Россіи.

М. В. Вишнякъ.

Старому другу

«Не укради!»

Я знаю: заповѣдь эта давно вошла въ плоть и кровь русскаго человѣка; но я не увѣренъ, далеко не увѣренъ, — всѣ ли примѣняютъ этотъ запретъ не только къ чужому кошельку, но и къ чужой репутаціи.

Не украдемъ же милюковскаго праздника, — тѣмъ болѣе, что этотъ праздникъ не только его и его близкихъ, — а праздникъ всей русской культуры, интеллигенціи и общественности. Забудемъ же, хотя бы на эти часы, политику съ ея страстями и будемъ помнить лишь то, что насъ всѣхъ съ Милюковымъ крѣпко объединяетъ: любовь къ родной странѣ, къ ея культурнымъ и общественнымъ цѣнностямъ. Безъ преувеличенія: за послѣдніе 50 лѣтъ русской гражданственности П. Н. Милюковъ — одна изъ наиболѣе крупныхъ и яркихъ фигуръ, имѣющихъ право на національное уваженіе. Я познакомился съ нимъ въ 1906 г., когда онъ обратился ко мнѣ за защитою по литературно-политическому дѣлу.

Частыя встрѣчи съ нимъ какъ по его дѣламъ, такъ и по дѣламъ газеты «Рѣчь», гдѣ онъ, совмѣстно съ И. И. Петрункевичемъ, І. Б. Гессеномъ и В. Д. Набоковымъ, — состоялъ редакторомъ, привели насъ къ пріятельству, а, затѣмъ, съ годами, пріятельство превратилось въ дружбу. Если я сумѣю сжато и точно разсказать чѣмъ онъ любъ мнѣ, то не объясню ли я, вмѣстѣ съ тѣмъ, почему онъ любъ — или долженъ быть любъ — и широкимъ общественнымъ кругамъ.

Прежде всего, его всесторонняя и глубокая образованность; — не то поверхностное всезнайство, которое присуще

политическимъ дѣятелямъ, — то, что французы опредѣляютъ словами — être toujours prompt à la replique (всегда быть готовымъ къ репликѣ). — Нѣтъ, у Милюкова настоящее знаніе по многочисленнымъ научнымъ отраслямъ, — знаніе, которому позавидовали бы серьезные специалисты. Объясняется оно исключительными дарованіями, громадной, чисто-слоновой памятью и трудолюбіемъ Милюкова, который считаетъ отдыхомъ лишь смѣну однихъ занятій другими.

Не знаю — раздѣлятъ ли мой взглядъ присяжные специалисты, но я считаю, что, сравнительно небольшая по объему, работа его подъ заглавіемъ — «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVII столѣтія и реформа Петра Великаго» представляетъ собою крупное явленіе не только въ исторической наукѣ, но и въ области финансоваго права.

Рядомъ съ этими талантами и трудолюбіемъ, — или точнѣе, надъ ними, — стоитъ его чисто юношеская, безпощадная къ себѣ самому, потребность, несмотря на немолодые годы, не только учить, но и учиться. Примѣчательно его быстрое и всестороннее ознакомленіе, — уже въ стадіи работъ въ Государственной Думѣ, — съ сущностью крестьянскаго и земельнаго вопросовъ. П. Н. Милюковъ до такой степени глубоко проникъ не отлько въ принципіальныя положенія этой громадной проблемы, но и до такой степени овладѣлъ мельчайшими цифрами и фактами, что вся Государственная Дума, начиная отъ крайнихъ-правыхъ и кончая лѣвыми, почувствовала и осознала, что пришелъ «хозяинъ», настоящій хозяинъ вопроса, который, если не всѣхъ, то все разсудитъ. Я помню востороженныя письма, которыя долго послѣ произнесенія своей образцовой и исчерпывающей рѣчи, П. Н. получалъ изъ разныхъ концовъ Россіи: здѣсь были письма не только знатоковъ-специалистовъ этого дѣла, но и прекрасно познавшихъ эти вопросы изъ повседневной практики учителей и блещущихъ умомъ самородковъ - крестьянъ.

Не менѣе значительны были его успѣхи въ Государств. Думѣ по вопросамъ внѣшней политики. Когда онъ началъ свою первую рѣчь по этому вопросу, нѣкоторые изъ правыхъ пытались ее сорвать своими обычными скандалами. Не прошло, однако, двадцати минутъ, какъ Павелъ Николаевичъ склонилъ ихъ буйныя вѣси подъ ярмо своей желѣзной логики и неисчерпаемыхъ знаній. Съ тѣхъ поръ ежегодныя руководящія рѣ-

чи П. Н. по вопросамъ министерства иностранныхъ дѣлъ собирали въ засѣданіи Государственной Думы толпы восхищенныхъ слушателей, возглавляемыхъ дипломатическими представителями всѣхъ странъ.

Жаждалъ ли Милюковъ избранія въ Государственную Думу и связаннаго съ этимъ, по тѣмъ временамъ, почета?

Думаю, что нѣтъ.

Во время сессій I и II Государственной Думы онъ не пропустилъ ни одного засѣданія, терпѣливо выслушивая въ ложѣ печати безконечныя пренія, волнуясь и огорчаясь неудачными выступленіями или неловкими выпадами того или другого изъ своихъ товарищей по партіи. Во время перерывовъ онъ бѣгалъ во фракціонную комнату, давалъ указанія, выслушивалъ возраженія, давалъ проекты, хотя и спѣшно придуманныхъ, но ясныхъ и точныхъ, охватывающихъ всѣ изгибы вопроса, резолюцій.

Потомъ, позавтракавъ на ходу, спѣшилъ въ редакцію своей газеты, гдѣ быстро составлялъ одну, а то и двѣ руководящія статьи. Изъ редакціи онъ спѣшилъ на вечернія собранія центральнаго и, нерѣдко, городского комитетовъ своей партіи, а оттуда — снова въ редакцію, гдѣ оставался до 4 часовъ утра. Здѣсь, нерѣдко, съ связи съ поздней телеграммою о кончинѣ выдающагося дѣятеля науки или искусства, Павелъ Николаевичъ, безъ вспомогательныхъ словарей и монографій, тутъ же, едва примостившись къ краешку заваленнаго корректурными гранками редакціоннаго стола, набрасывалъ блестящую статью-некрологъ.

Павелъ Николаевичъ, надѣюсь, не посѣтуетъ на меня, когда я разглашу тайну, ввѣренную мнѣ не имъ, а редакціей крупнаго журнала, гдѣ онъ, еще до появленія «Рѣчи», былъ однимъ изъ редакторовъ. Когда талантливый, но неудержимо плодовитый романистъ, торопясь поспѣть со своими запроданными въ нѣсколько редакцій произведеніями, забывалъ написать намѣченныя въ предшествующей книгѣ журнала сцены и безсознательно черезъ нихъ перескакивалъ, или же немилосердно, словно писецъ въ паспортномъ столѣ, спутывалъ не только дѣла, но и имена своихъ героевъ, П. Н. немедленно возстановлялъ нарушенный жизненный строй. Волнуясь и кляня, набрасывалъ онъ тутъ же нѣжную любовную сцену и выправлялъ метрики забывшихъ свое имя и званіе романическихъ героевъ.

Распустили первую Государственную Думу, распустили и вторую.

Словно дымъ въ сырую погоду, стали низко стлаться слухи о желанiи всесильнаго ген. Трепова породниться съ «кадетами».

Я рѣшилъ, что настало время слушать процессъ Милюкова о помѣщенiи имъ въ своей газетѣ манифеста Совѣта рабочихъ депутатовъ. Какъ разъ за недѣлю-двѣ передъ тѣмъ состоялось категорическое разъясненiе сената по тождественному дѣлу проф. Ходскаго, не оставлявшее ни малѣйшей надежды на возможность оправданiя Милюкова.

А, между тѣмъ, Милюкову надо было помочь: онъ былъ слишкомъ нуженъ для молодого россiйскаго парламентаризма.

Голый разбоя не боится — и я рѣшилъ использовать для Милюкова шахматный ходъ.

Старшимъ предсѣдателемъ петербургской судебной палаты былъ тогда Максимовичъ, Иннокентiй Клавдiевичъ, котораго сослуживцы за его стойкую приверженность ко лжи звали Иннокентiй Правдiевичъ, или просто Иннокентiй Правдивый.

Онъ не очень любилъ меня за мои кассацiонные успѣхи въ сенатѣ по его приговорамъ, но въ то же время суевѣрно считалъ (особливо, въ виду внимательнаго отношенiя къ моимъ просьбамъ И. Г. Щегловитова), что мнѣ предстоитъ въ недалекомъ будущемъ крупная роль.

Я обратился къ нему съ просьбою назначить на ближайшее — не позже будущей недѣли засѣданiе — дѣло Милюкова, — тѣмъ болѣе, что оно безъ свидѣтелей.

Максимовичъ удивлялся:

— «Какъ такъ? То вы все время, почти три четверти года, срывали и откладывали это дѣло. А теперь вдругъ — вынь да положь».

Я оглянулся и сказалъ довѣрительно:

— «Ничего тутъ страннаго. Развѣ вы, Иннокентiй Клавдiевичъ, не знаете, — что такое кадетъ. Пялятъ на него, пялятъ арестантскiй халатъ, — а вотъ, неуспѣешь оглянуться, онъ ужъ важно шествуетъ по дворцу въ министерскомъ мундирѣ, съ толстымъ портфелемъ подмышку на высочайшiй докладъ. Конечно, неохота, чтобы потомъ на меня собакъ вѣшали: не сумѣлъ, де, оберечь отъ скандала — премьеръ-министръ оказался подъ судомъ по неразрѣшенному еще обвиненiю. По

моему, И. К., это дѣло надо разрѣшить, съ обвиненіемъ или оправданіемъ, возможно скорѣе».

На царедворскомъ (И. К. былъ родной братъ атамана Войска Донского) — на царедворскомъ, татарско-хохлацкомъ лицѣ Максимовича заиграла умильная, съ претензіей на постиженіе улыбка.

Дѣло Милюкова было втиснуто въ списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію дней черезъ пять.

Милюкову я про свой шахматный ходъ не говорилъ: хуже худшаго, вѣдь, не бываетъ.

Насталъ день засѣданія петербургской палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей. Народу набилось много. Милюковъ, никогда нелюбящій терять время по-пусту, заботливо правилъ редакторскую корректуру наиболѣе важныхъ очередныхъ статей — и такъ увлекся этой работой, что, когда судебный приставъ выкликнулъ его дѣло, онъ едва успѣлъ собрать разсыпавшіяся гранки. Онъ спокойно усѣлся на скамью подсудимыхъ. Я — впереди его. Милюковъ съ обычнымъ, медлительнымъ достоинствомъ, холодно и методично давалъ объясненія. Затѣмъ, послѣ моей рѣчи, увѣрявшей, что разъясненіе сената обязательно для суда лишь по тому дѣлу, по которому оно состоялось, Павелъ Николаевичъ произнесъ свое послѣднее слово, причемъ не проявилъ ни малѣйшей склонности къ optatio benevolentiae (уловленіе благорасположенія), къ которому безсознательно прибѣгаетъ большинство подсудимыхъ.

Судебная палата, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, вынесла оправдательный приговоръ.

Милюковъ и его друзья, адвокатура и печать были немало изумлены: какъ же такъ? А рѣшеніе сената по дѣлу Ходскаго?

Я сконфуженно принималъ поздравленія, спѣша покинуть храмъ нелицепріятнаго правосудія.

Во дворѣ, подъ сводомъ воротъ меня съ Милюковымъ нагналъ пожилой мужчина, въ сапогахъ бутылкою, съ виду десятникъ по производству плотничьихъ или каменныхъ работъ, снялъ картузъ и, пожимая мозолистой рукою мою руку, сказалъ теплымъ голосомъ:

«Спасибо, что оправдали нашего Милякова!».

Милюковъ въ тѣ нѣсколько минутъ, которыя потребовались, чтобы пройти отъ суда до редакціи «Рѣчи», говорилъ

усталымъ голосомъ о проектѣ призыва къ власти кадетовъ, о толкахъ, объ измѣненіи избирательнаго закона, — а о дѣлѣ, только что заслушанномъ, ни слова. Я не вытерпѣлъ:

— «Послушайте, безчувственный человѣкъ. Мнѣ, что ли, звать васъ на обѣдъ за оправданіе?»

Милюковъ засмѣялся: «я только что собирался это сдѣлать».

А, затѣмъ, раздумчиво, невесело сказалъ: — «Ну, чему тутъ радоваться? Теперь, вѣроятно, попаду въ Думу. Работа пойдетъ вскачь, захлеснетъ меня съ головою. Ни читать, ни писать о своемъ любимомъ, къ чему готовился смолоду, станетъ совершенно невозможно».

Онъ смолкъ. А я подумалъ о незабытой еще метерлинковской «Синей птицѣ», объ ея тоскѣ по душамъ неродившихся на свѣтъ.

Не такъ ли Павелъ Николаевичъ тоскуетъ незримо о непрочитанныхъ и ненаписанныхъ книгахъ.

Потомъ, еще за что любъ намъ Милюковъ?

Еще за многое.

За его простоту, непритязательность истинный демократизмъ не только въ большомъ, но и въ маломъ.

Его время, его домъ всегда въ общемъ распоряженіи. Когда бы кто ни позвонилъ къ нему по телефону, никогда никто не спрашивалъ: кто, да зачѣмъ? Если П. Н. бывалъ дома, онъ подходилъ на всякій зовъ. Точно также безъ доклада всякій входилъ въ его домашній кабинетъ.

Только этимъ объясняется успѣшность подлыхъ на него нападеній. Удивительно было его отношеніе къ этимъ негодяямъ. Когда одна извѣстная петербургская газета, извѣстная своимъ безпардоннымъ радикализмомъ и столь же безпардоннымъ вымогательствомъ денегъ у банкировъ, подослала къ нему на домъ, дабы пресѣчь начавшіяся въ «Рѣчи» разоблаченія двухъ своихъ насильниковъ, Милюковъ не отвѣтилъ имъ насиліемъ, хотя это легко было сдѣлать и лично, и при посредствѣ сосѣдей.

Милюковъ поступилъ иначе. Онъ не скрылъ нападенія, обратился въ судъ. Тамъ, въ качествѣ защитника его интересовъ, я предложилъ редакціи этой газеты дуэль, но въ той формѣ,

какую когда-то примѣнилъ Прудонъ въ своемъ столкновеніи съ Тьеромъ.

Въ отвѣтъ на изящныя дерзости всесильнаго Тьера онъ сказалъ. «Я вызываю васъ на дуэль, — но на безкровную. Публично я разскажу безъ малѣйшей утайки всю свою жизнь. То же должны сдѣлать и Вы. Пусть люди разсудятъ, кто изъ насъ заслуживаетъ презрѣнія. Ну что, г. Тьеръ, — вы принимаете условія моей дуэли?»

Тьеръ отдѣлался шуткой и дуэли не принялъ.

— Господа изъ «Руси», — сказалъ я имъ, — вотъ жизнь Милюкова. Любовь къ родинѣ, каторжный трудъ и полуголодная жизнь. А ваша жизнь — деньги, деньги и вымогательство, какъ единственное оружіе, которымъ вы владѣете.

Врядъ ли многіе знаютъ, что Милюковъ отличается рѣдкимъ безстрашіемъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ за нимъ охотилась боевая дружина «Союза русскаго народа», куда входили агенты департамента полиціи. Изъ многихъ раскрытыхъ покушеній этого союза на Милюкова, я за недостаткомъ времени и мѣста остановлюсь на одномъ.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней 1907 года ко мнѣ явился господинъ среднихъ лѣтъ, съ военной выправкой, но одѣтый въ штатское. Онъ представился: — «Состоящій въ распоряженіи министра внутреннихъ дѣлъ жандармскій ротмистръ Дукельскій. Министерству доставлены точныя свѣдѣнія о готовящемся покушеніи на жизнь вашу, Милюкова и Гессена. Министръ приказалъ назначить каждому изъ васъ охрану изъ нашихъ агентовъ». Я отвѣтилъ, что гораздо вѣрнѣе было бы арестовать шайку убійцъ, нежели посылать агентовъ для наблюденія за нашей жизнью.

Мы провѣрили это заявленіе и министерство оффиціально его подтвердило. Друзья Милюкова назначили ему товарищескую охрану, но П. Н. употреблялъ мальчишескіе фокусы, лишь бы избавиться не только отъ оффиціальной, но и дружеской охраны, и предоставить себя судьбѣ.

Да, П. Н. не боялся смерти, но есть душа одна, которая десятки разъ замирала въ день отъ ужаса, — не принесутъ ли Павла Николаевича раненымъ или убитымъ. И такъ изо дня въ день въ теченіе многихъ лѣтъ.

И посылая дорогому и старому другу привѣтъ и дружеское объятье въ день 70-лѣтія, я вмѣстѣ съ тѣмъ низко кланяюсь его вѣрному другу Аннѣ Сергѣевнѣ за ея любовь, за вѣчный страхъ, который обжегъ, если не спалилъ совсѣмъ ея благородную душу.

О. Грузенбергъ.

П. Н. МИЛЮКОВЪ
КАКЪ ЖУРНАЛИСТЪ

П. Н. Милюковъ-публицистъ

Весьма вѣроятно, что Милюковъ, если бы не суровыя условія русской общественной жизни 90-хъ годовъ, былъ бы въ публицистикѣ только гостемъ. Желаннымъ, но рѣдкимъ. Весьма вѣроятно, что въ другихъ условіяхъ политическаго развитія страны, при его боевомъ темпераментѣ, перешелъ бы на парламентскую трибуну и къ министерскому портфелю непосредственно съ университетской кафедры. Онъ былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ въ Москвѣ университетскихъ дѣятелей; его окружала толпа преданныхъ слушателей и слушательницъ; его научныя работы уже дали ему прочное положеніе въ ученомъ мірѣ, — когда судьба толкнула его на путь журналиста.

Случилась нелѣпая исторія. Молодой ученый, не скрывавшій своихъ либеральныхъ взглядовъ, былъ заподозрѣнъ во вредномъ вліяніи на студентовъ. Никакихъ фактовъ на-лицо не было. Тѣмъ не менѣе, его лишили кафедры и выслали изъ Москвы. Къ отходу поѣзда, съ которымъ онъ уѣзжалъ, на вокзалѣ собралось много его друзей и учениковъ. Опальнаго профессора проводили открытымъ выраженіемъ искренняго сочувствія. А когда кто-то изъ вліятельныхъ его друзей спросилъ въ злачномъ петербургскомъ учрежденіи: да за что же его все-таки выслали? — послѣдовалъ изумительный отвѣтъ: — За демонстрацію, устроенную на вокзалѣ при его отъѣздѣ.

Во всякомъ случаѣ, дѣло было сдѣлано: произошло крещеніе новаго публициста, которому въ исторіи русской журналистики суждено было занять на долгіе годы, вплоть до нашихъ дней, вліятельное мѣсто въ первомъ ряду ея руководителей и вдохновителей.

Милюковъ уѣзжалъ изъ Москвы **профессіональнымъ** журналистомъ — постояннымъ сотрудникомъ старой московской газеты, пользовавшейся безупречной репутаціей въ широкихъ кругахъ русскаго общества не только среди сторонниковъ ея направленія, но и среди враговъ. А направленіе это самъ Милюковъ много лѣтъ спустя мѣтко характеризовалъ въ немногихъ словахъ: въ этомъ направленіи «тѣсно спаяны вмѣстѣ двѣ основныя идеи — демократизмъ и конституція».

Конечно, простая случайность, что Милюковъ дебютировалъ какъ профессіональный публицистъ въ этомъ, а не въ какомъ-либо другомъ прогрессивномъ органѣ періодической печати того времени. Но бываютъ случайности знаменательныя и символическія. Если теперь съ высоты трехъ съ половиной десятилѣтій вы разсмотрите публицистическую дѣятельность Милюкова, вы безъ колебанія признаете, что главный движущій нервъ ея, ея пафосъ составляютъ неизмѣнно тѣ же двѣ основныя идеи. Вся публицистическая дѣятельность Милюкова проходитъ подъ знаменемъ «Демократизмъ и Конституція», и вы знаете, что своему знамени онъ останется вѣренъ до конца. Поистинѣ: съ чѣмъ въ колыбельку, съ тѣмъ и въ могилку.

На службу демократизму и конституціи или, что, можетъ быть, яснѣе, демократическому режиму права и свободы, на дѣло борьбы за осуществленіе этихъ началъ въ политическомъ строѣ и общественной жизни нашей родины Милюковъ принесъ оригинальный литературный талантъ и рѣдкій по объему и глубинѣ запасъ знаній. У публициста Милюкова **свое лицо,** которое его ни съ кѣмъ не смѣшиваетъ.

Простая, безыскусственная рѣчь, чуждая всякихъ претензій на краснорѣчіе и незаурядно точная въ опредѣленіяхъ. Вы чувствуете, что такъ же говорилъ бы онъ съ кафедры. Простота и въ построеніи статьи, свидѣтельствующая о ясности мысли и продуманности не только цѣли, ради которой статья пишется, но и пути, по которому авторъ пойдетъ къ цѣли. Читатель увѣренно идетъ за нимъ, какъ то сразу постигая, что онъ имѣетъ дѣло съ большой силой. Бесѣда ведется въ тонѣ спокойной, серьезной аргументаціи, ищущей себѣ почвы въ логикѣ и фактахъ. Вы можете согласиться или не согласиться съ авторомъ; но если вы соглашаетесь, то вы не зачарованы, а убѣждены; но если вы хотите ему возражать, вамъ придется немало потру-

диться, чтобы найти слабое мѣсто въ логической цѣпи, въ которую онъ заковалъ свою мысль, и не меньше труда потребуется отъ васъ для преодолѣнія фактическаго матеріала, на которомъ публицистъ построилъ свою статью. А матеріалъ у него, — и это отличительная черта публицистики Милюкова — первоклассный: старый ученый привыкъ работать по первоисточникамъ, изощренъ въ критикѣ сырого матеріала и искусно пользуется своей богатой эрудиціей.

Темы же его публицистическихъ произведеній весьма разнообразны. Какъ это часто бываетъ у русскихъ журналистовъ, стоящихъ во главѣ газеты, ему приходилось и приходится откликаться на всяческія злобы дня. Но въ нѣкоторыхъ отрасляхъ публицистики (напримѣръ, въ области международной политики) у него нѣтъ соперниковъ.

А если прибавить, что позади всѣхъ этихъ качествъ въ каждой страницѣ, выходящей изъ подъ пера Милюкова, чувствуется біеніе страстнаго сердца, умѣющаго желать и несклоннаго къ отказу отъ своихъ желаній, то передъ вами будетъ весь Милюковъ публицистъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ и интереснѣйшихъ публицистовъ нашего времени.

Владиміръ Розенбергъ.

П. Н. Милюковъ какъ журналистъ

Въ редакціи «Рѣчи», гдѣ такъ пышно развернулась блестящая журнальная дѣятельность Павла Николаевича, ежедневная работа раздѣлялась на двѣ части: днемъ отъ двухъ до шести надо было читать и приготовлять къ сдачѣ въ наборъ рукописи, принимать посѣтителей, вести письменныя и телефонныя сношенія съ сотрудниками, заниматься административной работой. Вечеромъ, начиная съ десяти часовъ и кончая первыми, вторыми, а и то третьими пѣтухами совершался выпускъ газеты. Днемъ всѣ сидѣли по своимъ кабинетамъ, и каждый корпѣлъ надъ своимъ отдѣломъ, подбадривая себя непрерывно разносимымъ служителями крѣпкимъ чаемъ. Ночью, всѣ принимающіе участіе въ выпускѣ номера, собирались, для ускоренія работы, въ одной комнатѣ, въ которой, кромѣ пяти-шести столовъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ стульевъ, стоялъ еще у стѣны большой кожаный диванъ, подозрительно лоснящійся и основательно просиженный. Въ такъ называемые большіе дни, когда случалась какая нибудь политическая сенсація или наступалъ критическій моментъ, комната наполнялась близкими друзьями и единомышленниками, и работа шла подъ оживленные разговоры, въ облакахъ табачнаго дыма, а дивану приходилось, за недостатковъ стульевъ, выдерживать серьезное испытаніе.

Днемъ Павелъ Николаевичъ рѣдко бывалъ въ редакціи, и если что-либо было нужно, съ нимъ сносились по телефону. Но ночью, гдѣ бы онъ ни былъ, какъ бы поздно ни затянулось засѣданіе и сколько бы засѣданій въ этотъ день ни было, онъ неизмѣнно появлялся въ упомянутой комнатѣ, какъ-то шумно и

широко отворивъ дверь. Вмѣстѣ съ нимъ въ комнату врывались оживленіе, бодрость, увѣренность: за двѣнадцать лѣтъ постояннаго общенія только два раза, по совершенно различнымъ поводамъ, мнѣ пришлось видѣть П. Н. въ угнетенномъ состояніи. Усѣвшись на свое обычное мѣсто за однимъ изъ столовъ, онъ принимался за чтеніе приносимыхъ изъ наборной сверстанныхъ полосъ, отвѣчая въ то же время на обращаемые со всѣхъ сторонъ вопросы и попивая чай. Нерѣдко тутъ же, среди непрекращающагося шума, онъ писалъ статьи, не прерывая участія отрывочными репликами въ общихъ разговорахъ. У себя дома онъ работалъ за американскимъ письменныхъ столомъ, отличающимся, какъ извѣстно, большимъ числомъ ящиковъ, ящичковъ и вертикальныхъ и горизонтальныхъ полочекъ. Все это было переполнено вырѣзками, которыми была завалена и самая доска стола, такъ что для писанія оставалось не больше мѣста, чѣмъ сколько требовалось для полулиста бумаги, но въ этомъ хаосѣ онъ свободно разбирался и легко находилъ то, что въ данную минуту ему было нужно. Вообще онъ могъ писать гдѣ угодно и когда угодно, былъ бы только какой-нибудь клочекъ бумаги и перо или огрызокъ карандаша. Если въ номерѣ печаталась статья П. Н. или воспроизводилась его рѣчь, онъ никогда, ни разу не ушелъ изъ редакціи, не сдѣлавъ корректуры набора. Случалось, что наборъ затягивался очень поздно, и онъ иногда ложился на знаменитый диванъ, подложивъ руку подъ голову, и буквально черезъ минуту слышно было ровное дыханіе спящаго, а когда корректура появлялась, наконецъ, онъ быстро вскакивалъ, и ни малѣйшаго слѣда дремоты не оставалось. Вспоминаю, какъ послѣ роспуска 2-й Думы мы вмѣстѣ ѣхали въ Германію. Онъ примостился у окна и всю дорогу правилъ корректуры и писалъ предисловіе къ сборнику своихъ статей: Годъ борьбы — и когда мы подъѣзжали къ Берлину, П. Н. передалъ мнѣ готовыя къ печати гранки и рукопись.

Эта невзыскательность, пренебреженіе къ обстановкѣ, это чисто юношеское осутствіе привычекъ, облегчающихъ работу, но вмѣстѣ съ тѣмъ сковывающихъ человѣка, стоятъ въ причинной связи съ замѣчательными особенностями личности П. Н. Исключительно ясный и трезвый умъ, столь же исключительно широкая разносторонняя образованность, глубокая внутренняя сосредоточенность и неутолимая жажда знаній даютъ ему возможность имѣть на все готовый и точный отвѣтъ. Чтобы отклик-

нуться и освѣтить какое-нибудь явленіе политической или общественной жизни, ему не требуется, поэтому, умственнаго напряженія: задача состоитъ только въ томъ, чтобы на бумагѣ изложить свои мысли, а, владѣя богатѣйшимъ словеснымъ и логическимъ хозяйствомъ, это давалось ему весьма легко, рѣдко встрѣчались помарки, — муки слова ему неизвѣстны, и благодаря музыкально развитому уху, изложеніе укладывалось на узкихъ листкахъ бумаги, мелкимъ, но ровнымъ и четкимъ почеркомъ, безукоризненно стройно и красиво. Поэтому же у него не окостенѣла какая-нибудь особенная манера изложенія, по которой многихъ журналистовъ легко узнать съ первой же фразы, ему одинаково доступна любая форма, и всегда она строго подчинялась содержанію. Содержаніе же неизмѣнно отличалось большой обстоятельностью, ничего не оставалось недосказаннымъ, онъ обращался къ читателямъ, какъ профессоръ къ студенту. Совершенно чуждъ П. Н. пафосъ. Не разъ приходилось отъ него слышать извѣстное гамлетовское выраженіе: не надо разрывать страсть въ клочки. Наконецъ, указанной чеканностью его міровоззрѣнія объясняется и то, что у него не бываетъ статей болѣе и менѣе удачныхъ, главное въ нихъ — прочный фундаментъ и всѣ онѣ равно цѣнны.

Значительное большинство написаннаго П. Н. въ «Рѣчи» составляютъ передовыя статьи. Рѣже появлялись за его подписью фельетоны, критическія замѣтки о выдающихся книгахъ, политическія корреспонденціи изъ заграницы, куда онъ ежегодно уѣзжалъ. Но не будетъ преувеличеніемъ сказать, что онъ легко могъ бы написать весь номеръ газеты — отъ передовой и до музыкальной и театральной рецензіи. Лѣтомъ, если не ошибаюсь, 1911 года, изъ Лувра украдена была Монна Лиза, и событіе это превратилось въ сенсацію, на которую газетѣ необходимо было немедленно откликнуться, а т. к. художественный критикъ нашъ Ал. Бенуа находился тогда заграницей, то редакція оказалась въ затрудненіи. Полушутя сдѣлано было предложеніе П. Н., но онъ по своему обыкновенію принялъ его совершенно серьезно и черезъ два-три часа въ редакціи былъ обстоятельный фельетонъ, мастерски написанный.

Все, что изъ его подъ пера выходило, П. Н. отстаивалъ чрезвычайно настойчиво и склонить его къ измѣненіямъ или смягченіямъ представляло задачу весьма сложную. Въ этой настойчивости, однако, не было ни капли такъ называемаго авторскаго

самолюбія, какъ и вообще во всей его разносторонней дѣятельности отсутствовали личныя притязанія. Отстаиваніе своихъ словъ было отраженіемъ все того же прочно сложившагося во всѣхъ развѣтвленіяхъ міровоззрѣнія и остро развитаго сознанія отвѣтственности за каждое слово. Въ трагическую послѣднюю недѣлю іюля 1914 г., когда всѣ усилія «Рѣчи» направлены были на предотвращеніе страшной опасности войны, передовыя статьи П. Н. отличались большой рѣзкостью. Съ крайней неохотой онъ поддавался уговариваніямъ и, наконецъ, по поводу одной обидной фразы о несоотвѣтствіи между поводомъ и грозными перспективами европейской войны, которая и сейчасъ могла бы вызвать ожесточенное раздраженіе, П. Н. сказалъ мнѣ: «Пожалуйста, не настаивайте! Эта фраза очень нужна, придетъ время, когда мы должны будемъ ссылаться на то, что своевременно мы ее сказали и сдѣлали попытку предупредить несчастье». Были даже случаи, когда П. Н. оставался одинъ противъ всей думской фракціи и противъ центральнаго комитета.

Журнальная дѣятельность составитъ одну изъ наиболѣе яркихъ страницъ и въ героической исторіи русской журналистики и въ кипучей жизни самого П. Н. Милюкова и постепенно она превратилась въ его профессію. Тѣмъ болѣе страннымъ можетъ показаться утвержденіе, что журналистика не составляла предметъ страсти, не была стихійнымъ влеченіемъ, а лишь блестящимъ выполненіемъ взятаго на себя долга. Въ одну тяжелую минуту (во время судебнаго процесса съ гнусной «Земщиной», обвинявшей «Рѣчь» въ полученіи взятки за защиту финляндской конституціи), П. Н. самъ сказалъ и на выраженное собесѣдникомъ недоумѣніе упрямо повторилъ, что онъ охотно бы все бросилъ и поселился въ своемъ любимомъ уголку на южномъ берегу Крыма. Но это была только мечта, а дѣйствительность требовала выполненія суроваго долга, и нельзя было не изумляться, какъ она игнорировала ограниченность человѣческихъ силъ. Двухмѣсячное пребываніе на посту министра иностранныхъ дѣлъ прервало работу П. Н. въ «Рѣчи», и онъ очень рѣдко показывался въ редакціи. Но когда въ день удаленія его изъ состава Временнаго Правительства, около полуночи я вошелъ въ свой редакціонный кабинетъ, я увидѣлъ П. Н. въ неизмѣнномъ сѣромъ костюмѣ стоящимъ за конторкой съ перомъ въ рукахъ. «Какъ — невольно воскликнулъ я — вы уже

пишете статью?». «Да — отвѣчалъ онъ спокойно, точно ничего не случилось, — пришла телеграмма о рѣчи Бонаръ Лоу, и нужно по этому поводу написать». Въ ночь на 25 октября большевики тщательно разыскивали П. Н., и ему съ большимъ трудомъ удалось скрыться въ Москву и тамъ пережить мѣсяцъ величайшаго напряженія и острыхъ тревогъ. Тѣмъ не менѣе изъ Москвы я получилъ большую статью въ нѣсколько листовъ для «Ежегодника «Рѣчи» на 1918 г., который, увы, уже не вышелъ.

Оборвалось въ августѣ 1918 г. и существованіе «Рѣчи», и пришлось надолго покинуть родину и стать бѣженцами.

Печально это и страшно. Но hic Rodos, his salta — таковъ девизъ всей жизни П. Н. Милюкова. Съ той же несокрушимой энергіей, на которую и всемогущее время безсильно наложить свой мертвящій отпечатокъ, съ юношеской бодростью П. Н. продолжаетъ свою журнальную дѣятельность. Ей мѣсто, однако, не въ Парижѣ, а на берегахъ Невы или Москвы-рѣки, гдѣ — твердо вѣрю — и будетъ праздноваться его слѣдующій юбилей.

I. Гессенъ.

П. Н. Милюковъ въ газетѣ

Я не собираюсь писать о П. Н. Милюковѣ, какъ публицистѣ; публицистическая дѣятельность П. Н. настолько тѣсно связана съ его дѣятельностью политической, что дать ей надлежащую оцѣнку въ короткой газетной статьѣ почти невозможно. Да и это не моя задача. Я хочу сказать лишь нѣсколько словъ о П. Н. Милюковѣ, какъ журналистѣ, или точнѣе, газетномъ сотрудникѣ. Публицистъ и журналистъ въ смыслѣ сотрудника ежедневной газеты, — это совсѣмъ не одно и то же. Можно быть первокласснымъ публицистомъ и плохимъ журналистомъ и, наоборотъ, первоклассные журналисты были плохими публицистами. Примѣръ: основатель «Фигаро» Вильмесанъ или Нордклифъ.

Публицистъ стремится, прежде всего, руководить общественнымъ мнѣніемъ, внушать ему свою оцѣнку событій. Задача же журналиста дать точное и ясное изображеніе событій и фактовъ, и талантъ журналиста заключается въ томъ, чтобы изъ массы ежедневныхъ событій и фактовъ выдѣлить главное и существенное, и на каждое событіе умѣть откликнуться.

Въ своей книгѣ «Ея величество печать» извѣстный журналистъ Стефанъ Лозаннъ приходитъ къ заключенію, что будущее принадлежитъ чисто информаціонной прессѣ и репортерамъ; публицистика же все болѣе и болѣе изъ ежедневной прессы вытѣсняется и, по мнѣнію Лозанна, исчезнетъ совсѣмъ. Какъ общее правило это, конечно, невѣрно. Во Франціи, дѣйствительно, пресса чисто информаціонная оттѣснила на второй планъ прессу информаціонно - публицистическую, но въ Англіи и Германіи крѣпко укорѣнился типъ газеты информаціонно - публицистической.

Идеаломъ газетнаго сотрудника является поэтому сочетаніе въ одномъ лицѣ публициста и журналиста. Такихъ газетныхъ сотрудниковъ очень мало, такъ какъ такое сочетаніе требуетъ не только таланта, но и огромнаго всесторонняго образованія и большого запаса знаній. Если бы П. Н. Милюковъ посвятилъ себя всецѣло газетной дѣятельности не только публицистической, но и чисто газетной, то онъ могъ бы стать идеальнымъ газетнымъ работникомъ и явиться рѣдкимъ сочетаіемъ крупнѣйшаго публициста съ блестящимъ журналистомъ.

Мнѣ пришлось въ «Рѣчи», въ качествѣ думскаго референта, работать подъ непосредственнымъ руководствомъ П. Н. Милюкова, а въ качествѣ выпускающаго и члена редакціи — наблюдать изо дня въ день въ теченіе 11 лѣтъ работу П. Н. въ газетѣ. И для меня, какъ и для большинства, впрочемъ, товарищей по «Рѣчи», было ясно, что П. Н. настоящій журналистъ. Прежде всего, что поражало насъ, сотрудниковъ П. Н., это огромная трудоспособность, умѣніе быстро и легко откликнуться на всякое выдающееся событіе и интересъ къ газетной работѣ. Передовыя статьи Милюкова въ «Рѣчи» были не только сужденіями, но и сочетаніемъ фактовъ съ сужденіями: П. Н. Милюковъ стремился не только руководить общественнымъ мнѣніемъ своими статьями, но и сообщить читателямъ рядъ свѣдѣній и фактовъ. Въ изложеніи этихъ фактовъ П. Н. проявлялъ крайнюю добросовѣстность и такой же скрупулезной добросовѣстности требовалъ и отъ насъ, своихъ сотрудниковъ.

Въ Гос. Думѣ не составлялось сообщеній о работахъ думскихъ комиссій, и, по учрежденію Гос. Думы, засѣданія комиссій были закрытыми. Приходилось узнавать о работахъ комиссій путемъ опроса отдѣльныхъ депутатовъ. И наиболѣе добросовѣстно, точно и ясно давалъ намъ, журналистамъ, свѣдѣнія о работахъ комиссій П. Н. Милюковъ. Я помню, что нѣкоторыя комиссіи, какъ, напр., комиссію по законопроекту о печати, П. Н. Милюковъ велъ для насъ, какъ присяжный репортеръ, записывая подробно всѣ пренія.

А вотъ другой фактъ, свидѣтельствующій объ умѣніи Милюкова, какъ газетнаго работника, откликнуться на каждое событіе. Изъ Лувра украли Джіоконду и надо было написать статью о Джіокондѣ и о творчествѣ Леонардо да Винчи вообще.

Дѣло было лѣтомъ, и художественнаго критика «Рѣчи», А. Н. Бенуа, въ Петербургѣ не было. Къ кому обратиться?

Мнѣ пришло въ голову предложить П. Н. написать статью о Джіокондѣ. Этой мыслью я подѣлился съ однимъ изъ редакторовъ «Рѣчи», замѣнявшихъ лѣтомъ І. В. Гессена, М. И. Ганфманомъ. И Ганфманъ, усомнившись не столько въ томъ, что П. Н. способенъ написать статью о Джіокондѣ, сколько въ томъ, захочетъ ли онъ это сдѣлать, обратился къ нему съ просьбой написать что-нибудь о Джіокондѣ. Павелъ Николаевичъ очень просто отвѣтилъ согласіемъ и въ тотъ же день прислалъ фельетонъ о Джіокондѣ и творчествѣ Леонардо да Винчи, подписавъ его, правда, лишь буквами П. М. А. Н. Бенуа долго потомъ не хотѣлъ вѣрить, что фельетонъ этотъ былъ написанъ П. Н., а не спеціалистомъ по исторіи искусства эпохи Возрожденія.

Дѣятельность П. Н. Милюкова какъ журналиста, то-есть, какъ газетнаго работника, являлась и является лишь частью и притомъ въ прошломъ, по крайней мѣрѣ, не самой значительной — его всесторонней и богатой дѣятельности политика, ученаго и публициста. Но и въ этой отрасли своей дѣятельности онъ обнаружилъ тѣ свойства европейскаго политическаго и общественнаго дѣятеля и тѣ качества — точность, ясность и чрезвычайную добросовѣстность, — которыя такъ рѣзко выдѣляли П. Н. и которыя обезпечили ему особое и очень почетное мѣсто въ ряду политиковъ и ученыхъ публицистовъ Россіи.

Л. Немановъ.

Маленькій эпизодъ

Заведено ли такъ или не заведено, но уже такъ это случается, что въ юбилейныя торжества юбиляру, окруженному пышными вѣнками, кто нибудь съ подчеркнутой скромностью подноситъ простой въ два су букетикъ фіалокъ. Такъ поступлю я въ праздникъ Павла Николаевича Милюкова — въ нашъ праздникъ, въ праздникъ русской культуры и общественности. Много будетъ сказано и разсказано о Павлѣ Николаевичѣ, нашемъ дорогомъ юбилярѣ, значительнаго и важнаго. Я разскажу, какъ Павелъ Николаевичъ относился къ маленькимъ, незамѣтнымъ работникамъ печати. И разскажу это со словъ одного моего пріятеля, нынѣ крупнаго и уважаемаго общественнаго дѣятеля, а нѣкогда — въ Петербургѣ — юноши, дѣлавшаго свои первые шаги въ газетномъ репортажѣ. Я бы желалъ сумѣть сохранить въ моемъ разсказѣ ту милую нѣжность къ Павлу Николаевичу, которая меня такъ тронула еще давно въ Лондонѣ, гдѣ теперь живетъ и работаетъ авторъ нижеслѣдующаго любопытнаго анекдота:

— Пріѣхалъ я изъ Кубанской области въ Питеръ съ твердымъ рѣшеніемъ сдѣлаться журналистомъ. Познаній спеціальныхъ никакихъ — только автоматическое перо Ватермана и молодыя ноги. Сунулся туда, сюда. Кому нуженъ неопытный чужакъ? Дали мнѣ, наконецъ, рекомендательное письмо къ видному и вліятельному газетному дѣятелю. Устройте, молъ, симпатичнаго юношу. Прихожу. Аркадій Веніаминовичъ, конечно, принимаетъ меня очень любезно и готовъ содѣйствовать. «Вотъ что — говоритъ онъ мнѣ многообѣщающимъ, поощрительнымъ тономъ, — вотъ что, голубчикъ. Составьте мнѣ списокъ фамилій

и адресовъ всѣхъ членовъ новой Государственной Думы. А тамъ посмотримъ»... Государственная Дума только еще открывалась. Депутаты, какъ разсыпанная храмина. Какъ ихъ искать и гдѣ? Но ничего не подѣлаешь: первое порученіе. Возвращаюсь озабоченный домой, и радъ, и печаленъ. Разсказываю мое сладостное горе брату: «Аркадій Веніаминовичъ поручилъ мнѣ составить словарь вавилонскаго нарѣчія...». «Такъ что жъ, говоритъ братъ — отлично. Какъ разъ только что получено спеціальное приложеніе ко всему Петербургу и тамъ все, что тебѣ нужно. Имена и адреса». Сѣлъ, скопировалъ и живо къ Аркадію Веніаминовичу: вотъ!.. Пораженъ Аркадій Веніаминовичъ.

— Браво! Правду сказать, вы мнѣ совершенно не нужны были, и далъ вамъ я это порученіе въ надеждѣ, что никогда больше вы мнѣ на глаза не покажетесь, но разъ вы меня перехитрили, такъ и быть: вотъ вамъ плата за вашъ трудъ и порученіе. Узнайте у Павла Николаевича Милюкова, о чемъ съ нимъ говорилъ Чарыковъ, его посѣтившій...

«Чарыковъ — это что такое?» «А это нашъ посолъ въ Константинополѣ». Хорошо. Звоню Павлу Николаевичу. «Говоритъ сотрудникъ Весенняго, скажемъ, Луча. Не можете ли вы сказать мнѣ для нашей газеты, что говорилъ вамъ Чарыковъ?» Чувствую, что у моего сосѣда на другомъ концѣ проволоки изумленное лицо. Пауза и затѣмъ спокойный отвѣтъ: «Не могу вамъ сообщить, что мнѣ говорилъ Чарыковъ, сами понимаете...». Понимать то я это понималъ, но, вѣдь, нужно было. Первое порученіе! Я обходными путями выпытывалъ — ни къ чему. Наконецъ, П. Н. говоритъ мнѣ: «Ужъ лучше заѣзжайте ко мнѣ, а то что по телефону спорить...» Пріѣзжаю на Бассейную, номеръ 40. Павелъ Николаевичъ видитъ: передъ нимъ не оперившійся птенецъ, понялъ, что Чарыковымъ я интересуюсь такъ, какъ сорокъ тысячъ братьевъ интересоваться не могутъ, и съ улыбкой говоритъ:

— Что Чарыковъ мнѣ говорилъ, я сказать вамъ не могу. Вы понимаете, что это было бы странно, если бы я вамъ объяснялъ, что въ частной бесѣдѣ мнѣ, какъ члену Думы, говорилъ посолъ. Но вы, конечно, знаете, что Чарыковъ бесѣдовалъ со мной по вопросамъ ближне-восточной политики (ближне-восточная политика — это что такое?). Такъ вотъ, возьмите «Рѣчь» за послѣднія двѣ недѣли и просмотрите передовыя статьи по ближне - восточному вопросу. Изъ этихъ статей вы кое

что выкроите, ну, интервью, что-ли. Только не напутайте и покажите мнѣ, что вы тамъ напишете».

Благодарю Павла Николаевича ото всей души: шутка ли, будетъ интервью, а съ визитомъ Чарыкова какъ нибудь связать можно. Лечу на Жуковскую въ редакцію «Рѣчи», отбираю номера газеты съ ближне-восточными ребусами и домой. Читаю, читаю, читаю. Кое что улавливаю. Пишу. Да, выходитъ. Интервью настоящее и строкъ не мало. Звонокъ на Бассейную: «можно ли заѣхать?» «Можно». Показываю П. Н. творчество мое мучительное. Читаетъ и морщится Павелъ Николаевичъ.

— Напутали вы не очень, но кто же такимъ языкомъ бесѣду ведетъ? Это передовая статья, а не живая рѣчь. Поработайте немного надъ языкомъ и принесите просмотрѣть. Неопытны вы, должно быть...

Ласково улыбается.

Пошелъ я домой, засѣлъ за работу. Опять несу Павлу Николаевичу. Читаетъ, хмурится. «Немного лучше, но знаете, дайте ужъ я вамъ это напишу».

Павелъ Николаевичъ сѣлъ за письменный столъ и за меня написалъ мое первое интервью. Хорошо написалъ!

А въ этотъ день у Павла Николаевича работы было, вѣроятно, не мало: два засѣданія, большая рѣчь, передовая статья для «Рѣчи» и фельетонъ въ отвѣтъ «Россіи», и мало ли еще дѣлъ! Но въ глазахъ новичка онъ прочиталъ страстное моленіе о Чарыковѣ — какъ было не помочь? До сихъ поръ, когда вспоминаю этотъ эпизодъ, думаю: это — **человѣкъ...**

С. Поляковъ (Литовцевъ).

П. Н. МИЛЮКОВЪ И НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

П. Н. Милюковъ и національный вопросъ

Есть цѣлый рядъ видныхъ и весьма почтенныхъ русскихъ дѣятелей демократическаго лагеря, отношеніе которыхъ къ національному вопросу опредѣляется стереотипнымъ комплиментомъ: они — сторонники равноправія національностей. Сказать о П. Н. Милюковѣ, что онъ — за равноправіе національностей, значило бы ничего не сказать. П. Н. Милюковъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, очень немногихъ политическихъ дѣятелей въ Россіи, которые воспринимали національную проблему во всей ея глубинѣ и понимали все ея огромное политическое значеніе. Проблема эта въ Россіи никогда не была такъ обострена, какъ на Балканахъ, или какъ въ «лоскутной имперіи». Но достаточно взглянуть на географическую карту развалинъ Россійской имперіи, чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, какую роль національные вопросы играли въ политической исторіи Россіи. Конечно, революція необычайно усилила центробѣжные процессы. Если бы демократизація Россіи развивалась путемъ эволюціоннымъ, нѣкоторыя изъ нынѣ независимыхъ или полунезависимыхъ націй существовали и мирно развивались бы въ качествѣ составныхъ частей Россіи. Ни для кого, вѣдь, не секретъ, что по началу нѣкоторыя русскія окраины противъ своей воли стали «независимыми», а другія отдѣлились отъ Россіи только потому, что хотѣли освободиться изъ обезьяньихъ лапъ большевизма. Тѣмъ не менѣе, изъ 100 слишкомъ народностей, населявшихъ Россію, было не мало такихъ, отношенія коихъ съ господствующей націей, — вѣрнѣе съ самодержавной властью, политика которой отнюдь не отражала дѣйствительныхъ настроеній и стремленій рускаго народа — далеко не были нормальными. Безоглядный централизмъ дореволюціоннаго режима,

насильственная руссификація, подавленіе національныхъ особенностей, не говоря уже объ ограниченіи нѣкоторыхъ народностей въ элементарныхъ гражданскихъ правахъ, — все это создало или обострило цѣлый рядъ національныхъ вопросовъ въ Россіи: финляндскій вопросъ, польскій, еврейскій, украинскій, армянскій и пр.

Русская интеллигенція, радикальная по своимъ настроеніямъ, не одобряла, конечно, политики правительства въ отношеніи инородцевъ. Но въ силу своихъ космополитическихъ настроеній, русскіе либералы, принимая близко къ сердцу политическія права угнетаемыхъ народностей, не очень вникали въ ихъ чисто-національныя аспираціи. Здѣсь сказалось не столько отсутствіе доброй воли, сколько малое знакомство съ національными проблемами и инерція космополитическихъ настроеній. И, когда подъ вліяніемъ наступательно-реакціонной политики Александра III и Николая II, особенно обострился цѣлый рядъ національныхъ вопросовъ, то, по вышеуказанной причинѣ начали обозначаться тренія между демократическими элементами русской общественности и инородческой интеллигенціей.

П. Н. Милюковъ былъ, повторяю, однимъ изъ очень немногихъ русскихъ демократическихъ дѣятелей, всегда сознававшихъ важность національныхъ проблемъ въ Россіи. Рѣдко у какого политика научная, теоретическая дѣятельность такъ тѣсно, такъ органично связана съ практической, политической дѣятельностью, какъ у П. Н. Милюкова. Это относится, въ частности, и къ дѣятельности его въ области національныхъ вопросовъ. Онъ впервые столкнулся лицомъ къ лицу съ острыми національными проблемами во время первой своей поѣздки на Балканы, въ концѣ 90-хъ годовъ. Лучшей лабораторіи для теоретическихъ и практическихъ занятій по національнымъ вопросамъ, чѣмъ Балканы, трудно и вообразить. Онъ объѣздилъ Болгарію, Македонію, гдѣ впервые наглядно ощутилъ силу національныхъ стимуловъ, огромную роль интеллигенціи въ національномъ воспитаніи массъ. На его глазахъ, можно сказать, проходили наиболѣе острыя стадіи національной борьбы македонцовъ, основаніе такъ наз. внутренней организаціи. Статьи, которыя онъ тогда помѣщалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», являются блестящимъ вкладомъ въ исторію борьбы македонскаго народа за свои національныя права. Въ 1913 г. онъ поѣхалъ на Балканы уже въ качествѣ эксперта комитета Карнеги. Ре-

зультаты его работы были въ свое время опубликованы. Извѣстны также поѣздки П. Н. Милюкова (въ 1904 и 1908 г.г.) въ Далмацію, въ Боснію и Герцеговину. Онъ посѣщалъ также неоднократно Турцію и установилъ личныя отношенія съ младотурецкими лидерами. Высокій авторитетъ П. Н. Милюкова въ балканскихъ проблемахъ общеизвѣстенъ. Я счелъ нужнымъ отмѣтить здѣсь нѣкоторые отдѣльные факты лишь для того, чтобы показать, какую хорошую «школу» по національному вопросу онъ прошелъ. Балканскій опытъ помогъ П. Н. Милюкову ближе понять и тѣ національныя проблемы, которыя событія поставили въ Россіи.

«Случайно ли происходитъ то, что выводы науки совпадаютъ не съ націоналистическимъ, а съ демократическимъ рѣшеніемъ національнаго вопроса? Нѣтъ, не случайно, ибо національность по существу демократична: она есть процессъ, совершающійся въ массахъ». Эти слова принадлежатъ П. Н. Милюкову. И какъ ученый, и какъ политикъ, онъ всегда оставался вѣренъ демократической точкѣ зрѣнія въ національномъ вопросѣ, при чемъ его отношеніе къ національному движенію остается одинаковымъ, идетъ ли рѣчь о національности господствующей или объ угнетенной. П. Н. Милюковъ всегда пытался намѣчать рѣшеніе національныхъ проблемъ тѣми путями, которые міровая дипломатія недавно стала примѣнять къ урегулированію международныхъ вопросовъ, то есть путями личныхъ бесѣдъ, личнаго контакта. Едва ли многіе помнятъ, что П. Н. Милюковъ принималъ участіе въ конспиративномъ съѣздѣ представителей различныхъ народностей (изъ Россіи) въ Парижѣ въ 1904 году. Съѣздъ этотъ былъ созванъ по инициативѣ лидеровъ финляндской партіи активнаго сопротивленія. Изъ русскихъ партій были представлены: «Союзъ Освобожденія» и с.-р-ы, изъ инородческихъ — польскіе эндеки и П. П. С., грузинскіе соціалисты и федералисты, армянская революціонная федерація и латышскіе с.-д. Съѣздъ ставилъ себѣ цѣлью низверженіе самодержавія «способами, свойственными тактикѣ каждой партіи». Политическое освобожденіе должно было совершиться одновременно съ національнымъ. Представители національностей выставили весьма умѣренныя требованія, и соглашенія удалось достигнуть безъ особаго труда. Этотъ съѣздъ положилъ начало ряду совѣщаній между представителями русской интеллигенціи и инородческими партіями. Особенно оживленные переговоры

шли въ 1905-1906 г.г., съ поляками, и тогда же выработаны были основы польской автономіи. Весьма активное участіе въ этихъ переговорахъ принималъ П. Н. Милюковъ съ одной стороны и А. Р. Ледницкій — съ другой. Конституціонно-демократическая партія, въ моментъ основанія, первая выдвинула автономію Польши въ качествѣ программнаго требованія. Надо перенестись въ политическую атмосферу того момента, чтобы понять, какое требовалось мужество для формулированія такого требованія. О рискованности этого лозунга достаточно свидѣтельствуетъ хотя бы то, что въ предвыборной кампаніи октябристы именно на этомъ пунктѣ сосредоточили свою борьбу съ кадетами. Позиція партіи народной свободы въ Государственной Думѣ въ польскомъ вопросѣ достаточно памятна всѣмъ. Послѣ мартовской революціи, Временное Правительство, по предложенію П. Н. Милюкова, сразу стало на точку зрѣнія полной независимости Польши и опубликовало извѣстную декларацію. Въ свое время циркулировали слухи, будто декларація эта была обнародована по требованію Бьюкенена. Слухи эти не имѣли, конечно, ни малѣйшаго основанія. Декларація, кстати, была составлена П. Н. Милюковымъ при участіи А. Р. Ледницкаго.

Послѣ упомянутаго парижскаго съѣзда, П. Н. Милюковъ не терялъ личнаго контакта и съ представителями другихъ національностей, въ частности, съ финляндскими дѣятелями. Во время первой революціи между русской демократической общественностью и финляндскими дѣятелями существовали наилучшія отношенія. Манифестъ 22 октября 1905 года, отмѣнившій незаконныя мѣры Бобрикова и ненавистный для финляндцевъ манифестъ 1899 года, внесъ значительное успокоеніе въ Финляндіи. Во время 3-ей Думы финляндскій вопросъ, однако, вновь крайне обострился. Націоналистское большинство Думы рѣшило порвать съ политикой уступокъ въ національномъ вопросѣ, посягнувъ даже на финляндскую государственность. П. Н. Милюковъ неоднократно выступалъ въ Думѣ въ защиту финляндской конституціи. Но только послѣ революціи онъ сумѣлъ претворить въ жизнь свою программу по финляндскому вопросу: однимъ изъ первыхъ актовъ Временнаго Правительства явилось, какъ извѣстно, обнародованіе манифеста, коимъ возстановлена была автономія Финляндіи.

Замѣчательно, что самый болѣзненный въ Россіи національный вопросъ — еврейскій — имѣетъ наименѣе яркую

«исторію» въ дѣятельности П. Н. Милюкова. Причина понятна: при всей своей заостренности, еврейскій вопросъ былъ, собственно говоря, наименѣе сложнымъ. Если всѣ національныя проблемы въ Россіи были обострены реакціонной политикой самодержавной власти, то еврейскій вопросъ былъ этой политикой созданъ. Если бы еврейскій народъ пользовался равноправіемъ и если бы, къ тому же, реакціонное правительство искусственно не насаждало антисемитизма и не устраивало погромовъ, еврейскій вопросъ существовалъ бы въ Россіи въ такихъ же формахъ, въ какихъ онъ существуетъ въ демократическихъ странахъ Европы. П. Н. Милюковъ недаромъ пользовался въ черносотенныхъ кругахъ репутаціей «еврейскаго батьки». Онъ былъ и остается неизмѣннымъ сторонникомъ и защитникомъ еврейскаго равноправія. Характерно, что даже наиболѣе чувствительные евреи, которые часто — основательно или неосновательно — подозрѣваютъ въ антисемитизмѣ и нѣкоторыхъ демократическихъ русскихъ дѣятелей, никогда не относили такого подозрѣнія къ П. Н. Милюкову. Онъ былъ всегда внѣ подозрѣній въ этомъ смыслѣ, даже тогда, когда вліятельные элементы еврейской общественности не соглашались съ политикой кадетской партіи въ еврейскомъ вопросѣ. Нѣкоторые считаютъ П. Н. Милюкова активнымъ филосемитомъ. Есть, вѣдь, люди, которые не могутъ себѣ представить, что нѣтъ вовсе необходимости быть юдофиломъ, чтобы энергично и упорно отстаивать права еврейскаго народа.

Недостатокъ мѣста лишаетъ меня, къ сожалѣнію, возможности прослѣдить хотя бы вкратцѣ отношеніе П. Н. Милюкова къ другимъ національнымъ вопросамъ въ Россіи. Его дѣятельность оставила живой слѣдъ въ исторіи украинскаго вопроса, армянскаго, грузинскаго и др. П. Н. Милюковъ, какъ политикъ, имѣлъ и имѣетъ много горячихъ сторонниковъ и много не менѣе горячихъ противниковъ. То же относится, конечно, и къ его политикѣ въ области національныхъ проблемъ. Но никто не можетъ отрицать, что вся политическая жизнь П. Н. Милюкова была беззавѣтнымъ служеніемъ демократической идеѣ. Глубокимъ и послѣдовательнымъ демократомъ онъ былъ и остается и въ національномъ вопросѣ.

М. Бенедиктовъ.

П. Н. Милюковъ и Польскій вопросъ *)

Когда ко мнѣ обратились члены комитета чествованія дѣятельности П. Н. Милюкова, у меня не было ни одной минуты сомнѣнія въ томъ, что въ этомъ комитетѣ я долженъ принять участіе, и поэтому я сразу выразилъ на это свое согласіе. Но когда сегодня мнѣ приходится говорить на этомъ торжествѣ, то у меня возникаетъ сомнѣніе, на какомъ языкѣ я долженъ произнести свое слово, посвященное дѣятельности юбиляра. Если бы мнѣ пришлось говорить о какомъ бы то ни было другомъ русскомъ общественномъ дѣятелѣ передъ, по преимуществу, русскимъ собраніемъ, то я безъ колебанія говорилъ бы по русски, ибо мнѣ въ одинаковой степени легко говорить и по русски, и по польски. Но говорить о Милюковѣ мнѣ, поляку, въ Варшавѣ, въ столицѣ независимой Польши, говорить о лицѣ, вписавшемъ свое имя въ исторію возрожденія Польскаго Государства, нельзя на иномъ языкѣ, какъ только на моемъ родномъ. Надо на польскомъ языкѣ воздать должное Павлу Николаевичу Милюкову, надо на польскомъ языкѣ освѣтить его дѣятельность, установить историческіе факты и оцѣнить его роль въ исторіи русско-польскихъ отношеній.

Мнѣ пришлось впервые встрѣтиться съ Павломъ Николаевичемъ вскорѣ послѣ его возвращенія изъ Америки, но имя его было давно и хорошо извѣстно, и сошлись мы съ нимъ нѣсколько ближе главнымъ образомъ на польскомъ вопросѣ.

---

*) Рѣчь, произнесенная А. Р. Ледницкимъ на торжественномъ собраніи въ Русскомъ Домѣ, въ Варшавѣ, 2 марта 1929 г., по случаю 70-лѣтія П. Н. Милюкова. Печатается въ переводѣ автора.

Въ 1904 году, когда начались земскіе Съѣзды, возникла мысль установить непосредственную связь между русской общественностью и польскими дѣятелями. Послѣ перваго свиданія въ Москвѣ состоялся въ апрѣлѣ 1905 года въ Кривоникольскомъ переулкѣ, въ домѣ № 8, довольно многочисленный Съѣздъ подъ очереднымъ предсѣдательствомъ профессора Московскаго университета Д. Н. Анучина и профессора Краковскаго университета М. Здѣховскаго, въ которомъ принялъ участіе между прочимъ и П. Н. Милюковъ. На Съѣздѣ этомъ, протекавшемъ въ неособенно благопріятныхъ условіяхъ, конспиративномъ, въ эпоху пробужденія политической жизни въ Россіи, Павлу Николаевичу пришлось сыграть отвѣтственную роль, ибо послѣ долгихъ и бурныхъ преній была принята его резолюція объ автономіи Царства Польскаго и о полномъ равноправіи поляковъ въ Сѣверо- и Юго-Западномъ Краѣ.

Когда, осенью 1905 года, въ домѣ князя П. Д. Долгорукова, въ Антипьевскомъ переулкѣ, сотоялось организаціонное собраніе Партіи Народной Свободы, то совмѣстно съ Ф. Ф. Кокошкинымъ, Павелъ Николаевичъ ввелъ въ программу Партіи автономію Царства Польскаго, и ему Партія была обязана въ извѣстной степени тѣмъ, что въ ея средѣ оказались представители нерусскихъ національностей, какъ, между прочимъ, латыши, эстонцы, литовцы, грузины, украинцы, армяне, татары и мы, поляки.

Были въ Центральномъ Комитетѣ Партіи, кромѣ меня, Л. I. Петражицкій, Я. Чаксте (впослѣдствіи президентъ латвійской республики), Я. Я. Теннисонъ (будущій предсѣдатель эстонскаго правительства), М. М. Топчибашевъ (предсѣдатель Азербейджанскаго правительства), И. Я. Шрагъ, И. В. Лучицкій (украинскіе дѣятели), М. С. Аджемовъ (армянинъ), и рядъ другихъ лицъ. Наше участіе въ общерусскомъ движеніи объяснялось умѣніемъ русской общественности понять равноправіе гражданъ и народовъ, а также гражданскую свободу. Большую роль при этомъ сыграла отличительная черта русскаго характера, въ особенности характера русской интеллигенціи, ея человѣчность, человѣколюбіе, гуманность въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Эта черта даже приводила, вслѣдствіе нѣкоторой ея гипертрофіи, къ отрицательнымъ результатамъ, но въ своей основѣ она была источникомъ глубокихъ и благородныхъ поры-

вовъ. Въ національномъ вопросѣ, впрочемъ, Павелъ Николаевичъ находился подъ вліяніемъ глубоко въ немъ заложенныхъ предвзятыхъ идей о государственномъ строѣ и поэтому онъ склонялся въ большой степени къ унитарнымъ и уніонистскимъ тенденціямъ въ рѣшеніи національной проблемы, оставляя отчасти безъ вниманія существующія историческія предпозиции и основанныя на національномъ инстинктѣ движенія народныхъ чувствъ. Это было поводомъ цѣлаго ряда коллизій и разногласій. Въ польскомъ вопросѣ Павелъ Николаевичъ не сразу и съ трудомъ сдалъ занимаемую имъ позицію автономіи Царства Польскаго, но придя разъ къ убѣжденію въ необходимости, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ Россіи, признать независимость Польши, онъ это сдѣлалъ смѣло, рѣшительно, безъ колебаній.

11 марта стараго стиля 1917 года вызванъ я былъ въ Петербургъ телеграммой А. Ф. Керенскаго, бывшаго въ это время Министромъ Юстиціи, для образованія Комиссіи о военноплѣнныхъ. Послѣ бесѣды съ Александромъ Федоровичемъ Керенскимъ, котораго точка зрѣнія по польскому вопросу мнѣ была уже раньше извѣстна — онъ былъ давно сторонникомъ независимости Польши — я обратился къ князю Г. Е. Львову, предсѣдателю Временнаго Правительства съ указаніемъ на необходимость издать актъ, объявляющій независимость Польши. Князь Львовъ не возражалъ, но заявилъ, что этотъ вопросъ относится къ сферѣ иностранной политики и безъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, которымъ былъ П. Н. Милюковъ, его поднимать невозможно. Я въ этотъ же день былъ у Павла Николаевича, у Цѣпного моста, изложилъ мою точку зрѣнія и Павелъ Николаевичъ не только не возразилъ, очевидно уже имѣя готовое рѣшеніе, но сказалъ при этомъ, что надо возстановить упраздненную послѣ событій 1831 года должность Министра Статсъ-Секретаря по дѣламъ Царства Польскаго. На мое замѣчаніе, что это будетъ противорѣчить принципу независимости и что будетъ, пожалуй, лучше учредить ликвидаціонную комиссію по дѣламъ Царства Польскаго, для окончательнаго и миролюбиваго, дружественнаго развода Польши съ Россіей, Павелъ Николаевичъ сразу одобрилъ эту мысль и поручилъ мнѣ совмѣстно съ Ф. Ф. Кокошкинымъ составить проектъ манифеста по польскому вопросу и положенія о ликвидаціонной комиссіи по дѣламъ Царства Польскаго.

Все это происходило въ большой тайнѣ. Ф. Ф. Кокошкинъ жилъ въ квартирѣ П. Н. Милюкова, былъ боленъ и лежалъ въ постели. Я передалъ ему собственный проектъ положенія о ликвидаціонной комиссіи, правильнѣе сказать, лишь схему, которую онъ разработалъ при моемъ участіи и которую мы передали Павлу Николаевичу. Проектъ этотъ съ незначительнымъ измѣненіемъ — была расширена статья, говорящая о компетенціи ликвидаціонной комиссіи въ дѣлахъ римско-католической церкви — былъ утвержденъ Временнымъ Правительствомъ. Что касается манифеста, то и Федоръ Федоровичъ, и я, составляли отдѣльные проекты, а кромѣ того, М. М. Винаверъ, случайно пришедшій къ Павлу Николаевичу и заставшій насъ надъ разработкой проектовъ манифеста — положеніе о ликвидаціонной комиссіи было уже готово и передано Павлу Николаевичу, такъ что объ этомъ даже М. М. Винаверъ въ это время не зналъ — сѣлъ и тутъ же написалъ свой собственный проектъ.

Всѣ выработанные нами проекты манифеста были взяты Павломъ Николаевичемъ, какъ матеріалъ, а написалъ онъ собственноручное воззваніе, при чемъ показалъ мнѣ его до его внесенія на засѣданіе Совѣта Министровъ. Когда я ознакомился съ его текстомъ, въ которомъ, между прочимъ, было упоминаніе о военномъ союзѣ Польши съ Россіей, я сдѣлалъ рядъ замѣчаній, послѣ которыхъ Павелъ Николаевичъ принялъ одно изъ нихъ, а именно ввелъ поправку въ текстѣ воззванія, вводя прилагательное «свободнымъ» къ словамъ «военномъ союзѣ». Этимъ фактомъ опровергается не отвѣчающее дѣйствительности сужденіе, которое часто приходилось слышать, будто Павелъ Николаевичъ отличается необыкновеннымъ упрямствомъ.

Особой чертой его ума является стремленіе къ установленію принципіальныхъ положеній, отвѣчающихъ его основному мышленію всегда въ плоскости государственныхъ интересовъ.

Отсюда получалась иногда нѣкоторая теоретичность его разсужденій, которую жизнь не всегда оправдывала, а иногда опровергала, ибо жизнь весьма рѣдко строится разумомъ, а всего чаще инстинктами и величинами невѣсомыми.

Разъ рѣчь идетъ о воззваніи по польскому вопросу, то умѣстно опровергнуть легенду, созданную еще при жизни насъ, свидѣтелей и участниковъ этихъ историческихъ актовъ о томъ, будто бы Павелъ Николаевичъ Милюковъ и все Временное Пра-

вительство издали это воззваніе подъ давленіемъ Англійскаго правительства, дѣйствовавшаго черезъ великобританскаго посла въ Петербургѣ сэра Джорджа Бьюкэнэна, съ одной сторны, и совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, съ другой. Ни то, ни другое не отвѣчаетъ дѣйствительности. Временное Правительство и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Милюковъ дѣйствовали безъ всякаго съ чьей бы то ни было стороны давленія, подъ вліяніемъ своего собственнаго убѣжденія, побуждаемые пониманіемъ интересовъ Россіи и общими началами, заложенными въ основу политики Временнаго Правительства, являвшейся результатомъ идей и тенденцій, которыя возглавила мартовская революція. Когда я обратился къ Павлу Николаевичу 11 марта стараго стиля, то у него не было никакихъ колебаній, что это должно сдѣлать Временное Правительство по своему побужденію. Онъ сказалъ мнѣ, что объ этомъ постановленіи онъ сообщитъ посламъ Великихъ Державъ. И было извѣстно, что ни въ Великобританскомъ, ни во Французскомъ Посольствахъ это рѣшеніе Временнаго Правительства не вызвало большого энтузіазма, ибо тамъ существовало опасеніе, что отказъ Россіи отъ Польши устраняетъ одну изъ возможныхъ цѣлей войны для Россіи и ослабляетъ ея заинтересованность въ дальнѣйшемъ ея продолженіи. Это было видно, между прочимъ, изъ крайне сдержаннаго отвѣта правительствъ обоихъ государствъ, въ отличіе отъ отвѣта итальянскаго, восторженно привѣтствовавшаго независимость Польши, въ отвѣтъ на нотификацію Временнымъ Правительствомъ акта 17-30 марта.

Что же касается Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, то имъ было издано воззваніе о національной свободѣ народовъ и о независимости Польши, но лишь въ общихъ выраженіяхъ и при томъ оно было опубликовано уже тогда, когда проекты воззванія Временнаго Правительства и положенія о ликвидаціонной комиссіи нами уже вырабатывались, что, конечно, совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ черезъ ихъ членовъ, бывшихъ въ то же самое время членами Временнаго Правительства, было извѣстно.

На слѣдующій день послѣ посѣщенія польскими делегатами, вмѣстѣ со мной, членовъ Временнаго Правительства, въ томъ числѣ, конечно, и Павла Николаевича Милюкова, для выраженія чувствъ нашего глубокаго удовлетворенія и радости, я

съ нѣкоторыми изъ моихъ друзей счелъ нужнымъ посѣтить также совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Послѣ моихъ словъ, обращенныхъ къ Н. С. Чхеидзе и его отвѣта, причемъ Николай Семеновичъ ни однимъ словомъ не обмолвился, что объявленіе независимости Польши есть дѣло Совѣта, присутствовавшій при этомъ Стекловъ заявилъ, обращаясь ко мнѣ: «Имѣйте въ виду, что безъ нашей поддержки, вамъ не пришлось бы добиться этого акта». Если въ эту минуту такъ выражались члены Совѣта, то не можетъ быть сомнѣнія, да его и не было тогда ни у кого, что актъ этотъ былъ дѣломъ исключительно Временнаго Правительства.

Считая своею обязанностью въ качествѣ непосредственнаго свидѣтеля, установить эти факты, являющіеся доказательствомъ исторической роли въ возрожденіи моей родины перваго Министра Иностранныхъ Дѣлъ Народнаго Правительства Россіи, я нѣсколько подробнѣе остановился на этомъ вопросѣ и лишилъ себя тѣмъ возможности сегодня посвятить больше словъ другимъ моментамъ жизни одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ дѣятелей нашихъ временъ и тѣмъ самымъ воздать должное инымъ чертамъ прекраснаго характера его, какъ человѣка, какъ личности, имѣющей въ себѣ тайну вліянія и воздѣйствія.

Сравнительно легко устанавливается дружба между людьми одинаково мыслящими, между которыми нѣтъ разногласій. Но сколь цѣннѣе является та дружба, которая соединяетъ лица, имѣющія разныя точки зрѣнія и при томъ по вопросамъ огромнаго для нихъ значенія. Эта дружба служитъ доказательствомъ наличія рѣдкихъ качествъ его души.

А. Ледницкій.

П. Н. Милюковъ и Русское еврейство *)

На сегодняшнемъ праздникѣ Россіи, русской культуры и русской общественности, редакція «Разсвѣта» — органа сіонистскаго движенія, центръ тяжести устремленій котораго лежитъ въ совершенно иной, отъ Россіи безконечно далекой, плоскости — какъ будто гость сторонній и случайный.

Но «Разсвѣтъ» — не только сіонистскій органъ. Созданный четверть вѣка тому назадъ, удушенный большевистскимъ режимомъ въ совѣтской Россіи и возродившійся 7 лѣтъ тому назадъ въ эмиграціи, «Разсвѣтъ» былъ всѣ эти годы руководящимъ органомъ россійскаго еврейства, судьбы и интересы котораго неразрывно связаны съ судьбой Россіи.

Въ лучшія времена, въ годы величія Россіи, ея культурной и политической мощи, въ годы великодержавія, еврейская національная мысль съ горделивой сдержанностью уклонялась отъ велерѣчивыхъ увѣреній въ своемъ русскомъ патріотизмѣ, въ преданности и любви къ Россіи. Но въ эти смутные годы разгрома, когда такъ много вчерашнихъ друзей, такъ легко, «безъ борьбы, безъ думы роковой», отвернулись отъ поверженнаго и порабощеннаго исполина, — именно въ эти годы испытаній и несчастій, когда только и познаются друзья подлинные, ощутили мы съ утысячеренной силой — и именно теперь говоримъ объ этомъ съ особой, нарочитой подчеркнутостью, — нашу огромную связанность съ Россіей, съ ея культурой и гражданствен-

---

*) Рѣчь, произнесенная на торжественномъ юбилейномъ собраніи въ Парижѣ 3-го марта 1929 г.

ностью, съ ея величественымъ прошлымъ и ея грядущими судьбами.

Мы умѣемъ отдѣлить Россію безправія и погромовъ — черныхъ, бѣлыхъ, желто-голубыхъ и красныхъ, — отъ иной, лучшей Россіи, которая еще вся впереди.

Олицетворенньмъ выраженіемъ этой «другой» Россіи является для насъ П. Н. Милюковъ. Его давній соратникъ І. Гессенъ сказалъ какъ то на собраніи въ Берлинѣ:

— «Я зналъ много русскихъ людей. Одни изъ нихъ были антисемиты, другіе были филосемиты. П. Н. Милюковъ, — быть можетъ, единственный, у котораго вообще не было специфическаго отношенія къ евреямъ. Онъ относился къ нимъ, какъ ко всѣмъ людямъ». Это мы цѣнимъ въ П. Н. Милюковѣ. Съ брезгливымъ равнодушіемъ проходимъ мы мимо патологической и безграмотной юдофобіи. Но намъ претитъ и приторное юдофильство. Какъ и всѣ свободные народы міра, хотимъ мы не любви или ненависти, но признанія и уваженія. Мы не хотимъ ни злостной каррикатуры, ни елейной иконописи еврейскаго лика. Мы не лучше и не хуже другихъ: мы такіе самые, какъ другіе. И потому намъ такъ любо было отношеніе П. Н. Милюкова: точь въ точь какъ къ другимъ.

Въ этой здоровой уравнительной тенденціи были временами и свои тѣневыя стороны. Она приводила порою къ пренебреженію своеобразіемъ еврейской проблемы, къ склонности трактовать ее, какъ формально-правовую, къ несчитанію съ національными моментами ея, къ игнорированію естественныхъ требованій національной гордости угнетеннаго народа, порывовъ его возмущенной совѣсти и уязвленной чести. И національное еврейство съ нескрываемой горечью вспоминаетъ и въ этотъ юбилейный день о пресловутой формулѣ созданнаго при участіи П. Н. Милюкова прогрессивнаго блока: о «вступленіи на путь постепенной отмѣны ограниченій противъ евреевъ...»

Впрочемъ, откуда было русской интеллигенціи и взять ту глубокую чуткость, какая нужна была для пониманія переживаній и чувствованій, для учета естественной повышенной національной чувствительности угнетенныхъ, «не-державныхъ» народовъ страны. Русскій народъ никогда не ощущалъ остро и напряженно своего національнаго «я». Полъ-вѣка тому назадъ

Герценъ блестящей формулой выразилъ это міроощущеніе русской интеллигенціи: «мы, русскіе, не боимся за нашу національность, не подчеркиваемъ nous ne la faisons pas valoir. Она для насъ нѣчто столь же само собою разумѣющееся, какъ дыханіе, какъ біеніе сердца».

Это ощущеніе національнаго полнокровія, этотъ «полный гордаго довѣрія покой» — были безконечно далеки отъ пониманія трагическихъ судебъ народа-странника, испытуемаго огнемъ и кровью, распинаемаго на всѣхъ перекресткахъ міровой исторіи.

Въ это послѣднее десятилѣтіе судьбѣ угодно было дать русскому народу жестокій предметный урокъ странничества и разсѣянія. Сотни тысячъ лучшихъ русскихъ людей ушли въ изгнаніе, испытали на себѣ жестокую правду словъ великаго странника Данте, о томъ, «какъ горекъ хлѣбъ изгнанія и какъ тяжело подыматься и спускаться просителемъ по ступенямъ чужого крыльца». Мы вмѣстѣ съ вами скорбимъ объ этомъ, раздѣляемымъ «Разсвѣтомъ», мучительномъ испытаніи и вѣримъ въ побѣдоносный возвратъ многонаціональной россійской демократіи въ освобожденную отъ большевистскаго застѣнка Россію. И мы вѣримъ, что вернемся мы всѣ просвѣтленные взаимнымъ пониманіемъ, рожденнымъ въ тяжелые годы вашего и нашего изгнанія.

I. Шехтманъ.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ

Чествованіе П. Н. Милюкова въ Парижѣ

1. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСѢДАНІЕ 3 МАРТА

Въ переполненномъ залѣ Океанографическаго института состоялось 3-го марта торжественное чествованіе П. Н. Милюкова по случаю исполнившейся 27 января семидесятой его годовщины. Уходящіе высоко вверхъ ряды скамей большой аудиторіи черны народомъ. Первые ряды заняты делегаціями академическихъ, просвѣтительныхъ, политическихъ и общественныхъ организацій. За длиннымъ, узкимъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, столомъ, члены Комитета по организаціи чествованія, во главѣ съ С. А. Смирновымъ: Н. Д. Авксентьевъ, И. П. Демидовъ, М. Ф. Сліозбергъ, В. Ф. Зеелеръ, А. Ф. Ступницкій. Посреди нихъ — кресло для юбиляра. Передъ секретаремъ А. Ф. Ступницкимъ, груда привѣтствій, писемъ, телеграммъ и адресовъ.

Входы въ залъ открываются въ 2 часа. Распорядители съ голубыми ленточками въ петлицѣ быстро размѣщаютъ почти 1.000 человѣкъ. Въ 2 ч. 30 м. двери закрываются. На порогѣ появляется сѣдой, помолодѣвшій отъ отдыха въ Пиринеяхъ послѣ болѣзни, улыбающійся юбиляръ. Весь залъ встаетъ. Несмолкаемые апплодисменты превращаются въ бурную, долго длящуюся овацію.

С. А. Смирновъ занимаетъ предсѣдательское мѣсто и открываетъ собраніе слѣдующей рѣчью:

— Павлу Николаевичу Милюкову исполнилось въ минувшемъ январѣ мѣсяцѣ 70 лѣтъ.

Въ Парижѣ возникла идея чествованія П. Н. по случаю этой годовщины, и эта идея нашла живой откликъ въ широкихъ кругахъ русской эмиграціи.

Въ цѣляхъ организаціи чествованія въ Парижѣ об-

разовался Комитетъ и такіе же комитеты возникли въ Прагѣ, Берлинѣ, Лондонѣ и Варшавѣ, а въ Нью-Іоркѣ и въ Ригѣ образовались группы чествованія.

Въ составъ Комитетовъ вошли представители науки, литературы, искусства, общественные и политическіе дѣятели, независимо отъ ихъ политическихъ и общественныхъ симпатій.

На оповѣщеніе Комитета о чествованіи П. Н. Милюкова отозвались русскія и иностранныя ученыя общества, университеты, профессіональныя организаціи, органы печати, политическія и общественныя группы и отдѣльныя лица.

Комитетъ составившійся изъ столь различныхъ представителей русской эмигрантской общественности, исходилъ при организаціи чествованія изъ тѣхъ соображеній, что къ этому чествованію примкнутъ не только политическіе друзья и единомышленники П. Н. Милюкова, но что это чествованіе должно явиться общественной манифестаціей того значенія, которое имѣетъ П. Н. въ русской исторической наукѣ, въ развитіи русскаго просвѣщенія и въ русской общественной жизни.

Широкій потокъ привѣтствій, присланныхъ Павлу Николаевичу, и многочисленность аудиторіи, собравшейся сегодня почтить П. Н., находятъ себѣ естественное объясненіе.

Когда мы произносимъ имя П. Н. Милюкова и мысленно охватываемъ его блестящій и плодотворный жизненный путь, то мы не можемъ не обнаружить духовную связь, въ той или иной степени, съ П. Н. Милюковымъ. Большую или меньшую долю воздѣйствія его богато одаренной личности испыталъ и испытываетъ на себѣ каждый изъ насъ, — будетъ ли это политикъ, который видитъ въ П. Н. Милюковѣ своего учителя, своего политическаго соратника; будетъ ли это изучающій историческія судьбы русскаго народа и его культуру по трудамъ П. Н., которые составляютъ блестящій этапъ въ развитіи русской исторической науки; наконецъ, будетъ ли это слушатель лекцій и докладовъ П. Н. или читатель его журнальныхъ и газетныхъ статей, въ которыхъ онъ находитъ всесторонній и углубленный анализъ общественныхъ, политическихъ, литературныхъ и иныхъ вопросовъ.

Духовное соприкосновеніе съ П. Н. Милюковымъ пріобщаетъ насъ къ его весьма разнообразнымъ, широкимъ познаніямъ, исключительнымъ по своей основательности, и пріобщаетъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ неизсякаемому и дѣятельному чувству любви П. Н. Милюкова къ родинѣ, къ русскому народу, которому онъ само-

отверженно служитъ на многообразныхъ путяхъ своей дѣятельности въ сознаніи своего гражданскаго долга и во всеоружіи своего таланта.

Однажды, это было уже давно, П. Н. Милюковъ сравнилъ русскую жизнь съ заколдованнымъ лѣсомъ народной русской сказки, гдѣ манятъ соблазномъ и пугаютъ невѣдомыми страхами. Надо было имѣть много прозорливости, мужества и энергіи, чтобы не заблудиться въ этомъ лѣсу, и не только самому не сбиться съ дороги, но и указать эту дорогу другимъ. П. Н. Милюковъ и былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, который указывалъ пути и стремился донести свое завѣтное слово туда, гдѣ хранятся спящія силы народа.

И вотъ за то, что П. Н. Милюковъ всю свою жизнь шелъ и продолжаетъ идти къ этой цѣли, неустанно призывая и другихъ исполнить свой долгъ передъ народомъ, мы, его современники, гордые за его жизнь, за его славную дѣятельность, приносимъ ему сегодня горячее слово нашей признательности, нашего уваженія и любви и свидѣтельствуемъ ему наши пожеланія еще многіе и многіе годы стоять также мужественно и самоотверженно, какъ и до сихъ поръ, на стражѣ интересовъ русскаго народа, русской демократіи.

Объявивъ, затѣмъ, торжественное засѣданіе по чествованію П. Н. Милюкова открытымъ, С. А. Смирновъ сообщаетъ собранію, что група почитателей П. Н. собрала необходимыя средства для переизданія «Очерковъ Русской Культуры», книги, которая стала библіографической рѣдкостью. Этотъ капитальный трудъ сыгралъ огромную роль въ формаціи общественнаго мнѣнія Россіи и въ распространеніи въ ней историческихъ знаній. Поэтому група рѣшила, что лучшимъ подаркомъ будетъ поднести юбиляру изданіе «Очерковъ Русской Культуры».

Сообщеніе это вызываетъ въ залѣ овацію.

Слово предоставляется затѣмъ *Любомиру Милетичу*, президенту Болгарской Академіи Наукъ, специально прибывшему изъ Софіи привѣтствовать П. Н. Милюкова отъ имени Болгарской Академіи, македонскаго научнаго института и Софійскаго университета.

Встрѣченный аплодисментами зала, Любомиръ Милетичъ произноситъ свою рѣчь по-русски. Въ лицѣ П. Н. Милюкова онъ привѣтствуетъ «великаго человѣка Россіи, обогатившаго науку и продолжающаго оказывать неизгладимое вліяніе на современную общественно-политическую мысль». Съ глубокимъ чувствомъ онъ говоритъ о любви, которой П. Н. пользуется во всѣхъ кругахъ болгарской интеллигенціи».

— Когда стало извѣстно, что вы чествуете его, народная любовь къ нему воспламенилась съ новой силой, и Болгарія почувствовала ваше торжество, какъ свое.

Болгарскій народъ видитъ въ П. Н. «какъ бы образъ русскаго народа, готоваго поддержать своего южнаго брата. Рѣдкое соединеніе качествъ даровитаго историка и активнаго политика дало ему зоркій взглядъ и реальное ощущеніе дѣйствительности. Для Болгаріи П. Н. былъ «непритворнымъ выразителемъ правды» въ славянскихъ спорахъ. Не сотрется память о немъ въ болгарскомъ народѣ и не изсякнетъ любовь.

Любомиръ Милетичъ оглашаетъ по болгарски адреса Болгарской Академіи Наукъ и Македонскаго научнаго института, а отъ имени Софійскаго университета подноситъ П. Н. Милюкову дипломъ доктора Honoris Causa.

— Благодаримъ за то добро, которое вы сдѣлали Болгаріи, и отъ всего сердца желаемъ вамъ здоровья и силъ на служеніе вашей великой родинѣ и всему славянству. (Залъ устраиваетъ Л. Милетичу овацію).

Послѣ Л. Милетича, большую рѣчь о П. Н. Милюковѣ, какъ историкѣ, произнесъ *В. А. Мякотинъ* (см. стр. 39*).

Послѣ рѣчи В. А. Мякотина, Секретарь Комитета А. Ф. Ступницкій оглашаетъ нѣкоторыя изъ многочисленныхъ привѣтственныхъ телеграммъ, полученныхъ въ эти дни юбиляромъ.

Оглашается телеграмма президента Чехословацкой республики *Т. Массарика:*

— Многая лѣта и всего хорошаго Вамъ и Вашимъ.

Предсѣдатель чехословацкой партіи народныхъ соціалистовъ *Клофачъ* телеграфируетъ:

«Мы не забываемъ Вашей работы по освобожденію нашего народа. Благодаримъ Васъ и желаемъ Вамъ въ день Вашего семидесятилѣтія дожить до освобожденія Россіи».

Привѣтствуетъ юбиляра предсѣдатель болгарскаго Народнаго Собранія *А. Цанковъ:*

«Отъ имени своего и отъ имени народнаго представительства Болгаріи сердечно поздравляю Васъ съ 70-лѣтіемъ. Въ знакъ признанія Вашихъ заслугъ въ дѣлѣ возрожденія молодой Болгаріи, Народное Собраніе въ своемъ засѣданіи 24 января единогласно постановило поднести Вамъ скромный даръ — 270.000 лева».

---

*) Рѣчь В. Н. Мякотина, какъ и рѣчи В. А. Оболенскаго, И. П. Демидова и І. Б. Шехтмана воспроизведены полностью въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ настоящаго сборника.

Оглашаются привѣтствія предсѣдателя болгарскаго совѣта министровъ *А. Ляпчева,* главы болгарской православной церкви *митр. Стефана,* лидера болгарской демократической партіи *А. Малинова.*

Въ отдѣльныхъ выдержкахъ цитируются многочисленныя привѣтствія, полученныя юбиляромъ изъ разныхъ странъ, отъ иностраныхъ университетовъ, русскихъ академическихъ союзовъ во всѣхъ центрахъ эмигрантскаго разсѣянія, редакцій газетъ, союзовъ писателей и журналистовъ, просвѣтительныхъ, политическихъ, общественныхъ организацій и пр.

«... Пожеланія долголѣтія, возвращенія на родину и благодарность за великое дѣло, имъ сдѣланное», шлетъ ректоръ *Кембриджскаго* университета *Лоренсъ Лоуель.*

Русская секція при *Бирмингамскомъ университетѣ* привѣтствуетъ П. Н. Милюкова, «какъ борца великой и могучей Россіи, какъ истиннаго представителя ея генія и одной изъ ея культурныхъ силъ. Мы всегда будемъ видѣть въ Васъ живой символъ всего того, что есть великаго, хорошаго и прогрессивнаго въ Россіи, которую мы очень любимъ».

Совѣтъ Сената Кэмбриджскаго Университета, принося поздравленія юбиляру, вспоминаетъ, какъ въ 1916 году «Университетъ пожаловалъ Вамъ почетный титулъ доктора правъ, какъ признаніе Вашего значенія, какъ историка. При поднесеніи этой степени представитель Университета говорилъ о Вашихъ заслугахъ преподаванія и назвалъ Васъ historiae magistrum perspicacem. Съ тѣхъ поръ Вы продолжаете оказывать большія услуги исторической наукѣ».

Конференція Университетскихъ преподавателей Русскаго и другихъ славянскихъ языковъ *Великобританіи* привѣтствуетъ въ П. Н. Милюковѣ «знаменитаго борца за принципы Демократіи и Свободы въ теченіе всей его долгой общественной карьеры».

Александръ Каунъ, профессоръ *Калифорнійскаго Университета* пишетъ въ своемъ привѣтствіи: «... Для насъ, работниковъ на поприщѣ славоники и особенно россики, вы являетесь свѣтиломъ и маякомъ».

Шлетъ привѣтствія, «присоединяясь къ друзьямъ и почитателямъ великаго государственнаго дѣятеля, историка, труды котораго признаны всѣмъ міромъ» — ректоръ *Парижскаго Университета Шарлетти.*

«... Мы счастливы привѣтствовать въ Вашемъ лицѣ, — говорится въ обращеніи *Страсбургскаго Университета* — профессора и ученаго, работы котораго по русской исторіи и исторіогра-

фіи, въ особенности знаменитые «Очерки по исторіи русской культуры» дѣлаютъ Васъ авторитетомъ въ этой области науки».

Университетъ имени Коменскаго въ Братиславѣ съ искренней радостью и съ глубокимъ почтеніемъ привѣтствуетъ въ лицѣ юбиляра «талантливаго историка Россіи, энергичнаго борца за высокіе идеалы и тонкаго слависта». «Пусть та бодрость и стойкость, что неизмѣнно сопутствовали всѣмъ Вашимъ научнымъ и политическимъ выступленіямъ еще надолго хранятъ отъ увяданія Вашу рѣдко даровитую и выдающуюся личность».

«Высоко цѣня то широкое философское толкованіе, которое сумѣлъ онъ дать исторіи своей великой націи» — шлетъ юбиляру свои привѣтствія и пожеланія *Бухарестскій Университетъ*.

О «разнообразной и плодотворной дѣятельности юбиляра и о цѣнныхъ вкладахъ его въ область археологіи изслѣдованіемъ христіанскихъ памятниковъ Македоніи», говорится въ привѣтствіи *Болгарскаго Археологическаго Института*.

Пожеланія юбиляру «продолжать въ теченіи многихъ лѣтъ его творческую дѣятельность на благо цивилизаціи», содержится въ привѣтствіи *Литовскаго Университета*.

Горячія привѣтствія шлютъ ректоръ *Колумбійскаго Университета* и директоръ Института Карнеги *Н. М. Бутлеръ*, и редакторъ *Стенфордскаго* Университета *Лайменъ Вильбургъ*, проф. *Ливерпульскаго* Университета *Б. Пэрсъ*, проф. *Варшавскаго* Университета *Бодуэнъ-де-Куртенэ* и мн. др.

Въ рядѣ другихъ оглашаются нѣкоторыя изъ привѣтствій *иностранной русской прессы*.

«Нѣтъ никого среди насъ, кто не сожалѣлъ бы о Вашемъ вынужденномъ удаленіи отъ работы на родинѣ», пишетъ въ своемъ привѣтствіи предсѣдатель *Ассоціаціи иностранной прессы въ Парижѣ М. Мюрэ*. Онъ выражаетъ горячее пожеланіе юбиляру «возвращенія на Вашу родину, которой Вы можете оказать еще неоцѣнимыя услуги».

«Горячія пожеланія здоровья и долгоденствія на пользу и славу свободнаго русскаго слова», шлетъ *Зарубежный Союзъ русскихъ писателей и журналистовъ*.

Общество болгарскихъ журналистовъ въ Болгаріи, черезъ парижскаго представителя Георга Бельчева обращается къ юбиляру со слѣдующимъ привѣтствіемъ:

> «Болгарскіе журналисты, такъ хорошо знающіе Васъ и такъ глубоко любящіе, празднуютъ сегодня въ Софіи, въ единеніи со всѣмъ болгарскимъ народомъ,

Вашъ юбилей на публичномъ собраніи, организованномъ Обществомъ.

Они преклоняются передъ великимъ государственнымъ дѣятелемъ, смѣлымъ и безпристрастнымъ ученымъ, человѣкомъ большой души, глубоко переживающимъ чужія страданія и готоваго всегда броситься на борьбу съ несправедливостью... Преклоняясь передъ Вашей міровой дѣятельностью въ защиту правды и справедливости, они также привѣтствуютъ въ Вашемъ лицѣ одного изъ самыхъ выдающихся представителей ихъ профессіи. За все время Вашей публицистической дѣятельности Вы свято хранили священный, но часто забываемый принципъ журналистики: говорить правду, только правду, одну правду... Желаемъ Вамъ долгой жизни, добраго здоровья и скораго возвращенія на Вашу великую и многострадальную Родину. Да здравствуетъ русскій народъ! Да здравствуетъ демократическая Россія!»

За недостаткомъ времени, лишь незначительная часть привѣтствій могла быть оглашена въ засѣданіи.

По оглашеніи привѣтственныхъ телеграммъ, слово предоставляется затѣмъ представителямъ *академическихъ и просвѣтительныхъ* организацій во Франціи.

Проф. *Агафоновъ* оглашаетъ адресъ Русскаго Академическаго Союза.

«Въ лицѣ Вашемъ сегодня, по случаю исполнившагося семидесятилѣтія со дня Вашего рожденія, Русскій Академическій Союзъ во Франціи чествуетъ одного изъ крупнѣйшихъ ученыхъ нашего времени и своего, со дня основанія Союза, безсмѣннаго предсѣдателя.

Въ краткомъ привѣтственномъ словѣ невозможно обозрѣть Вашу полувѣковую ученую дѣятельность. Въ наукѣ исторіи вообще и, въ особенности, русской исторіи, Вы вписали свое имя неизгладимыми чертами. Установивши въ своей капитальной диссертаціи связь между государственнымъ хозяйствомъ Россіи и реформами Петра Великаго, Вы выяснили основы, на коихъ построилась императорская Россія. Основнымъ вопросомъ русской жизни той эпохи — конституціонной попыткѣ верховниковъ 1730 года и аграрной политикѣ XVIII вѣка Вы посвятили особые этюды. Вы отдали дань также спеціальному изученію Московской Руси: Вы изслѣдовали разрядную книгу, а порученную Вамъ Академіей Наукъ рецензію на книгу Лаппо-Данилевскаго Вы превратили

въ большой цѣнный трудъ по изслѣдованію спорныхъ вопросовъ финансовой исторіи Московскаго Государства.

Исторіи русской интеллигенціи въ XIX вѣкѣ посвящены Вами этюды о Сергѣѣ Тимофеевичѣ Аксаковѣ, о Надеждинѣ и Бѣлинскомъ, о разложеніи славянофильства и о идеалистахъ тридцатыхъ годовъ XIX вѣка.

Ваше изслѣдованіе о главнѣйшихъ теченіяхъ русской исторической мысли стало руководствомъ для русскихъ историковъ двадцатаго вѣка, а очерки по исторіи русской культуры сдѣлались книгами, на которыхъ воспитались поколѣнія русской интеллигенціи.

Ваши лекціи въ Московскомъ университетѣ и на женскихъ курсахъ въ теченіи девяти лѣтъ 1886-1895 сдѣлали Васъ однимъ изъ самыхъ большихъ любимцевъ учащейся молодежи.

Когда Ваша академическая карьера была насильно прервана и годы десятилѣтнихъ скитаній по Россіи, Балканамъ, Европѣ и Америкѣ все болѣе уводили Васъ на путь политической борьбы, Вы продолжали хранить вѣрность наукѣ, организовавши систематическое археологическое обслѣдованіе Рязанскаго края, а затѣмъ Македоніи, обогативши своими трудами русскую и христіанскую археологію. Многочисленныя лекціи въ Западной Европѣ и Америкѣ о россійскомъ кризисѣ, публичныя статьи и, наконецъ, политическія рѣчи Ваши были всегда густо насыщены данными и положеніями. Наконецъ, въ теперешніе годы изгнанія Вы снова вернулись къ исторіи. Ваши многотомные труды о революціи 1917 года, о «Россіи на переломѣ», о національномъ вопросѣ, являются выдающимися научными изслѣдованіями, несмотря на внѣшнюю злободневность темы.

Союзъ не можетъ не отмѣтить и созданнаго Вами при помощи французскихъ друзей русскаго высшаго учебнаго заведенія въ Парижѣ — Франко-Русскаго Института соціальныхъ и политическихъ наукъ, въ которомъ Вы состояли предсѣдателемъ совѣта профессоровъ со дня основанія. Академическому Союзу Вы удѣлили немало времени и трудовъ Вашихъ, читая цѣнные доклады и предсѣдательствуя на публичныхъ засѣданіяхъ и докладахъ его членовъ, являясь незамѣнимымъ по авторитетности представителемъ его во внѣ.

Желая Вамъ силъ и здоровья на многіе годы, Академическій Союзъ, безпартійный и аполитичный, гордится имѣть Васъ своимъ предсѣдателемъ».

Н. В. Дмитріевъ читаетъ адресъ Русскаго Народнаго Университета во Франціи:

Русскій Народный Университетъ въ Парижѣ, ста-

вящій себѣ задачей служить русской культурѣ, съ чувствомъ глубочайшаго уваженія привѣтствуетъ Васъ въ день Вашего семидесятилѣтія, какъ неустаннаго и виднѣйшаго работника на поприщѣ русской культуры и науки.

Нашъ привѣтъ — не только дань Вашимъ выдающимся ученымъ и профессорскимъ заслугамъ — это вмѣстѣ съ тѣмъ и выраженіе глубокой и горячей признательности человѣку, который, будучи обремененъ многообразной общественной и научной работѣ, счелъ своимъ долгомъ принять непосредственное участіе въ работахъ Университета въ его организаціонный періодъ, выступалъ неоднократно въ качествѣ лектора въ его аудиторіяхъ и, наконецъ, въ трудную минуту жизни Университета — въ 1924 г. — пришелъ на помощь ему всею силою своего авторитета.

Ваше участіе въ дѣлахъ Университета является для насъ, работниковъ Университета, яркимъ подтвержденіемъ того, что мы, выполняя нашу скромную работу, дѣлаемъ живое и нужное для русской эмиграціи дѣло.

Отъ всего сердца желаемъ силъ и здоровья на многіе годы».

Проф. *П. П. Гронскій* произноситъ привѣтственную рѣчь отъ лица профессоровъ и преподавателей Франко-Русскаго Института:

— Мнѣ поручено привѣтствовать Васъ отъ лица профессоровъ Вами созданнаго русскаго академическаго учрежденія, Франко-Русскаго Института соціальныхъ и политическихъ наукъ. Въ скромномъ помѣщеніи коммунальной школы намъ удалось, благодаря Вашему популярному имени, собрать молодую аудиторію, передъ которой Вы сами и другіе профессора смогли выступить и сказать, чѣмъ была Россія, какъ жила, раскрыть возможность дальнѣйшаго развитія нашей родины. Ваша академическая дѣятельность, начавшаяся въ стѣнахъ Московскаго университета, здѣсь продолжается, благодаря содѣйствію друзей, покойнаго Олара, Жэза — французовъ, давшихъ возможность создать высшія русскія учрежденія подъ главенствомъ П. Н. Милюкова. Мы профессора гордимся, имѣя такого предсѣдателя во главѣ русскаго института соціальныхъ и политическихъ наукъ. Вы услышите нашихъ студентовъ, которые присоединяются въ день вашего 70-лѣтія, чтобы пожелать Вамъ встать въ Россіи во главѣ преподаванія и продолжать Вашу работу, но со свободной каѳедры русскаго университета.

Отъ студентовъ Франко-Русскаго Института оглашаетъ адресъ студентъ *Аристовъ*.

«Дорогой и глубокоуважаемый Павелъ Николаевичъ. Въ нашемъ привѣтствіи Вамъ въ день Вашего семидесятилѣтія, мы, студенты Франко-Русскаго Института Соціальныхъ и Политическихъ наукъ, не имѣя ни права, ни силы, ни авторитета для оцѣнки всей Вашей многообразной дѣятельности, коснемся лишь той ея стороны, которая намъ близка и которую вы могли непосредственно наблюдать за послѣднее время: мы будемъ говорить о Васъ, какъ о нашемъ профессорѣ и руководителѣ нашего учебнаго заведенія. За десять лѣтъ тягостнаго изгнанія, бодрость и вѣра въ осмысленность нашихъ усилій такъ часто подвергаются опасности смѣниться отчаяніемъ и безразличіемъ. Вы указываете намъ направленіе, въ которомъ молодежь должна приложить свои силы: этотъ путь — путь къ знанію, равно пріемлемый для всѣхъ, независимо отъ убѣжденій, дающій намъ вѣру въ то, что мы можемъ оказаться полезными своему Отечеству, когда придетъ время вернуться на Родину, — путь, который Вы не только указываете намъ, — Вы открываете его для многихъ изъ насъ Вашей неутомимой дѣятельностью на помощь русскимъ студентамъ, созданіемъ Франко-Русскаго Института, въ частности. На посту руководителя Франко-Русскаго Института Вы являетесь неизмѣннымъ другомъ молодежи, всегда отзывчивымъ къ ея нуждамъ и горестямъ, всегда поддерживаете ея бодрость и вѣру въ лучшее будущее. Ваша любовь къ Россіи, постоянно прорывающаяся сквозь стройное и богатое изложеніе Вашего курса, усиливаетъ наше стремленіе къ изученію родной исторіи и укрѣпляетъ нашу вѣру въ Россію: мы чувствуемъ нашу связь съ Родиной и надѣемся быть всегда ея вѣрными сынами. Приготовляя себя къ служенію Родинѣ, мы видимъ въ Васъ яркій примѣръ самоотверженнаго исполненія долга и неизсякаемой энергіи: Вы учите насъ и тому, какъ нужно работать для осуществленія своихъ идеаловъ и поставленныхъ цѣлей. Примите же, дорогой Павелъ Николаевичъ нашъ низкій поклонъ, искреннюю благодарность за помощь и сердечныя пожеланія силъ и здоровья».

Студентъ *Реппъ* оглашаетъ адресъ Союза Русскихъ Студентовъ во Франціи:

«Союзъ Русскихъ Студентовъ во Франціи привѣтствуетъ Васъ по случаю Вашего семидесятилѣтняго юбилея — какъ старѣйшаго носителя идеаловъ и традицій русской интеллигенціи и борца за освобожденную русскую науку.

Вѣримъ, что въ ближайшемъ будущемъ Вы сможете увидѣть въ освобожденной Россіи осуществленіе Вашихъ завѣтовъ профессора и ученаго».

Отъ имени Русской секціи Международной Федераціи Женщинъ, получившихъ высшее образованіе, выступаетъ *А. М. Петрункевичъ*.

— Многоуважаемый Павелъ Николаевичъ, недавно сложившаяся русская секція международной федераціи женщинъ поручила своему правленію передать Вамъ въ знаменательный день Вашего 70-лѣтія чувства своей большой признательности и глубокаго уваженія. Наша признательность относится къ вамъ потому, что русская женщина на своемъ длительномъ и нелегкомъ пути въ достиженіи правъ и расширеніи ихъ, стремленіи къ высшему образованію, всегда находила Васъ въ рядахъ своихъ друзей. Уваженіе потому, что, когда передъ нами открылись университетскія двери и мы пріобщились къ высшей наукѣ, мы больше, чѣмъ прежде смогли узнать и оцѣнить всю ту громадную и славную работу, которую русскіе ученые и русскіе профессора уже успѣли сдѣлать. Мы узнали, что и въ этой области намъ, русскимъ есть чѣмъ гордиться, мы узнали, что и молодая русская наука выставила цѣлый рядъ славныхъ именъ, которыя по праву заняли почетное мѣсто среди именъ европейскихъ и Ваше имя, П. Н., въ первомъ ряду этихъ именъ. Мы знаемъ, какъ много и славно работали Вы въ области русской науки, какъ высоко подняли знамя русской исторической науки. Позвольте выразить Вамъ добрыя чувства и пожелать много здоровья и силъ.

Послѣ А. М. Петрункевичъ, отъ старѣйшаго русскаго культурнаго учрежденія въ Парижѣ, Тургеневской библіотеки читаетъ адресъ *С. Г. Сватиковъ*.

«Старѣйшее русское культурно-просвѣтительное учрежденіе г. Парижа — Общественная Библіотека, основанная И. С. Тургеневымъ въ 1875 году, привѣтствуетъ Васъ сегодня и какъ выдающагося русскаго ученаго, и какъ друга русскаго просвѣщенія и русской книги, и какъ друга нашего учрежденія. Библіотека свидѣтельствуетъ, что, начиная съ конца 90-хъ годовъ XIX вѣка Ваши историческія и публицистическія труды являются

одними изъ наиболѣе читаемыхъ книгъ. Желаемъ Вамъ здоровья на многія годы».

Прочувственную рѣчь произноситъ по болгарски д-ръ *К. Станишевъ*, предсѣдатель объединенія македонскихъ эмигрантовъ въ Болгаріи и подноситъ отъ имени македонскихъ организацій художественно исполненный адресъ въ рѣзной обложкѣ, украшенной македонской народной живописью.

В. А. Оболенскій выступаетъ съ обширной рѣчью, посвященной характеристикѣ П. Н. Милюкова, какъ *политическаго дѣятеля* (см. стр. 99).

Слово предоставляется затѣмъ представителямъ *русской печати.*

А. А. Яблоновскій оглашаетъ адресъ Союза писателей и журналистовъ во Франціи:

«Правленіе Союза русскихъ писателей и журналистовъ во Франціи проситъ Васъ принять въ день Вашего семидесятилѣтія, его самыя искреннія поздравленія, самыя сердечныя пожеланія.

Вы были однимъ изъ основателей нашего Союза. Избранный предсѣдателемъ, Вы на этомъ посту остаетесь по сей день.

Ваши обязанности, очень нелегкія и порою тягостныя въ общихъ трудовыхъ условіяхъ нашей жизни, Вы всегда исполняете съ исключительной энергіей, благожелательностью и добросовѣстностью.

Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ Вы заняты въ теченіе цѣлаго дня литературной, политической и научной дѣятельностью. Несмотря на это, несмотря и на то, что здоровье Ваше, къ глубокому нашему сожалѣнію оставляетъ желать лучшаго, Вы несли на себѣ всю тяжесть предсѣдательской работы, не отказываясь и отъ утомительныхъ, чисто механическихъ дѣлъ.

Правленіе, включающее въ себя людей самыхъ разныхъ взглядовъ, не могло не оцѣнить и того рѣдкаго безпристрастія, спокойствія и такта, которые Вы неизмѣнно вносили въ его труды, всячески способствуя дружности работы и старательно отстраняя все, что могло бы вызвать раздѣленіе и разногласія.

Прекрасно сознавая, что наиболѣе цѣнными результатами своей дѣятельности Союзъ въ весьма значительной мѣрѣ обязанъ именно Вамъ, Правленіе особенно радо, въ день Вашего семидесятилѣтія, единодушно выразить Вамъ, образцовому, высоко авторитетному предсѣдателю Союза, свою горячую и искреннюю признательность».

М. В. Вишнякъ читаетъ адресъ журнала «Современныя Записки».

«Редакція журнала «Современные Записки» въ сегодняшнемъ торжествѣ видитъ не только личный Вашъ юбилей. Мы видимъ въ немъ и торжество русской науки, русской культуры, передовой русской общественности.

Мы чтимъ въ Васъ не только выдающагося учителя трехъ поколѣній русскаго образованнаго общества, но и одного изъ заслуженнѣйшихъ вождей русской интеллигенціи, никогда не свертывавшаго ея знаменъ, тѣмъ менѣе отрекшагося отъ ея завѣтовъ. Мы помнимъ, какъ въ годы столыпинской реакціи, когда отвѣтственность за срывъ дѣла русскаго освобожденія пробовали возложить на плечи русской интеллигенціи, Вы, Павелъ Николаевичъ, были въ числѣ тѣхъ, кто самымъ рѣшительнымъ образомъ возсталъ противъ этого навѣта.

Первоклассный изслѣдователь истоковъ русской культуры, Вы не довольствовались однимъ только академическимъ изслѣдованіемъ ея истоковъ. Причинно-генетическій рядъ, уводившій современность въ прошлое, Вы всегда связывали съ нормативно-волевымъ утвержденіемъ творческаго генія русскаго народа. Отъ русской исторіи черезъ русскую культуру Вы пришли къ политикѣ. И въ этомъ перемѣщеніи центра вниманія, въ замѣщеніи историческихъ интересовъ къ прошлому заботами о будущемъ сказалось вліяніе не одной только объективной обстановки. Здѣсь сказалась и традиція русской интеллигенціи, готовой по первому зову долга оставить любимое дѣло, даже научное творчество, и весь свой моральный авторитетъ подставить подъ удары полной превратности политической судьбы.

Въ Вашей личной политической судьбѣ, Павелъ Николаевичъ, видимъ мы живое повтореніе исторіи русскаго освободительнаго движенія.

Будучи убѣжденнымъ противникомъ революціи, Вы предостерегали отъ нея, противились ей. Но когда революція все же произошла, Вы безъ колебаній, сразу стали на ея сторону, отведя ненужныя сомнѣнія доктринеровъ. — «Меня спрашиваютъ, — говорили Вы собравшимся въ Екатерининскомъ залѣ Таврическаго дворца въ день провозглашенія власти Временнаго Правительства, — кто васъ выбралъ. Насъ никто не выбиралъ. Насъ выбрала русская революція».

Можно было не раздѣлять Вашихъ тактическихъ плановъ, можно было не соглашаться съ тѣми или иными пунктами Вашей программы, — нельзя было не признать стройности и цѣльности за Вашей общей политической

линіей. Нельзя въ Васъ не видѣть — теперь, какъ и раньше, — неутомимаго и стойкаго борца за право и свободу, непримиримаго врага насилія и гнета, откуда бы они ни исходили и какими бы знаменами и лозунгами ни прикрывались.

И намъ въ числѣ многихъ, не разъ приходилось не соглашаться съ Вами. Но и расходясь, мы никогда не доходили до полнаго непониманія и отчужденія, — и въ Милюковѣ — противникѣ мы не переставали видѣть противника, достойнаго всяческаго уваженія.

Такъ сложилась русская политическая исторія, что одинъ изъ самыхъ видныхъ нашихъ современниковъ оказался для своей родины «лишнимъ человѣкомъ», какъ разъ въ то самое время, когда его сверстники и коллеги проф. Вильсонъ и проф. Массарикъ получили прижизненное признаніе своихъ согражданъ. Мы склонны видѣть въ этомъ не чью-либо личную неудачу, а неудачу и трагедію русской исторіи, какъ живого культурно-историческаго процесса.

Привѣтствуя глубокочтимаго Павла Николаевича съ 70-лѣтіемъ его славной жизни, Редакція «Современныхъ Записокъ» приноситъ ему и свое признаніе, какъ выдающемуся ученому и учителю, какъ одному изъ заслуженыхъ вождей русской интеллигенціи и достойнѣйшихъ гражданъ Россіи.

Въ интересахъ Россіи, въ цѣляхъ ея скорѣйшаго возрожденія, мы желаемъ, чтобы такое признаніе получило общую значимость и воспринято было и тамъ, въ глубинѣ Россіи».

Отъ издательства, редакціи, сотрудниковъ и служащихъ газеты «Послѣднія Новости» читаетъ адресъ *Н. К. Волковъ:*

«Не намъ, работникамъ «Послѣднихъ Новостей», судить о значеніи газеты и давать ей оцѣнку. Въ настоящемъ это принадлежитъ читателю-эмигранту, а въ будущемъ — читателю — историку русской эмиграціи. Но мы можемъ, и даже больше, мы хотимъ для себя и должны для другихъ, въ день Вашего семидесятилѣтія, оцѣнить роль и значеніе редактора русскаго эмиграціоннаго печатнаго органа и руководителя и объединителя всѣхъ насъ, работающихъ для этого органа, и въ немъ.

Истекаетъ девятый годъ жизни «Послѣднихъ Новостей», изъ которыхъ ровно 8 лѣтъ принадлежатъ Вамъ. 1 марта 1921 года Вы приняли на себя редакторство. Вы отдали себя, — свои знанія, свой опытъ и всѣ свои силы, — на, быть можетъ, самую трудную и отвѣтственную задачу Вашей жизни, на сохраненіе и продленіе Рос-

сіи, ея культуры, ея народно-общественныхъ идеаловъ въ условіяхъ эмиграціи, въ условіяхъ, когда утерявшимъ и покинувшимъ Родину такъ легко утерять сознаніе своей цѣнности, своего единства и превратиться изъ части народа въ человѣческую пыль «безъ рода и племени».

Вашъ предшественникъ, первый редакторъ «Послѣднихъ Новостей», Моисей Леонтьевичъ Гольдштейнъ, передавая Вамъ руководство газетой, говорилъ въ своей послѣдней передовой: «Читательская масса собрана. Насталъ второй періодъ: ее надо повести. Я позволю себѣ выразить искреннее убѣжденіе, что въ такой моментъ читатели «Послѣднихъ Новостей» вмѣстѣ со мной обратятъ съ довѣріемъ взоры на испытаннаго вождя русской общественности».

Задача была опредѣлена вѣрно: послѣ революціи, торжества большевизма, проигрыша міровой и гражданской войны, послѣ великаго исхода изъ родной земли, русская милліонная эмиграція оказалась въ такомъ разсѣяніи и на такомъ распутьи, примѣръ которому едва ли можно найти на протяженіи всего 1000-лѣтняго бытія Россіи. Трагичность положенія усложнялась еще и малымъ сознаніемъ этой трагичности, малымъ пониманіемъ всего пережитого и полной надеждой на то, что утерянное прошлое быстро, почти-что чудеснымъ образомъ оживетъ, вернется и установится: всѣ мы — русская эмиграція — въ тѣ годы жили вчерашнимъ днемъ, принимая его за наше грядущее «завтра».

Да, для эмиграціи вообще, для эмиграціоннаго періодическаго печатнаго органа, дѣйствительно, наступалъ второй періодъ, когда уже было необходимо отдать себѣ отчетъ въ томъ, что произошло.

Этотъ «отчетъ», вызвавшій въ свое время потокъ нападокъ и возраженій, данъ Вами въ первой передовой статьѣ «Послѣднихъ Новостей», вышедшихъ подъ Вашей редакціей. Указавъ, что новая редакція «Послѣднихъ Новостей» принимаетъ на себя руководство газетой въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ, переживаемыхъ нашей Родиной, когда организованная, вооруженная борьба противъ насильническаго режима большевиковъ фактически прекратилась, Вы писали далѣе: «когда приходится бороться съ психологіей, а не съ логическими аргументами, въ результатѣ всегда получается раздраженіе. Такимъ чувствомъ раздраженія сопровождалась до сихъ поръ полемика противъ вождей той общественной группы, къ которой перешли «Послѣднія Новости». Это тѣмъ страннѣе, что, собственно, нападала только одна сторона. Другая молчала, и только теперь — на стра-

ницахъ «Послѣднихъ Новостей» — она получаетъ возможность говорить отъ своего имени».

«Первое, что она считаетъ нужнымъ сказать, это то, что перемѣна **тактики,** которую она рекомендуетъ, вовсе не означаетъ перемѣны **цѣли** борьбы. Отношеніе данной общественной группы къ большевикамъ остается по прежнему непримиримымъ. Борьба продолжается, и споръ идетъ лишь о выборѣ путей для успѣха...»

«Мы не дождались даже послѣдней катастрофы, чтобы открыто выступить съ нашимъ анализомъ ошибокъ прошлаго метода борьбы и даже съ указніемъ неизбѣжныхъ послѣдствій этихъ ошибокъ.

Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы не достигли цѣли: не создали единаго фронта нашей общественности. Дѣйствительно, мы добивались болѣе широкаго фронта, чѣмъ тотъ, который былъ созданъ. Мы увѣрены, что онъ расширится въ процессѣ работы и даже теперь это расширеніе происходитъ. Но мы никогда не задавались мыслью о созданіи «единаго фронта». Это противорѣчило бы нашему осужденію старой тактики. Мы не принадлежимъ къ числу оптимистовъ, которые вѣрятъ, что можно исправить дѣло политическими переэкзаменовками. **Идея единаго демократическаго фронта достаточно широка, чтобы объединить многихъ подъ общимъ знаменемъ.** Но она не можетъ объединить всѣхъ, не нанося существеннаго ущерба самому знамени. Мы увѣрены, что, если не наши убѣжденія, то сама жизнь привлечетъ въ наши ряды недоумѣвающихъ и колеблющихся. Но есть всетаки элементы, и вполнѣ сознательные, — которыхъ мы не ожидаемъ увидѣть въ числѣ своихъ друзей, ни теперь, ни впослѣдствіи».

«Идея демократическаго фронта достаточно широка, чтобы объединить многихъ подъ общимъ знаменемъ» — такъ опредѣлили Вы основную задачу того печатнаго органа, во главѣ котораго Вы встали и которому отдаете свои силы вотъ уже девятый годъ.

За 8 истекшихъ лѣтъ къ Вамъ — теперь можно сказать къ намъ — пришли многіе, ибо поняли Вашу правду. Демократическій фронтъ ширился и ширится, а за его предѣлами остаются и останутся тѣ, которые новое русское будущее продолжаютъ искать въ недавнемъ печальномъ прошломъ: объ ихъ отсутствіи ни Вы, ни мы — Ваши сотрудники, — не жалѣемъ.

Подводя этотъ итогъ эмиграціоннаго періода, мы, однако, не хотимъ и не можемъ уложить свои мысли только въ него, только въ путь, пройденный «Послѣдни-

ми Новостями», ибо этотъ путь для многихъ изъ насъ, какъ и для Васъ, лишь часть болѣе длиннаго пути, начавшагося на родной землѣ и, вѣримъ, тамъ же долженствующаго кончиться. Многіе изъ насъ — Ваши старые сотрудники по политической общественной и журнальной работѣ. Есть и такіе, которые встрѣтились съ Вами только въ эмиграціи. Среди насъ имѣются представители разныхъ теченій, разныхъ національностей, но всѣ мы — русскіе граждане «единаго фронта» — **демократическаго;** всѣ мы вѣримъ въ его грядущее торжество, въ его конечную побѣду.

И сегодня, привѣтствуя Васъ, мы не можемъ забыть, что «Послѣднія Новости», т. е. Вы, какъ редакторъ, и мы, какъ Ваши соработники, являются лишь частью нашей общей, болѣе длинной, болѣе глубокой жизни; мы не можемъ не сказать, что вся эта жизнь наполнена Россіей — думами о ней, работой во имя ея.

Для Россіи, для нашей общей русской жизни, для нашей общей работы, въ интересахъ народа, будьте полны силъ еще многіе годы, дорогой Павелъ Николаевичъ, — впереди еще много дѣла, большого и отвѣтственнаго: мы, какъ и прежде, готовы работать съ Вами изо всѣхъ силъ — ведите насъ къ новой, свободной, демократической Россіи».

Отъ редакціи журнала «Дни» съ привѣтственной рѣчью выступаетъ *С. М. Соловейчикъ:*

— Я выступаю отъ имени редакціи журнала «Дни». Къ сожалѣнію, необходимость отъѣзда изъ Парижа по совершенно неотложнымъ дѣламъ помѣшала Александру Федоровичу Керенскому, входящему въ составъ комитета по организаціи настоящаго чествованія, возглавить нашу делегацію.

Позвольте мнѣ воспользоваться тѣми немногими минутами, которыя предоставлены здѣсь каждому изъ насъ, для того, чтобы указать, почему мы, т. е. группа соціалистовъ и демократовъ, объединившихся для практической политической работы въ «Дняхъ», придаемъ большое общественное значеніе настоящему чествованію и съ радостью откликнулись на призывъ принять участіе въ немъ.

Насъ — однихъ больше, другихъ меньше — многое отдѣляетъ и еще больше отдѣляло отъ Павла Николаевича Милюкова. Но мы никогда не забывали, мы не въ правѣ забыть прежде всего, что Павелъ Николаевичъ авторъ «Исторіи русской культуры» и, какъ таковой, останется на долгія времена одной изъ виднѣйшихъ фи-

гуръ въ исторіи россійской культуры. Мы никогда не забывали, что Павелъ Николаевичъ Милюковъ большой культурный дѣятель, одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей той русской интеллигенціи, которая была и будетъ гордостью нашей великой родины. И съ этой точки зрѣнія мы считаемъ, что настоящее торжество имѣетъ общероссійское значеніе.

Но оно имѣетъ, конечно, и болѣе узкій политическій характеръ. Павелъ Николаевичъ Милюковъ нынѣ вождь республиканско-демократическаго теченія, т. е. одной изъ тѣхъ группъ россійской демократіи, которой несомнѣнно суждено сыграть большую и почетную роль въ дѣлѣ утвержденія Россійской Республики на мѣстѣ нынѣшняго самовластія. Каковы бы ни были наши расхожденія въ прошломъ и въ тупикѣ этого прошлаго, какъ бы ни были разны наши политическіе идеалы, — у насъ у всѣхъ есть эта ближайшая цѣль. Въ послѣднее время сознаніе общности этой цѣли у всей лѣвой россійской общественности, къ счастью, все болѣе побѣждаетъ партійныя, групповыя, кружковыя и личныя отталкиванія и предразсудки и мы вѣримъ и надѣемся, что этотъ процессъ созданія единаго республиканскаго фронта — процессъ оздоровленія нашей политической жизни — будетъ и дальше развиваться, что наши — и Ваши — республиканскія чувства создадутъ тотъ мостъ, на которомъ встрѣтятся и подадутъ другъ другу руки для долгой совмѣстной работы россійскіе республиканцы и соціалисты. Намъ надоѣла та безцѣльная, ненужная и преступная распря, которая такъ долго ослабляла насъ передъ лицомъ нашихъ общихъ враговъ — ними предстоитъ намъ всѣмъ еще долгая и упорная. Мы поклонниковъ красной и бѣлой диктатуры. Борьба съ хотимъ, чтобы въ этой борьбѣ единый республиканскій фронтъ съ каждымъ днемъ становился сильнѣе, крѣпче и сплоченнѣе. Наше участіе въ согодняшнемъ юбилеѣ — залогъ и свидѣтельство этого нашего желанія.

Мы чтимъ въ Васъ, глубокоуважаемый Павелъ Николаевичъ, общепризнаннаго учителя нашего поколѣнія русской интеллигенціи. Мы съ уваженіемъ вспоминаемъ о дѣятельности вождя русскаго либерализма, вмѣстѣ съ россійской демократіей и съ россійскимъ соціализмомъ пережившаго всю горечь пораженія отъ руки новаго самодержавія. Мы вѣримъ и надѣемся, что великая и безсмертная Россійская Республика найдетъ въ Вашемъ лицѣ одного изъ своихъ руководителей, вождей и строителей. И мы протягиваемъ руку вождю республиканско-демократическаго теченія, который своей «но-

вой тактикой» расчистилъ путь единому республиканскому фронту враговъ диктатуры.

За нашу общую побѣду!

Привѣтствія представителей печати заканчиваются рѣчью *I. Б. Шехтмана,* выступившаго отъ журнала «Разсвѣтъ», органа сіонистовъ-ревизіонистовъ (см. стр. 218).

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ привѣтственныхъ выступленій представителей *политическихъ организацій.*

Первымъ выступаетъ *Л. Е. Ельяшевъ,* оглашая адресъ Республиканско - демократической группы партіи Народной Свободы:

«Въ день Вашего семидесятилѣтія, Центральное Бюро Республиканско-Демократической группы партіи Народной Свободы и Парижское ея Отдѣленіе привѣтствуетъ въ Вашемъ лицѣ признаннаго вождя русской демократіи.

Вся Ваша плодотворная жизнь и вся Ваша полувѣковая работа на благо Россіи одухотворены были единственнымъ желаніемъ счастья родной страны. За ея лучшее будущее боролись Вы съ думской трибуны и на страницахъ подцензурной и полусвободной русской прессы. Въ Вашихъ ученыхъ историческихъ изслъдованіяхъ Вы искали отвѣта на вопросъ о томъ, какими путями шла Россія къ свободѣ и какъ боролись предшествующія поколѣнія за освобожденіе русскихъ народныхъ творческихъ силъ на путяхъ ихъ стремленій къ народному благу. Съ профессорской кафедры Вы учили Вашихъ многочисленныхъ учениковъ истинному познанію путей развитія русской культуры въ ея стремленіяхъ къ созданію великой россійской державы и къ претворенію ея въ свободное демократическое государство. Ваша профессорская работа была насильно прервана реакціоннымъ правительствомъ, Вы принуждены были покинуть Московскій Университетъ, подверглись высылкѣ, а затѣмъ и изгнанію за предѣлы Россіи.

Прошли года и русское демократическое общественное мнѣніе выдвинуло Васъ на почетный постъ вождя русской демократіи и Вы стали во главѣ парламентской оппозиціи въ борьбѣ за идеалы народной свободы.

И здѣсь, за рубежомъ, въ эмиграціи Вы смѣло и безтрепетно боролись противъ темныхъ силъ большевистской деспотіи и монархической реакціи за свободную демократическую и республиканскую Россію.

Мы, Ваши ближайшіе сотрудники, ученики и, разрѣшите сказать, друзья, можетъ быть лучше, чѣмъ кто бы то ни было , знаемъ, сколько таланта, труда, энергіи и силы воли Вы отдали на служеніе родной странѣ. Да со-

хранитъ Вамъ Провидѣніе силы и здоровье на многіе годы и пусть суждено будетъ Вамъ возвратиться въ свободную Россію и работать на родной землѣ во главѣ русскихъ демократическихъ общественныхъ силъ.

В. Ф. Зеелеръ оглашаетъ привѣтствіе Центральной Группы партіи Народной Свободы:

«Примите привѣтъ отъ насъ, старыхъ Вашихъ друзей по партіи Народной Свободы.

Долгіе, долгіе годы были Вы нашимъ вождемъ въ борьбѣ за лучшее будущее нашей Родины. Долгіе годы со свойственной Вамъ настойчивостью, мужествомъ и самоотверженіемъ отстаивали Вы принципы демократической государственности въ качествѣ блестящаго публициста, вождя политической партіи, народнаго избранника и, наконецъ,—министра Временнаго Правительства. И всѣ наши воспоминанія, уходящія въ далекое прошлое русской общественной жизни, неизмѣнно и безпрерывно связаны съ Вашей кипучей дѣятельностью въ Россіи, въ судьбахъ которой исторія дала Вамъ играть такую исключительную роль.

Мы помнимъ Васъ и Вашу работу на зарѣ русскаго освободительнаго движенія, Вашу активную роль въ дни 1905 года и твердую и ясную позицію, занятую Вами въ переговорахъ съ правительствомъ въ эпоху Первой Государственной Думы. Мы не представляемъ жизни нашихъ фракцій въ Государственной Думѣ безъ Вашего участія и рѣшающаго вліянія, и безпристрастная исторія, конечно, оцѣнитъ колоссальную политическую работу, совершенную Вами въ послѣдней Государственной Думѣ въ усиліяхъ открыть глаза власти на стоявшую передъ ней бездну, въ попыткахъ сохранить за Россіей достойное ея положеніе въ тяжкой міровой борьбѣ. И мы не забыли Вашихъ рѣшительныхъ заявленій, сдѣланныхъ въ качествѣ Министра Иностранныхъ дѣлъ Временнаго Правительства, имѣвшихъ цѣлью обезпечить за Россіей плоды принесенныхъ ею исключительныхъ жертвъ.

Мы знаемъ Васъ, какъ открытаго и безпощаднаго противника враговъ демократіи, враговъ государства, захватившихъ въ Россіи власть.

И мы всегда видѣли и видимъ въ Васъ, Павелъ Николаевичъ, неустаннаго и упорнаго борца за свободную, мощную и демократическую Россію, къ созданію которой такъ страстно и такъ мучительно стремилось не одно русское поколѣніе.

Судьба рѣшила иначе, подвергнувъ Россію и всѣхъ насъ неслыханнымъ испытаніямъ.

Здѣсь, въ годы изгнанія, когда приходилось ощупью искать новые пути въ стремленіи къ той же цѣли, не разъ расходились мы съ Вами въ оцѣнкѣ момента, въ учетѣ условій, въ установленіи тактики.

Но, конечно, эти разногласія, возникшія здѣсь, въ эмиграціи, не могли отразиться на нашемъ къ Вамъ отношеніи. Мы и теперь, какъ ранѣе, высоко цѣнимъ Ваше безкорыстное служеніе Родинѣ, такъ же, какъ и прежде, преклоняемся передъ стойкостью Вашихъ убѣжденій, въ основѣ нами раздѣляемыхъ, по прежнему любуемся Вашимъ мужествомъ и неутомимой энергіей.

Живите же дольше, дорогой Павелъ Николаевичъ.

Да послужитъ Ваша мысль и Ваша воля борьбѣ за освобожденіе Родины.

Мы всѣ такъ сильно и искренно вѣримъ въ наступленіе для нея лучшаго будущаго.

Г. М. Арнольди читаетъ адресъ Республиканско-Демократическаго Объединенія во Франціи:

«Не на одно поколѣніе русскихъ людей, приходившихъ одно другому на смѣну, оказала неизгладимое образующее вліяніе Ваша исключительная личность, такою, какою она явилась на долгомъ и славномъ пути Вашей научной, общественной и политической дѣятельности. Наше поколѣніе послѣднее изъ нихъ по времени. Оно начало жить политической жизнью въ періодъ великой исторической катастрофы, постигшей нашу родину. Эта катастрофа грозила, вмѣстѣ съ крушеніемъ русской государственной мощи и съ разрушеніемъ жизненныхъ силъ русскаго народа — разрывомъ и высокой традиціи русской интеллигенціи. Для тѣхъ, чье патріотическое чувство не мирилось съ этимъ положеніемъ и кто искалъ изъ него выхода, казалось не было выбора между разрушительнымъ и безумнымъ насиліемъ коммунистической власти — съ одной стороны, и реставраціонными попытками осужденнаго исторіей правящаго класса, овладѣвшаго руководствомъ бѣлымъ движеніемъ — съ другой. Но этотъ выходъ былъ. Онъ былъ въ признаніи неизбѣжности и исторической закономѣрности совершившейся революціи и въ новой борьбѣ, ведущейся уже силами самого русскаго народа и вмѣстѣ съ нимъ, за созданіе свободной демократической Россіи. Послѣ окончательнаго пораженія бѣлаго движенія — онъ былъ указанъ Вами. Онъ требовалъ провозглашеніемъ республиканскаго принципа рѣшительнаго разрыва съ прошлымъ и отмежеванія отъ представлявшихъ его въ эмиграціи элементовъ. Борьбѣ съ насиліемъ онъ сообщалъ новую

идейную силу, освобождая ее отъ своекорыстныхъ классовыхъ мотивовъ и дѣлая ее выраженіемъ интересовъ подавляющаго большинства русскаго народа. Требуя отъ эмиграціи преодолѣнія духовнаго отрыва ея отъ русскаго народа, онъ открывалъ всему живому въ ней путь къ политическому будущему и одновременно возстанавливалъ разорванную революціей нить русской интеллигентской традиціи.

Со всѣмъ огромнымъ авторитетомъ своихъ обширныхъ познаній историка и умудреннаго опытомъ политическаго и государственнаго дѣятеля, указаніемъ этого выхода, Вы возстановили перспективу переживаемыхъ историческихъ событій и, вмѣсто безнадежнаго отчаянія передъ непоправимой катастрофой, призвали къ мужественному напряженію силъ для преодолѣнія тяжкаго національнаго кризиса. Для него нужна была патріотическая вѣра Ваша въ неодолимыя живыя силы великаго народа и въ объективную неизбѣжность торжества въ его жизни высокихъ началъ демократіи. Вокругъ этой бодрой вѣры Вашей и объединилась та часть младшаго поколѣнія, отъ имени которой мы сегодня Васъ привѣтствуемъ.

Эта вѣра начинаетъ уже себя оправдывать. Она уже переходитъ въ увѣренность.

Но Вы явились выразителемъ не только этой общей у насъ съ Вами вѣры. Въ повседневной политической борьбѣ, начатой въ эти годы вокругъ Васъ и рядомъ съ Вами за осуществленіе формулированныхъ Вами идеаловъ, Вы явились для насъ и мудрымъ другомъ, вождемъ и учителемъ. Вмѣстѣ съ этими идеалами — какъ наше достояніе и какъ «завѣты» — на служеніе нашей роднѣ мы хотѣли бы принести и все то, что являла и чему учила насъ Ваша личность: Ваше зоркое чувство политической реальности, Ваше безстрашіе передъ истиной, Ваше мужество и стойкость въ борьбѣ за поставленныя цѣли и то чувство долга, отвѣтственности и дисциплины, которымъ Вы были вѣрны всегда, никогда себѣ не измѣняя за весь долгій путь Вашего патріотическаго служенія. И самое горячее наше желаніе, то которое мы особенно хотимъ выразить Вамъ сегодня, — это, чтобы принеся все это на родную землю, — мы вступили на нее вмѣстѣ съ Вами.

Съ привѣтственной рѣчью отъ имени демократическаго казачества выступаетъ *А. П. Марковъ:*

— Дорогой Павелъ Николаевичъ, я хочу передать Вамъ привѣтствіе отъ тѣхъ друзей, которыхъ не мало у васъ среди казачества, къ которому я принадлежу. Вы

помните, Павелъ Николаевичъ, дни и годы Гос. Думы, когда Петербургъ присылалъ къ намъ въ Новочеркасскъ наказныхъ атамановъ, чуждыхъ намъ, но весьма близкихъ самодержавію. Вы знаете, что въ это же время донскія степи посылали въ Петербургъ, въ Гос. Думу депутатовъ, большая часть которыхъ становилась въ тѣ депутатскіе ряды, руководителемъ которыхъ были Вы. Это была не случайность. Казачество привыкло къ самоуправленію и ему чуждо чувство рабства, поэтому въ тяжелые годы революціи, когда большинство Россіи было захвачено большевизмомъ, когда Донъ потерялъ своего перваго выборнаго, любимаго атамана, когда границы территоріи Дона были заняты врагами, — въ это время Войсковой кругъ принимаетъ конституцію. Въ то время, когда многіе разочаровались, искали спасенія въ отказѣ отъ принциповъ свободы, въ это тяжелое время Войсковой кругъ принимаетъ конституцію, проникнутую началами народовластія, стойкимъ борцомъ котораго вы всегда были и остаетесь, и послѣ того, какъ судьбѣ не угодно было помочь намъ одержать побѣду надъ новымъ насильникомъ. Въ эмиграціи, казачество не оставляетъ и не забываетъ тѣ начала, на которыхъ строилась самостоятельная жизнь казачества. Я имѣю возможность часто соприкасаться съ казачьей массой и у меня созрѣло убѣжденіе въ томъ, что начало народовластія глубоко проникло въ казачью массу. Я не встрѣчалъ рядового казака, который бы могъ представить себѣ будущее казачество не свободнымъ, будущее устройство казачества не построеннымъ на началахъ народовластія. Я знаю, правда, что среди верховъ казачества есть какое-то странное недоразумѣніе. Они пріемлютъ начала народовластія для казачества, но мирятся съ царизмомъ для Россіи. Они пріемлютъ президента въ лицѣ выборнаго атамана для казачества и вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ возможнымъ существованіе царской Россіи. Есть такіе, но, я думаю, что это плодъ недоразумѣнія и недостаточной продуманности, ибо не можетъ быть свободнымъ казачество въ несвободной Россіи. Я знаю также, что есть казаки, не понимающіе вашей важной политической роли, но мое глубокое убѣжденіе, что такихъ казаковъ становится все меньше и меньше. Все больше и больше вниманія приковывается къ Вашей политической работѣ и это вниманіе вы завоевали бы сразу, если бы не были такъ скромны; и только вашимъ ближайшимъ работникамъ извѣстна та подлинная роль, о которой Вы не говорите и которую Вы скромно скрываете. Вашимъ ближайшимъ единомышленникамъ

извѣстно, какъ вы систематически боретесь за свободу Россіи и какъ въ этой борьбѣ вы помогаете вашимъ единомышленникамъ демократамъ, казакамъ. Когда казачество объ этомъ узнаетъ, оно васъ оцѣнитъ, вмѣстѣ съ оцѣнкой политической вашей роли всей Россіей. Мы хотимъ, чтобы вы вернулись въ Россію, что бы Россія возблагодарила Васъ болѣе торжественно, чѣмъ благодаримъ мы здѣсь за вашу общественную, научную и политическую дѣятельность. Къ благодарности будущей свободной Россіи казачество присоединитъ и свой голосъ.

В. В. Зензиновъ оглашаетъ адресъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ:

«Парижская организація соціалистовъ-революціонеровъ приноситъ Вамъ искреннія поздравленія въ день Вашего семидесятилѣтія.

Ваши признанныя всѣми въ области исторической науки заслуги и Ваша работа въ области общественно-политической жизни на родинѣ и въ изгнаніи налагаютъ на насъ пріятную обязанность присоединить свой голосъ къ тѣмъ многочисленнымъ привѣтствіямъ, которыя Вами получены.

Тѣмъ болѣе мы считаемъ необходимымъ это сдѣлать, что, несмотря на наше политическое разномысліе, мы глубоко цѣнимъ Вашу неустанную работу въ области укрѣпленія демократической общественности.

Просимъ принять наши искреннія поздравленія и наилучшія пожеланія».

Послѣ В. М. Зензинова, слово для привѣтствій предоставляется предсѣдателямъ ряда *общественныхъ организацій.*

Первымъ выступаетъ отъ имени русско-еврейской общины «Огель-Яковъ» — *Г. Б. Сліозбергъ.*

— Глубокоуважаемый Павелъ Николаевичъ, я обращаюсь къ Вамъ отъ имени группы русскихъ евреевъ въ Парижѣ объединенныхъ въ общину Огель Яковъ и организацій оказанія помощи бѣженцамъ — общей и спеціально интеллигентамъ. Это, конечно, далеко не все еврейство и я, конечно, не могу считать себя уполномоченнымъ говорить отъ русскаго еврейства. Но если не какъ уполномоченный еврейства, я могу, какъ свидѣтель, подтвердить мѣру всеобщаго уваженія, совершенно исключительнаго, которымъ окружено было Ваше имя въ средѣ русскаго еврейства, когда мы жили организо-

ванною національною жизнью, и теперь, когда еврейство, вмѣстѣ съ русскимъ народомъ страдаетъ подъ гнетомъ большевиковъ. Я напомню Вамъ, дорогой П. Н., одинъ весенній вечеръ, одинъ изъ тѣхъ, за которыми послѣдовала лютая зима. Мы думали, что долго будетъ длиться весна, что за нею послѣдуетъ лѣто. Былъ образованъ еврейскій клубъ въ Петербургѣ въ ознаменованіе признанія за нами, евреями, равноправія. Въ этотъ вечеръ принято было нами рѣшеніе увѣковѣчить память о наступленіи свободы устройствомъ дома свободы и мира. Покойный М. Винаверъ и я, мы Васъ встрѣчали въ этотъ вечеръ; залъ былъ переполненъ русским гражданами - евреями; помните ли Вы, Павелъ Николаевичъ, съ какимъ энтузіазмомъ мы Васъ встрѣтили, слушали, провожали. Чувства евреевъ къ Вамъ вызывались не тѣмъ, что Вы защищали права евреевъ, возмущались нашимъ безправіемъ. Надо сказать, къ чести русской интеллигенціи, что было много такихъ, которымъ претило безправіе евреевъ, но Васъ чтили потому, что для Васъ еврейскаго вопроса не было. Мы особенно счастливы были тѣмъ, что Вы не разрѣшали еврейскій вопросъ, а его отрицали, что такъ называемый еврейскій вопросъ былъ для Васъ частью общаго русскаго вопроса о культурѣ. Въ исторіи русской культуры Вы почерпали основаніе къ признанію того, что еврейскій вопросъ или вопросъ объ еврейскомъ безправіи есть вопросъ о бытіи или небытіи культуры вообще въ Россіи. Мы видѣли въ Васъ представителя русской интеллигенціи, одухотворенной вѣрой въ эту культуру и вслѣдствіе этого вѣрили, что наступитъ моментъ, когда свободная Россія не будетъ терпѣть въ своей средѣ существованія угнетенныхъ, преслѣдуемыхъ, погромляемыхъ гражданъ. Это насъ, еврейскихъ дѣятелей, бодрило, и это утѣшеніе Вы намъ давали своей личностью. Русское еврейство Васъ цѣнило и уважало, не входя въ политическія тонкости, оно знало, что Милюковъ — представитель русской культуры, учитель русской культуры и съ русской культурой связываетъ еврейскій вопросъ. Таковы мысли и настроенія евреевъ. Мы, парижскіе евреи, изложили нѣкоторую часть нашихъ чувствъ къ Вамъ въ томъ адресѣ, который позвольте огласить:

«Въ день Вашего семидесятилѣтія, русско-еврейская община «Огель-Яковъ» и родственныя ей организаціи

«Общество помощи евреямъ русскимъ бѣженцамъ» и «Общество помощи евреямъ интеллигентамъ» въ Парижѣ, приносятъ Вамъ свой горячій привѣтъ и искреннія пожеланія еще долгихъ лѣтъ работы, бодрости и энергіи.

Представляя собой часть русскаго еврейства, мы выражаемъ Вамъ свою глубокую признательность за Вашу культурную, просвѣтительную и государственную работу въ нашемъ отечествѣ. Еврейское населеніе Россіи, находясь подъ гнетомъ преслѣдованій, нашло, однако, пути тѣснаго общенія съ русской культурой и русской государственностью. Оно проникнуто было сознаніемъ необходимости для блага Россіи, всѣхъ частей ея населенія и въ ихъ числѣ для русскаго еврейства, государственнаго обновленія на началахъ свободы и равенства. И въ борьбѣ противъ реакціи, которую мужественно вела лучшая часть русской интеллигенціи, еврейство открыто и дружно стояло на ея сторонѣ. Маякомъ для этой интеллигенціи, указующей имъ путь, ея вдохновителемъ, служили въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ Вы, многоуважаемый Павелъ Николаевичъ. Историкъ русской культуры, Вы проявляли всегда беззавѣтную преданность человѣческому прогрессу. Черпая вѣру въ лучшее будущее Россіи въ ея прошломъ, Вы бодрили этой вѣрой тѣхъ, которые нуждались въ большомъ мужествѣ, какъ жертвы тяжкой несправедливости, проявленія дикости, разгула низкихъ инстинктовъ, забвенія всего человѣческаго. Русское еврейство не отчаивалось. Оно было проникнуто вѣрой въ побѣду свѣта надъ тьмой, свободы надъ рабствомъ, права надъ насиліемъ, истины надъ ложью и соціальной справедливости надъ угнетеніемъ. Русское еврейство помнило и всегда будетъ помнить, что Вы мужественно стояли на сторонѣ свѣта и свободы, клеймили невѣжество и будили лучшія гражданскія чувства въ русскомъ народѣ.

Пройдетъ тяжкое время, минетъ година бѣдствій нашей родины, Россія возродится для новой государственной жизни. Принципы, которымъ Вы были вѣрны всю Вашу жизнь, идеалы, которымъ Вы посвящали Вашъ талантъ и Вашу энергію, мы вѣримъ, будутъ лежать въ основѣ строительства новой Россіи и мы, вмѣстѣ съ другими русскими гражданами, «сѣявшіе со слезами, будемъ пожинать съ пѣснопѣніемъ». Да сподобитесь Вы, многоуважаемый Павелъ Николаевичъ, дожить до этого времени и въ новомъ строительствѣ нашей Родины занять мѣ-

сто, подобающее Вамъ, какъ лучшему представителю русской культуры и государственности.

Отъ имени *болгарскихъ эмигрантовъ* изъ Добруджи, объединенныхъ въ Общество «Добруджа», привѣтственное слово произноситъ *Дора Габе*.

— Мои сестры и братья, оставшіеся подъ чужимъ ярмомъ въ Добруджѣ, шлютъ Вамъ добрый привѣтъ и благопожеланія. Этотъ маленькій народъ, который только ждетъ слова, чтобы жить, какъ всѣ люди, видитъ въ Васъ символъ правды и человѣческаго сердца. Пусть голосъ его не пропадетъ въ оркестрѣ торжествующихъ привѣтствующихъ Васъ голосовъ, какъ онъ пропалъ для слуха тѣхъ, которые правятъ судьбой маленькихъ народовъ. Да хранитъ Васъ Богъ, Павелъ Николаевичъ, на долгіе годы и не только для того, чтобы Вы окончили великое дѣло, но и для того, чтобы мы всѣ могли вкусить плоды Вашей дѣятельности.

И. Н. Ефремовъ выступаетъ отъ имени Комитета помощи писателямъ и ученымъ въ Парижѣ:

— Глубокоуважаемый Павелъ Николаевичъ, не могу сегодня не перенестись мыслями къ тѣмъ 10 годамъ, которые мы просидѣли на одной скамьѣ въ Таврическомъ Дворцѣ. Не Ваша громадная эрудиція, работоспособность, не рѣчи, произнесенныя Вами съ думской трибуны научили меня глубоко уважать и любить Васъ, а то чувство, которое я видѣлъ на Вашемъ лицѣ во время рѣчей Вашихъ политическихъ друзей и противниковъ. Ваша улыбка, сочувственное выраженіе, иногда неторопливый раздраженный жестъ всегда свидѣтельствовали о той глубокой серьезности, съ которой Вы относились къ нуждамъ Россіи, горячей любви къ родинѣ. Я считаю особой честью имѣть возможность сегодня привѣтствовать Васъ отъ имени Комитета Помощи Русскимъ Писателямъ и Ученымъ слѣдующимъ адресомъ:

«Комитетъ Помощи Русскимъ Писателямъ и Ученымъ во Франціи ставилъ себѣ всегда цѣлью поддерживать этихъ творцовъ русской культуры, распростершихъ ея вліяніе за границей. Онъ не можетъ не воспользоваться Вашимъ семидесятилѣтнимъ юбилеемъ, чтобы привѣтствовать Ваше участіе въ развитіи русской культуры и въ ознакомленіи съ нею странъ культуры европейской.

Условія русской жизни въ восьмидесятыхъ годахъ

прошлаго столѣтія не дали Вамъ возможность занять на родинѣ ту кафедру, на которую Вы имѣли несомнѣнное право. Россія лишилась Вашего вліянія, какъ наставника университетской молодежи. Но это обстоятельство открыло передъ Вами болѣе широкое поприще учительства, не въ области прошлаго — чистой исторической науки, а въ области болѣе злободневной — искусства и науки политической, непосредственно вліяющихъ на судьбы родины.

Вся читающая Россія: сочувствующіе и несочувствующіе Вамъ, стали Вашими учениками и Вы наложили неизгладимую печать на политическомъ развитіи Россіи за послѣднія 25 лѣтъ, на ея политической и общественной культурѣ. Вы вели и ведете Россію, несмотря на большевистскій зигзагъ, къ установленію правового государственнаго строя.

И раньше того, какъ эта Ваша дѣятельность развернулась во всю ширь, и въ болѣе позднее время, Вы неоднократно носили свѣточь русской культуры къ инымъ народамъ. Ваши курсы въ Болгаріи, въ Соединенныхъ Штатахъ, Ваши лекціи въ Англіи и другихъ европейскихъ странахъ знакомили ихъ съ русской исторіей, съ русскимъ политическимъ мышленіемъ, съ интеллектуальными стремленіями русскаго народа.

Эта Ваша дѣятельность, естественно, усилилась, когда большевистская революція вытѣснила насъ за предѣлы Родины. И въ бѣженствѣ Вы служите русской культурѣ, дѣлу ознакомленія Запада съ ея достиженіями, ея возможностями, ея духомъ. И здѣсь Вы не одни, и здѣсь около Васъ группируются ученики, послѣдователи и почитатели. Вы создаете за рубежомъ школу русскихъ культурныхъ людей, видящихъ спасеніе родины въ правовомъ обоснованіи ея государственнаго строя.

Въ руководимыхъ Вами Русскомъ Академическомъ Союзѣ и въ Союзѣ Русскихъ Журналистовъ Вы оказываете моральную и матеріальную поддержку тѣмъ же приблизительно категоріямъ русскихъ дѣятелей, на службу которымъ созданъ нашъ Комитетъ. Это даетъ намъ особое право горячо привѣтствовать Васъ и пожелать Вамъ здоровья и силъ на долгіе годы на благо Россіи, на процвѣтаніе русской культуры и на пользу ея носителей и распространителей во всемъ цивилизованномъ мірѣ».

Я. Л. Рубинштейнъ читаетъ адресъ Россійской Лиги Защиты Правъ Человѣка и Гражданина:

«Съ праздникомъ русской общественности, какимъ является Вашъ юбилей, Россійская Лига Защиты Правъ Человѣка и Гражданина связана не только тѣмъ, что Вы одинъ изъ ея основателей, соратникъ, съ самаго дня ея возникновенія состоящій ея Вице-Предсѣдателемъ.

Лига чествуетъ въ Васъ человѣка, жизненнымъ своимъ подвигомъ явившаго высокій образъ Гражданина. Она чествуетъ въ Васъ ученаго и политическаго дѣятеля, неустанно боровшагося за созданіе въ Россіи тѣхъ культурныхъ и политическихъ условій, безъ которыхъ немыслимо осуществленіе началъ Гражданскихъ Свободъ и утвержденіе Правъ Человѣка и Гражданина.

Россійская Лига вѣритъ, что среди тяжкихъ испытаній, черезъ которыя проходитъ нынѣ Россія, растетъ и крѣпнетъ воля къ торжеству права и справедливости.

Она вѣритъ, что Вамъ будетъ дано увидѣть на Родинѣ побѣду Народоправія, служенію которому Вы посвятили свою жизнь и свои силы.

Торжество Демократіи въ Россіи будетъ торжествомъ дѣла Вашей жизни.

Съ гордостью и любовью Лига привѣтствуетъ Васъ, дорогой Павелъ Николаевичъ, и желаетъ Вамъ силъ и неувядаемой свѣжести душевной на многіе и долгіе годы».

О. С. Миноръ выступаетъ отъ имени Комитета Парижскаго Политическаго Краснаго Креста.

— Я не призванъ здѣсь говорить о политическихъ Вашихъ заслугахъ, которыя установлены другими, я призванъ говорить о гуманитарной работѣ. Вы знаете, что борьба всегда требуетъ краснокрестовской помощи раненнымъ, и заключеннымъ и ссыльнымъ. Въ этой работѣ П. Н. оказывалъ Красному Кресту постоянную активную помощь. За эту помощь Политическій Красный Крестъ, въ лицѣ его комитета и въ лицѣ всѣхъ ссыльныхъ и заключенныхъ приноситъ ему величайшую благодарность. Для П. Н. не было однихъ раненыхъ и другихъ раненыхъ, для него нѣтъ разборчивости, которая увлекаетъ нѣкоторыхъ дѣятелей и отъ которой П. Н. всегда былъ далекъ. Я прсоединяюсь къ тому привѣтствію, которое мнѣ поручено огласить здѣсь отъ Политическаго Краснаго Креста:

«Комитетъ Парижскаго Политическаго Краснаго Креста считаетъ своимъ долгомъ выразить Вамъ свою радость, что можетъ Васъ поздравить сегодня не только какъ крупнѣйшаго русскаго ученаго и мыслителя, не только какъ глубочайшимъ образомъ преданнаго нашей общей родинѣ политическаго дѣятеля и гражданина, но и какъ Члена Парижскаго Политическаго Краснаго Креста. Глубокоуважаемый Павелъ Николаевичъ, Ваше активное сочувствіе къ Полит. Кр. Кресту, какъ къ организаціи, ставящей себѣ цѣлью оказаніе помощи раненнымъ и пострадавшимъ въ политическихъ бояхъ за свободу и счастье Россіи, уже само по себѣ для насъ фактъ великой цѣнности, но не въ этомъ только дѣло: каждый годъ, вотъ уже въ теченіе почти 10 лѣтъ, Вы зовете всю русскую общественность заграницей на помощь Политическому Красному Кресту, и это Ваше сочувствіе, эта Ваша помощь даютъ бодрость, поддерживаютъ силу П. Кр. Креста въ его трудной работѣ. Примите, дорогой Павелъ Николаевичъ, искреннее поздравленіе отъ Политическаго Краснаго Креста, его Комитета, Бюро и вмѣстѣ съ поздравленіемъ горячее пожеланіе еще долго жить для счастья Родины. Страна, которая даритъ своему народу такихъ людей, какъ Вы, не погибнетъ! Не одно ужъ поколѣніе русскихъ людей воспитано Вашими трудами и пусть же Ваше благородное дѣло воспитанія умственныхъ силъ будущей Россіи продлится на долгіе годы.

Комитетъ радъ присоединить свой скромный голосъ къ поздравленіямъ, которыя несутся къ Вамъ со всѣхъ концовъ міра. Вы нужны Россіи, Вы нужны человѣку и пусть это общее сочувствіе къ Вамъ дастъ Вамъ новыя силы, новую энергію вести неустанную борьбу за свободу человѣка!»

Отъ членовъ Комитета Московскаго Землячества привѣтствуетъ юбиляра *Н. С. Зерновъ.*

— Мнѣ очень пріятно присутствовать на этомъ торжествѣ, потому что я переживаю сегодня всю нашу жизнь. Мы были друзьями-товарищами съ первыхъ классовъ гимназіи. Мнѣ особенно пріятно засвидѣтельствовать, что эта исключительная любовь, которой ты пользовался среди насъ раздѣляется твоими теперешними друзьями. Въ тебѣ тѣ духовныя силы, которыя обнаружились еще

въ гимназіи, только получили большій расцвѣтъ, но никакого уклона не дали. Ты такой же простой, любящій, трудолюбивый и рѣзко отличаешься отъ насъ духовными дарованіями. Но это твой секретъ, ты не смущаешь насъ близостью къ себѣ, мы считаемъ тебя равнымъ, друзьями твоими. Мнѣ чрезвычайно пріятно присутствовать на торжествѣ твоемъ и быть представителемъ московскаго землячества, которое въ лицѣ комитета привѣтствуетъ тебя слѣдующимъ адресомъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, члены Комитета Московскаго Землячества, объединенные исключительно филантропической дѣятельностью этой аполитичной организаціи, горячо привѣтствуемъ Васъ въ день Вашего семидесятилѣтія, какъ нашего коренного Москвича, тѣсно связаннаго съ Москвой въ главныхъ этапахъ своей научной общественной дѣятельности.

Тамъ, въ Москвѣ, въ мѣстѣ своего рожденія, Вы получили среднее и высшее образованіе, тамъ, въ Московскомъ университетѣ, Вы впервые проявили исключительную талантливость въ творческой научной работѣ, доставившей Вамъ высшую ученую степень, тамъ же Вы сразу вступили въ первые ряды славныхъ преподавателей Московскаго Университета и тамъ же быстро завоевали симпатіи учащейся молодежи той любовью и заботливостью о ней, которыя Вы неизмѣнно продолжаете проявлять и здѣсь въ ея трудовыхъ условіяхъ эмигрантскихъ скитаній и лишеній.

Работая въ Московскомъ Землячествѣ и нерѣдко прибѣгая къ Вамъ за содѣйствіемъ, мы имѣли возможность убѣдиться въ Вашей горячей отзывчивости. Мы не только никогда не получали отъ Васъ отказа, но всегда встрѣчали въ Васъ живую готовность придти на помощь и нашимъ Москвичамъ.

Преисполненные чувствомъ благодарности и уваженія, мы выражаемъ Вамъ наши искреннія пожеланія полнаго здоровья и силъ еше на многіе, многіе годы, которыя позволили бы Вамъ продолжать Вашу научную дѣятельность на благо и славу нашей національной культуры и Вашу разностороннюю помощь нашимъ нуждающимся».

Отъ Тургеневскаго артистическаго Общества произноситъ привѣтствіе *В. Н. Сперанскій:*

— Тургеневское Общество съ особой отрадой единодушно присоединяется къ чествованію Павла Николаевича тысячами и тысячами русскихъ людей, присоединяется къ этому свѣтлому празднику русской культуры. Тургеневскому О-ву, которое основано болѣе полувѣка тому назадъ, посчастливилось быть живымъ, современникомъ, свидѣтелемъ международной культурной дѣятельности П. Н. Милюкова. Тургеневское О-во съ нѣкоторой законной гордостью сознаетъ, что П. Н. Милюковъ является достойнѣйшимъ носителемъ традицій ,именно тургеневскихъ традицій. Тургеневъ Милюкову, несомнѣнно, ближе, чѣмъ Толстой и Достоевскій. Съ Тургеневымъ его роднитъ предубѣжденіе противъ всякой правовѣрной и непререкаемой догмы, при уваженіи безусловномъ къ религіозному началу, какъ первостепенной исторической силѣ. Съ Тургеневымъ его роднитъ горячая любовь къ Россіи, при мужественной готовности видѣть и судить ея грѣхи и ея промахи. Какъ общественный психологъ, какъ художникъ слова, П. Н. примыкаетъ несомнѣнно къ той же Тургеневской традиціи и, наконецъ, онъ теперь можетъ сознавать съ неотъемлемой гордостью, что ему посчастливилось, подобно Тургеневу, быть признаннымъ посломъ свободной русской общественности при дворѣ западной культуры. Съ Тургеневской традиціей золотымъ звеномъ связываетъ его мудрое ученое западничество, уваженіе къ оправданнымъ исторіею началамъ западной демократической культуры, при любви къ русскому національному своеобразію и при отсутствіи всякой тѣни националистическаго самообольщенія... Я позволю себѣ занять одну минуту чисто личными воспоминаніями. Лично я считаю жемчужиной въ художественномъ творчествѣ П. Н. его несравненную статью памяти его знаменитаго учителя В. О. Ключевскаго. Я, старый московскій студентъ, имѣлъ счастье лично довольно близко знать Ключевскаго и пользоваться нѣкоторымъ его довѣріемъ. Однажды, при мнѣ Ключевскій съ кипучимъ негодованіемъ, точно кидая изъ своихъ несравненныхъ глазъ колючія искры, говорилъ о недопустимости для учителя кружить голову ученику, о непростительной ошибкѣ одного извѣстнаго профессора, который любимому ученику передъ магистерскимъ экзаменомъ сказалъ: «не волнуйтесь: ваша судьба предрѣшена». Развѣ можно

кружить такъ голову мальчишкѣ, развѣ можно поощрять самовлюбленность?

Я дерзнулъ спросить Ключевскаго: «Неужели вы и Милюкову говорили такъ безпощадно жестоко»? На это онъ мнѣ отвѣчалъ неизгладимыми словами: «Ну, нѣтъ, за Милюкова, и только за него одного, можно быть всегда увѣреннымъ и спокойнымъ». Въ данную минуту я ничего не умѣю сказать болѣе дорогого и значительнаго для нашего любимаго юбиляра, какъ напомнить ему это пророчество такого учителя, которое полностью оправдалось на такомъ ученикѣ.

П. П. Юреневъ выступаетъ съ привѣтствіемъ отъ многочисленныхъ друзей въ Чехословакіи, читая адресъ Пражскаго Общественнаго Комитета:

Въ день Вашего семидесятилѣтія, мы приносимъ Вамъ наше поздравленіе и лучшія пожеланія.

Въ этотъ день въ нашей памяти невольно встаетъ Вашъ долгій жизненный путь, наполненный неустанной работой на благо Родины, работой, прочно вписавшей Ваше имя въ новѣйшую исторію Россіи.

Одинъ изъ крупнѣйшихъ нашихъ историковъ, одинъ изъ наиболѣе упорныхъ и талантливыхъ культурныхъ работниковъ, Вы никогда за наукой не забывали современной жизни и всегда умѣли прочно связать свои научные интересы съ окружающей дѣйствительностью.

Какъ историкъ, Вы дали русской исторической наукѣ рядъ трудовъ, обогатившихъ наше историческое знаніе живымъ матеріаломъ и новымъ методомъ изслѣдованія и, уясняя наше прошлое, Вы, тѣмъ самымъ, помогли русскому обществу связать это прошлое съ настоящимъ. Ваши «Очерки по исторіи русской культуры», въ которыхъ Вы подвели итогъ Вашимъ монографическимъ изысканіямъ въ области русской исторіи, являются образцомъ соединенія глубоко научнаго содержанія съ популярной формой изложенія, и не одно еще поколѣніе русской молодежи будетъ черпать изъ этой классической книги познаніе прошлаго Россіи и тѣхъ задачъ, которыя выдвигаетъ прошлое.

Строгій служитель науки, Вы всегда стремились пріобщить къ научному знанію возможно болѣе широкіе слои народа. Молодымъ ученымъ Вы явились въ Мо-

скв҃ѣ одним҃ъ изъ иниціаторовъ Комиссіи домашняго чтенія, положившей начало славной традиціи русскихъ народныхъ университетовъ.

Ваше служеніе культурѣ было неразрывно связано съ защитой права. Еще на студенческой скамьѣ Вы стойко и рѣшительно готовы были пожертвовать открывавшейся передъ Вами ученой карьерой ради борьбы за право. Судьба на этотъ разъ пощадила Васъ, но въ дальнѣйшемъ она не была такъ милостива къ Вамъ и къ русскому обществу. Ваша блестяще начавшаяся преподавательская дѣятельность въ Московскомъ университетѣ очень скоро, усиліями администраціи, была оборвана, и Вамъ пришлось промѣнять родную Москву на далекую Софію. И позже, когда Вы вернулись въ Россію, Вы не разъ испытывали гоненіе, вплоть до заключенія въ тюрьму. Но это не помѣшало Вамъ остаться стойкимъ борцомъ за право и твердымъ защитникомъ интересовъ русскаго народа.

Въ теченіе ряда лѣтъ, Вы стремились провести въ сознаніе народныхъ массъ идею народоправства, являясь послѣдовательнымъ и стойкимъ защитникомъ превращенія Россіи въ конституціонное и парламентарное государство. Въ конституціонно-демократической партіи, однимъ изъ главныхъ организаторовъ и дѣятелей которой Вы являлись, въ журнальной и газетной работѣ, въ особенности на столбцахъ руководившейся Вами «Рѣчи», съ трибуны Государственной Думы — Вы неустанно боролись все за ту же идею правового и демократическаго государства. И когда разразилась русская революція, Вы естественно оказались въ числѣ членовъ Временнаго Правительства Россіи.

Достаточно, казалось бы, припомнить даже только эти факты, чтобы вывести богатый юбилейный итогъ. Но именно этого сдѣлать нельзя: юбиляра можно привѣтствовать, но учесть его историческую роль невозможно.

Вамъ, Павелъ Николаевичъ, исполнилось семьдесятъ лѣтъ, но не завершилась Ваша историческая роль. Передъ нами ученый, публицистъ, государственный и общественный дѣятель, у котраго не только большія заслуги въ прошломъ, но и важныя обязанности въ настоящемъ и крупныя задачи въ будущемъ. Имени Милюкова не вычеркнешь изъ исторіи русскаго общества

за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, но его не вынешь также изъ сложнаго сплетенія самыхъ живыхъ общественныхъ интересовъ нынѣшняго русскаго политическаго дня. Ни здѣсь, на чужбинѣ, ни тамъ, на родинѣ. Новѣйшіе научные труды Милюкова — явленіе, мимо котораго не пройдетъ ни одинъ политикъ, ни одинъ историкъ. Газетная статья его и нынѣ неизмѣнно возбуждаетъ страстную полемику. Любое политическое выступленіе его берется на учетъ всѣми политческими партіями. Семидесятилѣтіе застаетъ Васъ не въ созерцаніи совершеннаго, а среди творческой научной работы и политической борьбы. И каждый, кто сегодня приходитъ Васъ привѣгствовать, не знаетъ: въ сложной и мучительной обстановкѣ нашихъ дней, раздѣлитъ ли онъ завтра точку зрѣнія юбиляра, согласится ли съ его оцѣнкой того или иного событія. Но каждый увѣренно скажетъ, — соратникъ или противникъ, — что при всѣхъ временныхъ или даже постоянныхъ политическихъ разногласіяхъ съ юбиляромъ, въ одномъ каждый изъ насъ всегда былъ и будетъ солидаренъ съ нимъ: насъ всѣхъ съ Вами объединяетъ и роднитъ, Павелъ Николаевичъ, Ваша глубокая любовь къ свободѣ, Ваше искреннее исканіе истины, Ваша непреклонность въ борьбѣ за торжество права, Вашъ подлинный демократизмъ».

Послѣ заслушанія адресовъ, беретъ слово *И. П. Демидовъ*, посвящая свою рѣчь характеристикѣ П. Н. Милюкова *какъ учителя* (см. стр. 153).

Послѣ рѣчи И. П. Демидова, встрѣчаемый оваціей зала, для отвѣтнаго слова подымается *П. Н. Милюковъ:*

— Дорогіе друзья и всѣ вы, которые проявили свое сочувствіе къ предмету сегодняшняго праздника присутствіемъ въ этомъ залѣ.

Долженъ сказать, что юбилей, устроенный друзьями, засталъ меня немножко врасплохъ. Проф. Бодуенъ де Куртене, старый мой коллега, со свойственнымъ ему остроуміемъ поздравилъ меня съ «непріятнымъ событіемъ въ моей жизни». И на самомъ дѣлѣ. Текла жизненная работа изо дня въ день, сегодня, какъ вчера; завтра, какъ сегодня. Жизнь казалась какой то ровной лентой, которая тянулась куда то въ невѣдомую даль. И вдругъ — холодная ариѳметика пришла и разрѣзала эту ленту на двѣ неравныхъ половины. Съ одной сторо-

ны вся жизнь съ обязательствомъ подводить итогъ, а съ другой стороны — тотъ остатокъ жизни, когда людямъ полагается начинать писать мемуары. Какъ же не «непріятное событіе».

Но вотъ пришелъ я сюда, развернулся этотъ юбилей, принялъ такіе грандіозные размѣры. Я выслушалъ рѣчи, привѣтствія, перечиталъ статьи. И я понялъ, что «непріятное событіе» — превращается не то что «въ пріятное», а въ событіе чрезвычайно знаменательное и важное. Я не могу оцѣнить всего того, что здѣсь было сказано обо мнѣ; скажу, что я просто подавленъ этой лавиной привѣтствій, добрыхъ словъ и оцѣнокъ. Я знаю, что все это сказано искренне — и не смѣю вѣрить всему, что сказано... Но въ этомъ разбираться не мнѣ. Скажу лишь, что, помимо этого горячаго потока любви, который я испыталъ и ощутилъ въ себѣ, есть извѣстное практическое дѣйствіе на меня, уже оказанное въ данную минуту. В. А. Мякотинъ закончилъ свою рѣчь напоминаніемъ объ обязательствахъ въ области служенія моей наукѣ, которыя я не исполнилъ. Онъ указалъ на два незаконченныхъ ученыхъ труда, одинъ — спеціальный, другой популярный, которые остались безъ продолженія. А Вы слышали сейчасъ, что къ этому продолженію я поощренъ благодаря любезному дару болгарскаго народнаго собранія и тому, что мои друзья прибавили къ этому. У меня теперь имѣется возможность вернуть русской читающей публикѣ одинъ изъ моихъ главныхъ трудовъ «Очерки по Исторіи Русской Культуры», которые давно стали библіографической рѣдкостью. У меня возникла надежда закончить этотъ мой трудъ и къ тремъ томамъ, которые будутъ переизданы, прибавить четвертый.

Я чувствую себя особенно обязаннымъ сдѣлать это и потому, что слишкомъ скоро забывается молодыми поколѣніями наше прошлое, — даже и недавнее. На этой почвѣ — забывчивости — происходятъ ошибки перспективы и сознательное нарушеніе этой перспективы для тѣхъ или другихъ политическихъ цѣлей. Я остановилъ «Очерки» общественныхъ движеній вначалѣ 19-го столѣтія — теперь чувствую потребность довести этотъ разсказъ до нашего времени, чтобы возстановить, въ частности, связь развитія русской интеллигенціи съ современностью, какъ эта связь представлялась не только на-

шему поколѣнію, но, я думаю, какъ она должна представляться и послѣ провѣрки данными научнаго изслѣдованія. Я не буду пока говорить о другихъ литературныхъ планахъ, вызванныхъ у меня этимъ юбилеемъ. У меня ихъ много роится въ головѣ. Думаю, что часть ихъ я сумѣю исполнить.

Но, собственно говоря, не въ этой области моей личной работы и вообще не въ области моей личности лежитъ значеніе сегодняшняго дня. Я хорошо сознаю, что то, что здѣсь происходитъ, не есть мой личный праздникъ. Такъ, какъ развернулся этотъ юбилей, онъ сдѣлался праздникомъ русской, прогрессивной, демократической общественности. Правда, изъ рядовъ моихъ старыхъ соратниковъ уже раздался голосъ: «да развѣ можно праздновать въ такую минуту, когда въ Россіи тѣ идеи, которыя мы здѣсь исповѣдуемъ, попираются. Теперь не праздники нужно праздновать, а сострадать страданіямъ родины». Какое странное заблужденіе. Именно въ тотъ моментъ, когда на родинѣ попираются общечеловѣческія идеи, намъ надо показать, что гдѣ-то они еще живы — и что именно *этимъ* идеямъ, а не теперешнему безвременью и смутѣ, принадлежитъ будущее. По моему, сегодняшнимъ днемъ мы эту задачу исполнили. Мы показали, что есть еще русская передовая общественность, что есть у нея свой катехизисъ, есть и свои знамена, которыя мы можемъ противупоставлять лицемѣрной вывѣскѣ теперешнихъ побѣдителей въ часъ борьбы, когда этотъ часъ настанетъ. Я скажу больше: не только мы повторяемъ здѣсь наши старыя идеи, но всей той оцѣнкой прошлаго, которая здѣсь дана, мы реально готовимъ будущее. И вотъ эта связующая нить, которая здѣсь поднята, — возстановленіе связи прошлаго съ будущимъ, нарушенной русской исторической жизнью, есть одна изъ нашихъ первыхъ задачъ. Для исполненія ея, такія напоминанія, какъ сегодняшнія необходимы.

Въ выслушанныхъ мной рѣчахъ и привѣтствіяхъ было поставлено такъ много интересныхъ проблемъ, затронуто такъ много важныхъ вопросовъ, что отвѣчать сегодня на всѣ я не смогу. Но не могу не коснуться главной темы, касающейся меня лично: взаимоотношенія между тѣми двумя сторонами моей дѣятельности, которыя здѣсь были освѣщены двумя главными ораторами. Въ глазахъ противниковъ сопоставленіе моей двой-

ной роли, — историка и политика могло бы дать поводъ къ невыгоднымъ замѣчаніямъ. Политикъ испортилъ дѣло историку; задача заключается въ томъ, чтобы бросить политику и въ чистомъ видѣ вернуться къ ученой работѣ. Конечно, я не приписываю этого смысла словамъ В. А. Но такія обвиненія и пожеланія раздавались въ связи съ оцѣнкой моихъ историческихъ работъ, въ особенности тѣхъ новѣйшихъ, которыя я хочу считать строго историческими, а мои оппоненты, оцѣниваютъ, какъ вторженіе политика въ исторію. Смѣю утверждать, что я лично никогда не раздѣлялъ эти двѣ стороны моей дѣятельности, и если вторженіе произошло, то оно произошло не сегодня и не въ эти дни эмиграціи. В. А. привелъ слова основоположника русской исторіи Шлецера, говорившаго, что «листъ сегодняшней газеты учитъ насъ исторіи не менѣе, чѣмъ отрывокъ древней рукописи». Я твердо запомнилъ другое нравоученіе Шлецера: «Плохъ тотъ историкъ, который не путешествовалъ». Современные лингвисты уже пришли къ заключенію, что изучать законы языка лучше всего на живыхъ языкахъ современности. Точно также и историкъ долженъ придти къ заключенію, что только то станетъ ему понятнымъ въ прошломъ, что онъ научится понимать въ настоящемъ. Связать прошлое съ настоящимъ — такова была задача всей моей исторической дѣятельности; въ ней тѣсно переплетались оба эти элемента. Выясненіе этой связи есть основная идея моихъ «Очерковъ культуры». Такимъ образомъ, если слѣдуетъ осудить меня за историческій подходъ къ современности въ настоящемъ, то надо перенести это обвиненіе и на прошлое; и, наоборотъ, — если въ прошломъ не находятъ это грѣхомъ, то надо дать амнистію моей исторической работѣ въ настоящемъ, составляющей прямое продолженіе прошлой.

Но есть и другая сторона вопроса: если политикъ не портитъ работу историка, то не вліяетъ ли дурно историкъ на политика? Такихъ обвиненій мнѣ, кажется, не предъявлялось. Но я самъ готовъ поставить этотъ вопросъ. Въ смыслѣ обвиненія или самооправданія — судите сами. Несомнѣнно, историкъ во мнѣ вліялъ на политика. Я думаю, этимъ объясняются нѣкоторыя особенности моей политической дѣятельности, которыя сегодня были отмѣчены, — одними, какъ ея достоинство, а другими, какъ достоинства, связанныя съ недостатками.

Историкъ наблюдаетъ связь событій, ходъ эволюціонныхъ процессовъ въ жизни народа. Эта историческая привычка лишаетъ его возможности связать свою политическую дѣятельность съ однимъ только текущимъ моментомъ. Историкъ смотритъ поверхъ текущаго момента; онъ связываетъ текущій моментъ съ прошлымъ и будущимъ. Вотъ этотъ историческій анализъ прошлаго и прозрѣніе будущаго несомнѣнно могутъ придти въ конфликтъ съ текущей политической дѣятельностью. Политикъ этого типа не можетъ отожествить себя, слиться съ даннымъ моментомъ, стать его героемъ. Такіе герои взлетаютъ иногда очень высоко, чтобы затѣмъ низко падать.

Вины въ этомъ отношеніи на мнѣ нѣтъ. Но нѣтъ и заслуги, — если это есть заслуга. Есть другое. Есть попытка поставить на свою точку зрѣнія другихъ; попытка не только предсказывать завтрашній день, — не только быть «политической Кассандрой», какъ когда-то меня назвали, — но изъ этого предвидѣнія сдѣлать практическіе выводы. Это, конечно, есть основная задача политика, который умѣетъ смотрѣть дальше текущаго момента. Но тутъ начинается то, что въ юбилейной литературѣ обо мнѣ уже было названо «трагедіей». Выводы часто шли мимо текущихъ моментовъ, а текущіе моменты — мимо выводовъ. И самое тяжкое обвиненіе, которое можно было противъ меня выдвинуть, заключается въ томъ, что въ этомъ несоотвѣтствіи виноватъ историкъ-политикъ.

Признаюсь, я и тутъ не чувствую себя виновнымъ. Конечно, у меня не было недостатковъ въ поводахъ схватить, какъ говорится, «случай за волосы» и стать сомнительнымъ героемъ сегодняшняго дня. И никто не отрицаетъ моей готовности къ разумному политическому компромиссу. Но русская жизнь такъ сложилась, что не было повода для *разумнаго* компромисса. Если бы я попробовалъ пойти на компромиссъ, — то это была бы уже задача не Милюкова, а Протопопова. Вотъ въ чемъ трагедія. Моя — скажу лучше, *наша* — политика оказалась къ этой дѣйствительности не приложима, а та политика, которая могла быть и была приложена, втянула нашу родину въ пропасть. Надо признать, конечно, что не только съ одной стороны — оффиціальной — были препятствія; были они и съ другой стороны — русской об-

щественности, которая тоже не была подготовлена къ веденію реальной политики. Въ этомъ объясненіе той стороны моей дѣятельности, которую называли то «зигзагами», то даже «измѣнами». Преслѣдуя реальную цѣль, надо было подтягивать къ этой цѣли людей, которые вчера не вели никакой политической дѣятельности. Это не всегда удавалось — и въ этомъ была вторая причина политическихъ неудачъ, составившихъ нашу общую трагедію. Коллективное дѣйствіе всегда труднѣе, чѣмъ индивидуальное. Но быть индивидуальнымъ политикомъ, своего рода диктаторомъ, я не хотѣлъ и не могъ. Мнѣ приходилось идти нога въ ногу съ тѣмъ поколѣніемъ, съ которымъ я работалъ. Это надо тоже принять во вниманіе при сужденіи о политической роли историка.

Укажу еще на одно обстоятельство, гдѣ роль историка въ политикѣ выходила трагической. Предвидѣть и предсказывать приходилось вѣдь большей частью печальныя вещи: разгонъ Думы, опасность міровой войны, катастрофическій исходъ революціи и провалъ бѣлаго движенія. Прогнозы, такимъ образомъ, выходили пессимистическими. Естественно, что пессимистическіе прогнозы вызывали рѣшительное сопротивленіе; люди текущаго момента никакъ не хотѣли съ ними согласиться: противъ предсказателя велась борьба... Такъ повторялось всякій разъ, пока предсказаніе не осуществлялось. На протяженіи послѣднихъ лѣтъ мы видѣли новый примѣръ такого-же трагическаго конфликта историка-политика съ политиками текущей минуты. Не буду же на немъ останавливаться. Не всегда, однако же, предсказаніе историка-эволюціониста оказываются отрицательными и пессимистическими. Какъ разъ обратное происходитъ теперь съ эволюціоннымъ процессомъ въ Россіи. Когда этотъ процессъ только начинался, приходилось предупреждать политиковъ текущей минуты, что подобные процессы совершаются не сразу. Это дѣйствовало, какъ ушатъ холодной воды и вызывало, по обыкновенію, остро враждебную реакцію. Теперь обстоятельства слагаются иначе. Тотъ же эволюціонный процессъ, котораго нельзя было ускорить, — не можетъ быть и задержанъ въ своемъ стихійномъ ходѣ; наступаетъ наконецъ моментъ, когда прогнозъ историка можно уже сдѣлать въ оптимистическомъ тонѣ. Историкъ-политикъ, который удерживалъ, предостерегалъ, напоминалъ, что историче-

скія событія не происходятъ, какъ сказывается сказка, — находитъ, что теперь эволюціонный процессъ, который насъ задерживалъ, явно, на глазахъ у всѣхъ, подходитъ къ концу.

Позвольте мнѣ на этомъ остановиться. Здѣсь были высказаны пожеланія, чтобы всѣ мы увидѣли этотъ конецъ и самолично приняли въ немъ участіе. Конечно, нельзя сказать, кто изъ насъ доживетъ до той поры и придется-ли праздновать будущіе юбилеи въ Россіи. Но меня радуетъ и утѣшаетъ, что эти годы пребыванія въ эмиграціи прошли не напрасно: сегодняшній день какъ разъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ. Тутъ совершается процессъ объединенія тѣхъ демократическихъ элементовъ, которымъ однимъ суждено перенести свою работу въ будущую Россію. Вы видѣли тотъ размахъ, который получило это чествованіе: тотъ рядъ старыхъ политическихъ партій, новыхъ политическихъ теченій, національныхъ откликовъ, безпартійныхъ объединеній, которые пришли сюда сказать свое слово. Все это показываетъ, что дѣйствительно начинаетъ слагаться тотъ общій фронтъ, о которомъ я тщетно хлопоталъ въ дни первой революціи 1905 года. Въ промежуткѣ люди научились, они теперь гораздо болѣе готовы къ политическому дѣйствію, которое заставало ихъ прежде неподготовленными. Мы знаемъ теперь результаты тѣхъ или другихъ политическихъ опытовъ. Одна сторона поставитъ болѣе близкія къ жизни задачи, а другая къ этимъ близкимъ задачамъ уже подтянулась. Такъ процессъ «разъединенія», за который меня упрекали какъ «разъединителя», завершается объединеніемъ однородныхъ элементовъ и этотъ процессъ тоже подходитъ къ концу. Если тамъ, за роднымъ рубежомъ, настанетъ теперь моментъ дѣйствія, то здѣсь мы являемся къ этому дѣйствію гораздо болѣе готовыми, чѣмъ прежде.

Таковъ результатъ нашего сегодняшняго праздника, въ которомъ я вовсе не думаю выдѣлять свою личную роль. Нельзя вѣшать историческаго процесса на гвоздь отдѣльной личности, ибо личности тлѣнны. Сегодняшній день укрѣпляетъ меня въ сознаніи, что теперь уже не важна жизнь и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ. Выходитъ на общественную арену новое поколѣніе, достаточно подготовленное, достаточно связавшее себя съ прошлымъ русской интеллигенціи и демократіи, усвоив-

шее ту идею свободы, которая должна быть перенесена въ политическія программы будущей Россіи.

Реальную картину будущихъ событій, конечно, нарисовать невозможно; но ея общее направленіе все болѣе выясняется: это — то направленіе, которое ярко выразилось въ полученныхъ мною сегодня привѣтствіяхъ. За эти привѣтствія я глубоко благодаренъ, низко кланяюсь тѣмъ, кто далъ оцѣнку моей прошлой дѣятельности; и особенно долженъ выдѣлить многочисленныя проявленія дружбы и любви со стороны цѣлаго народа болгарскаго, съ которымъ связали меня его несчастія и моя борьба за его національныя права.

На этомъ позвольте кончить.

Отвѣтнымъ словомъ П. Н. Милюкова заканчивается торжественное засѣданіе 3 марта. Залъ въ шумномъ порывѣ встаетъ съ мѣстъ и несмолкаемой оваціей чествуетъ его и А. С. Милюкову.

Чествованіе П. Н. Милюкова въ Парижѣ

2. БАНКЕТЪ ВЪ ЗАЛАХЪ ЛЮТЕЦІИ 4-го МАРТА

Большой верхній залъ въ Лютеціи имѣлъ 4 марта необычно праздничный, торжественный видъ: друзья, единомышленники и почитатели — русскіе и иностранцы — чествовали банкетомъ П. Н. Милюкова по случаю 70-й годовщины его жизни.

За громадными столами — около 400 гостей. Всѣ не могутъ размѣститься въ громадномъ залѣ — ставятъ добавочные столики. На эстрадѣ, украшенной пальмами — оркестръ. Среди русскихъ участниковъ — представители всѣхъ академическихъ, просвѣтительныхъ, политическихъ, общественныхъ организацій, чествовавшихъ П. Н. Милюкова наканунѣ, въ дневномъ торжественномъ собраніи, въ залѣ Океанографическаго института. Среди иностранныхъ гостей — проф. Пиру оффиціально представляетъ Поля Думерга, предсѣдателя французскаго сената, отсутствующаго изъ Парижа; Болгарія, Югославія, Чехословакія, Эстонія и Литва оффиціально представлены своими посланниками въ Парижѣ — г. г. Морфовымъ, Сполайковичемъ, Осусскимъ, Пустой и Климасомъ; академическія и общественно-политическія учрежденія Франціи представляютъ: сенаторъ и бывшій министръ въ кабинетѣ Эрріо — Жюстенъ Годаръ, бывшіе министры Эмиль Борель, профессора Гастонъ Жэзъ, Оннора, Мейе, Буайе, Эйзенманъ, Жозефъ Бартелеми, Фурноль, Роберъ Леви, Легра, Нибуайе, Флейнеръ, Коллине, президентъ болгарской академіи наукъ Любомиръ Милетичъ, предсѣдатель французской лиги защиты правъ человѣка и гражданина Викторъ Башъ, представитель Франціи при Гаагскомъ международномъ трибуналѣ проф. Бадеванъ, представитель международной федераціи журналистовъ Стефанъ Вало, предсѣдатель федераціи французскихъ журналистовъ Бурдонъ, болгарская писательница Дора Габэ, ге-

неральный консулъ Замушъ, генеральный секретарь международной студенческой федераціи Бачевъ, предс. синдиката иностранной печати въ Парижѣ Е. В. Дмитріевъ, Эженъ Пети, Андрэ Пьерръ, Глоцъ, Жюльенъ, Т. Бельчевъ, Ж. Ивановъ и мн. др.

Долго несмолкаемыми апплодисментами собравшіеся встрѣчаютъ А. С. и П. Н. Милюковыхъ. Распорядители подносятъ А. С. Милюковой цвѣты.

Банкетъ начался въ 9 часовъ вечера. Въ 10 ч. 30 м. предсѣдатель банкета С. А. Смирновъ поднимаетъ первый бокалъ въ честь юбиляра и произноситъ краткую привѣтственную рѣчь.

Слово предоставляется иностраннымъ гостямъ. Французская рѣчь смѣняется русской. Рѣчи и привѣтствія длятся далеко за полночь. Отвѣтнымъ словомъ П. Н. Милюкова банкетъ закончился въ два часа ночи.

Первымъ изъ иностранныхъ гостей привѣтствуетъ юбиляра болгарскій посланникъ Морфовъ.

Онъ вспоминаетъ о дѣятельности П. Н. Милюкова 30 лѣтъ тому назадъ, въ Болгаріи, перечисляетъ его научныя заслуги, горячо благодаритъ «отъ имени всего болгарскаго народа» за все то, что «П. Н. Милюковъ сдѣлалъ для Болгаріи».

— Болгарскій народъ не забудетъ Вашего добраго сердца. Отъ его лица желаю Вамъ долгихъ лѣтъ, силъ, здоровья и счастливаго возвращенія въ великую, свободную Россію!

Югославскій посланникъ Сполайковичъ произноситъ большую, горячую рѣчь о славянской проблемѣ, привѣтствуя въ лицѣ П. Н. Милюкова «продолжателя славянской традиціи».

— Россія принесла себя въ жертву славянскимъ народамъ. Славянскія государства построились на костяхъ 2 милліоновъ русскихъ солдатъ.

Онъ вспоминаетъ день, когда «его учитель и другъ» П. Н. Милюковъ, ставъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Временнаго Правительства и получивъ, наконецъ, возможность приступить къ осуществленію той славянской политики, которую провозглашалъ въ своихъ научныхъ трудахъ, подошелъ къ нему на пріемѣ дипломатическаго корпуса и сказалъ: «Я привѣтствую Васъ, не какъ дипломата, а какъ брата славянина», и трижды облобызалъ.

— Этой минуты я никогда не забуду...

Славянство занимаетъ такое мѣсто на континентѣ, что безъ него не возможно рѣшеніе проблемы европейскаго мира. Славянская же проблема есть прежде всего проблема русская». Она рѣшится, вѣритъ Сполайковичъ, въ направленіи, которому всегда

была вѣрна Россія. Онъ поднимаетъ бокалъ «за великую Россію» и въ лицѣ П. Н. Милюкова, «за одного изъ великихъ ея представителей».

Чехословацкій посланникъ Осусскій говоритъ о «благородствѣ ума и сердца, о благородствѣ жизни Павла Николаевича Милюкова». Въ теплой, прекрасно произнесенной рѣчи Осусскій вспоминаетъ о томъ, какъ «эмигрантомъ словакомъ въ Чикаго онъ лично, впервые, по Милюкову узналъ подлинную, настоящую Россію». Этотъ возрожденный, освобожденный отъ «мифологическаго тумана» прошлаго, образъ Россіи неразрывно связанъ теперь въ сознаніи чешскаго и словацкаго народовъ съ личностью П. Н. Милюкова.

Отъ имени обоихъ народовъ онъ приноситъ привѣтствіе и поздравленіе юбиляру и, кончая рѣчь, поднимаетъ бокалъ — «за вѣрную спутницу жизни П. Н. Милюкова, его благородную подругу и помощницу».

Вспоминая о первой встрѣчѣ съ П. Н. Милюковымъ въ 1913 году на Балканахъ, сенаторъ Жюстенъ Годаръ даетъ яркую характеристику «настойчивости, безпристрастія и рѣдкой проницательности», съ которой тогда П. Н. Милюковъ помогалъ разбираться въ сложныхъ балканскихъ вопросахъ членамъ слѣдственной комиссіи Карнеги, въ которой онъ представлялъ Россію. Напомнивъ о заслугахъ П. Н. Милюкова, — историка и политика — передъ Россіей и Европой, Годаръ заключаетъ свою рѣчь словами:

— Съ благодарностью мы вспоминаемъ о Вашемъ прошломъ и съ надеждой взираемъ на Ваше будущее. Со вниманіемъ и съ нетерпѣніемъ международная демократія ждетъ Вашихъ успѣховъ.

Академикъ Жозефъ Бартелеми, профессоръ парижскаго университета и бывшій представитель Франціи въ Лигѣ Націй, въ живой, остроумной рѣчи выражаетъ свое «восхищеніе передъ Россіей и ея вѣрнымъ сыномъ». П. Н. Милюковъ служилъ своей родинѣ не только перомъ, но и дѣломъ. Демократія — скала, которая одна насъ спасаетъ въ минуты кризисовъ и опасностей.

— Вы — скала демократіи въ Россіи, — продолжаетъ онъ. — Въ изгнаніи Вы одинъ даете надежду отчаявшимся. Россія могла стать трупомъ, ядъ котораго отравитъ Европу. Но вы воскресили надежду не только среди своихъ соотечественниковъ, Вы воскресили ее и въ насъ. За великую и свободную Россію.

Н. Д. Авксентьевъ привѣтствуетъ «вождя русской интеллигенціи».

— Это шире, чѣмъ политикъ и историкъ. Интеллигенція — это мозгъ и память народа. Вся жизнь Ваша соткана изъ творческаго порыва, — юность, обрамленная серебряными волосами.

П. Н. Милюковъ является «конденсаторомъ нашего переживанія національныхъ чувствъ въ изгнаніи».

— Желаю Россіи, чтобы скорѣе соединилась она съ тѣмъ, кто представляетъ умъ и память русскаго народа!

Директоръ института восточныхъ языковъ, Поль Буайе, привѣтствуетъ въ лицѣ юбиляра — «символъ вѣрности, славы и чести Россіи».

— Слушая, видя, читая Васъ, слыша о Васъ, я никогда не думалъ, что Ваше метрическое свидѣтельство имѣетъ такую почтенную давность, — говоритъ проф. парижскаго университета и предсѣдатель франко-русскаго института Гастонъ Жэзъ. — Вы старѣете, но вѣчно молоды. Чего Вы не знаете? Вы говорите на всѣхъ языкахъ. Въ какой области нѣтъ Вашихъ заслугъ передъ родиной и наукой? Въ изгнаніи Вы не сложили оружія, которымъ всю жизнь боролись за истину: Вы и здѣсь готовите русскую молодежь, новый запасъ творческихъ силъ для Россіи!..

Отъ имени франко-русскаго института ораторъ благодаритъ П. Н. Милюкова «за все, что онъ далъ профессорамъ и студентамъ».

Профессоръ Сорбонны, извѣстный славистъ Эйзенманъ благодаритъ П. Н. Милюкова за его научную и просвѣтительную дѣятельность во Франціи и поднимаетъ тостъ «за скорѣйшее возвращеніе въ Россію на ниву творчества и созиданія».

П. П. Юреневъ произноситъ рѣчь отъ имени «центральныхъ кадетъ», характеризуя П. Н. Милюкова, какъ «вождя либеральнаго движенія и конституціонно-демократической партіи».

— Когда настанетъ часъ, и спросятъ, вокругъ кого же намъ собраться, мы всѣ отвѣтимъ, какъ прежде — вокругъ Милюкова!

Проф. Байе сожалѣетъ, что юбилей П. Н. Милюкова празднуется не въ Россіи. Но юбиляръ признанъ всюду, какъ ученый и государственный дѣятель, и потому «среди насъ онъ — у себя».

— Его присутствіе здѣсь — честь для Франціи.

Отъ имени международной федераціи, объединяющей свыше 25.000 членовъ, привѣтствуетъ П. Н. Милюкова Стефанъ Вало, а Ж. Бурдонъ приноситъ привѣтъ отъ федераціи французскихъ журналистовъ.

Оба они поднимаютъ бокалъ въ честь «великаго борца за свободное слово, задушенное въ Россіи».

Списокъ ораторовъ заканчивается В. А. Мякотинымъ, привѣтствующимъ юбиляра отъ имени партіи народныхъ соціалистовъ и В. Ф. Зеелеромъ, привѣтствующимъ П. Н. Милюкова отъ имени Союза русскихъ писателей и журналистовъ въ Парижѣ.

Банкетъ заканчивается отвѣтнымъ словомъ юбиляра. Первая часть его рѣчи была произнесена по французски. Послѣднія слова ея были покрыты бурными рукоплесканіями, перешедшими въ овацію.

РѢЧЬ П. Н. МИЛЮКОВА

— Господинъ предсѣдатель, ваши превосходительства, м.м. г.г. и м. м. государыни, дорогіе друзья и коллеги.

Такъ какъ наше сегодняшнее собраніе приняло интернаціональный характеръ, то разрѣшите мнѣ начать свой отвѣтъ по-французски. Прежде всего я очень польщенъ тѣмъ, что страна, оказывающая намъ гостепріимство, представлена здѣсь шефомъ кабинета президента сената. Прошу васъ, г. Пиру, передать мою самую горячую признательность г. Думергу, котораго мнѣ лестно считать среди моихъ старыхъ друзей.

Присутствіе здѣсь оффиціальныхъ представителей трехъ славянскихъ странъ меня безконечно трогаетъ, а лестныя слова, произнесенныя ими по моему адресу, приводятъ меня въ волненіе. Съ моей стороны это не было политикой — и я не думалъ что «служу» какому-нибудь «дѣлу», когда мнѣ приходилось говорить правду по ихъ поводу и когда я становился на защиту ихъ правъ. Правда, что говорить правду и защищать право — есть самая лучшая изъ политикъ: смѣю сказать, что я всегда ея держался. Но когда Вы видите, что вся нація въ цѣломъ воздаетъ Вамъ сторицей за скромную услугу, которую Вы оказали ей въ рѣшающій для ея судьбы моментъ, — это возвышаетъ вашу мысль и вознаграждаетъ ваше чувство. Я, дѣйствительно, имѣлъ это рѣдкое счастье — быть предметомъ любви цѣлой націи, и я горжусь тѣмъ, что сегодня слышалъ подтвержденіе этого изъ устъ оффиціальныхъ представителей тѣхъ двухъ націй, о которыхъ идетъ рѣчь.

Я особенно признателенъ представителю третьей славянской національности и старому моему коллегѣ за то, что своимъ присутствіемъ и своей краснорѣчивой рѣчью онъ подчеркнулъ моральное единство славянства, каковы бы ни были его разногласія, — будемъ надѣяться временни. Г. Сполайковичъ счелъ также нужнымъ остановиться на своемъ пониманіи славянскаго вопроса. Я

не могу здѣсь входить въ подробное обсужденіе этой чрезвычайно важной проблемы: ограничусь замѣчаніемъ, что подробный разборъ ея составлялъ предметъ моихъ двухъ статей въ « Slavonie Review ». Я слѣдовалъ въ нихъ по стопамъ глубокаго славянскаго мыслителя, президента Массарика и его двухъ помощниковъ г. Бенеша и присутствующаго здѣсь г. Осускаго. Славянская проблема послѣ войны и послѣ полнаго освобожденія славянскихъ народовъ должна быть, несомнѣнно, поставлена на новую базу, причемъ надо считаться со вновь сложившимся, совершенно новымъ международнымъ положеніемъ.

Мои коллеги по высшему преподаванію почтили меня активнымъ участіемъ въ нашемъ праздникѣ. Многимъ изъ нихъ мы, русскіе, особенно обязаны: я не могу не назвать здѣсь, прежде всего, имени проф. Жеза, оказавшаго намъ незабываемую услугу своимъ возглавленіемъ нашего преподаванія во Франко-Русскомъ Институтѣ. Цѣлое поколѣніе русской молодежи, такимъ образомъ получило здѣсь, въ изгнаніи, возможность закончить свое ознакомленіе съ соціальными политическими науками. Мы также особенно благодарны проф. Ейзенманъ, поощрившему многихъ моихъ коллегъ и меня лично принять живое участіе въ чрезвычайно поучительномъ журналѣ его « Le Monde Slave ».

Среди коллегъ по университетскому преподаванію я долженъ особенно выдѣлить группу французскихъ профессоровъ, занимающихся спеціально изученіемъ славянства. Въ этой средѣ компетентныхъ посредниковъ между нашими двумя цивилизаціями я насчитываю старѣйшихъ своихъ друзей во Франціи. Г. Бойэ только что напомнилъ о началѣ нашей дружбѣ, имѣющей сорокалѣтнюю давность. Здѣсь на-лицо два другіе участника этой дружбы, Жюль Легра, Мейе; назову еще Фурноля и покойнаго Эрнеста Дени. Мы всѣ тогда были молоды, а воспоминанія молодости не забываются... Встрѣчая теперь многочисленныхъ учениковъ этихъ піонеровъ и иниціаторовъ, мы убѣждаемся, что ихъ усилія увѣнчались большимъ успѣхомъ и что франко-русская дружба, предполагающая серьезныя знанія другъ о другѣ, находится на добромъ пути къ дальнѣйшему укрѣпленію.

Въ качествѣ русскаго журналиста и публициста я радъ случаю принести мою сердечную благодарность то-

варищамъ по профессіи, представителямъ печати французской и международной. Съ г. Бурдономъ мы старые знакомцы. Я, русскій, многому научился изъ его прекрасной французской книги о Россіи 1905 года. Съ тѣхъ поръ, увы, «Свободный Народъ» (названіе моей первой газеты 1905 года) превратился въ «народъ закрѣпощенный», а наша «Рѣчь» была приведена къ молчанію. Но нѣтъ. Не удалось заставить замолчать независимое русское слово, и благодаря французскому убѣжищу, наша свободная рѣчь вновь раздается на берегахъ Сены, и къ ней прислушиваются не только во всѣхъ странахъ русскаго разсѣянія, но и въ самомъ логовищѣ нашихъ враговъ.

Не имѣя возможности остановиться въ этотъ поздній часъ на поднятыхъ здѣсь вопросахъ, я лишь вкратцѣ коснусь одного, который имѣетъ ближайшее отношеніе къ моему положенію среди не-русскихъ друзей. Меня часто называютъ, назвали и здѣсь европейцемъ, и я считаю, что заслужилъ это названіе. Но я хотѣлъ бы внести одинъ оттѣнокъ въ это опредѣленіе. Я, дѣйствительно, европеецъ среди русскихъ; но я хочу остаться русскимъ — и быть признанъ за таковаго — среди европейцевъ. Тутъ, впрочемъ, нѣтъ противорѣчія, такъ какъ, вопреки нѣкоторымъ новѣйшимъ «евразійскимъ» теоріямъ, нельзя вычеркнуть русскаго народа изъ европейской семьи. « Pro patria per orbis concordium » — таковъ лозунгъ здороваго интернаціонализма, выбранный покойнымъ нашимъ другомъ, Дестурнелемъ де Констанъ для французской группы междупарламентскаго союза арбитража. Я принимаю этотъ лозунгъ и слѣдую ему. Эта формула отличаетъ интернаціонализмъ здоровый отъ нездороваго и ложнаго.

Позвольте мнѣ теперь обратиться по-русски къ друзьямъ, говорившимъ сегодня. Я думаю, что къ тому, что было сказано вчера, уже нечего прибавить. Но сегодня опредѣленнѣе прозвучали нѣкоторыя прежнія ноты — и затронуты нѣкоторыя новыя. Мы слышали заявленія представителей двухъ политическихъ теченій, стоящихъ лѣвѣе моего собственнаго, и одного теченія, стоящаго нѣсколько вправо, но на этотъ разъ не выдвигавшаго нашихъ внутреннихъ разногласій. Общій политическій фронтъ русской демократіи, нѣсколько терявшійся вчера въ массѣ неполитическихъ выступленій,

очертился такимъ образомъ рѣзче и опредѣленнѣе. Характеръ надпартійной общей намъ позиціи отмѣченъ въ горячей рѣчи Н. Д. Авксентьева, привѣтствовавшаго меня, какъ «вождя русской интеллигенціи». Я довольствовался бы ролью посредника и передатчика традиціи русской интеллигенціи новому поколѣнію, изъ рядовъ котораго слышались необоснованные протесты противъ интеллигентской традиціи вообще. Поднять эту нить, готовую разорваться, — достаточно почетная задача. А что эта роль не исключаетъ практической политической обязанности, пояснила намъ какъ разъ интересная рѣчь П. П. Юренева, разсказавшаго вамъ эпизоды моей дѣятельности внутри партіи. Мнѣ тутъ тоже приписывалась роль вождя; но рѣчь Юренева показала, какъ слѣдуетъ понимать эту отвѣтственную роль. На русской крестьянской сходкѣ тоже спорятъ долго и сложно, и кажется, что изъ разноголосицы не вытекаетъ никакого общаго вывода. А, въ сущности, въ итогѣ спора уже сложилось общее рѣшеніе; нуженъ лишь человѣкъ, который способенъ эти рѣшенія формулировать такъ, чтобы всѣ признали его своимъ. Такова, по описанію П. П., была роль Милюкова въ партіи: роль не столько «вождя», сколько выразителя общей мысли и исполнителя общей воли.

Я счастливъ отмѣтить, что въ эти два дня мои друзья, единомышленники и сочувствующіе совершили коллективную работу, еще болѣе согласную и направленную къ одной цѣли. На нашихъ глазахъ состоялся Зарубежный Съѣздъ, гораздо болѣе удачный, чѣмъ тотъ съѣздъ 1916 года, который извѣстенъ подъ этимъ именемъ. Это — Зарубежный Съѣздъ, скликъ, перекличка русскихъ демократическихъ силъ, во всѣхъ ихъ оттѣнкахъ, со всего пространства русскаго эмигрантскаго разсѣянія, сопровождаемый дружественнымъ откликомъ сочувствующихъ намъ элементовъ, пріютившихъ насъ странъ. Огромное значеніе такого событія очевидно, и оно увеличивается тѣмъ, что никто не созывалъ этого съѣзда и не предвидѣлъ, во что онъ выльется. Онъ вышелъ какъ-то самъ собой, — и въ этой спонтанности лучшее доказательство жизненности и творческой силы идей, которыя лежатъ въ его основаніи. Съ этимъ нашимъ знаменемъ демократической Россіи, такъ широко здѣсь развернутымъ, мы пойдемъ на родину, и, вѣрю, скоро тамъ будемъ.

Чествованіе П. Н. Милюкова въ Прагѣ

6 марта состоялся банкетъ, организованный пражскимъ «комитетомъ по чествованію П. Н. Милюкова въ день его семидесятилѣтія».

Обширный нарядный залъ имени д-ра Сладковскаго въ зданіи Обецнаго дома къ 7 ч. 30 м. заполненъ русскими и чехами.

Юбилейный комитетъ состоялъ изъ лицъ разныхъ политическихъ теченій и группировокъ демократическаго толка, а также руководителей профессіональныхъ объединеній. Въ составѣ этого комитета, въ числѣ прочихъ, числились одновременно А. С. Ломшаковъ, И. М. Брушвитъ, ген. М. А. Иностранцевъ, Е. Е. Лазаревъ, В. А. Мякотинъ, Е. Ф. Шмурло, В. Г. Архангельскій, В. И. Немировичъ-Данченко, Е. Д. Кускова, А. А. Аргуновъ, — достаточно и этихъ именъ для свидѣтельства «широкаго фронта» пражскаго юбилейнаго начинанія.

За главнымъ столомъ предсѣдатель банкета проф. М. М. Новиковъ, министръ К. Крофта, представитель болгарскаго посольства X. Борика, представитель городского самоуправленія г. Праги д-ръ Политцеръ, В. И. Немировичъ-Данченко, виднѣйшіе сотрудники министерства иностранныхъ дѣлъ, П. Макса и З. Завазель, гр. С. В. Панина, А. В. Жекулина, представитель французскаго Института г. Фишель, В. А. Мякотинъ, В. А. Харламовъ, Н. И. Астровъ, С. Н. Прокоповичъ.

Открывая банкетныя рѣчи и привѣтствія, *М. М. Новиковъ* оглашаетъ составленный юбилейнымъ комитетомъ, покрытый многочисленными подписями и отосланный П. Н. Милюкову поздравительный адресъ пражской колоніи.

Далѣе *г. Макса* зачитываетъ привѣтствія чеховъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ *Эдуардъ Бенешъ* пишетъ: «Милостивые государи. Сегодня вы отмѣчаете семидесятилѣтіе П. Н. Милюкова. Чрезвычайно сожалѣю, что не могу раздѣлить съ Вами это ваше

собраніе, которое заставляетъ насъ вспомнить, что Павелъ Николаевичъ знаменуетъ многое не только для русской науки и русской политики, но также и для насъ.

Милюковъ, какъ профессоръ, своей прекрасной книгой о русскомъ просвѣщеніи объяснилъ намъ многія проблемы русской культуры: онъ свои историческія познанія умѣлъ приложить и къ своей политической работѣ. Онъ сумѣлъ въ конституціонно-демократической партіи сорганизовать прогрессивную русскую интеллигенцію, которая живо воспринимала современные идеалы міровой солидарности. Историческая задача выпала на него, какъ перваго министра иностранныхъ дѣлъ послѣ революціи, въ томъ дѣлѣ, которое опредѣлило нашу судьбу на многія столѣтія. Онъ всегда имѣлъ къ намъ живую симпатію, симпатію, основанную какъ на непосредственномъ чувствѣ, такъ и на политическомъ расчетѣ. Мы ему сердечно благодарны за все, что онъ сдѣлалъ, за всю его помощь и отъ всего сердца ему желаемъ многихъ лѣтъ спокойной работы въ добромъ здоровьи.

Желаемъ ему быстро вернуться въ свое отечество, которое было бы устроено такъ, какъ онъ всегда того желалъ.

Вашъ преданный д-ръ Эдуардъ Бенешъ».

Приматоръ Праги д-ръ *Бакса* проситъ огласить его сожалѣніе по поводу вынужденнаго отсутствія на банкетѣ въ честь П. Н. Милюкова.

Начальникъ штаба чехословацкой арміи ген. *Сыровой*, занятый неотложнымъ дѣломъ, лишающимъ его возможности присутствовать на чествованіи, — шлетъ свое привѣтствіе. Генералъ *Чечекъ* выражаетъ лучшія пожеланія маститому юбиляру. Профессоръ *Поливка* пишетъ: «Весьма радъ былъ бы быть участникомъ чествованія высоко почитаемаго вашего ученаго и политическаго вождя — профессора Милюкова; къ сожалѣнію, сегодня для меня такой день, который я могу провести лишь въ семейномъ кругу».

Изъ за затянувшейся болѣзни не смогъ посѣтить чествованіе П. Н. Милюкова *В. Клофачъ*.

Въ 9 часовъ вечера М. М. Новиковъ поднимаетъ бокалъ за здоровье юбиляра.

Присутствующіе встаютъ и долгими апплодисментами отвѣчаютъ на тостъ предсѣдателя.

***

Начинаются рѣчи.

Первымъ говоритъ д-ръ *Политцеръ* отъ имени «славянской Праги и ея городского самоуправленія».

Горячую рѣчь на русскомъ языкѣ произноситъ представитель болгарскаго посольства г. *Х. Борина*. «Болгары — говоритъ ораторъ — не только уважаютъ и почитаютъ П. Н. Милюкова, не только благодарны ему за все, сдѣланное Болгаріи, они его любятъ. Милюковъ извѣстенъ въ Болгаріи не только въ кругахъ интеллигенціи, но и въ простомъ народѣ».

Говоря о научныхъ заслугахъ юбиляра, о его неизмѣнномъ демократизмѣ, о его громадной роли въ дѣлѣ истиннаго славянскаго сближенія, ораторъ съ жаромъ восклицаетъ: «Милюковъ для насъ, болгаръ, олицетвореніе справедливости и совѣсти. Никогда не забудемъ его безстрашной защиты интересовъ и законныхъ чаяній болгарскаго народа. Вся горячность нашего сердца съ нимъ».

Поднимается только что пріѣхавшій изъ Парижа, прямо съ вокзала прибывшій на банкетъ, *В. А. Мякотинъ*. Онъ произноситъ блестящую рѣчь о «Милюковѣ-историкѣ». Отказываясь въ короткой застольной рѣчи исчерпать громадную тему о значеніи юбиляра въ русской исторической наукѣ, ораторъ останавливается на основныхъ свойствахъ П. Н. Милюкова, какъ историческаго изслѣдователя.

Съ большимъ подъемомъ и красиво сказанное слово В. А. Мякотина встрѣчаетъ шумное сочувствіе собравшихся. Далѣе о политической дѣятельности юбиляра говоритъ предсѣдатель пражской р.-д. группы партіи Народной Свободы *В. А. Харламовъ*.

Передъ участниками банкета проходятъ картины засѣданій государственной думы, центр. комитета партіи народной свободы, Временнаго Правительства, въ которомъ П. Н. Милюковъ велъ упорную героическую борьбу съ надвинувшимся максимализмомъ лѣвыхъ соціалистическихъ тенденцій.

Харламовъ останавливается также на роли П. Н. Милюкова въ дѣлѣ организаціи вооруженной борьбы съ большевиками и на его кипучей политической дѣятельности въ эмиграціи. Ближайшій сотрудникъ и послѣдователь юбиляра и въ прошломъ и въ теперешніе дни — В. А. Харламовъ свидѣтельствуетъ: — П. Н. Милюковъ и его партія не хотѣли революціи; вся тактика к. д. была направлена на предупрежденіе катастрофы, разразившейся въ 1917 году.

Однако, проповѣдь Милюкова разбивалась объ упрямое нежеланіе правящихъ слоевъ понять существо происходящихъ соціально-политическихъ процессовъ.

Призывы П. Н. Милюкова, къ несчастію Россіи, не были своевременно услышаны.

В. А. Харламова смѣняетъ *Н. И. Астровъ*, пражскій руководитель группы «центральныхъ» к. д.

Рѣчь Н. И. Астрова, прослушанная съ неослабнымъ вниманіемъ, заключала интересный разсказъ «о сложномъ, трудномъ и отвѣтственномъ ремеслѣ политика».

Ораторъ указываетъ далѣе, что всѣ временныя разногласія съ П. Н. Милюковымъ ни въ какой мѣрѣ не могутъ ему воспрепятствовать горячо привѣтствовать юбиляра, политическая дѣятельность котораго неизмѣнно проникнута горячимъ патріотизмомъ и послѣдовательнымъ демократизмомъ.

Слово переходитъ къ предсѣдателю «калмыцкой культурной комиссіи», *Б. Н. Уланову*.

Въ горячихъ словахъ г. Улановъ выражаетъ свое восхищеніе и преклоненіе передъ научной, культурной и политической работой юбиляра.

Б. Н. Улановъ указываетъ на громадное образовательное значеніе печатныхъ трудовъ и устной проповѣди юбиляра. Ораторъ настойчиво подчеркиваетъ, что П. Н. Милюковъ, являясь прежде всего русскимъ и преслѣдуя русскіе интересы, вмѣстѣ съ тѣмъ уважаетъ, цѣнитъ и оберегаетъ и чужія національныя культуры.

Ту же мысль, подробнѣе остановившись на позиціи лидера и вождя русскаго либерализма въ національномъ вопросѣ — развиваетъ *С. Н. Баяновъ*.

Отъ имени армянской колоніи привѣтствовалъ юбиляра д-ръ *Гюзеліанъ* — предсѣдатель армянскаго союза. Отъ группы молодыхъ студентовъ, послѣдователей П. Н. Милюкова, сказалъ привѣтствіе *К. Г. Кучмазухинъ*. Краткую рѣчь произнесъ также *Д. И. Мейснѣръ*, остановившійся на тѣхъ чертахъ политической дѣятельности и темперамента П. Н. Милюкова, которыя влекутъ къ нему современную русскую, выросшую въ обстановкѣ революціи, интеллигенцію. Эти черты: настойчивый патріотизмъ, глубокая вѣра и увѣренность въ разумѣ русскаго народа и его великомъ будущемъ. Наконецъ, это правильное сочетаніе высокаго идеализма, послѣдовательной вѣрности принципамъ демократіи съ всегдашней жизненностью и полнымъ отсутствіемъ мертвящаго «догматизма». Собраніе закончилось увлекательной, мастерски произнесенной рѣчью совѣтника г. *П. Макса*. Онъ вспоминалъ годы войны, себя военноплѣннымъ въ Россіи, національную работу чеховъ въ Россіи, образованіе чешскихъ легіоновъ и, главное, ту активную дружескую помощь, которую П. Н. Милюковъ неизмѣнно оказывалъ чехамъ въ то время. Г. Макса разсказываетъ, какъ онъ, никому неизвѣстный чехъ, подданный «вражеской страны», получилъ отъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ

П. Н. Милюкова дипломатическій заграничный паспортъ для поѣздки на стокгольмскій конгрессъ. Г. Макса хорошо, навсегда запомнилъ номеръ этого паспорта...

Его слово проникнуто чувствомъ подлинной симпатіи.

Закрывая банкетъ, М. М. Новиковъ подъ шумные возгласы одобренія и апплодисменты предлагаетъ послать П. Н. Милюкову отъ лица собравшихся слѣдующую телеграмму: «П. Н. Милюкову. Ваши друзья и почитатели, чехи и русскіе, собравшись 6 марта въ Прагѣ, вспоминаютъ громадную и блестящую работу, совершенную Вами для Россіи на протяженіи Вашего долгаго жизненнаго пути. Они шлютъ Вамъ свои горячія привѣтствія. Ваше имя уже записано на скрижаляхъ исторіи, какъ имя смѣлаго, неутомимаго, безкорыстнаго борца за идеалы права, свободы и демократіи. Желаемъ Вамъ долгой жизни на благо и славу дорогой Россіи».

Такъ прошло чествованіе П. Н. Милюкова въ Прагѣ. Оно собрало и объединило широкій фронтъ русской прогрессивной общественности. Оно явилось не только праздникомъ въ честь вождя русской демократической интеллигенціи, но и праздникомъ демократическихъ идей.

Чествованіе П. Н. Милюкова въ Берлинѣ

На банкетѣ, устроенномъ въ Берлинѣ 5-го марта, въ день празднованія юбилея П. Н. Милюкова, присутствовало 200 человѣкъ. Уже наканунѣ всѣ мѣста были расписаны, и многимъ, желавшимъ принять участіе въ торжествѣ, за недостаткомъ мѣста пришлось отказать. Среди присутствовавшихъ иностранцевъ надо отмѣтить болгарскаго посланника, проф. Попова, и двухъ совѣтниковъ этого посольства; бывшаго болгарскаго посланника въ Москвѣ, г. Чапрашикова (съ 1918 г.); совѣтника чехословацкаго посольства д-ра Благоша; профессора русской исторіи берлинскаго университета Карла Штелинъ, извѣстнаго германскаго публициста д-ра К. І. фонъ Фосса (Ганса Форста), передавшаго привѣтствіе и отъ отсутствовавшаго по болѣзни профессора, депутата Рейхстага, Гетцше, и друг.

Предсѣдательствовалъ на банкетѣ А. А. Кизеветтеръ.

Въ своей вступительной рѣчи *А. А. Кизеветтеръ* указалъ на огромныя заслуги П. Н. Милюкова въ области русской исторіи. Ораторъ, еще студентомъ Московскаго университета, впервые встрѣтился съ П. Н., когда послѣдній, въ качествѣ приватъ-доцента, читалъ необязательный курсъ по русской исторіи. П. Н. Милюковъ уже тогда былъ первоклассным ученымъ, разрабатывавшимъ въ своихъ курсахъ самыя разнообразныя проблемы русской исторіи, и въ ряду ихъ такія центральныя, какъ исторія колонизаціи великой русской равнины. Вскорѣ послѣ начала курса въ печати (Журналъ М-ства Народнаго Просвѣщенія) появилась диссертація П. Н. Милюкова, произведшая на спеціалистовъ огромное впечатлѣніе. Диссертація была и останется монументальнымъ вкладомъ въ науку. А. А. Кизеветтеръ указалъ затѣмъ и на другія научныя работы П. Н. Милюкова. Особенно подробно говорилъ онъ объ «Очеркахъ по исторіи русской культуры».

Проф. берлинскаго университета *Штелинъ* начинаетъ свою

рѣчь съ привѣтствія отъ имени германской науки. Онъ сравниваетъ П. Н. Милюкова съ Ранкэ и чествуетъ его, какъ историка крупнѣйшаго калибра (см. стр. 92).

Болгарскій посланникъ въ Берлинѣ, проф. *Поповъ,* отмѣчаетъ ту любовь и симпатію, которыми П. Н. Милюковъ пользуется въ Болгаріи, считающей его своимъ. Особенно высоко цѣнятъ П. Н. въ Болгаріи за то, что и въ тѣ годы, когда Россія и Болгарія вели войну въ разныхъ лагеряхъ, П. Н. Милюковъ не измѣнилъ своей любви къ болгарскому народу.

Слѣдующій ораторъ, *І. В. Гессенъ*, вспоминаетъ о первомъ своемъ знакомствѣ съ П. Н. Милюковымъ у В. А. Мякотина въ Сестрорѣцкѣ. Ораторъ, какъ и предсѣдатель банкета, принадлежитъ къ «друзьямъ-противникамъ» Милюкова. І. В. Гессенъ отмѣчаетъ основныя черты характера П. Н. Милюкова: бодрость, пріятіе жизни, свобода отъ привычекъ, безстрашіе, честность. Исключительна честность мысли П. Н. Милюкова; «его лира ни разу не исторгала невѣрнаго звука».

Совѣтникъ чехословацкаго посольства въ Берлинѣ д-ръ *Благошъ* сказалъ, что онъ чествуетъ П. Н. Милюкова, какъ выдающагося человѣка, друга чехословацкаго народа и друга президента Масарика. Онъ желаетъ, чтобы П. Н. Милюковъ поскорѣе получилъ возможность вернуться въ Россію и тамъ занять то же положеніе, какое Масарикъ занялъ у себя, на своей освобожденной родинѣ.

Д-ръ *К. І. фонъ Фоссъ* (Гансъ Форстъ) свою рѣчь началъ со словъ, что онъ ученикъ Милюкова и что въ основу его занятій по русской исторіи легли научные труды юбиляра. И для него, какъ нѣмецкаго политика, дѣятельность Милюкова является весьма цѣнной. Не со всѣми взглядами Милюкова на современный политическій процессъ можно согласиться; но нельзя не указать, что извѣстныя идеи Милюкова легли въ основу современной европейской политики Лиги Націй. Ораторъ имѣетъ въ виду при этомъ стремленія Милюкова къ осуществленію идеала « cujus natio, ejus regio » и къ проведенію истинно гуманныхъ и либеральныхъ началъ по отношенію къ національнымъ меньшинствамъ. На этихъ началахъ зиждется въ настоящее время и отъ нихъ зависитъ въ будущемъ укрѣпленіе европейскаго мира. Г. фонъ Фоссъ высказываетъ пожеланіе, чтобы Милюковъ еще многіе годы могъ работать въ качествѣ учителя на поприщѣ возсозданія Россіи, Европы и Германіи.

Б. И. Элькинъ произнесъ обширную рѣчь, посвященную политической дѣятельности Милюкова. (См. стр. 112).

Слѣдующій ораторъ *Я. Л. Тейтель* говорилъ о глубокомъ уваженіи, которое питаютъ къ П. Н. Милюкову русскіе евреи. Онъ всегда защищалъ человѣческія права евреевъ въ Россіи.

Б. Л. Гершунъ говорилъ отъ имени Союза Русской Присяжной Адвокатуры въ Германіи. Русская адвокатура всегда боролась за установленіе въ Россіи правового порядка и высоко цѣнитъ П. Н. Милюкова, какъ вождя широкаго общественнаго движенія, стремившагося перестроить Россію на началахъ права.

Послѣдній изъ выступавшихъ проф. *В. Д. Бруцкусъ* говорилъ о П. Н. Милюковѣ, какъ о государственномъ человѣкѣ, съ самаго начала своей дѣятельности понимавшемъ то, что государственные люди послѣдняго періода не понимали: а именно, что Россія есть «имперія», т. е. мирное сожительство объединенныхъ единымъ интересомъ и единой культурой народовъ. Милюковъ признавалъ право на существованіе отдѣльныхъ національныхъ культуръ и понималъ, что развитіе ихъ необходимо. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ и цѣнность «имперской» культуры, ничего общаго не имѣющей съ понятіемъ «имперіализма», т. е. съ идеей исключительнаго политическаго и экономическаго властвованія одного народа надъ другими. Бываютъ культуры, очень цѣнныя, осужденныя оставаться мѣстными и областными, сохраненіе которыхъ необходимо. Но культуры, созданныя талантливымъ, большимъ народомъ, представляютъ собой исключительную цѣнность. Въ этой послѣдней культурѣ начинаютъ принимать участіе и инородческія силы, и она же оплодотворяетъ культуры народовъ, входящихъ въ составъ «имперіи». Эта «имперская» культура особенно цѣнна и всеобъемлюща. Она накладываетъ свой отпечатокъ и на мѣстныя культуры. Этотъ универсальный, «имперскій» тонъ сдѣлалъ русскую культуру особенно привлекательной, особенно многогранной и цѣнной для всѣхъ національностей великой Россіи. П. Н. Милюкова интересовала особенно эта сторона русской культуры, этотъ «имперскій» тонъ ея. Въ самой Россіи возникли нѣкоторыя реакціонныя теченія противъ этого имперскаго пониманія русской культуры, теченія, идеализировавшія московскій періодъ русской исторіи, т. е. періодъ младенчества русской культуры. Будущее Россіи въ удержаніи имперскихъ тоновъ въ русской культурѣ. За осуществленіе этой мысли всегда боролся Милюковъ, и за эту борьбу мы высказываемъ ему нашу благодарность.

Чествованіе П. Н. Милюкова въ Варшавѣ

Торжественное собраніе, устроенное 2-го марта въ Русскомъ Домѣ варшавскимъ комитетомъ для чествованія П. Н. Милюкова, — благодаря участію въ немъ ряда выдающихся представителей польской общественности, приняло характеръ русско-польскаго чествованія маститаго русскаго ученаго и политическаго дѣятеля.

Собраніе открыто было предсѣдателемъ комитета *П. Э. Бутенко* краткимъ вступительнымъ словомъ, за которымъ послѣдовала представленная тѣмъ же ораторомъ общая характеристика политической дѣятельности юбиляра. Милюковъ, какъ организаторъ русскихъ политическихъ силъ, Милюковъ, какъ парламентскій дѣятель и Милюковъ, какъ лидеръ демократической эмиграціи — таковы были главные моменты, на которыхъ сосредоточился въ своей рѣчи ораторъ.

Затѣмъ слово было предоставлено члену Комитета *А. Р. Ледницкому*. Выступленіе этого, столь популярнаго въ русской колоніи оратора сразу придало варшавскому чествованію Милюкова характеръ русско-польскій. Какъ и слѣдующіе за нимъ польскіе ораторы А. Р. Ледницкій говорилъ свою рѣчь по польски — для того, чтобы подчеркнуть участіе въ настоящемъ чествованіи представителей польской политической общественности.

Рѣчь г. Ледницкаго была прослушана съ напряженнымъ вниманіемъ и покрыта долгими, горячими рукоплесканіями. Она полностью воспроизведена въ настоящемъ сборникѣ въ русскомъ переводѣ (см. стр. 212).

Послѣ краткаго перерыва засѣданіе возобновилось докладомъ *В. В. Португалова* о роли Милюкова въ развитіи русскихъ общественныхъ идеологій, о его борьбѣ съ максималистическими уклонами (правымъ и лѣвымъ) въ россійской общественной и государственной психологіи.

Затѣмъ прочитанъ былъ присланный изъ Праги обширный рефератъ *Б. А. Евреинова,* содержащій обзоръ и характеристику научной дѣятельности Милюкова, какъ историка, археолога и исторіовѣда.

Затѣмъ вновь выступили польскіе ораторы. Писатель *Лео Бельмонтъ* произнесъ очень красиво построенную рѣчь — въ защиту «сердца Милюкова», какъ бы отвѣчая тѣмъ ораторамъ, которые очень подчеркивали «интеллектуализмъ» въ духовномъ обликѣ юбиляра.

«У Милюкова не только великій разумъ. У него и глубокое сердце. Его разумъ не отвлеченный, не Кантовскій, а разумъ, идущій отъ сердца. Я лично разъ встрѣтился съ Милюковымъ въ Москвѣ у Ледницкаго, и у меня осталось воспоминаніе о необыкновенной добротѣ этого человѣка».

Съ горячей рѣчью выступилъ затѣмъ третій польскій ораторъ — извѣстный общественный дѣятель, предсѣдатель Общества Славянскаго Искусства и Культуры — *Георгій Курнатовскій.* Онъ говорилъ о судьбѣ Милюкова, какъ вождя Русской Жиронды. «Нѣтъ основаній вамъ, господа, говорилъ польскій ораторъ, обращаясь къ эмигрантской части собранія, — впадать въ пессимизмъ, говорить о крушеніи вашихъ идеаловъ и идей Милюкова. Вспомните, вѣдь идеи Французской Революціи получили свое осуществленіе лишь въ дни II и III Республикъ. Отъ Мирабо до Буржуа — вотъ вѣдь какой путь былъ пройденъ Франціей. А вы только начинаете этотъ путь, и Милюковъ принадлежитъ будущему Россіи».

Всѣ рѣчи были произнесены съ большимъ подъемомъ и находили горячіе отклики въ аудиторіи.

За рѣчами послѣдовало чтеніе привѣтствій отъ организацій и отдѣльныхъ лицъ.

Съ особеннымъ одушевленіемъ аудиторія привѣтствовала телеграмму, полученную Комитетомъ изъ Бреста слѣдующаго содержанія: «Президіумъ Русскаго Народнаго Объединенія, Брестскій Отдѣлъ Русскаго Благотворительнаго Общества и всѣ русскія организаціи Полѣсья шлютъ привѣтъ профессору Павлу Николаевичу Милюкову, 70-лѣтіе котораго чествуется сейчасъ всѣми національно-мыслящими русскими въ ихъ великомъ разсѣяніи». Телеграмма подписана русскимъ представителемъ въ польскомъ сеймѣ д-ромъ Королемъ.

Въ составѣ многочисленной русской и польской публики, кромѣ названныхъ выше лицъ, слѣдуетъ еще отмѣтить среди присутствовавшихъ члена польскаго сената, одного изъ лидеровъ Польской Соціалистической Партіи г. *Станислава Познера,* и извѣстнаго польскаго историка проф. *Людвика Кульчицкаго.* Русская

Демократическая Группа русскихъ эмигрантовъ и мѣстная группа «Крестьянской Россіи» были въ полномъ составѣ. Были также бывш. членъ польскаго сейма *Н. С. Серебренниковъ, А. М. Беркенгеймъ,* группа русскихъ соціалистовъ разныхъ толковъ и т. д.

Собраніе закончилось принятіемъ краткаго текста привѣтствія юбиляру, при чемъ по желанію представителей польской группы было вставлено въ текстъ привѣтствія, что оно исходитъ отъ «собравшихся русскихъ и поляковъ».

Чествованіе П. Н. Милюкова въ Ригѣ

, Семидесятилѣтіе П. Н. Милюкова было отпраздновано 3-го марта въ Ригѣ банкетомъ въ «Дансингъ-Паласѣ». Отмѣтить юбилей крупнаго русскаго ученаго и общественнаго дѣятеля, блестящаго публициста и выдающагося политика собрались представители широкихъ круговъ русской и еврейской общественности. Залъ оказался переполненнымъ.

Чествованіе открылось вступительнымъ словомъ *Е. М. Тихоницкаго,* отмѣтившаго въ своей рѣчи заслуги П. Н. передъ русской общественностью и во внѣшней политикѣ.

Указавъ, что юбилей Милюкова является не только событіемъ внутрипартійнаго характера, что, несмотря на наличіе въ біографіи П. Н. многихъ спорныхъ фактовъ значеніе его, какъ государственнаго дѣятеля займетъ почетное мѣсто въ исторіи русской общественности, Е. М. Тихоницкій кончаетъ свое слово привѣтствіемъ юбиляру.

М. И. Ганфманъ подѣлился своими воспоминаніями о П. Н. Милюковѣ, съ которымъ онъ долгіе годы работалъ въ «Рѣчи». Онъ его охарактеризовалъ, какъ редактора, публициста и человѣка. Сообщилъ рядъ мало извѣстныхъ эпизодовъ, которые рисуютъ крупный калибръ Милюкова и выясняютъ мотивы такъ называемыхъ его ошибокъ. Между прочимъ, М. И. Ганфманъ остановился на отношеніи Милюкова къ войнѣ, и подчеркнулъ тѣ мотивы, которые побудили его принять войну и защищать ея цѣли. Между прочимъ, эти цѣли были съ удивительнымъ предвидѣніемъ формулированы Милюковымъ, и Версальскій договоръ чрезвычайно много подтвердилъ изъ предсказаній Милюкова. Но всѣ заслуги Милюкова и проницательность легко забываютъ тѣ, которые такъ жадно набрасываются на его ошибки. Забытъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что въ началѣ февральской революціи Милюковъ былъ одинъ изъ немногихъ государственныхъ людей, имѣвшихъ мужество среди развалинъ монархіи настаивать на необходимости передать правленіе

вел. кн. Михаилу Александровичу. Какъ и въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ, мотивы его рѣшеній вытекали всегда изъ любви къ странѣ и стремленіи намѣтить пути спасенія, не считаясь съ тѣмъ, что объ этомъ кто-нибудь скажетъ.

Б. О. Харитонъ дополнилъ воспоминанія М. И. Ганфмана яркой характеристикой чисто человѣческихъ чертъ личности Милюкова. Многолѣтняя работа въ «Рѣчи» совмѣстно съ П. Н. дала оратору возможность близко наблюдать юбиляра и отмѣтить то, что ускользнуло отъ вниманія широкихъ круговъ. Рядъ эпизодовъ свидѣтельствуетъ объ исключительной демократичности П. Н., его полномъ безразличіи къ вопросу о положеніи, занимаемомъ лицомъ, съ которымъ онъ велъ бесѣду. П. Н. во всѣхъ случаяхъ жизни сохранялъ удивителное самообладаніе. Особенно отличительной чертой характера является и полное отсутствіе честолюбія. Необычайная трудоспособность П. Н., какъ и всѣ другія черты его, была иллюстрирована рядомъ примѣровъ. Всюду Милюковъ былъ предметомъ общаго вниманія. Окружающіе всегда чувствовали, что передъ ними, безспорно, недюжинная, большая, подлинно историческая фигура.

Исчерпывающую характеристику П. Н. Милюкова, какъ историка, далъ въ своей рѣчи *И. И. Келеръ*. Ораторъ остановился на періодѣ, когда историческія сочиненія Милюкова только начали привлекать вниманіе ученыхъ круговъ. Многіе изъ положеній научныхъ работъ Милюкова вызывали въ то время разногласія. Казалась слишкомъ сухой его схематичность и сухость построенія. Но всѣ эти качества впослѣдствіи создали трудамъ П. Н. исключительную популярность, какъ лучшаго справочника по русской исторіи. Двойственность оцѣнки русской исторіи получила признаніе въ рядѣ работъ другихъ историковъ и взгляды П. Н. Милюкова являются общепризнанными въ исторіи петровскихъ реформъ. Глубокое знаніе исторіи Россіи является и основой политическаго міросозерцанія П. Н. Тѣмъ трагичнѣе для него сейчасъ видѣть въ русской революціи крушеніе всѣхъ національныхъ устремленій русскаго народа. Европеецъ по характеру своей ученой и общественной дѣятельности П. Н. является глубокимъ русскимъ націоналистомъ во всѣхъ своихъ историческихъ трудахъ, доказавшимъ эту свою любовь.

Послѣ нѣсколькихъ эпизодовъ изъ жизни П. Н. Милюкова, разсказанныхъ *прис. пов. Симановичемъ* и *Ф. В. Рыбаковымъ,* собраніе закончилось оглашеніемъ привѣтственной телеграммы П. Н., выражающей увѣренность присутствующихъ увидѣть въ возрожденной Россіи торжество идей свободы, права и культуры, служенію которымъ посвящена была вся жизнь Милюкова.

Чествованіе П. Н. Милюкова въ Софіи

Инціатива чествованія юбилея П. Н. Милюкова въ Софіи была взята на себя софійскимъ обществомъ болгарскихъ журналистовъ, устроившихъ какъ торжественное собраніе, такъ и банкетъ.

Торжественное собраніе, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя о-ва болгарскихъ журналистовъ состоялось 3-го марта въ помѣщеніи Аллiансъ Франсэзъ. Съ докладомъ о П. Н. Милюковѣ историкѣ, политическомъ и общественномъ дѣятелѣ выступилъ проф. Бицилли. Основныя положенія доклада г. Бицилли сводятся къ слѣдующему. Всякая крупная индивидуальность едина, и въ Милюковѣ политикъ неотдѣлимъ отъ ученаго историка. Политика для него прикладная исторія и исторія — осмысленіе политики. Выдающійся человѣкъ ищетъ всюду выдающихся путей, въ политикѣ онъ почти всегда оппозиціонеръ, а въ наукѣ реформаторъ. Милюковъ былъ въ оппозиціи, какъ къ русской власти, такъ и къ традиціонной русской революціонной общественности. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, онъ выдвинулъ лозунгъ борьбы за правовой строй, при которомъ уже не было бы почвы для революціонныхъ потрясеній; въ Гос. Думѣ Милюковъ воспитывалъ русскую власть и русское общество въ духѣ законности. Какъ историкъ, Милюковъ создалъ собственную концепцію русскаго историческаго развитія, включившую элементы и западничества и славянофильства, но преодолѣвшую какъ романтическій натурализмъ послѣдняго съ его вѣрой въ неизмѣняемость традиціонной культуры, такъ и раціоналистическій формализмъ перваго, отрицавшій своеобразіе русскаго національнаго развитія. Признавая, подобно славянофиламъ, обусловленность національной культуры и національной религіи, Милюковъ, однако, стоитъ на точкѣ зрѣнія неизбѣжности секуляризаціи всякой національной культуры. Своеобразіе русскаго развитія состояло въ своеобразіи процесса секуляризаціи русской культуры, обусловленной характеромъ русскаго православія, которое, въ си-

лу своихъ особенностей, не могло ни эволюціонировать, ни вызвать къ жизни положительнаго идеала безъ религіозной культуры, которая была бы способна стать общенаціональной культурой. Русская секуляризація была чисто отрицательной, она выразилась исключительно въ религіозномъ индивидуализмѣ русской интеллигенціи, тогда какъ власть и народъ оставались на почвѣ традиціонной вѣры, переставшей уже питать русскую культуру. Разрывъ русской интеллигенціи съ народомъ сопровождался разобщенностью общества и власти. Въ этомъ незавершенность русскаго національнаго развитія. Завершить формированіе русской жизни путемъ европеизаціи власти и усвоенія обществомъ европейскаго идеала свѣтскаго правового государства — такова цѣль, которую Милюковъ указывалъ обществу и власти. Личная драма Милюкова и, вмѣстѣ, трагизмъ русскаго развитія состояли въ томъ, что этотъ поборникъ правового начала былъ сочтенъ старой властью революціонеромъ и врагомъ государства, а послѣ второй революціи, вышедшими изъ низовъ русской интеллигенціи угнетателями Россіи, ославленъ врагомъ русскаго народа.

Членъ нар. собранія Силяновъ посвятилъ свою рѣчь заслугамъ П. Н. Милюкова по отношенію къ Болгаріи и болгарскому народу.

Собраніе закончилось оглашеніемъ привѣтственной телеграммы, отправленной П. Н. Милюкову.

На банкетѣ, который былъ устроенъ обществомъ журналистовъ въ тотъ же день вечеромъ, присутствовали: софійскій митрополитъ Стефанъ, мин. нар. просв. Найденовъ, мин. юстиціи Кулевъ, ректоръ державнаго университета проф. Шишковъ, директоръ народнаго университета и предсѣдатель славянскаго Дружества, проф. Бобчевъ, депутаты Народнаго Собранія, профессора университета и редакторы всѣхъ газетъ. Изъ русской эмиграціи присутствовали проф. Бицилли, ген. Арцишевскій и А. М. Федоровъ. Митр. Стефанъ разсказалъ о заступничествѣ П. Н. Милюкова въ Константинополѣ за болгарскихъ сиротъ, изгнанныхъ послѣ балканской войны изъ Македоніи и Фракіи.

Былъ произнесенъ рядъ тостовъ.

Здѣсь же, на банкетѣ, стало извѣстно, что столичный общинный совѣтъ постановилъ провозгласить П. Н. Милюкова почетнымъ гражданиномъ города Софіи и переименовать улицу «Руенъ» въ улицу «Павелъ Милюковъ».

АДРЕСА

не оглашенные на торжественномъ засѣданіи 3 марта въ Парижѣ

Адресъ Лондонскаго Комитета Чествованія

Въ день семидесятилѣтняго юбилея Вашего мы счастливы привѣтствовать Васъ. Счастливы въ особенности потому, что Вы все еще полны силъ, энергіи и твердости, несмотря на славный и тернистый путь длиннаго ряда лѣтъ, отданныхъ неустанной и самоотверженной работѣ во имя торжества свободы и правды на родинѣ нашей.

На этомъ пути Васъ никогда не покидало въ высшей степени Вамъ свойственное глубокое чувство отвѣтственности политическаго дѣятеля. Твердой рукой отстраняли Вы отъ путей Вашихъ, отъ путей Вашихъ друзей всякія иллюзіи, какъ бы увлекательны онѣ ни были.

Въ такія туманящія сознаніе минуты Вы всегда были вѣрны себѣ, неуклонно оставаясь истиннымъ реалистомъ, истиннымъ, мы сказали бы, европейцемъ. Эту Вашу заслугу разрѣшите отмѣтить особо.

И затѣмъ — Ваша суровая требовательность къ себѣ, не знающая предѣловъ работоспособность, самопожертвованіе, упорное терпѣніе на путяхъ достиженія поставленной цѣли и, выше всего, безграничная любовь Ваша къ родинѣ, къ свободѣ человѣческой личности, къ вѣчнымъ идеаламъ, — обо всемъ этомъ мы вспоминаемъ теперь съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и любви.

Въ этотъ торжественный день хочется отмѣтить еще одну заслугу Вашу. Въ теперешніе дни величайшаго крушенія отечества нашего, въ дни мрачнаго отчаянія для многихъ изъ насъ, Вы нашли въ себѣ неизсякаемый источникъ простой, но не колеблющейся вѣры въ близкое воскрешеніе Россіи и благородное мужество пересмотрѣть, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, всѣ пройденные пути, сурово отбросить въ сторону всѣ человѣческіе эгоизмы, всѣ человѣческія самолюбія затѣмъ только, чтобы обрѣсти новые пути къ великому соціальному ком-

промиссу на нашей родинѣ, къ великому соціальному миру, послѣ величайшихъ потрясеній и униженій.

Теперь наше единственное въ день Вашего юбилея пожеланіе Вамъ, дорогой Павелъ Николаевичъ.

Пусть поможетъ Вамъ Богъ дожить до этихъ свѣтлыхъ дней. Въ эти дни падаетъ теперешній гнетущій и, мы вѣримъ, послѣдній деспотизмъ въ Россіи. Тогда Вы сможете отдать Ваши оставшіяся, еще свѣжія силы, на служеніе родинѣ — тамъ, въ Россіи.

И это будетъ лучшей наградой Вашей достойной жизни.

(подписи).

Адресъ РДО въ Германіи

Россійское Республиканско-Демократическое Объединеніе въ Германіи шлетъ Вамъ, какъ вождю русскаго республиканско-демократическаго движенія, свои горячія привѣтствія и пожеланія еще долгихъ лѣтъ плодотворной работы, бодрости и успѣховъ.

Ваши заслуги передъ родиной безспорны. Вы всю Вашу жизнь работали для русскаго народа, для его культурнаго роста и здороваго политическаго развитія. Вы уже давно ясно поняли, что слѣпыя реакціонныя силы, во власть которыхъ была отдана политически незрѣлая страна, роковымъ образомъ ведутъ Россію къ катастрофѣ. И Вы стали организаторомъ и вождемъ широкого общественнаго движенія стремившагося предотвратить эту надвигающуюся катастрофу путемъ мирнаго преобразованія государственнаго строя на началахъ права, свободы и равенства. Вы знали, что только такое своевременное преобразованіе могло обезпечить удовлетвореніе справедливыхъ требованій обездоленныхъ соціальныхъ слоевъ, въ частности русскаго крестьянства, равно какъ и безправныхъ національныхъ меньшинствъ. Вы сумѣли зорко и отчетливо осознать эту великую задачу русской интеллигенціи. И если, къ несчастью для нашей родины, мирному преобразованію Россіи не суждено было осуществиться, — то въ этомъ нѣтъ вины Вашей и тѣхъ группъ, которыя считали Васъ своимъ вождемъ.

Не менѣе значительны заслуги Ваши передъ родиной за время послѣ революціи и не меньшую благодарность вызываетъ Ваше служеніе Россіи въ качествѣ политическаго эмигранта. Стихійный переворотъ, съ такой небывалой силой ударившій по общественному сознанію, сдѣлалъ чрезвычайно труднымъ трезвое и отчетливое пониманіе происходящихъ въ Россіи событій. Требовалась вся острота и глубина Вашего ума, сочетающаго съ широтой научнаго кругозора зоркость практическаго политика, чтобы въ условіяхъ вынужденной оторванности отъ родины, среди общей растерянности разочарованія и озлобленія дать правильный анализъ происходящаго въ Россіи историческаго процесса. Требовалась мужественная честность мысли, обращенная не назадъ, а впередъ, — чтобы установить правильныя вѣхи политической программы, которая соотвѣтствовала бы безпримѣрно сложной и трудной обстановкѣ, въ какой оказалась русская эмиграція.

Эту политическую задачу величайшей трудности Вы исполнили на Вашемъ нынѣшнемъ посту вождя русскаго республиканско-демократическаго течения. Вы осознали положеніе уже въ 1920 и 1921 годахъ. Ваши смѣлыя, не боящіяся выводовъ, слова встрѣтили въ началѣ суровую критику и рѣзкое противодѣйствіе. Но съ обычной Вашей стойкостью и непоколебимой энергіей Вы за протекшіе съ тѣхъ поръ годы сумѣли привлечь на свою точку зрѣнія все растущее число сторонниковъ и заставили считаться съ нею даже слабѣющіе ряды Вашихъ противниковъ. Вѣдь даже тѣ, кто и теперь ведетъ съ Вами политическую борьбу, кто расходится съ Вами въ вопросахъ тактики, — даже они по основному вопросу о значеніи и смыслѣ происходящаго въ Россіи процесса приняли по существу Ваши взгляды. Число Вашихъ сторонниковъ растетъ, и въ этомъ мы видимъ залогъ того, что русской эмиграціи суждено сыграть творческую роль въ грядущемъ возсозданіи Россіи.

Для насъ, Вашихъ политическихъ друзей и послѣдователей, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Россія навсегда покончила съ прежнимъ ея соціально-политическимъ строемъ и что она отнынѣ можетъ существовать единственно въ формѣ демократической республики.

Вы, дорогой Павелъ Николаевичъ, нужны не только намъ, но всей русской интеллигенціи — въ Россіи и за рубежомъ. Вы нужны Вашей родинѣ.

Въ день Вашего семидесятилѣтія мы шлемъ Вамъ нашъ искренній привѣтъ и нашу горячую благодарность.

(подписи).

Адресъ Пражской Республиканско-Демократической группы партіи Народной Свободы

Въ день Вашего семидесятилѣтія, мы, Ваши друзья, единомышленники и ученики приносимъ Вамъ наше поздравленіе и самыя лучшія искреннія пожеланія.

Съ чувствомъ законной гордости мы вспоминаемъ въ этотъ день славный путь служенія Родинѣ нашего вождя и учителя.

Ваше служеніе Россіи началось съ изученія ея исторіи, съ блестящей научной и преподавательской дѣятельности въ Московскомъ университетѣ. Но кабинетныя занятія и стѣны аудиторіи не заслонили отъ Васъ живой жизни. Она потребовала отъ Васъ борьбы за права народа, за лучшія формы его политическаго и соціальнаго существованія.

Вы самоотверженно встали на этотъ тяжелый и тернистый путь, испытавъ преслѣдованія правительства и на время даже лишившись Родины.

Годы изгнанія Вы посвятили Славянскимъ странамъ, изучая ихъ и служа для нихъ источникомъ познанія Россіи.

По возвращенiи на Родину Вы отдались дѣлу организацiи политическихъ силъ въ борьбѣ за народоправство и демократическую государственность Россiи.

Движенiе 1905 г., въ которомъ Вы, Павелъ Николаевичъ, играли столь видную роль, открыло правомѣрный путь къ участiю народа въ законодательномъ строительствѣ жизни, а политическимъ теченiямъ общественной мысли путь открытой политической дѣятельности.

Свое демократическое мiровоззрѣнiе Вы воплотили въ программѣ партiи Народной Свободы, основанной Вами вмѣстѣ съ людьми, имена которыхъ извѣстны всей Россiи.

Вы никогда не стояли на узко-классовой позицiи, всегда проповѣдуя и защищая общенацiональныя задачи Россiи и эта Ваша характерная черта стала признакомъ «кадетизма».

И сейчасъ, черезъ 25 лѣтъ Вашей работы во главѣ партiи Народной Свободы, и наши друзья и наши политическiе противники и враги должны признать, что наша программа оказалась жизненной. Ея здоровый демократическiй реализмъ былъ лишенъ утопизма и максимализма лѣвыхъ политическихъ теченiй, и наша программа не лежитъ въ обломкахъ прошлаго, павшаго вмѣстѣ съ дворянско-помѣщичьей идеологiей подъ ударами жизни.

Вы, Павелъ Николаевичъ, представляете собою рѣдкое явленiе въ мiровой политической жизни, когда политическому вождю на протяженiи ряда десятилѣтiй не приходится мѣнять свою идеологiю.

Вы проповѣдывали ее на страницахъ руководимой Вами «Рѣчи», которая была школой политическаго воспитанiя и боролись за нее на трибунѣ Государственной Думы.

Въ годы торжествующей реакцiи, подвергаясь грубымъ оскорбленiямъ, не страшась наемныхъ убiйцъ, Вы мужественно и самоотверженно заявляли, что только радикальное удовлетворенiе острой земельной нужды крестьянъ, проведенiе въ жизнь гражданскихъ свободъ и равноправiя, отмѣна сословныхъ, религiозныхъ и нацiональныхъ ограниченiй, удовлетворенiе справедливыхъ стремленiй къ автономiи народовъ и областей, входящихъ въ составъ Россiи, широкое мѣстное самоуправленiе, свободная школа, независимый судъ, отвѣтственность власти и администрацiи и здоровая экономическая политика — дадутъ возможность обезпечить спокойное и безболѣзненное развитiе Россiи.

За десять лѣтъ до революцiи 1917 г. Вы предостерегали русское правительство и послушное ему большинство III Государственой Думы противъ попытки разрѣшить земельный вопросъ насильственнымъ дѣлежомъ крестьянской надѣльной земли и заявляли, что «только кадетскiй земельный проектъ — это единственная плотина способная сдержать народный потокъ».

Вы тогда же протестовали противъ старомосковской обрусительной политики власти въ отношенiи инородцевъ, предупреждая, что такая политика «изъ великой имперiи сдѣлаетъ колосса на глиняныхъ ногахъ».

Еще въ 1909 г. Вы указали на то, что дѣятельность власти неизбѣжно приведетъ страну къ революцiи.

Вы проповѣдывали глухимъ, что «истинный патріотизмъ долженъ быть Россійскимъ патріотизмомъ, а не великорусскимъ и что націонализмъ не можетъ выражаться въ національномъ шовинизмѣ, который способенъ только питать сепаратизмъ».

Вы рѣзко осуждали славянскую политику оффиціальныхъ круговъ, стремившихся «превратить освобожденную Балканскую страну въ Дунайскую губернію».

Въ годы міровой войны Вы всего себя отдали національному и патріотическому дѣлу обороны Родины.

Вы создали въ IV Государственной Думѣ прогрессивное національное объединеніе, способное вмѣстѣ съ опирающимся на него правительствомъ, пользующимся довѣріемъ страны, руководить государствомъ въ періодъ величайшаго напряженія всѣхъ его силъ.

И въ памятномъ выступленіи 1 ноября 1916 г. Вы въ патріотической тревогѣ смѣло возвысили свой голосъ противъ безумной и преступной политики власти, которая вмѣстѣ съ окружавшими ее темными силами вела страну къ гибели.

Но, увы, Вашего голоса политической мудрости и предвидѣнія не хотѣли слушать. Политическимъ слѣпцамъ Вы безсильны были открыть и показать политическія перспективы.

Свершилось роковое. Родинѣ нашей суждено было пережить революцію во время величайшаго напряженія ея организма въ процессѣ міровой войны.

Міровыя событія требовали соотвѣтственныхъ вождей и, естественно, что Вы, Павелъ Николаевичъ, оказались во Временномъ Правительствѣ Россіи.

Среди разбушевавшейся стихіи, раздуваемой мечтателями или безумцами фанатиками, Вы боролись противъ пораженцевъ, противъ разложенія арміи, интересы которой Вамъ всегда были дороги, противъ большевиковъ, противъ максимализма лѣвыхъ политическихъ теченій, противъ всякой демагогіи, игравшей на темныхъ инстинктахъ толпы. Вы, съ присущимъ Вамъ мужествомъ отстаивали честь и достоинство своей Родины, Вы добивались все той же своей цѣли — сдѣлать ее сильной демократической державой, способной отстоять свои права и защитить свои жизненные интересы.

Въ этой борьбѣ за демократическую Россію Вы были побѣждены тогда Вашими противниками и врагами. Но временное пораженіе не ослабило Вашей энергіи. Послѣ большевистскаго переворота Вы приняли живое участіе въ организаціи національныхъ силъ Россіи для борьбы противъ диктатуры большевиковъ, которыхъ Вы всегда считали и считаете сейчасъ врагами свободной демократической Россіи.

Не прекратили Вы, Павелъ Николаевичъ, этой борьбы и въ эмиграціи.

Въ тяжелой для русскаго дѣла международной обстановкѣ Вы съ изумительной энергіей, передъ которой можно только преклониться, защищаете и отстаиваете жизненные интересы Россіи.

Вы не утратили вѣры въ свои идеалы, не ищете новыхъ боговъ и не создаете себѣ временныхъ кумировъ.

Ваша глубокая вѣра въ живыя и творческія силы родной страны является для Васъ той путеводной звѣздою, которая освѣщаетъ Вашъ путь.

На этомъ пути въ борьбѣ за свободную, демократическую, федеративную и республиканскую Россію Вы ищете союзниковъ и среди живыхъ силъ русской эмиграціи, среди тѣхъ, кто способенъ ради блага и величія Россіи пожертвовать личными, групповыми или партійными привязанностями, кто не цѣпляется за отжившее прошлое, кто вдумчиво и пристально, къ чему призываете Вы, всматривается въ жизнь родной земли, стремится понять ее и отдѣлить на родной нивѣ пшеницу отъ плевелъ.

Не можетъ городъ, поставленный на вершину горы укрыться отъ путника. Такъ и каждое Ваше, Павелъ Николаевичъ, выступленіе устное или печатное, привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе, будитъ мысль, обсуждается, вызываетъ сочувствіе или отталкиваніе, но безразлично къ нему никто не можетъ отнестись — ни здѣсь, ни тамъ на Родинѣ.

Съ трудомъ многими воспринимается Ваша проповѣдь, но ряды сторонниковъ Вашихъ растутъ неуклонно и здѣсь, и тамъ, на Родинѣ.

Мы глубоко убѣждены, что Ваши идеалы восторжествуютъ.

Мы увѣрены, что Родина призоветъ Васъ.

Ей нужны и Вашъ горячій патріотизмъ, и Ваша вѣрность идеаламъ демократіи, Вашъ большой умъ, всеобъемлющія знанія и кипучая энергія, Вашъ богатый политическій опытъ и Ваше мудрое руководительство.

(подписи).

Адресъ Варшавской Группы Партіи «Крестьянская Россія»

Варшавская группа Трудовой Кр. партіи «Крестьянская Россія» присоединяется къ дружному хору демократической эмиграціи, привѣтствуя Васъ по поводу Вашего 70-лѣтія.

Для нашей группы и для теченія, которое мы хотимъ собою представить, имя Милюкова связывается не только съ выдающимися заслугами въ области историческихъ наукъ, не только съ замѣчательной дѣятельностью на поприщѣ культурно - просвѣтительномъ, но и съ великимъ дѣломъ освобожденія русскаго крестьянства отъ вѣковыхъ путъ, на немъ тяготѣвшихъ и тяготѣющихъ. Незабываемы останутся навсегда Ваши выступленія въ Государственной Думѣ, въ которыхъ Вы, разоблачая сословные эгоизмы въ старой Россіи, указывали со всей присущей Вамъ убѣдительностью, что родина наша останется неустроенной и государственность русская неурегулированной, пока роль и значеніе крестьянства не будутъ переоцѣнены въ его пользу. Переживаемая теперь Россіей трагедія подтверждаетъ какъ нельзя ярче и какъ нельзя страшнѣе основательность Вашихъ указаній. Встающая изъ подъ пепла Россія уже не будетъ въ состояніи обойти этихъ пре-

дупрежденій. Фундаментомъ новой Россіи — мы вѣримъ — будетъ сознательное крестьянство, впитывающее въ себя европейскую культуру и на ея опытѣ строющее свое могучее, богатое и просвѣщенное государство. Въ дѣло этого строительства уже сдѣланы великіе духовные вклады, и эти вклады принадлежатъ и Вамъ.

Преклоняясь передъ Вашей несокрушимой энергіей и силой духа, мы шлемъ Вамъ наши лучшія пожеланія и твердо надѣемся увидѣть Васъ вновь на отвѣтственныхъ постахъ служенія нашей родинѣ.

(подписи).

Адресъ Демократической Группы Русскихъ Эмигрантовъ въ Польшѣ

Демократическая группа русскихъ эмигрантовъ въ Польшѣ шлетъ Вамъ свои самыя сердечныя поздравленія по поводу исполнившагося 70-лѣтія Вашего.

Почти полвѣка тому назадъ Вы вышли на общественно-политическую работу. То были мрачные годы реакціи, когда, казалось, всѣ силы, стремившіяся къ освобожденію родины, были разгромлены. Но наростало новое поколѣніе борцовъ, среди которыхъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ Вамъ. При видѣ того положенія, въ которомъ находилась тогда Россія, Вы не могли затвориться въ тиши своего кабинета и всецѣло отдаться научной работѣ; долгъ гражданина призывалъ Васъ къ борьбѣ за установленіе свободнаго строя на родинѣ. И Вы посвятили всего себя этой борьбѣ, пожертвовали для нея своей любимой научной работой, своей кафедрой. Очень скоро Вы стали во главѣ русской несоціалистической демократіи и, какъ лидеръ крупнѣйшей части ея — партіи Народной Свободы, — въ теченіи десятковъ лѣтъ руководили ея работой въ русскомъ освободительномъ движеніи. Ваши методы борьбы были мирными методами; Вы всѣми силами стремились къ мирному достиженію освобожденія родины и не Ваша вина, если слѣпое упрямство старой власти помѣшало осуществленію этого Вашего стремленія.

И здѣсь въ эмиграціи Вы съ той же энергіей и бодростью продолжаете подготовлять дѣло освобожденія нашей родины и высоко держите знамя русской демократіи.

Преклоняясь передъ дѣломъ Вашей жизни и чтя въ Васъ одного изъ лучшихъ сыновъ своей родины, Демократическая Группа русскихъ эмигрантовъ въ Польшѣ посылаетъ Вамъ, Глубокоуважаемый Павелъ Николаевичъ, самыя горячія пожеланія силъ и здоровья для продолженія на долгіе годы Вашей работы на благо родины, желаетъ Вамъ какъ можно скорѣе прійти къ завершенію этой своей работы — увидѣть нашу родину освобожденной и занять тамъ столь заслуженное Вами одно изъ первыхъ мѣстъ.

(подписи).

Адресъ Общественныхъ Организацій въ Польшѣ.

День Вашего 70-лѣтія даетъ поводъ намъ, постояннымъ читателямъ Вашей газеты, привѣтствовать Васъ, какъ выдающагося борца на поприщѣ русскаго просвѣщенія и общественно-политической дѣятельности. Съ Вашимъ именемъ связываются самые важные моменты въ исторіи русской культуры и политической жизни Россіи послѣднихъ 30 лѣтъ. Профессоръ Московскаго Университета, одинъ изъ лучшихъ представителей этого великаго очага русской культуры, годовщина котораго, кстати, въ этомъ году почти совпадаетъ съ днемъ Вашего 70-лѣтія, борецъ за его автономію, пожертвовавшій въ этой славной борьбѣ своей кафедрой, редакторъ одной изъ самыхъ вліятельныхъ газетъ, организаторъ и отчасти основоположникъ русскаго конституціонно-демократическаго движенія, — Вы и здѣсь, уйдя въ изгнаніе, послѣ того, какъ въ Россіи утвердилась власть коммунистическихъ деспотовъ, продолжаете и дѣломъ и перомъ свою работу по собиранію русской культуры, поддержанію наиболѣе прогрессивныхъ тенденцій въ ней и подготовляете русское общество къ отвѣтственнымъ задачамъ возстановленія своей родины.

Преклоняясь передъ Вашей энергіей, Вашей разносторонней эрудиціей и Вашей общественной стойкостью, мы считаемъ своимъ долгомъ послать Вамъ сегодня горячія пожеланія еще долгіе годы оставаться на стражѣ лучшихъ идеаловъ русской общественности и русской культуры.

Привѣтъ Вамъ и сердечная признательность отъ Вашихъ читателей.

(подписи).

Адресъ Финляндской демократической группы

Финляндская демократическая группа, имѣющая пребываніе у границъ нашей родины, въ сегодняшній день единодушно обращаетъ свои помыслы къ центру сосредоточенія русской эмиграціи и присоединяется къ съѣхавшимся въ Парижъ своимъ единомышленникамъ для привѣтствія Васъ, дорогой Павелъ Николаевичъ, какъ выдающагося русскаго человѣка и гражданина.

Всегда цѣня высокія качества Ваши, какъ учителя многихъ поколѣній мыслящихъ людей, какъ крупнѣйшаго политическаго дѣятеля, какъ руководителя свободной мысли тѣхъ, кто не хотѣлъ и не хочетъ мыслить по приказу свыше, какъ выдающагося и безпристрастнаго историка тяжелыхъ дней нашей жизни, какъ основателя и руководителя нашей партіи, мы теперь, въ изгнаніи, далекіе отъ центровъ, гдѣ творится и кипитъ политическая жизнь, особенно цѣнимъ и благодаримъ Васъ, за ту неувядающую энергію, за всегда бодрый взглядъ на будущее, за Вашъ тончайшій анализъ событій, дающіе намъ возмож-

ность бодро смотрѣть впередъ, не терять своего чувства гражданина и вѣрить, глубоко вѣрить въ возстановленіе жизни дорогой намъ родины.

Примите же отъ насъ, дорогой Павелъ Николаевичъ, пожеланія здоровья, силъ и возможности еще долго освѣщать путь мысли и правды и вести молодыя силы къ сознанію долга передъ родиной и свободной мыслью.

(подписи).

***

АДРЕСЪ БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

БЪЛГАРСКАТА АКАДЕМІЯ НА НАУКИТѢ НА СВОЯ ЧЛЕНЪ ПРОФЕСОРЪ ПАВЕЛЪ Н. МИЛЮКОВЪ.

Като човѣкъ на науката, вие винаги сте се отличавали съ най — голѣма безпристрастность въ дирене чистата истина и смѣло сте се борили за нейното възтържествуване:

Въ наймъчнитѣ минути отъ живота на българския народъ Вие сте отстоявали историческата правда и авторитетно сте се застъпвали за неговитѣ права: И за това той Ви дължи дълбока признателность:

Българската академія на наукитѣ, която Ви е ценила и цени високо като ученъ и български пріятель, Ви поздравлява отъ все сърдце по случай Вашия юбилеенъ праздникъ.

АДРЕСЪ СОФІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Многоуважаеми
Павелъ Николаевичъ,

Университетъ въ София, въ който Вие въ първитѣ години на неговото съществуване, макаръ, за съжаление, твърде кратко време, действувахте тъй блѣскаво за научното развитие на нашата младежъ, която съ необикновена любовь следѣше Вашитѣ лекціи, увличана както отъ научната имъ дълбочина, така също и отъ тѣхната блѣскава външна форма, счита се гордъ, че е ималъ въ своята срѣда Васъ като единъ отъ своитѣ първи преподаватели и за вѣчни времена ще запази въ своитѣ анали спомена за тая Ваша ползотворна деятелность.

Академическиятъ Съветъ се възползува отъ случая, който му представя празнуването на Вашата седемдесетгодишнина, за да даде единъ слабъ изразъ на своята голѣма почить къмъ личностьта на бившия преподаватель въ Историко-филологическия факултетъ и въ за-

седанието си отъ 23 януарий т. г. по докладъ на Историко-филологическия факултетъ Ви прогласи единодушно за ПОЧЕТЕНЪ ДОКТОРЪ по ИСТОРИЯ.

Съветътъ при това свое решение взе предъ видъ не само Вашата научна деятелность, проявена, както въ многобройни ценни трудове работени съ такава рѣдка ерудиция, тъй и въ Вашата макаръ и кратковременна преподавателска деятелность у насъ, но и Вашето отношение къмъ българския народъ. Вие, Многоуважаеми Господинъ Милюковъ, винаги сте проявявали въ добри и лоши дни, прекарани отъ нашия народъ, голѣма симпатия къмъ него и сте се застъпвали за неговото право дѣло, водени единствено отъ Вашето чувство за правда и справедливость, което всѣкога Ви е руководило въ Вашата работа.

Ние сѣ надѣвами, че Вио, дълбокоуважаеми Павелъ Николаевичъ, ще приемете благосклонно израза на дълбоката признателность, който Ви поднася Софийскиятъ Университетъ, и сме увѣрени, че ще запазите своитѣ добри чувства, както спрямо нашия Университетъ, тъй и спрямо дѣлото на българския народъ въ шито поколения навѣки ще се съхрани споменътъ за Вашата благородна личность.

ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ СОФІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Университетътъ въ София

като цени високо бедежитата научна деятелность въ областьта на историята, както и заслугитѣ за защита на българския народъ въ неговото национално дело на

ПРОФЕСОРЪ ПАВЕЛЪ Н. МИЛЮКОВЪ

провъзгласява го

ЗА ПОЧЕТЕНЪ ДОКТОРЪ ПО ИСТОРИЯ

Ст. София, 23 Януарий 1929 год.

Деканъ на историко-филологическия факултетъ **Д. Кацаровъ.**

Ректоръ на Университета **Б. Шишковъ.**

АДРЕСЪ МАКЕДОНСКАГО НАУЧНАГО ИНСТИТУТА

Многоуважаеми Господинъ Милюковъ

По поводъ на славната Ви седъмдесетьгодишнина Македонскиятъ Научень Институтъ, който съ гордость Ви числи свой почетенъ членъ, съ честитъ да Ви поднесе своитѣ най-задушевни благожелания за още дългъ и щастливъ животъ.

Високо ценеики Вашата плодовита научна и обществена дейность, Македонскиятъ Наученъ Институтъ при този тържественъ случай се чувствува особено призванъ да Ви изрази и голѣма признателность заради неоценимитѣ Ви научни и морални услуги въ полза на Македонското народно дѣло, чиито домогвания, основаващи се предимно върху етнографско-исторически права, Вие добре познавате и съ обективностьта на ученъ и съ правдивостьта на великата си братска душа непрестанно подържате.

Въпреки превратноститѣ на политическитѣ сждбини, които Ви отдалечиха отъ насъ, Вие, многоуважаеми Господинъ Милюковъ, винаги непоколебимо вследвайки повеленията на правдата и на истината, неразривно запазихте духовнитѣ си братски връзки съ България и въ особеность съ нашата злочеста родина, Македония, за това и въ настоящия моментъ и цѣлата македонска интелигенция взема най-сърдечно участие въ Вашето юбилейно празднество.

Дай Боже, щтото още дълги години да Ви виждаме все такъвъ неуморимъ и самоотверженъ ратникъ за доброто на своя и на нашия народъ.

АДРЕСЪ ВСЕБОЛГАРСКАГО СОЮЗА «ОТЕЦЪ ПАИСІЙ»

Многоуважаеми

Павелъ Николаевичъ.

Всебългарскиятъ съюзъ «Отецъ Паисій», който обединява многобройни български културно просвѣтни стопански професіонални и родолюбиви организаціи въ Българія и който си поставя за задача да работи за подигане на народното самосъзнаніе и за защита на націоналнитѣ права на българитѣ въ всички земи дето тѣ живѣятъ политически разединени се ползува отъ щастливия случаи който му се представя отъ празнеството на Вашата седемдесетгодишнина за да присъедини и той къмъ безбройнитѣ изрази на дълбока почить за многостранната Ви деятелность които ще поличите отъ толкова разни краища и своитѣ чувства на високо уваженіе и на безкрайна признателность за всичко онова кое то въ Вашата тъй обширна научна политическа и обществена работа сте извършила въ полза на българския народъ.

Ние толкова по високо ценимъ голѣмитѣ Ви заслуги за нашия народъ защито знаемъ, че каквото сте извършили въ тая область, сте госторили единствено подъ влиянието на ония рѣдки добродетели, които съ Ви водили винаги въ Вашата дейность, било че тя е била насочена къмъ науката или къмъ обществени задачи, които далечъ не съ се ограничавали въ предѣлитѣ на Вашия народъ и на Вашето отечество.

Вашиятъ погледъ, видеики всѣкога насоченъ къмъ правдата, Вие сте гледали щото Вашиятъ гласъ да се тури все въ услуга на нейното тържество. Особено българскиятъ народъ може съ дълбока благодарность да изтъкне въ тоя тържественъ моментъ тия Ваши ценни ка-

чества, които ся Ви поставляли вредъ откъмъ страната на онеправданитѣ нието дѣло рѣдко е намирало такъ въ ревностенъ и горещъ защитникъ. И ние сме убедени и можемъ да Ви увѣримъ съ пълно съзнание, че нигде другаде съ исключение на Вашата родна страна по случай на Вашия празникъ името Ви нѣма да се споменува съ такава любовь и нигде нѣма да се отправлятъ потопли молитви къмъ Всевишния за да запази още дълги години живота Ви не само за благото на Вашия народъ но и за доброто на цѣлото человѣчество, на което Вие сте въ днешно време единъ отъ найидеалнитѣ представители.

Нека при тоя случай Ви помолимъ, високоуважаеми Павелъ Николаевичъ, да благоволите да приемете щото като единъ малъкъ знакъ на нашата признателность, да Ви причислимъ съгласно съ решението на Изпълнителния ни комитетъ въ първитѣ редове на нашитѣ ПОЧЕТНИ ЧЛЕНОВЕ.

АДРЕСЪ ВАРНЕНСКАГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНІЯ

Павелъ Николаевичъ Милюкову
отъ Варненското Гражданство.

Днесъ четверти день на месѣцъ мартъ хиляда деветстотинъ двадесетъ девети годъ, деньтъ на Вашата седемдесетъ-годишнина Варненското гражданство си спомня съ възторжена признателность за голѣмия синъ на братска Русия и за учителя на интелигенцията и народа ни.

Преди повече отъ тридесетъ години, когато нашата наука правеше първитѣ свои стъпки, а националното ни съзнание срѣщаше многобройни препятствия отъ близки и далечни фактори, ние българитѣ бѣхме щастливи да приемемъ въ земята си — Павла Николаєвича Милюкова — за да стане на другия день най-авторитетния любимецъ на академическата ни младежъ и ученъ защитникъ на народностьта ни.

Колко грижи, труд и усилия, каква щедра любовь и преданность бѣха дадени за правото дѣло на единъ малъкъ, но многострадаленъ народъ.

И всичко туй се вложи, като ценно семе, въ духа на народа и поколението, на което Вие, Павелъ Николаевичъ, бѣхте учитель и което днесъ, въпреки националнитѣ бедствия, продължава да храни внушената отъ Васъ вѣра въ човѣшката истина и правда.

Вдъхновявани отъ тая вѣра, ние, българитѣ, ще слѣдвамъ пътя, начертанъ отъ историята ни, и ще пазимъ свято заветитѣ на всички дѣйци и радетели, въ реда на които Вашето мѣсто стои непоколебимо.

Нека Богъ Ви дарува още много години и подкрепи Вашитѣ сили за великата Ви родина Русия и за нашата малка България, винаги нуждающа се отъ Вашата любовь и мисъль.

СПИСОКЪ

учрежденій и лицъ приславшихъ привѣтствія къ юбилею

НАУЧНЫЯ ОРГАНИЗАЦІИ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАУКИ

Болгарская Академія Наукъ.
Болгарскій Археологическій Институтъ.
Болгарское Историческое Общество.
Болгарскій Студенческій Союзъ въ Парижѣ.
Институтъ Славянск. права при унив. въ Брониславѣ (Чехословакія).
Историко-филологическій факультетъ Брюссельскаго Университета.
Историческое Общество въ Варшавѣ.
Кембриджскій Университетъ (Славянскій клубъ).
Литовскій Университетъ — Ковно.
Македонскій Научный Институтъ.
Македонское Студенческое Общество «Вардаръ».
Народная библіотека и музей въ Пловдивѣ.
Объединеніе академическихъ организацій въ Югославіи.
Объединеніе русскихъ, оконч. высшія учебн. завед. заграницей.
Общество русскихъ ученыхъ въ королевствѣ С.Х.С.
Польское научное общество во Львовѣ.
Правленіе Союза академическихъ организацій заграницей.
Профессора франко-русскаго института соціальныхъ и полит. наукъ.
Русскій академическій союзъ во Франціи.
Русскій народный университетъ въ Парижѣ.
Тургеневская общественная библіотека.
Свободный университетъ обществен. и политическ. наукъ (Софія).
Славянское Общество — Базарджикъ.
Союзъ Македонскихъ студенческихъ организацій заграницей — Вѣна.
Союзъ русскихъ академическихъ организацій — Прага.
Союзъ русскихъ студентовъ во Франціи.
Союзъ студентовъ ревизіонистовъ въ Парижѣ.

Союзъ учителей болгарскихъ народныхъ школъ.
Софійское историческое общество.
Философско-литературный факультетъ Брюссельскаго Университета.
Школа славяновѣдѣнія въ Лондонѣ.

Бруншвичъ акад.
Брюно — почетн. деканъ Сорбонны.
Бодуенъ де Куртенэ И. А. — Варшава.
Бородинъ, Н. А. — Кэмбриджъ.
Буайе Поль — Директоръ Института Восточныхъ Языковъ.
Бутлеръ Н. — Редакторъ Колумбійскаго Университета и директоръ Института Карнеги.
Вильбуръ Р. — Ректоръ Стэнфордскаго Университета и Министръ Вн. Дѣлъ Правительства С. Шт.
Винаверъ Е. М. — Оксфордъ.
Гарнеръ Джемсъ — Проф. Политическаго Института Иллійноскаго Университета.
Головинъ Н. Н.
Гронскій П. П.
Даниловъ Ю. Н.
Дончевъ — Директоръ гимназіи «Св. Кирилла».
Жидель Гильберъ — Проф. Междун. Права Пар. Университета.
Закъ А. Н. — Парижъ.
Зѣньковскій В. В. — Парижъ.
Карповичъ М. М. — Кембриджъ.
Карцевскій С. — Женева.
Каунъ Ал. — Профес. Кембриджскаго Университета.
Кизеветтеръ А. А.
Кольни Болоцки Дм. — Завѣд. Русскимъ Отдѣломъ Лидскаго Универс.
Коноваловъ С. А. — Бирмингамъ.
Лазаревъ — Реймсъ.
Ларнодъ — Почетн. деканъ юридическаго факультета въ Парижѣ.
Лирондель Анри — Ректоръ Университета «Клермонъ Ферранъ».
Лоуель Лоренсъ — Президентъ Гарвардскаго Универ. (еКмбриджъ).
Миркинъ-Гецевичъ Б. С.
Оманъ — Проф. русск. слов. въ Сорбоннѣ.
Патуйэ Ж. — Профессоръ русск. литер. Ліонск. унив.
Пфистеръ — Ректоръ Страсбургскаго Университета.
Пере Б. — Профессоръ Ливерпульскаго Университета.
Ростовцевъ М. — Ньюхавенъ (С. Ш.).
Рубакинъ Н. А. — Лозанна.
Тенньеръ Ж. — Проф. Страстбургскаго Университета.
Тотоміанцъ В. Ф.
Тютрюмовъ И.

Урквартъ Ф. — Деканъ Историч. фак. Оксфордскаго Университета.
Ульяновъ Н. — Лозанна.
Шарлети — Ректоръ Парижской Академіи.
Шишко Е. — Нью-Іоркъ.
Шмурло Е. — Прага.
Эйзенманъ Луи, проф. Сорбонны.

УЧРЕЖДЕНІЯ И ЛИЦА, ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛИСТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Варшавскіе сотрудники «Послѣднихъ Новостей».
Зарубежный Союзъ Русск. Пис. и Журн. — Югославія.
Издательство «Заря».
Комитетъ помощи русскимъ писателямъ и ученымъ.
Константинопольское представительство «Послѣднихъ Новостей».
Общество друзей русской книги.
Общество журналистовъ въ Варнѣ.
Общество журналистовъ въ Видинѣ — Македонія.
Общество журналистовъ въ Пловдивѣ.
Общество провинціальныхъ журналистовъ въ Болгаріи.
Общество софійскихъ журналистовъ.
Правленіе союза русскихъ писателей и журналистовъ во Франціи.
Редакція газеты «Послѣднія Новости».
Редакція газеты «Вѣсти Дня».
Редакція газеты «Новое Русское Слово» — Нью-Іоркъ.
Редакція газеты «Россія и Славянство».
Редакція газеты «Русское Время».
Редакція газеты «Сегодня» — Рига.
Редакція журнала «Дни».
Редакція журнала «Иллюстрированная Россія».
Редакція журнала «Разсвѣтъ».
Редакція журнала «Свободная Мысль».
Редакція журнала «Современныя Записки».
Редакція сборника «Вольная Сибирь» — Прага.
Тургеневское артистическое общество.
Союзъ болгарскихъ журналистовъ.
Союзъ иностранной прессы — Парижъ.
Союзъ русскихъ журналистовъ и литераторовъ въ Германіи.
Союзъ русскихъ писателей и журналистовъ въ королевствѣ С. Х. С.
Союзъ русскихъ писат. и журнал. въ Чехословацкой республикѣ.
Союзъ софійскихъ журналистовъ (Болгарія).

***

Адамовичъ Г. В. — Парижъ.
Алдановъ М. А. — Парижъ.
Баліевъ Н. Ф. — Нью-Іоркъ.

Бебутова О.
Бердяевъ Н. А.
Бунинъ Ив.
Гольдштейнъ Л. М.
Горѣловъ М. М.
Гольдштейнъ М. Л.
Гребенщиковъ Г. — С. Штаты.
Даманская А. Ф. — Парижъ.
Ермоленко-Южина.
Завадовская А.
Канторъ М. Л.
Котельниковъ А. — Грецiя.
Купринъ А. И.
Куссевицкiй С. А. — Бостонъ.
Левинъ И. О. — Берлинъ.
Левинъ С. И. — Парижъ.
Пиленко А. А. — Парижъ.
Полонскiй Я. Б. — Парижъ.
Сорвейнъ Жюль — Редакторъ «Матенъ».
Соринъ С. — Нью-Iоркъ.
Спорышъ Л. — Нью-Iоркъ.
Тези — Парижъ.
Тихонова А. С.
Тэффи Н. А. — Парижъ.
Филипповъ А. И. — Парижъ.
Эль-Туръ.
Шишмановъ Дм. — Софiя.
Цетлинъ М. С. — Парижъ.

ПОЛИТИЧЕСКIЯ ОРГАНИЗАЦIИ, ПОЛИТИЧЕСКIЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ

Варшавская группа Труд. Крестьянской Партiи «Крестьянская Россiя».
Демократическая группа русскихъ эмигрантовъ въ Польшѣ.
Заграничное предст.-во Македонской революцiонной организацiи.
Объединенiе нацiонально - прогрессивной и демократической русской эмиграцiи Югославiи.
Объединенiе Македонскихъ эмигрантовъ въ Болгарiи.
Объединенiе демократической молодежи въ Болгарiи.
Общество «Народоправство» въ Лондонѣ.
Парижская организацiя партiи соцiалистовъ-революцiонеровъ.
Русское Республ. Демокр. Объединенiе во Францiи.
Русское Республ. Демокр. Объединенiе въ Германiи.
Русское Республ. Демокр. Объединенiе въ Брно.
Русское Республ. Демокр. Объединенiе въ Лiонѣ.
Русское Республ. Демокр. Объединенiе въ Бельфорѣ.

Русское Республ. Демокр. Объединенie въ Нанси.
Русское Республ. Демокр. Объединенie въ Альгранжѣ.
Русское Республ. Демокр. Объединенie въ Омекурѣ.
Русское Республ. Демокр. Объединенie въ Абуэ.
Финляндская демократическая группа.
Центр. Бюро р. д. гр. партiи Народной Свободы и парижск. ея отдѣленie.
Центральная группа партiи Народной Свободы.
Группа политическихъ друзей въ Греции.
Группа политическихъ друзей въ Берлинѣ.
Группа рижскихъ ка-де.

***

Авксентьевъ Н. Д. — Парижъ.
Александровъ К. — Выборгъ.
Бахметьевъ В. А. — Нью-Iоркъ.
Бельчевъ Г.
Брешко-Брешковская Е. К. — Прага.
Богдановъ П. — Эстонiя.
Буровъ — Болгарскiй Мин. Ин. Дѣлъ.
Вазовъ — Прага.
Васильевъ Д. — Депут. болгарск. нар. собранiя.
Вельминъ А. П.
Ганфманъ М. И. — Латвiя.
Георговъ Ив. — Болгарiя.
Грумбахъ — Вильд'Аврай.
Десятовъ А. В.
Долгоруковъ П. Д. — Прага.
Дренскiй — Деп. болг. Народнаго Собранiя.
Евреиновъ Б. А. — Прага.
Ефремовъ Ив. — Парижъ.
Закъ А. И.
Иваницкiй Ѳ. И.
Ичасъ М. — Ковно.
Камбонъ Ж. — б. посолъ.
Каранджуловъ — Председатель группы македонскихъ депутатовъ.
Коноваловъ А. И. — Нью-Iоркъ.
Король П. О. русск. деп. польск. сейма.
Клофачъ — Предсѣд. Чехослов. Партiи Нар. Соц. (Прага).
Крымъ С. С. — Тулонъ.
Кускова Е. Д.
Ляпчевъ А. — Предсѣд. Болгарск. Совѣта Министровъ (Софiя).
Маклаковъ В. А. — Парижъ.
Малиновы — Софiя — Лидеры дем. партiй въ Болгарiи.
Массарикъ Т. Г. — Президентъ Чехословацкой Республики.
Мейснеръ Д. И. — Прага.
Миноръ О. С.
Моцкинъ Л.
Новохатный. — Софiя.

Нулансъ — б. посолъ въ Петроградѣ.
Оболенскій В. А. — Парижъ.
Палеологъ Морисъ — Академикъ. Бывш. фр. посолъ въ Петроградѣ.
Пере Рауль — Предсѣдатель Палаты Депутатовъ.
Португаловъ В. В.
Потресовъ А. Н. — Парижъ.
Пуже Филиппъ.
Родичевы Ѳ. И. и Е. А. — Лозанна.
Рудинъ А. К. — Латвія.
Серебренниковъ Н. С. — Варшава.
Смирновъ С. А.
Стефанъ Соф. Митроп. — Болгарія.
Стоиловъ Н. бывш. мин. Ин. Дѣлъ — Софія.
Стоиловъ — Львовъ.
Тесленко Н. В.
Тихоницкій Е. М. — Латвія.
Фундаминскій И. И. — Грассъ.
Цанковъ А. — Предсѣд. Болгарск. Народнаго Собранія — Софія.
Чобаніанъ А.
Хатисовъ А. И.
Хольсти — Финляндскій посолъ въ Парижѣ.
Штернъ С. Ф.
Элькинъ Б. И. — Берлинъ.

РАЗЛИЧНЫЯ ОБЩЕСТВЕННЫЯ И КУЛЬТУРНЫЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Ляпчевъ А. — Предсѣд. Болг. Совѣта Министровъ (Софія).
Болгарская Національная Спортивная Федерація.
Брестскій Отдѣлъ русскаго благотворительнаго Общества и всѣхъ русскихъ организацій Полѣсья.
Всеболгарскій Союзъ «Отецъ Паисій».
Комитетъ помощи голодающимъ въ Россіи.
Комитетъ Парижскаго Политическаго Краснаго Креста.
Комитетъ помощи русскимъ евреямъ въ Вѣнѣ.
Международное Общество мира Общества «Карнеги».
Объединеніе земскихъ и городскихъ дѣятелей во Франціи.
Общество помощи больнымъ студентамъ — Парижъ.
Общество и русскій центръ въ Чикаго.
Просвѣтительно-благотворительное общество «Добруджа» въ Болгаріи.
Россійская Лига защиты правъ человѣка и гражданина.
Русско-еврейская Община «Огель-Яковъ».
Толстовское Общество въ Англіи.
Союзъ русскихъ инвалидовъ.
Союзъ русскихъ евреевъ въ Германіи.
Союзъ русской адвокатуры въ Берлинѣ.
Союзъ русской адвокатуры въ Германіи.
Союзъ русской адвокатуры въ С. Шт.
Софійское городское управленіе.

Софійская «Славянская Бесѣда».
Федерація еврейскихъ обществъ Франціи.
Группа почитателей изъ Америки.
Группа почитателей изъ Ковно.
Группа почитателей изъ Финляндіи.
Группа почитателей изъ Польши.
Группа русскихъ инженеровъ завода «Шкода».
Группа русскихъ эмигрантовъ изъ Труайе*).

*) Приведенный выше перечень лицъ, привѣтствовавшихъ юбиляра является далеко не полнымъ. По техническимъ причинамъ не могь быть включенъ въ списокъ цѣлый рядъ лицъ, обратившихся съ привѣтствімъ, какъ то: давшія свои подписи подъ юбилейными адресами различныхъ организацій, приславшія привѣтствія не черезъ Парижскій Комитетъ чествованія, непосредственно обратившійся въ мѣстные комитеты и проч.

БИБЛІОГРАФІЯ

Трудъ по составленію библіографіи печатныхъ работъ Павла Николаевича Милюкова продѣлывается, насколько мнѣ извѣстно, впервые за долгіе годы его разнообразной писательской дѣятельности. Количество напечатанныхъ П. Н. Милюковымъ за 43 года трудовъ громадно. Оно врядъ ли поддается въ настоящихъ условіяхъ точному выясненію и учету. Въ самомъ дѣлѣ, труды П. Н. Милюкова печатались, кромѣ русскаго, на французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, чешскомъ, болгарскомъ и норвежскомъ языкахъ; отдѣльныя книги и статьи въ повременныхъ изданіяхъ появлялись въ свѣтъ въ Москвѣ, Рязани, Петербургѣ, Кіевѣ, Ростовѣ на Дону, Софіи, Прагѣ, Берлинѣ, Парижѣ, Христіаніи, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Чикаго и др. мѣстахъ. Вполнѣ естественно поэтому, что настоящая первая библіографія не можетъ претендовать на исчерпывающую полноту. Въ ней несомнѣнно окажутся существенные пробѣлы. На нѣкоторые крайне досадные пробѣлы я долженъ указать сразу. Такъ, пришлось отказаться отъ включенія въ настоящую библіографію всего того, что было П. Н. Милюковымъ напечатано въ редактировавшейся имъ газетѣ «Рѣчь» съ февраля 1906 г. по начало 1918 года. Полнаго комплекта «Рѣчи» за указанный періодъ мнѣ найти не удалось, а вводить въ библіографію статьи и замѣтки изъ случайныхъ разрозненныхъ номеровъ, оказавшихся въ моемъ распоряженіи, не имѣло смысла. Часть статей, напечатанныхъ П. Н. Милюковымъ въ «Рѣчи», вошла въ особые сборники — «Годъ борьбы» (1907), «Вторая дума» (1908) и «Балканскій кризисъ и политика А. П. Извольскаго» (1910). Точныя справки объ этихъ изданіяхъ читатель найдетъ въ библіографіи подъ соотвѣтствующимъ годомъ. По той же причинѣ я не могъ ввести въ библіографію статей Павла Николаевича въ газетахъ «Сынъ Отечества» (1905), «Свободный Народъ» и «Народная Свобода» (декабрь 1905), «Биржевыя Вѣдомости» (1905) и др. Рѣчи П. Н. Милюкова въ третьей и четвертой Государственныхъ Думахъ, напечатанныя въ «Стенографическихъ Отчетахъ» помѣщены отдѣльно, въ концѣ настоящей библіографіи. Окажутся, несомнѣнно, пробѣлы и въ перечнѣ научныхъ работъ П. Н. Милюкова,

особенно его работъ археологическихъ, печатавшихся въ спеціальныхъ, трудно въ настоящее время доступныхъ изданіяхъ. Далѣе, возможны пропуски статей и замѣтокъ, печатавшихся разновременно въ иностранныхъ органахъ періодической печати. Наконецъ, не введены въ библіографію многочисленныя интервью въ «Times», «Manchester Guardian»», «Politiken», «Morning Post» и другихъ газетахъ.

Думается впрочемъ, что все самое существенное изъ сочиненій П. Н. Милюкова, научныхъ, критическихъ и публицистическихъ — за вычетомъ вышеотмѣченныхъ пробѣловъ — удалось включить въ печатаемую нынѣ библіографію. При составленіи ея, помимо многочисленныхъ и весьма цѣнныхъ указаній самого Павла Николаевича, я пользовался любезнымъ содѣйствіемъ и указаніями нижеслѣдующихъ лицъ: Е. Ф. Шмурло, А. А. Кизеветтера, П. М. Бицилли, С. I. Гессена, Н. А. Ганца, Н. Л. Окунева, В. Н. Тукалевскаго, Д. И. Мейснера, Н. С. Ирманова и Г. М. Арнольди. Всѣмъ этимъ лицамъ считаю своимъ долгомъ принести живѣйшую признательность.

Значительную часть работы по составленію настоящей библіографіи я продѣлалъ, занимаясь въ библіотекѣ Русскаго Заграничнаго Историческаго Архива въ Прагѣ, гдѣ съ большой тщательностью и полнотою собрано огромное количество печатнаго матеріала на русскомъ и на иностранныхъ языкахъ, касающагося русской общественно-политической жизни послѣднихъ десятилѣтій. Широкую помощь въ моей работѣ мнѣ оказали завѣдывающій библіотекой Архива С. П. Постниковъ и его сотрудники П. С. Бобровскій и Н. П. Цвѣтковъ. Русская пресса была мною использована въ газетномъ отдѣлѣ того же Архива при любезномъ содѣйствіи завѣдывающаго отдѣломъ Л. Ф. Магеровскаго и его сотрудника И. Д. Голубя. Большую часть научныхъ работъ П. Н. Милюкова я просмотрѣлъ въ Славянской библіотекѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ Чехословацкой республики благодаря предупредительной помощи со стороны завѣдывающаго библіотекой В. Н. Тукалевскаго и служащихъ О. И. Артюховой, Т. С. Кирпичевой и Е. А. Юрасовой. Иностранныя изданія, гдѣ имѣлись работы П. Н. Милюкова, я использовалъ въ библіотекѣ Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ Ч. С. Р. въ Тосканскомъ дворцѣ, при чемъ не могу здѣсь не отмѣтить оказаннаго мнѣ содѣйствія со стороны служащаго этой библіотеки Н. В. Быстрова. Кромѣ вышеперечисленныхъ книгохранилищъ я въ своей работѣ пользовался еще библіотеками: 1) Пражскаго Земгора, при чемъ любезную помощь оказалъ мнѣ завѣдывающій этой библіотекой Л. А. Крезе; 2) Русскаго Очага въ Прагѣ; 3) Крестьянской Россіи; 4) Чешскаго Національнаго Музея; 5) Университетской (въ Клементинумѣ) и 6) České Spoleačnosti Nauk. Всѣмъ перечисленнымъ лицамъ за оказанную мнѣ въ моей работѣ большую и цѣнную помощь приношу глубочайшую благодарность.

Составленная мною библіографія охватываетъ періодъ времени отъ 1886 года, когда появилась первая печатная работа П. Н. Милюкова, до 1929 года включительно. Перечень работъ каждаго года я стремился начать отдѣльными изданіями, затѣмъ слѣдуютъ статьи въ журналахъ, статьи въ газетахъ и рецензіи; заканчивается годовой перечень изданіями на иностранныхъ языкахъ.

Б. Евреиновъ.

Августъ-октябрь 1929.
Прага.

БИБЛІОГРАФІЯ

печатныхъ трудовъ Павла Николаевича Милюкова [1886-1930]

Составлена Б. А. Евреиновымъ

1886*)

Юридическая школа въ русской исторіографіи (Соловьевъ, Кавелинъ, Чичеринъ, Сергѣевичъ). — «Русская Мысль». Кн. IV. Іюнь.

Рецензіи въ журналѣ «Русская Мысль». 1886.

Кн. III мартъ. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго Государства въ XVI-XVII ст. Д. И. Багалѣя.

Кн. IV апрѣль. Дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому Д. И. Иловайскаго.

Кн. V май. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Проф. І. Первольфа.

Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII в.в. Изслѣдованіе Дм. Цвѣтаева.

Кн. IX сентябрь. Обычай и пѣсни турецкихъ сербовъ. В. С. Ястребова.

Кн. XII декабрь. Историческое обозрѣніе Сибири. П. А. Словцова.

---

*) Кромѣ помѣщенныхъ въ журналѣ «Русская Мысль» рецензій на отдѣльныя сочиненія и книги, П. Н. Милюковъ регулярно, отъ 1886 г. до 1894 г., печаталъ въ томъ же журналѣ рецензіи на слѣд. историч. изданія: «Историческій Вѣстникъ», «Историческое Обозрѣніе», «Русскій Архивъ», «Русская Старина», «Кіевская Старина» и другія.

1887.

Оффиціальныя и частныя редакціи древнѣйшей разрядной книги. — Чтенія въ Импер. Об-вѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. Университетѣ. Москва. 1887. Кн. вторая, стр. 1-20.

То-же, отдѣльный оттискъ, Москва, 1887. Въ университетской типографіи, стр. 20.

Новый историкъ двѣнадцатаго года (В. К. Надлеръ «Императоръ Александръ I и идея священнаго союза». 1887). — «Русская Мысль». Кн. II. Февраль, стр. 145-155.

Восточная политика Императора Николая (С. С. Татищевъ «Внѣшняя политика Императора Николая Перваго. Введеніе въ исторію внѣшнихъ сношеній Россіи въ эпоху Севастопольской войны»). — «Русская Мысль». 1887. Кн. VI. Іюнь, стр. 15-33.

Исторіософія г. Карѣева («Основные вопросы философіи исторіи». Ч. I. и II, второе переработанное изданіе. СПБ. 1887). — «Русская Мысль». 1887. Кн. XI. Ноябрь, стр. 90-102.

Рецензіи въ журналѣ «Русская Мысль». 1887.

Кн. I январь. Записка Мих. Ив. Глинки и его переписка съ родными и друзьями. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1887.

Кн. II февраль. Первые труды по изученію начальной русской лѣтописи. А. С. Архангельскаго. Казань. 1886.
Исторія Кіевской духовной академіи. Вып. 1. Періодъ домогилянскій. С. Голубева. Кіевъ. 1886.
Нижегородскій лѣтописецъ. Работа А. С. Гацисскаго. Нижній-Новгородъ. 1886.
Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія (по поводу книги П. И. Петрова «Исторія родовъ русскаго дворянства») Александра Барсукова. СПБ. 1887.

Кн. V май. Обзоръ исторіи русскаго права. Проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова.

Кн. VI іюнь. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754-1796). Историч. изслѣдованіе Дм. Кобеко. Изд. 3-е, дополненное. СПБ. 1887.

Кн. VII іюль. Очерки изъ исторіи и быта степной окраины Московскаго государства Т. I. Исторія колонизаціи. Изслѣдованіе Д. И. Багалѣя.
Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехстолѣтія города Воронежа. Изд. воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Два тома.
Историческій очеркъ города Воронежа 1586-1886 г. Составилъ г. Веселовскій. Изданіе Воронежской городской думы.
Историческій очеркъ Сибири. Составилъ В. Андріевичъ. Иркутскъ. 1886.

Кн. VIII августъ. Сельская община въ Крымскомъ ханствѣ. Изслѣдованіе Ѳ. Лашкова. Симферополь. 1887 г.

Кн. X октябрь. Первое столѣтіе г. Екатеринослава. 1787-1887. Матеріалы для историч. очерка. Составилъ М. М. Владиміровъ.

Кн. XII декабрь. Осетинскіе этюды Вс. Миллера.

1888.

Русская историческая географія и атласъ проф. Замысловскаго. — «Русская Мысль». 1888. Кн. VIII, августъ.

Рецензіи въ журналѣ «Русская Мысль». 1888.

Кн. II февраль. Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Вып. 1. Время патріаршества Іосифа. Н. Каптерева.

Кн. III мартъ. Первый царь Московскій Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный. Составилъ Тихоміровъ.

Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. В. П. Руммеля и В. В. Голубцова. Томъ II. СПБ. 1887.

Кн. IV апрѣль. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Кн. первая. СПБ. 1886.

Русская Старина. Январь-мартъ.

Кн. V май. Новыя данныя о земскомъ соборѣ 1648-1649 г.г. А. Н. Зерцалова. М. 1887.

Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣлія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Т. I. Полкъ Стародубскій. Вып. 1-й. Кіевъ. 1888.

Гражданское чинопроизводство въ Россіи. Историческій очеркъ В. А. Евреинова. СПБ. 1888.

Кн. VII іюль. Ген.фельдм. кн. Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность по неизданнымъ источникамъ. Составилъ ген. штаба ген. м. кн. Щербатовъ. Т. I. СПБ. 1888.

Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV-XVII в. Ал. Маркевича. О. 1888.

Кн. X октябрь. Письма и бумаги Имп. Петра Великаго. Т. I (1688-1701). СПБ. 1887.

Русь и Византія въ X вѣкѣ. Рѣчь произнесенная 11 мая 1888 г. въ торжественномъ собраніи Одесск. славянск. благотворит. об-ва въ память 900-лѣтняго юбилея Крещенія Руси Ѳ. Успенскимъ. О. 1888.

Кн. XI ноябрь. Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни (1767-1804). Е. Шмурло. СПБ. 1888.

1889.

Къ вопросу о составленіи разрядныхъ книгъ. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1889. Кн. май, стр. 165-195.

Замѣтка pro domo sua — «Русская Мысль». 1889. Кн. XI. Ноябрь, стр. 241-244.

Гдѣ былъ городъ Бездежъ? — Древности. Труды Московск. Археологич. Об-ва. Томъ XIII. Вып. 1. Москва 1889, стр. 124-128.

Рецензіи въ журналѣ «Русская Мысль». 1889.

Кн. IV апрѣль. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Л. Н. Майкова.

Кн. V май. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край. В. И. Витевскій.

Кн. VIII августъ. Сибирь въ XIX столѣтіи. В. К. Андріевичъ. — Историческіе пропилеи. Д. Л. Мордовцева.

Кн. IX сентябрь. Русское провинціальное общество во 2-й половинѣ XVIII в. Н. Чечулинъ.

Кн. X октябрь. Власть московскихъ государей. М. Дьяконовъ.

Скоморохи на Руси. А. С. Фаминцына.

Кн. XI ноябрь. Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. 1-2.

Кн. XII декабрь. Города Московскаго Государства въ XVI в. Н. Д. Чечулинъ.

Императоръ Николай I и иностранные дворы. С. Татищевъ.

Киргизы Букеевской орды. А. Харузина.

Continental literature July 1888 to June 1889. Russia : « The Athenaeum », Journal of English and Foreign Literature, the Fine Arts, Music and the Drama, London, 6 July 1889 N 3219.

Insigne énigmatique sur la monnaie des grand-ducs de Kieff. Annales de la Société française de Numismatique. 1889.

1890.

Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго. — Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1890. Кн. кн. сентябрь (1-108), октябрь (301-358), ноябрь (1-80).

Научный обзоръ. VIII. **Археологическій съѣздъ въ Москвѣ.** — «Русская Мысль». 1890. Кн. IV. Апрѣль, стр. 170-195.

Русская аграрная политика прошлаго столѣтія (Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX в. Соч. В. Е. Якушкина. Вып. 1-й. XVIII в. Москва 1890 г.). — Русская Мысль». 1890. Кн. V. Май, стр. 198-213.

Н. И. Костомаровъ (1817-1885). Некрологъ. Историческая Записка о дѣятельности И. Моск. Арх. Об-ва за первыя 25 лѣтъ существованія. Москва. 1890. стр. 95-102.

М. П. Погодинъ (1800-1875). Некрологъ. — Историческая записка о дѣятельности Имп. Московск. Археологич. Об-ва за первыя 25 лѣтъ существованія. Москва. 1890, стр. 103-111.

С. М. Соловьевъ (1820-1879). Некрологъ. — Историческая записка о дѣятельности Имп. Московск. Археологич. Об-ва за первыя 25 лѣтъ существованія. Москва. 1890, стр. 214-219.

VIII Археологическій съѣздъ въ Москвѣ. Москва. 1890.

Гдѣ былъ городъ Бездежъ? Москва. 1890.

Рецензіи въ журналѣ «Русская Мысль». 1890.

Кн. I январь. Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Изслѣдованіе П. И. Буцинскаго. Х. 1889.
Исторія Сибири. Часть I. Періодъ съ древнѣйшихъ временъ до установленія главенства г. Тобольска и основанія Иркутскаго острога. Часть II. Періодъ съ 1660 г. до воцаренія имп. Елисаветы Петровны. Составилъ В. К. Андріевичъ. СПБ. 1889.
Сибирь въ Екатерининской Комиссіи. Этюдъ по исторіи Сибири XVIII вѣка. П. Головачева. М. 1889.

Кн. II февраль. Исторія г. Ярославля. К. Д. Головщикова. Ярославль. 1889.
Тверь въ XVII в. Историч. и археолог. путеводитель по г. Твери. Изслѣдованіе Н. Н. Овсянникова. Тверь. 1889.
Матеріалы по исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Вып. XIV и XV. Собр. и изд. членомъ-секретаремъ Воронежск. губ. статистич. к-та Л. Б. Вейнбергомъ. Воронежъ. 1889.
Матеріалы по исторіи Пензенской и сосѣднихъ губерній. Собр. Л. Вейнбергомъ и А. Полтарацкимъ, съ предисл. А. Ѳ. Селиванова. Пенза. 1889.
Историческая хрестоматія по русской исторіи. Сост. Я. Г. Гуревичемъ.
Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московск. Архивѣ Мин. Юстиціи. Кн. VI. М. 1889.

Кн. V май. Біографія А. И. Кошелева. Томъ I. Молодые годы А. И. Книга 1. Родъ Кошелевыхъ. Очеркъ движенія образованія и преимущественно журналистики съ XVIII ст. Культурное значеніе Москвы. Книга II. Воспитаніе и первоначальная служба А. И. К. Изданіе О. Ѳ. Кошелевой. М. 1889.

Кн. VI іюнь. Исторія Екатерины Второй. В. А. Бильбасова. Томъ I. СПБ. 1890.
Русскіе лопари. Н. Харузина.
Курганы Букеевской степи. Алексѣя Харузина. М. 1890.

Кн. VIII августъ. Историческій очеркъ Сибири. Т. III. Періодъ отъ 1742 до 1762 г. Томскъ 1887. Т. IV и V. Екатерининскій періодъ. Составилъ В. К. Андріевичъ.

Фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій 1815-1879 г. Томъ второй. А. Л. Зиссермана.

Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. №№ 7-9. Симферополь. 1889-90 г.г.

Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверозападнаго края. Изд. П. Н. Батюшковымъ. СПБ. 1890.

Бѣлорусскія древности. А. М. Сементовскаго. Вып. I. СПБ. 1890.

Кн. IX сентябрь. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ Смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. С. Лапо-Данилевскаго. СПБ. 1890.

Кн. XI ноябрь. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Гр. И. Толстого и Н. Кондакова, вып. III.

Continental literature, July 1889 to July 1890. Russia : « the Athenaeum », Journal of English and Foreign Literature, the Fine Arts, Music and the Drama. London 5 July 1890, N 3271.

1891.

Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго. — Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1891. кн. кн. январь, мартъ (30-147), августъ (288-394), октябрь (408-483).

Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ (20 сент. 1791 г. — 20 сент. 1891 г.). — «Русская Мысль». 1891. кн. IX сентябрь. стр. 89-107.

Рецензія на книгу А. Н. Пыпина. Исторія русской этнографіи, т. II. СПБ. 1891. — «Этнографическое Обозрѣніе», 1891 г., № 1, кн. VIII, стр. 180-184.

Рецензіи въ журналѣ «Русская Мысль» 1891.

Кн. II февраль. Казань въ ея прошломъ и настоящемъ. Составилъ М. Пинегинъ. СПБ. 1890.

Историко-статистич. указатель г. Пскова. Составилъ И. И. Васильевъ. Псковъ.

Историч. очеркъ г. Вязьмы съ древнѣйшихъ временъ до XVII в. М. 1890. Составилъ И. П. Виноградовъ.

Историч. очеркъ 100 лѣтняго существованія г. Николаева при устьѣ Ингула (1790-1890). Составленъ по порученію Николаевск. гор. думы. Г. Н. Ге. 1890.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ мин. юстиціи, кн. VII.

Вотяки. Историко-этнограф. очеркъ И. И. Смирнова, Казань. 1890.

Кн. III мартъ. Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, издаваемый подъ ред. М. И. Семевскаго. Кн. 1-я. 1890.

Кн. IV апрѣль. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія В. Н. Витевскаго. Вып. 2. Казань 1890. Вып. 3. Казань. 1891.

Кн. VI іюнь. Св. Дмитрій Ростовскій и его время (1651-1709). Изслѣдованіе И. А. Шляпкина. СПБ. 1891.

Исторія Войска Донского и старобытность началъ казачества. Соч. В. М. Пудавова. Изд. М. В. Пудавовъ. Вып. I. Новочеркасскъ. 1890.

Кн. VII іюль. Укекъ. Доклады и изслѣдованія по археологіи и исторіи Укека. Кн. Л. Л. Голицына и С. С. Краснодубровскаго. Саратовъ. 1891.

Историч. акты XVII ст. (1633-1699). Матеріалъ для исторіи Сибири. Собралъ и издалъ Ин. Кузнецовъ. Томскъ. 1890.

Сибирская библіографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однихъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. В. И. Межова. Т. I. Изд. И. М. Сибирякова. СПБ. 1891.

Кн. VIII августъ. Сборникъ И. Русск. Историч. Об-ва. Томы 72-77. СПБ. 1891.

Пермяки. Историко-этнографич. очеркъ. И. Н. Смирнова. Казань. 1891.

Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнографическій очеркъ Алексѣя Харузина. Вып. II. часть первая. М. 1891.

Continental literature, July 1890 to July 1891. Russia : « the Athenaeum », Journal of English and Foreign Literature, the Fine Arts, Music and the Drama. London 4 July 1891, N 3323.

1892.

Государственное хозяйство России въ первой четверти XVIII вѣка и реформа Петра Великаго. Рѣчь передъ диспутомъ въ Московскомъ Университетѣ 17 мая 1892 г. — «Русская Мысль». Москва. 1892. Кн. VII. Іюль, стр. 57-67.

Научный обзоръ. Международный конгрессъ антропологіи и доисторической археологіи въ Москвѣ. — «Русская Мысль». Москва. 1892. Кн. IX. Сентябрь, стр. 126-151.

Отвѣтъ рецензенту «Вѣстника Европы». — «Русская Мысль». Моска. 1892. Кн. IX. Сентябрь, стр. 203-208.

Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго. — Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. СПБ. 1892. Кн. кн. январь (65-125) и февраль (261-348).

Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. СПБ. 1892. Извлечено изъ Журнала Мин. Нар. Просв. за 1890-1892 г.г., стр. XVI, 736. Приложенія. Государственныя Росписи 1680-1724 годовъ. Дополненія и поправки, стр. 156.

Рецензія на сочиненіе А. С. Лаппо-Данилевскаго «Организація прямого обложенія въ Московскомъ Государствѣ». — Отчетъ о тридцать третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова. Приложеніе къ LXX тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. СПБ. 1892.

Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Рецензія на сочиненіе А. С. Лаппо-Данилевскаго «Организація прямого обложенія въ Московскомъ Государствѣ». СПБ. 1892. Приложеніе I. Списокъ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ XV-XVI в. Приложеніе II. Проектъ введенія новой землемѣрной единицы «поприща» для финансовыхъ и военныхъ цѣлей, стр. II + 183.

Рецензія на книгу А. Н. Пыпина. — Исторія русской этнографіи, т. III. Этнографія малорусская. СПБ. 1891 — т. IV. Бѣлоруссы и Сибирь. СПБ. 1892. «Этнографическое Обозрѣніе», 1892, № 1, кн. XII, стр. 1-4.

Рецензіи въ журналѣ «Русская Мысль». 1892.

Кн. II февраль. Сочиненіе Джильса Флетчера, С. М. Середонина.

Кн. IV апрѣль. Потемкинъ. А. Г. Брикнера. СПБ. 1891.

Кн. VI іюнь. Имп. Марія Ѳеодоровна. Ея біографія (1759-1828). Е. Шумигорскаго. Томъ первый. СПБ. 1892. Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. 4. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. СПБ. 1891. Журналы Комитета Министровъ. Царствованіе имп. Александра I. 1802-1826. Т. II. 1810-1812. СПБ. 1891-1892.

Кн. VII іюль. Сборникъ Имп. Русск. Ист. Об-ва Ш. 78-81. СПБ. 1891-1892.
Журналы комитета министровъ. Царствованіе имп. Александра I, т. II, 1810-1812 г.

Кн. VIII августъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. П. Барсукова. Кн. 5-я. СПБ. 1892.
Собраніе трактатовъ и конвенцій заключенныхъ Россіей съ иностр. державами. Ф. Мартенса, т. IX (X).

Кн. IX сентябрь. Исторія запорожск. казаковъ. Д. И. Эварницкаго. Т. I. СПБ. 1892.
Сибирская библіографія В. И. Межова. 3 тома и указатель.

Кн. XII декабрь. Сочиненія Т. Н. Грановскаго. 2 части. 3-е дополн. изданіе. М. 1892.
Опытъ русской исторіографіи В. С. Иконникова,

проф. Универс. Св. Владиміра. Томъ первый. Кн. первая. Кіевъ 1891. Книга вторая Кіевъ 1892.

Continental literature July 1891 to July 1892. Russia : the Athenaeum », Journal of English and Foreign Literature, the Fine Arts, Music and the Drama. London, 2 July 1892, N° 3375, 25-27.

1893.

Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій. — «Русская Мысль», сентябрь.

Разложеніе славянофильства. Данилевскій, Леонтьевъ, Вл. Соловьевъ. Публичная лекція читанная 22 января 1893 г. въ аудиторіи Историческаго музея. — «Вопросы Философіи и Психологіи», подъ ред. проф. Н. Я. Грота. Годъ IV. Книга 18 (3). Май 1893. Изданіе А. А. Абрикосова. Москва. 1893, стр. 46-97.

По поводу «Замѣчаній» Вл. С. Соловьева. — «Вопросы Философіи и Психологіи», подъ ред. проф. Н. Я. Грота. Годъ IV. Книга 19 (4). Сентябрь 1893 г. Изданіе А. А. Абрикосова. Москва, стр. 103-105.

К н. I и II. А. И. Кошелевъ, біографія Колюпанова.
К н. III. Довнаръ-Запольскій, Грушевскій, Экземплярскій, Зотовъ, Извѣстія Общеархеологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ унив., т. X, вып. I-IV.
К н. IV. Собѣстьянскій. Ученіе о національныхъ особенностяхъ юридическаго быта древнихъ славянъ.
Къ исторіи ученій о бытѣ славянъ, Д. И. Багалѣя.
К н. V. Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. 35, 71, 82. Архивъ кн. Куракина, т. 2 и 3.
К н. VII. Матеріалы для исторіи женскаго образованія Е. Лихачевой. Записки Неплюева.
К н. VIII. Жизнь и труды М. П. Погодина, Барсукова, т. VIII. Русско-византійскія изслѣдованія Василевскаго, II.
К н. IX. Лонгиновъ. Извѣстія Таврич. комиссіи.
Чтенія въ Обществѣ Нестора.
К н. XII. Сборникъ Имп. Р. Истор. Общества, т. 83-й.
Мангазея и мангазейскій у. (1601-1640). П. И. Будинскаго. Къ исторіи Сибири (въ 1645). П. И. Будинскаго.

Continental literature July 1892 to July 1893. Russia : « The Athenaeum », Journal of English and Foreign Literature, the Fine Arts, Music and the Drama. London, 1 July 1893, N 3427, p. 27-30.

1894.

Попытка государственной реформы при воцареніи императрицы Анны Іоанновны. — Сборникъ «Въ пользу воскресныхъ школъ», изданіе «Русской Мысли». Москва. 1894.

Лѣтній университетъ въ Англіи. — «Міръ Божій» ежемѣсячный, литературный и научно-популярный журналъ для самообразованія. СПБ. 1894. Кн. май, № 5.

Попытка государственной реформы при воцареніи императрицы Анны Іоанновны. Москва. 1894, стр. 65.

Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій. — «Русская Мысль». М. 1894. Кн. кн. январь, май, августъ, сентябрь, ноябрь.

Рецензіи въ журналѣ «Русская Мысль», 1894 г.

Кн. II. Антропоисторическія изслѣдованія мужского великорусскаго населенія Владимірской, Ярославской и Костромской губерній, Н. Ю. Зографа.
Насколько вѣрны выводы проф. Зографа. — А. А. Ивановскаго и А. Г. Рождественскаго.
Кн. IV. Письма и бумаги Петра Великаго, т. III.
Кн. VII. Сборникъ Имп. Р. Историческаго Общества, т. 88-93.
Кн. X. Архивъ Куракина, т. IV
Бунтъ военныхъ поселеній 1831 г. Слезкинскаго.
Образованность на Руси, Проф. А. И. Соболевскаго.

Continental literature July 1893 to July 1894. Russia : « The Athenaeum », Journal of English and Foreign Literature, the Fine Arts, Music and the Drama. London, 7 July 1894, N° 3480, 22-25.

1895.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ. — Энциклопедическій Словарь Ф А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПБ. Томъ XIV. Кн. 27, стр. 440-442.

Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ. — Энциклопедическій Словарь, Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПБ. Томъ XIV-а. Кн. 27, стр. 808-810

Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ. — Энциклопедическій Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПБ. Томъ XV. Кн. 29, стр. 151-153.

Кирѣевскій, Петръ Васильевичъ. — Энциклопедическій Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПБ. Томъ XV. Кн. 29, стр. 153.

Книга Большого Чертежа — Энциклопедическій Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПБ. Т. XV. Кн. 29, стр. 455-456.

Книги писцовыя и переписныя. — Энциклопедическій Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПБ. Т. XV. Кн. 29, стр. 457-459.

Коллегіи. — Энциклопедическій Словарь Ф А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПБ. Т. XV-а. Кн. 30, стр. 692-694.

Колонизація Россіи. — Энциклопедическій Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПБ. Т. XV-а. Кн. 30, стр. 740-746.

Крестьяне въ Россіи. — Энциклопедическій Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПБ. Т. XVI-а. Кн. 32, стр. 675-714.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть I. — «Міръ Божій», ежемѣсячный журналъ для самообразованія СПБ. 1895. Кн. кн. январь, февраль, апрѣль, май, іюнь, іюль, сентябрь, ноябрь, декабрь.

Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ. — «Русскія Вѣдомости», газета. Москва. 1895. №№ 205, 312, 317 и 323.

Кто были наши предки. — «Русскія Вѣдомости», газета. Москва. 1895 № 232.

Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій. — «Русская Мысль». Май 1895. Кн. кн. апрѣль, май, декабрь.

Continental literature July 1894 to July 1895. Russia : « The Athenaeum », Journal of English and Foreign Literature, the Fine Arts, Music and the Drama. London, July 1895, N 3532.

1896.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть первая. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». 1-ое изд. СПБ. 1896, стр. 222.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть первая. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». 2-ое изд. СПБ. 1896, стр. XII+222.

Очерки по исторіи русской культуры. — Журналъ «Міръ Божій». Кн. кн. май, іюнь, іюль, ноябрь, декабрь.

Распространеніе Университетскаго образованія въ Англіи, Америкѣ и Россіи. — «Русское Богатство». СПБ. 1896. Кн. № 3, стр. 79-121.

По поводу переписки В. Г. Бѣлинскаго съ невѣстой. Предисловіе къ письмамъ В. Г. Бѣлинскаго, напечатаннымъ Г. Джаншіевымъ въ Сборникѣ «Починъ». Изд. Московскаго Общества любителей россійской словесности. 1896.

Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ. — «Русскія Вѣдомости», газета. Москва. 1896. №№ 276, 282, 189, 305, 335 и 345.

Continental literature July 1895 to July 1896. Russia : The Athenaeum », Journal of English and Foreign Literature, the Fine Arts, Music and the Drama. London, 4 July 1896, N° 3584, 26-27.

1897.

Главныя теченія русской исторической мысли. Томъ первый. Москва. 1897, стр. 306.

Время и мѣсто дѣйствія записки греческаго монарха. Труды Восьмого Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1890 года. Подъ редакціей графини П. С. Уваровой. Томъ III. Москва. 1897, стр. 278-290.

Университетскій курсъ Грановскаго. Литературно-научный сборникъ «Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ». Подъ редакціей Гр. Джаншіева. М. 1897.

Когда задворные люди стали государственными тяглецами. Труды Рязанской ученой архивной комиссіи. Рязань. 1897.

Алфабетъ на именныя книги пѣхотнаго Азовскаго полку, званія и имянъ съ отчествы и съ прозвища нижепоказанныхъ разныхъ чиновъ людей, сколько за кѣмъ положено въ окладъ мужского полу душъ, за помѣщики и за разночинцы. Съ предисловіемъ П. Н. Милюкова «Владѣльцы населенныхъ имѣній въ нѣсколькихъ уѣздахъ Рязанской губерніи по первой ревизіи (1722). Изд. Рязанской уч. арх. комиссіи. Рязань. 1897, стр. XII+81.

Болтинъ, Иванъ Никитичъ. С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ V. СПБ. 1897, стр. 130-146.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». СПБ. 1897, стр. VIII+365.

Популярныя лекціи для народа въ Вѣнѣ. — «Русскія Вѣдомости», газета. Москва. 1897. № 53.

1898.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть первая. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». 3-е изданіе, исправленное и дополненное. СПБ. 1898, стр. XXI+228.

Главныя теченія русской исторической мысли. Томъ первый. Второе изданіе. 1898. Москва. Изданіе журнала «Русская Мысль». XI-(I)-396.

Петръ Великій. — Энциклопедическій Словарь. Издатели Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Ефронъ. СПБ. Т. XXIII-а. Кн. 46. 1898, стр. 487-495.

Письма изъ Македоніи. — «Русскія Вѣдомости», газета. Москва. 1898. №№ 159, 168, 181, 183, 277.

Skizzen russischer Kulturgeschichte, Deutsche vom Verfasser durchgesehene Ausgabe von E. Davidson, mit einer Vorrede des Verfassers zur deutscher Ausgabe. I Band, Leipzig, 1898. (Otto Wigand).

1899.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». 2-ое изданіе, исправленное и дополненное. СПБ. 1899, стр. VIII + 373.

Очерки по исторіи русской культуры. «Міръ Божій». 1899. Ноябрь (Начало III части).

Сербо-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. Сборникъ журнала «Русское Богатство». СПБ. 1899. Подъ редакціей Н. К. Михайловскаго и В. Г. Короленко, стр. 238-291.

Изъ поѣздки въ Македонію. Европейская дипломатія и македонскій вопросъ. «Вѣстникъ Европы». СПБ. 1899. Май и іюнь.

Христіанскія древности Западной Македоніи (по матеріаламъ, собраннымъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ теченіе

1901

Надеждинъ и первыя критическія статьи Бѣлинскаго (по поводу новаго изданія сочиненій Бѣлинскаго, подъ редакціей С. А. Венгерова). Литературный Сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому «На славномъ посту» (1860-1900). СПБ. 1901.

Очерки по исторіи русской культуры. «Міръ Божій» 1901. Кн. кн. апрѣль, май, августъ и ноябрь.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть третья. Націонализмъ и общественное мнѣніе. Выпускъ первый. Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». СПБ. 1901, стр. V + 181.

Древнѣйшая Разрядная книга оффиціальной редакціи (по 1565 г.). — Изд. Имп. Об. Ист. и Др. Росс. М. 1901.

Esquisse sur l'histoire de la civilisation russe par P. Milioukov, prof. à l'université de Moscou, traduit de russe par P. Dramas et D. Soskice, avec une préface de Lucien Herr. Paris, V. Giard et E. Brière, 1901.

1902.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». 3-е изданіе, исправленное и дополненное. СПБ. 1902, стр. 402 + VIII.

Письмо изъ Новгорода. Журналъ «Освобожденіе». Штутгартъ. 2-го сентября 1902 г., № 6.

Что такое конституція Лорисъ-Меликова? Журналъ «Освобожденіе». 18-го ноября 1902 г., № 11.

Изъ исторіи русской интеллигенціи. Сборникъ статей и этюдовъ. Изданіе Т-ва «Знаніе». СПБ. 1902, стр. 308 + VIII.

Очерки по исторіи русской культуры. Журналъ «Міръ Божій». 1902. Кн. кн. іюль, августъ, ноябрь.

Университеты въ Россіи. — Энциклопедическій Словарь. Издатели Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Ефронъ. СПБ. Т. XXXIV-А, кн. 68. 1902, стр. 788-800.

University Extension — Энциклопедическій Словарь. Издатели Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Ефронъ. СПБ. Т. XXXIV-А, кн. 68. 1902, стр. 803-809.

Феодализмъ въ Россіи (въ сѣверо-восточной Руси) — Энциклопедическій Словарь. Издатели Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Ефронъ. СПБ. Т. XXXV-А, кн. 70. 1902, стр. 548-550.

Физіократы въ Россіи. — Энциклопедическій Словарь. Издатели Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Ефронъ. СПБ. Т. XXXV-А, кн. 70. 1902, стр. 694-695.

Древнѣйшая Разрядная Книга оффиціальной редакціи (по 1565 г.). Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйствительнаго Члена П. Н. Милюко-

ва. — Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1902 г. Книга Первая. Москва, стр. VIII + 268.

Древнѣйшая Разрядная Книга оффиціальной редакціи (по 1565 г.), изданная подъ наблюденіемъ Дѣйств. Члена П. Н. Милюкова (указатель). — Чтенія въ Имп. Об. Исторіи и Древн. Росс. при Московск. Университетѣ. 1902 г. Книга вторая. Москва, стр. 272-314.

Средневѣковой уголокъ въ современной Европѣ (изъ поѣздки въ Старую Сербію). — «Журналъ для всѣхъ». 1902. Кн. кн. Ш (329-346), IV (467-480), V (579-588).

1903.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть третья. Націонализмъ и общественное мнѣніе. Вып. первый. Изд. второе. Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». СПБ. 1903, стр. V + 186.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть третья. Націонализмъ и общественное мнѣніе. Вып. второй. Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». СПБ. 1903, стр. V + 242 (424).

Изъ исторіи русской интеллигенціи. Сборникъ статей и этюдовъ. Изданіе Т-ва «Знаніе». Изданіе второе. СПБ. 1903.

Державный маскарадъ. «Освобожденіе». Штутгартъ. 19-го марта 1903 г. № 19.

Съ Македонской границы. «Русскія Вѣдомости», газета. Москва. 1903, № 269.

1904.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть первая. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». 5-ое изданіе, исправленное и дополненное. СПБ. 1904, стр. VIII + 293.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть третья. Націонализмъ и общественное мнѣніе. Выпускъ второй. Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». Изд. 2-е. СПБ. 1904, стр. VI + 242 (424).

Изолгались! Журналъ «Освобожденіе». Штутгартъ. 19-го янв. 1904 г. № 15/16 (39/40).

Очередныя задачи русскихъ конституціоналистовъ. Журналъ «Освобожденіе». Штутгартъ. 19-го іюля 1904 г. № 52.

Новый курсъ. Журналъ «Освобожденіе». Штутгартъ. 15-го октября 1904 г. № 57.

Фіаско «новаго курса». Журналъ «Освобожденіе». Штудгартъ. 23-го ноября 1904 г. № 60.

Задача земскаго съѣзда 6-9 ноября 1904 г. «Право», еженедѣльная юридическая газета. СПБ. 1900 г. № 48.

1905.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». 4-е изданіе. СПБ. 1905, стр. 402 + VIII.

Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. Изданіе второе. Кн-изд. М. В. Пирожкова. Историческій отдѣлъ. № 5. СПБ, стр. 680 + XVI.

Новый варіантъ славянофильской политической доктрины. «Русское Богатство». СПБ. 1905. № 4, апрѣль, стр. 127-132.

Демократизмъ и вторая палата. «Русское Богатство».СПБ. 1905, № 7, іюль, стр. 193-210.

Болгарская конституція. «Политическій строй современныхъ государствъ». Томъ I. Сборникъ статей. Изд. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича при участіи редакціи «Право» СПБ. 1905, стр. 545-652.

Българската Конституция. Солунъ., 1905.

Субъективное и соціологическое обоснованіе свободы печати. — Въ защиту слова. Сборникъ. 2-е изданіе безъ перемѣнъ. СПБ. 1905, стр. 10-26.

Кн. Евгеній Трубецкой и возрожденіе Церкви. «Право», еженедѣльная юридическая газета. СПБ. 24 апрѣля 1905 г. № 16.

По поводу «отвѣта» кн. Евгенія Трубецкого. «Право», еженедѣльная юридическая газета. СПБ. 8 іюня 1905 г. № 22.

Государственный актъ 6 августа 1905 г. «Право», еженедѣльная юридическая газета. СПБ. 6 августа 1905 г. № 31.

Верховники и шляхетство. Изд. «Донская Рѣчь» Н. Парамонова. Ростовъ н/Д. 1905, стр. 74.

Демократизмъ и вторая палата. — Библіотека «Свободная Россія» № 5, подъ общ. ред. С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова. Изд. Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой. Москва. 1905, стр. 27.

«Исконныя начала» и «требованія жизни» въ русскомъ государственномъ строѣ. Изд. «Донская Рѣчь» Н. Е. Парамонова. Ростовъ н/Д. 1905, стр. 23.

«Союзъ Освобожденія» и другія политическія партіи. Журналъ «Освобожденіе». Штутгартъ. 26 іюля 1905 г. № 74.

Итти или не итти въ Государственную Думу? Журналъ «Освобожденіе». Штутгартъ. 19 авг. 1905 г. № 75.

Вступительная рѣчь П. Н. Милюкова. Конституціонно-демократическая партія. Съѣздъ 12-18 октября 1905 г. СПБ. 1905. Типографія Т-ва «Общественная польза», стр. 2-8.

Вступительная рѣчь П. Н Милюкова. Конституціонно-демократическая партія. Съѣздъ 12-18 октября 1905 г. Москва. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, стр. 3-9.

Вступительная рѣчь П. Н. Милюкова. Конституціонно-демократическая партія. Съѣздъ 12-18 октября 1905 г. СПБ. 1905. Безплатное прибавленіе къ газетѣ «Свободный народъ», стр. 3-6.

Кн. С. Н. Трубецкой. «Русскія Вѣдомости», газета. Москва 1905. № 260.

Russia and its crisis, by Paul Miljoukov. Crane Lectures for 1903, Chicago, the University Press, 1905.

Present tendencies of Russian Liberalism. Atlantic Monthly. March 1905, pp. 404-414.

1906.

Докладъ П. Н. Милюкова. Бюллетени III общеимперскаго делегатскаго съѣзда партіи народной свободы. Суббота, 22 апр. 1906. № 1.

Отвѣтная рѣчь П. Н. Милюкова. — Бюллетени III общеимперскаго делегатскаго съѣзда партіи народной свободы. Воскресенье., 23 апр. 1906., № 3.

Рѣчь проф. П. Н. Милюкова **объ основныхъ законахъ.** — Бюллетени III общеимперскаго делегатскаго съѣзда партіи народной свободы. Вторникъ., 25 апр. 1906 г.

Къ итогамъ второго съѣзда к.-д. партіи. — Вѣстникъ партіи Народной Свободы. Еженедѣльникъ конституціонно - демократической партіи. 22 февраля 1906. № 1.

Новая тактическая постановка программныхъ вопросовъ. — Вѣстникъ партіи Нар. Св. Еженедѣльникъ конституціонно-демократической партіи. 5 ноября 1906 г., № 35.

«Полновластная» дума. — Вѣстникъ партіи Народной Свободы. Еженедѣльникъ конституціонно-демократической партіи, 7 дек. 1906 г. № 40.

Къ итогамъ второго съѣзда к.-д. партіи. — «Право», еженедѣльная юридическая газета. 22 янв. 1906 г. № 3.

Кто виноватъ. Кн. Е. Н. Трубецкой и конституціонно-демократическая партія. — «Русскія Вѣдомости», газета. Москва. 1906. № 24.

Еще о кн. Трубецкомъ и конституціонно-демократической партіи. «Русскія Вѣдомости», газета. Москва. 1906. № 34.

1907.

Итоги избирательной кампаніи. — Вѣстникъ Народной Свободы. Еженедѣльникъ к.-д. 22 февр. 1907 г.

Памяти Григорія Борисовича Іоллоса. — Вѣстникъ Народной Свободы. Еженедѣльникъ к.-д. 22 марта 1907 г. № 12.

Тактика партіи народной свободы. — Вѣстникъ Народной Свободы. Еженедѣльникъ к.-д. 31 мая 1907. № 21.

Годъ борьбы. Публицистическая хроника 1905-1906 г. г. Библіотека «Общественной пользы». СПБ. 1907, стр. XVII + 550.

Вступительная статья и заключеніе къ книгѣ А. Смирнова «Какъ прошли выборы во 2-ю Госуд. Думу». СПБ. 1907, стр. 294 + V.

La crise russe. Ses origines — Son évolution — Ses conséquences. Edition revue, corrigée et mise à jour avec un chapitre additionnel par Paul Milioukov. Traduit par Mme Marie Petite. Librairie Universelle. Paris 1907 p. 440 r. IV.

1908.

Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907. 2-ое продолженіе сборника «Годъ Борьбы». Библіотека общественной пользы». СПБ. 1908, стр. 302 + XIII.

Непроизнесенная рѣчь. Статья члена Гос. Думы отъ г. Петербурга П. Н. Милюкова. СПБ. 1908.

Вопросы конституціи и государственнаго права. Вопросы внутренней политики. Иностранныя дѣла. — III Государственная Дума (сессія 1-ая). Отчетъ фракціи народной свободы. СПБ. 1908.

1909.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть первая. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. 6-е изданіе, исправленное и дополненное. СПБ., 1909, стр. XII + 316.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть третья., Націонализмъ и общественное мнѣніе. Выпускъ первый. Изд. третье. СПБ. 1909, стр. V + 186.

Пожеланія. «Финляндія», двухнедѣльный журналъ. СПБ. 10/23 мая 1909 г.

Третья Государственная Дума и дѣятельность въ ней фракціи народной свободы (по докладамъ СПБ-аго депутата П. Н. Милюкова собраніямъ избирателей на Васильевскомъ островѣ и Петербургской сторонѣ). Тип. - Лит. Б. Я. Авидона. СПБ. 1909, стр. 38.

Націонализмъ противъ націонализма — «По вѣхамъ». Сборникъ статей объ интеллигенціи и «національномъ лицѣ». Москва. 1909. Съ предисловіемъ Ф. Мускатблита. Кн.-изд. «Заря». Тип. «Общественная Польза», стр. 37-42.

«Отталкиваніе» или «притяженіе». — «По вѣхамъ»., Сборникъ статей объ интеллигенціи и «національномъ лицѣ». Москва., 1909. Съ предисловіемъ Ф. Мускатблита. Кн.-изд. «Заря». Тип. «Общественная польза», стр. 76-81.

Группировка и взаимоотношеніе партій. Директивы фракціи народной свободы и ихъ исполненіе. Вопросы конституціи и государственнаго права. Внутренняя политика. Національные вопросы и иностранная политика. — Третья Государственная Дума. Фракція народной свободы въ періодъ 15 октября 1908 г. — 2 іюня 1909 г. Часть I. Отчетъ фракціи. СПБ. 1909.

1910.

Интеллигенція и историческая традиція. — Сборникъ статей «Интеллигенція въ Россіи». СПБ. Кн.-изд. «Земля» 1910 г., стр. 89-191.

Балканскій кризисъ и политика А. П. Извольскаго (съ приложеніемъ 2-хъ картъ и пересмотрѣннаго въ 1909 г. текста турецкой конституціи). СПБ. 1910, стр. 404 + 1 к.

Партійная группировка; общее политическое положеніе; вопросы конституціи и государственнаго права; внутренняя политика; внѣшняя политика и національные вопросы. — Третья Государственная Дума. Фракція народной свободы въ періодъ 10 октября 1909 г. — 5 іюня 1910 г. Часть I. Отчетъ фракціи. СПБ. 1910.

Obrazy z dějin ruské vzdělanosti. Přeložil V. Dušek. Dil I. Obyvatelstvo, hospodařské, statnì a stavovské zřizenì, Laichterův výbor nejlepšich spisů poučných. Nàkladem Iana Laichtera v Praze, na Kràl. Vinohradech. 1910. str. 406.

Obrazy z dějin ruské vzdělanosti. Přeložil V. J. Dušek. Dil II. Cirkev a škola (vira, tvorba a vzdělanì). Nàkladem Iana Laichtera v Praze, na Kràl. Vinohradech. 1910. str. 636.

Obrazy z dějin ruské vzdělanosti. Přeložil V. J. Dušek. Dil III. Nacionalizm a veřejné uměni. Nàkladem Iana Laichtera v Praze, na Kral. Vinohradech. 1910. str. 697.

1911.

Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Біографическій очеркъ. — Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Сборникъ статей. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1911, стр. 1-53.

Вооруженный миръ и ограниченіе вооруженій (La paix armée et la limitation des armements). С.-Петербургское Общество Мира. Вып. I. СПБ. 1911, стр. 165.

Памяти В. А. Караулова. — Третья Государственная Дума. Сессія 4-ая. Фракція народной свободы въ періодъ 15 октября 1910 г. — 13 мая 1911 г. Отчетъ и рѣчи депутатовъ. СПБ. 1911, стр. VII-IX.

Общее политическое положеніе; вопросы конституціи и государственнаго права; внутренняя политика; внѣшняя политика и національные вопросы. — Третья Государственная Дума. Сессія 4-ая. Фракція народной свободы въ періодъ 15 октября 1910 г. — 13 мая 1911 г. Отчетъ и рѣчи депутатовъ. СПБ. 1911.

1912.

Внѣшняя политика Россіи. — Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1912 г. СПБ. Изданіе редакціи газеты «Рѣчь», стр. 1-20.

Политическія партіи въ Государственной Думѣ за пять лѣтъ. — Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1912 г. Изд. редакціи газеты «Рѣчь, стр. 77-97.

В. О. Ключевскій. — Сборникъ «В. О. Ключевскій». Характеристики и Воспоминанія. Москва. Научное Слово. 1912, стр. 183-217.

В. О. Ключевскій и его научные труды. Докладъ проф. П. Н. Милюкова. — Извѣстія Общества Славянской Культуры. Томъ первый, Книга первая. Москва. 1912, стр. 36-60.

Общее политическое положеніе и группировка партій; внутренняя политика; внѣшняя политика и національные вопросы. — Третья Государственная Дума. Сессія 5-ая. Фракція народной свободы въ періодъ 15 октября 1911 г. — 9 іюня 1912 г. Отчетъ и рѣчи депутатовъ. СПБ. 1912.

1913.

Главныя теченія русской исторической мысли. Изд. М. В. Аверьянова. Изд. 3-е СПБ. 1913, стр. 342.

Внѣшняя политика Россіи. — Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1913 г. СПБ., стр. 1-18.

Финляндія. — Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1913 г. СПБ, стр. 302-312.

Составъ Думы и тактика фракціи въ связи съ общимъ политическимъ положеніемъ. — Четвертая Государственная Дума. Сессія 1-ая. Фракція народной свободы (к.-д.) въ періодъ 15 ноября 1912 г. — 25 іюня 1913 г. Отчетъ о дѣятельности фракціи. СПБ. 1913, стр. 5-11.

Вопросы конституціи и государственнаго права. — Четвертая Госуд. Дума. Сессія 1-ая. Фракція народной свободы (к.-д.) въ періодъ 15 ноября 1912 г. — 25 іюня 1913 г. Отчетъ о дѣятельности фракціи. СПБ. 1913, стр. 11-17.

Внутренняя политика. — Четвертая Госуд. Дума. Сессія 1-ая. Фракція народной свободы (к.-д.) въ періодъ 15 ноября 1912 г. — 25 іюня 1913 г. Отчетъ о дѣятельности фракціи. СПБ. 1913, стр. 17-23.

Внѣшняя политика. — Четвертая Госуд. Дума. Сессія 1-ая. Фракція народной свободы (к.-д.) въ періодъ 15 ноября 1912 г. — 25 іюня 1913 года. Отчетъ о дѣятельности фракціи. СПБ. 1913, стр. 40-41.

Національный вопросъ. — Четвертая Госуд. Дума. Сессія 1-ая. Фракція народной свободы (к.-д.) въ періодъ 15 ноября 1912 г. — 25 іюня 1913 г. Отчетъ о дѣятельности фракціи. СПБ. 1913, стр. 41-45.

1914.

Внѣшняя политика Россіи. — Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1914 г. СПБ, стр. 1-21.

Финляндія. — Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1914 г. СПБ, стр. 241-249.

Тактика фракціи въ связи съ общимъ политическимъ положеніемъ. — Четвертая Госуд. Дума. Сессія 2-ая. Фракція народной свободы (к.-д.) въ періодъ съ 15 окт. 1913 г. по 24 іюня 1914 г. Отчетъ о дѣятельности фракціи. СПБ. 1914, стр. 5-16.

Вопросы конституціи и государственнаго права. — Четвертая Государственная Дума. Сессія 2-ая. Фракція народной свободы (к.-д.) въ періодъ съ 15 октября 1913 г. по 24 іюня 1914 г. Отчетъ о дѣятельности фракціи. СПБ. 1914, стр. 16-24.

Внутренняя политика. — Четвертая Госуд. Дума. Сессія 2-ая Фракція народной свободы (к.-д.) въ періодъ съ 15 октября 1913 г. по 24 іюня 1914 г. Отчетъ о дѣятельности фракціи. СПБ. 1914, стр. 44-50.

Національные вопросы. — Четвертая Госуд. Дума. Сессія 2-ая. Фракція народной свободы (к.-д.) въ періодъ съ 15 октября 1913 г. по 24 іюня 1914 г. Отчетъ о дѣятельности фракціи. СПБ. 1914, стр. 97-108.

Внѣшняя политика. — Четвертая Госуд. Дума. Сессія 2-ая. Фракція народной свободы (к.-д.) въ періодъ съ 15 октября 1913 г. по 24 іюня 1914 г. Отчетъ о дѣятельности фракціи. СПБ. 1914, стр. 108-110.

Вопросы обороны. — Четвертая Госуд. Дума. Сессія 2-ая. Фракція народной свободы (к.-д.) въ періодъ съ 15 октября 1913 г. по 24 іюня 1914 г. Отчетъ о дѣятельности фракціи. СПБ. 1914, стр. 110-116.

Enquête dans les Balkans. Dotation Carnégie pour la Paix Internationale. Paris 1914. Chapitre premier : Les origines des deux guerres balkaniques. Chapitre III : Bulgares, Turks et Serbes. Chapitre IV : La guerre et et les nationalités. Chapitre V : La guerre et le droit international.

1915.

Нейтрализація Дарданеллъ и Босфора. — «Вопросы міровой войны». Сборникъ Комитета по устройству этапнаго лазарета имени Высшихъ учебныхъ заведеній Петрограда, подъ ред. М. И. Туганъ-Барановскаго. Кн.-изд. «Право». Петроградъ 1915, стр. 532-548.

Происхожденіе войны. — Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1915 г. Петр. 1915, стр. 1-43.

Дипломатическая исторія войны. — Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1915 г. Петр., стр. 43-122.

Вступленіе нейтральныхъ государствъ. — Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1915 г. Петр., стр. 122-176.

Общественное мнѣніе, парламенты и правительства союзниковъ. — Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1915 г. Петр., стр. 176-291.

Территоріальныя пріобрѣтенія Россіи. — Чего ждетъ Россія отъ войны. Сборникъ статей. Кн.-во Прометей. Н. Н. Михайловъ. Птгр. 1915, стр. 49-63.

1916.

Вступленіе нейтральныхъ государствъ. — Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1916 г. Петр., стр. 29-129.

Война и международное право. — Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1916 г. Петр., стр. 129-197.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). Пятое изданіе. Петроградъ. 1916, стр. 399 + VIII.

Тактика фракціи народной свободы во время войны. СПБ. 1916. стр. 41.

Война и П. Н. Милюковъ. Рѣчи въ Государственной Думѣ во время войны. Трибуна. Вып. IV и V. Редакторъ А. М. Горовцовъ. Петроградъ. 1916, стр. 38.

Послѣдняя рѣчь П Н. Милюкова 1 ноября 1916 года. Всеобщая политическая библіотека «Трибуна». Избранныя парламентскія рѣчи. Вып. VII. Петроградъ. 1916, стр. 28.

Еврейскій вопросъ въ Россіи. — «Щитъ». Сборникъ статей по еврейскому вопросу. Изд. общ. изученія еврейской жизни въ Россіи. Петр. 1916.

Тактика фракціи народной свободы во время войны. — Четвертая Госуд. Дума. Фракція народной свободы. «Военныя» сессіи. 26 іюля 1914 г. — 3 сентября 1915 г. Петроградъ. 1916, стр. 3-41.

1917.

Константинополь и проливы. — Вѣстникъ Европы. СПБ. Кн. кн. январь (стр. 354-382), февраль (стр. 227-259), апрѣль-май-іюнь (стр. 525-548).

Рѣчь П. Н. Милюкова о Ленинѣ и германской соціалъ-демократіи (въ совѣщаніи членовъ Гос. Думы 3 іюня 1917 года). Журналъ-библіотека «Трибуна». Вып. XIV. Тип. Т-ва «Екатерингофск. Печатн. Дѣло». Ред.-изд. А. М. Горовцовъ, стр. 28.

Почему и зачѣмъ мы воюемъ? (Война ея происхожденіе, цѣли и послѣдствія). Изд. партіи Нар. Свободы, Петр. 1917, стр 59.

То-же, изд. Ростовскаго н/Д. Комитета партіи Народной Свободы. Ростовъ-на-Дону, 1917, стр. 64.

Рѣчь П. Н. Милюкова, произнесенная въ засѣданіи Гос. Думы 1-го ноября 1916 г. Изд. «Народное Право». Москва. 1917, стр. 44.

Итоги 8-го съѣзда партіи народной свободы. — Вѣстникъ партіи Народной Свободы. Еженедѣльникъ конституціонно-демократической партіи. Петроградъ. № 2.

Итоги 9-го съѣзда. — Вѣстникъ партіи Народной Свободы. Еженедѣльникъ конституціонно - демократической партіи. Петроградъ. № 11-13. 10 авг. 1917 г.

The War and Balkan Politics. — Russian Realities and Problems, ed. by J. D. Duff, Cambridge, University Press, 1917.

The Representative System in Russia. — Russian Realities and Problems, ed. by J.-D. Duff, Cambridge, University Press. 1917.

The soul of Russia, норвежскій переводъ лекцій, читанныхъ осенью 1916 г. въ университетѣ Христіаніи (Oslo), напечатанъ въ ежемѣсячникѣ Samtiden.

1918.

Очерки по исторіи русской культуры. Часть первая. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. 7-ое изданіе. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1918. Текстъ воспроизводится безъ перемѣны съ предыдущаго изданія, стр. 320.

Исторія второй русской революціи. Томъ I. Вып. 1. **Противорѣчія революціи.** Кн.-изд. «Лѣтопись». Кіевъ. 1918.

Le mouvement intellectuel russe. Traduit du russe par J. W. Bienstock, Paris, Bossard, 1918, p. 439.

P. N. Miliukoff uber Makedonien. Zwei Studien, ein Aufsatz und eine Rede. Balkan-Probleme. Herausgeber Fritz von Philipp. Kgl. Bulgaricher Konsul in Leipzig. Komissionsverlag Dr Iwan Parlapanoff, in Leipzig, 1918, s. 179.

1919.

Russia's call to humanity « Save Our Souls » An appeal to the Allies by Leonid Andreiev. Introduction by prof. P. N. Miliukov. Cover by Frank Broughger, R. A. 1919, pp. 2-13.

1920.

Ленинъ или Врангель? — Газета «Общее Дѣло». Парижъ, 20 августа 1920 г. № 84.

Польша и Россія. — Газ. «Общее Дѣло». Парижъ, 3 сент. 1920 г. № 86.

Отливъ большевизма. — «Общее дѣло». Парижъ, 7 ноября 1920 г. № 91.

Третья годовщина. — «Общее дѣло». Парижъ, 7 ноября 1920 г. № 115.

На поворотѣ (бесѣда съ П. Н. Милюковымъ).. — «Общее дѣло». 5 дек. 1920 г. № 143.

Толстой и русскій народъ. — Газета «Руль». Берлинъ. 8 дек. 1920 г. № 19.

Старое и новое. — Газета «Руль». Берлинъ. 11 дек. 1920 г. № 22.

Политиканство или политика. — Газета «Руль». Берлинъ. 25 дек. 1920 г. № 34.

To our readers. — « The New Russia », edited by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I. 5 febr. 1920, N 1.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I. 5 febr. 1920, N 1.

Is the Bolchevist Victory a basting one I. — « The New Russia » ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I, 5 febr. 1920, N 1.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I. 12 febr. 1920, N 2.

Is the bolchevist Victory a lasting one II. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee. Vol. I, 12 febr. 1920, N 2.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I., 19 febr. 1920, N 3.

Admiral Kolchak. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commetee, London. Vol. I, 19 febr. 1920, N 3.

Is the Bolchevist Victory a lasting one? — « The New Russia », ed by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I, 26 febr. 1920, N 4.

A speech in commemoration of V. N. Pepelajev. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I, 26 febr. 1920, N 4.

Review of the week. — « The new Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I, 4 March 1920, N 5.

Review of the week. — « The new Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I, 2 March 1920, N 6.

Review of the week. — « The new Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I, 18 March 1920, N 7.

Review of the week. — « The new Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I, 25 March 1920, N 8.

Review of the week. — « The new Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I, 1 April 1920, N 9.

The Balkanization of Russia I. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I, 1 April 1920, N 9.

A debate on bolchevism. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I. 1st April 1920. N 9.

Reply to M. P. Sergeitch. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I. 8 April 1920. N 10.

The Balkanization of Russia II. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I. 8 April 1920. N 10.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I. 15 April 1920. N 11.

The Balkanization of Russia III. — « The New Russia », ed. by the Russia Liberation Commitee, London. Vol. I. 15 April 1920. N 11.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I. 22 April 1920. N 12.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. I. 29 April 1920. N° 13.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. May 1920. N 14.

An appel from russian intellectuals. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 6 May 1920. N 14.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 13 May 1920. N 15.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 20 May 1920. N 16.

Reply to M. P. Sergeitch. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 20 May 1920. N 16.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 27 May 1920. N 17.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 3 June 1920. N 18.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 10 June 1920. N 19.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 17 June 1920. N 20.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 24 June 1920. N 21.

The Balkanization of Transcaucasia I. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 24 June 1920. N 21.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II 1 July 1920. N° 22.

The Balkanisation of Transcaucasia II. .. « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 1st July 1920. N 22.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II 8 July 1920. N°23.

The Balkanization of Transcaucasia III. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 8 July 1920. N 23.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 15 July 1920. N 24.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 22 July 1920. N 25.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 29 July 1920. N 26.

A review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 5 August 1920. N 27.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 12 August 1920, N28.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II, 19 August 1920, N 29.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London Vol. II. 26 August 1920, N 30.

Who is M. Kamenev, — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol II. 26 August 1920, N 30.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 2 Sept. 1920, N 31.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Comitee, London. Vol. III 9 Sept. 1920. N° 32.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. vol. III. 16 Sept. 1920, N 33.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 23 Sept. 1920, N 34.

Martyrs of Science in Soviet Russia. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 23 Sept. N 34.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 30 Sept. 1920, N 35.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 7 Oct. 1920, N 36.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 14 Oct. 1920, N 37.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 21 Oct. 1920, N 38.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 28 Oct. 1920, N39.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 4 November 1920, N 40.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 11 November 1920, N 41.

The third anniversary of Soviet rule. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III, 11 Nov. N 41.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 18 Nov. 1920, N 42.

The United States and the Soviet. I. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 18 Nov. 1920. N° 42.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 25 Nov. 1920, N 43.

The United States and the Soviet II. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 25 Nov. 1920, N 43.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 2 December 1920, N 44.

The United States and the Soviet III. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 2 December 1920, N 44.

Review of the week. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 9 December 1920, N 45.

Leo Tolstoy and the russian people. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 9 Dec. 1920, N 45.

Review of the year. — « The New Russian », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 16 Dec. 1920, N 46.

Negotiations continue. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. III. 16 Dec. 1920, N 46.

The Aaland dispute and Russia. — « The New Russia », ed. by the Russian Liberation Commitee, London. Vol. II. 24 June, N 21.

Bolchevism an international danger. London. George Allen and Unwin, Ltd. 1920, p. 302.

The Case for Bessarabia. Publication of the Russian Liberation Commitee, N 8, London 1920.

Russia and England. Publication of the Russian Liberation Commitee, N 13, London 1920.

Prince Eugene N. Troubetzkoi. — « The New Europe ». Vol. XV, N° 185. 29 April 1920, pp. »2-56.

La Pologne et la Russie. — La Russie d'aujourd'hui et de demain. Articles. Notes. Attinger Frères, éditeurs. Paris. Neufchatel, 1920, pp. 57-65.

The first step in Russian Regeneration. — « The New Europe », February 1920.

1921.

Исторія второй русской революціи. Томъ I. Вып. 1. Противорѣчія революціи. Россійско-Болгарское кн.-изд. Софія, 1921, стр. 248.

Исторія второй русской революціи. Томъ I. Вып. 2. Борьба буржуазной и соціалистической революціи. Корниловъ или Ленинъ. Росс. Болг. кн.-изд. Софія. 1921, стр. 291.

Историята на втората руска революция. Томъ I. Прѣвелъ проф. М. Арнаутовъ. София. 1921.

Три попытки (къ исторіи русскаго лже-конституціонализма). Изд. Франко-русская печать. Парижъ. 1921, стр. 87.

Памяти П. А. Кропоткина. — «Послѣднія Новости», газета, Парижъ. 1 марта 1921 г. № 264.

Николай Черногорскій. — «Посл. Нов.». Парижъ. 4 марта 1921 г. № 267.

Наши разногласія. — «Посл. Нов.». Парижъ. 8 марта 1921 г. № 270.

Какъ пришла революція? — «Посл. Нов.». Парижъ. 12 марта., 1921 г. № 274.

Талаадъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 17 марта 1921 г. № 278.

Отвѣтъ г. Бурцеву. — «Послѣд. Нов.». Парижъ. 29 марта 1921 г. № 288.

Письмо въ редакцію «Общаго Дѣла». — «Посл. Нов.». Парижъ. 29 марта 1921 г. № 288.

Германскія деньги у Ленина. — «Посл. Нов.». Парижъ. 3 апр. 1921 г. № 293.

Отвѣтъ В. В. Шульгину. — «Посл. Нов.» Парижъ. 10 апр. 1921 г. № 299.

Свидѣтели революціи. «Архивъ русской революціи». издаваемый I. В. Гессеномъ. Т. I, стр. 311. — «Посл. Нов.» Парижъ. 24 апр. 1921 г. № 311.

Не по существу (отвѣтъ П. Б. Струве). — «Посл. Нов.». Парижъ. 26 апр. 1921 г. № 312.

Е. И. Кедринъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 5 мая 1921 г. № 320.

«Правленіе ген. Деникина». Въ освѣщеніи К. Н. Соколова — «Послѣднія Нов.». Парижъ. 10 и 11 мая 1921. №№ 324 и 325.

Японія на Дальнемъ Востокѣ. I. Японія и Китай. — «Посл. Нов.». Парижъ 8 іюня 1921 г. № 349., II. Японія въ Восточной Сибири. ,— «Посл. Нов.». Парижъ. 11 іюня 1291 г. № 352.

Вечеръ А. И. Куприна. — «Посл. Нов.». Парижъ. 9 іюня 1921 г. № 350.

В. Д. Набоковъ въ новой роли. — «Посл. Нов.». Парижъ. 14 іюня 1921 г. № 354.

Что дѣлать послѣ Крымской катастрофы? Записка П. Н. Милюкова, легшая въ основу мнѣнія парижской группы к.-д., принятаго 21 декабря 1920 г. — «Посл. Нов.» Парижъ. 7 іюля 1921 г.

«На остріѣ ножа». Мой отвѣтъ. «Посл. Нов.». Парижъ. 10 іюля. 1921 г. № 377.

Что значатъ наши голосованія. — «Посл. Нов.». Парижъ. 22 іюля 1921 г. № 387.

Для историка. — Посл. Нов.». Парижъ. 29 іюля 1921 г. № 393.

Наша позиція. — «Голосъ Россіи». Берлинъ. 5 августа 1921 г. № 728.

Кончина поэта. (Александръ Блокъ). — «Посл. Нов.». Парижъ. 12 августа 1921 г. № 405.

П. Д. Боборыкинъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 13 августа 1921 г. № 406.

Полемика В. Д. Набокова. — «Голосъ Россіи». Берлинъ. 14 августа 1921 г. № 736.

Власть ген. Врангеля. — «Голосъ Россіи». Берлинъ. 18 августа 1921 г. № 739.

Кончина короля Петра. — «Посл. Нов.». Парижъ. 18 августа 1921 года, № 410.

Первая попытка парламентарнаго кабинета. — «Посл. Нов.» Парижъ. 24, 25, 27 и 28 августа 1921 г. №№ 415, 416, 418, 419.

То же въ газетѣ «Голосъ Россіи». Берлинъ. 25 и 26 августа 1921 г. №№ 745 и 746.

Новое въ прежнемъ и прежнее въ новомъ (отвѣтъ В. Д. Набокову). — «Посл. Нов.». Парижъ. 26 августа 1921 г. № 417.

То же въ газ. «Голосъ Россіи». Берлинъ. 27 августа 1921. № 747.

Церковь и совѣтская власть. — «Голосъ Россіи». Берлинъ. 3 сентября 1921 г. № 753.

Мой отвѣтъ. — «Посл. Нов.» Парижъ. 8 сентября 1921 г. № 427.

О выѣздѣ изъ Россіи Николая II. — «Посл. Нов.». Парижъ. 8 сентября 1921 г. № 428.

То же въ газ. «Голосъ Россіи». Берлинъ. 15 сентября. 1921 года № 763.

Мой отвѣтъ на декларацію четырехъ. — «Голосъ Россіи». Берлинъ. 14 сентября 1921 г. № 762.

Эпилогъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 16, 17 и 18 сентября 1921 г. №№ 435, 436, 437.

То же въ газетѣ «Голосъ Россіи». Берлинъ. 9 октября 1921 года № 784.

Вашингтонская конференція. — «Посл. Нов.». Парижъ 25, 26 ноября, 1, 2, 9, 10 и 11 дек. №№ 494, 495, 499, 500, 506, 507, 508.

Письма изъ Америки. — «Голосъ Россіи». Берлинъ. 29 ноября и 4 декабря 1921 г. №№ 826 и 841.

Вашингтонская конференція. — «Голосъ Россіи». Берлинъ. 9, 10 и 11 декабря 1921 г. №№ 835, 836 и 837.

Рѣчь П. Н. Милюкова. — Бюллетень Совѣщанія Членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Парижъ. 15 января 1921 г. № 2, стр. 7.

Рѣчь П. Н. Милюкова. — Бюллетень Совѣщанія Членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Парижъ. 17 января 1921 г. № 3, стр. 2.

Рѣчь П. Н. Милюкова. — Бюллетень Совѣщанія Членовъ Всеросскійскаго Учредительнаго Собранія. Парижъ. 22 января № 4, стр. 8 и 26 янв. 1921 г. № 5, стр. 1-2.

Рѣчь П. Н. Милюкова. — Бюллетень Совѣщанія Членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Парижъ. 26 января 1921 г. № 5, стр. 9-10.

1922.

Предисловіе П. Н. Милюкова къ книгѣ Бориса Мирскаго «Въ изгнаніи» (публицистическіе очерки). Изд. Франко-Русская Печать. Парижъ. 1922 г., стр. 5-11.

Предисловіе П. Н. Милюкова къ Правдѣ о «сіонскихъ протоколахъ». Изд. Франко-Русская Печать. Парижъ 1922 г., стр. 7-15.

Вашингтонская конференція. VIII. Большевистская бомба. — «Послѣднія Новости». Парижъ. 20 января 1922 г, № 541.

Годовщина. — «Посл. Нов.». Парижъ. 1 марта 1922 г. № 575.

Памяти стараго друга. — «Посл. Нов.». Парижъ. 1 апрѣля 1922 г. № 602.

Благодарность за привѣтствія. — «Посл. Нов.». Парижъ. 7 апрѣля 1922 г. № 607.

Непрошенные союзники. — «Посл. Нов.». Парижъ 7 апрѣля 1922 года № 607.

«Случай» гр. А. Толстого. — «Посл. Нов.». Парижъ. 16 и 22 апрѣля 1922 г. №№ 615 и 619.

Годовщина Ара. — «Посл. Нов.». Парижъ. 11 іюля 1922 г. № 684.

Эволюція — моя или Россіи. — «Посл. Нов.». Парижъ 21 іюля 1922 г. № 692.

Логика ренегата. — «Посл. Нов.». Парижъ. 28 іюля 1922 г. № 698.

† А. С. Посниковъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 26 августа 1922 г. № 722.

А. Керенскій. Издалека. Сборникъ статей (1920-1921). — «Посл. Нов.». Парижъ. 9 сентября 1922 г. № 734.

Отвѣтъ Е. Д. Кусковой. — «Посл. Нов.». Парижъ. 17 сентября 1922 года. № 741.

Е. Кускова и эмиграція. — «Посл. Нов.». Парижъ. 5 октября 1922 года № 756.

Референдумъ въ Болгаріи. — «Посл. Нов.». Парижъ. 11 ноября 1922 г. № 787.

По поводу письма М. М. Ѳедорова. — «Посл. Нов.». Парижъ. 22 декабря 1922 г. № 821.

Russia to-day and to-morrow, by Paul N. Miliukov, New-York, the Macmillan S°. 1922, p. 392.

1923.

Республика или монархія? — «Крестьянская Россія». Сборникъ статей по вопросамъ общественно-политическимъ и экономическимъ. Изд. «Крестьянская Россія». Кн. IV. Прага. 1923 г., стр. 46-68.

Деникинъ-историкъ и мемуаристъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 14 и 28 января. 1923 г. №№ 839 и 851.

Мое «показаніе». — «Посл. Нов.». Парижъ. 24 янв. 1923 г. № 847.

Привѣтъ В. А. Мякотину (по поводу его пріѣзда въ Парижъ). — «Посл. Нов.». Парижъ. 1 февраля 1923 г. № 854.

Республика и монархія (докладъ въ собраніи Р. Д. клуба въ Парижѣ 22 февраля 1923 г.). — «Посл. Нов.». 28 февраля и 1 марта 1923 года №№ 877 и 878.

В. Д. Набоковъ (къ годовщинѣ смерти). — «Посл. Нов.». Парижъ. 28 марта 1923 г. № 901.

Мемуары Бьюкенена объ отъѣздѣ Николая II. — «Звено», еженедѣльная газета. Парижъ. 9 апрѣля 1923 г. № 10.

Россія и демократическая эмиграція (докладъ въ первомъ публичномъ засѣданіи р.-д. клуба въ Прагѣ 5 іюня 1923 г.). — «Посл. Нов.». Парижъ. 6 и 7 іюля 1923 г. №№ 983 и 984.

Другъ русскаго народа (кончина президента Хардинга). — «Посл. Нов.». Парижъ. 4 августа 1923 г. № 1007.

«Современныя Записки». Книжка XVI (III). — «Посл. Нов.». Парижъ. 9 августа 1923 г. № 1011.

Ватрославъ Ягичъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 20 августа. 1923 г. № 1013.

Объединеніе эмиграціи. — «Звено». Парижъ. 20 августа 1923 г. № 29.

В. Х. Даватцъ и Н. Н. Львовъ. Русская Армія на чужбинѣ. Бѣлградъ. 1923 г. — «Посл. Нов.». Парижъ 23 августа 1923 г. № 1022.

Коминтернъ за работой. — «Звено». Парижъ. 27 августа 1923 г.

М. Н. Покровскій. — «Звено». Парижъ. 24 сентября 1923 г. № 34.

М. А. Стаховичъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 27 сентября 1923 г. № 1052.

Рѣчь П. Н. Милюкова на международномъ конгрессѣ Лигъ правъ человѣка. — «Посл. Нов.». Парижъ. 6 ноября 1923 г. № 1085.

«Экономическій Вѣстникъ». Подъ ред. С. Н. Прокоповича. Книга 2-ая. Берлинъ. 1923 г. — «Посл. Нов.». Парижъ. ноября 1923 г. № 1087.

«Крестьянская Россія». — Сборн. статей по вопр. обществ. полит. и экон. подъ ред. А. А. Аргунова, А Л. Бема, С. С. Маслова и П. А. Сорокина. V-VI. Прага 1923. Изд. «Крест. Россія». — На Чужой Сторонѣ. Истор.-Литер. Сборники подъ ред. С. П. Мельгунова, при ближайшемъ участіи Е. А. Ляцкаго и В. А. Мякотина II. Изд. «Ватага» и «Пламя» (Берлинъ. Прага) 1923 г. — «Посл. Нов.». Парижъ. 15 ноября 1923 г. № 1093.

«Современныя Записки». XVII. 1923. Парижъ. — «Посл. Нов.». Парижъ 23 ноября 1923 г. № 1099.

«Донская Лѣтопись». Сборн. матеріаловъ по новѣйш. исторіи Донского казачества со времени русск. революціи 1917 г. № 1. Изд. Донской Историч. Комиссіи. — «Посл. Нов.». Парижъ. 29 ноября 1923 г. № 1105.

Ma vie, récit dicté par une paysanne à Tatiana Kuzminskaja, revu et corrigé par Léon Tolstoï. Traduction, notes et introduction de Charles Solomon. Paris 1923. «Посл. Нов.». Парижъ. 6 декабря 1923 г. № 1111.

Die Miserfolge des Russischen « Koblenz ». — « Prager Presse ». Prag. 22 Juli 1923.

1924.

Исторія второй русской революціи. Томъ I. Вып. 3. Агонія власти. — Росс.-болгарск. кн.-изд. Софія. 1924. стр. 308.

Послѣвоенная Европа и Лондонская конференція. — «Крестьянская Россія». Сборникъ статей по вопросамъ общественно-политич. и эконом. Изд. «Крестьянск. Россія». Кн. VIII-IX. Прага. 1924., стр. 26-48.

На Чужой Сторонѣ. Истор.-Лит. сборники подъ ред. С. П. Мельгунова, при ближайш. участіи Е. А. Ляцкаго и В. А. Мякотина. III. Изд. «Ватага» и «Пламя». 1923. — «Посл. Нов.». Парижъ. 17 января 1924 г. № 1145.

М. В. Родзянко. — «Посл. Нов.». Парижъ. 27 января 1924 г. №1154.

«Современныя Записки». Кн. XVIII. — «Посл. Нов.» Парижъ. 31 января 1924. № 1157.

Признать ли Франціи совѣтскую власть? (докладъ въ *le Faubourg* 21 февраля). — «Посл. Нов.». Парижъ. 5 и 7 марта 1924. №№ 1186 и 1188.

Мои сношенія съ ген. Алексѣевымъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 3 и 6 апрѣля 1924. №№ 1211 и 1214.

Н. К. Михайловскій. — «Звено». Парижъ. 25 февр. 1924. № 56.

П. И. Новгородцевъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 13 апрѣля 1924 г. № 1220.

Н. Н. Кутлеръ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 17 мая 1924. № 1247.

Историческая роль А. С. Пушкина (рѣчь въ Сорбоннѣ 12 іюня,

въ 125 годовщину рожденія А. С. Пушкина). — «Посл. Нов.». Парижъ. 17 іюня 1924. № 1271.

Проблема Тихаго Океана. — «Посл. Нов.». Парижъ. 26 іюня 1924. № 1279.

В. Л. Бурцевъ. Борьба за Свободную Россію. Мои воспоминанія (1882-1924). Т. I Изд. Гамаюнъ. — «Посл. Нов.». Парижъ 3 и 4 іюля 1924. №№ 1285 и 1286.

Первая жертва (памяти М. Я. Герценштейна). — «Посл. Нов.». Парижъ. 31 іюля 1924 г. № 1308.

Мое отношеніе къ послѣдней войнѣ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 1 августа 1924 г. № 1309.

Г. Гурко и новѣйшая исторія Россіи. — «Посл. Нов.». Парижъ 4 октября 1924 г. № 1363.

Страстотерпецъ. Памяти ген. М. В. Алексѣева. — «Посл. Нов.». Парижъ. 12 октября 1924. № 1370.

Листки изъ дневника I. О себѣ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 16 ноября 1924. № 1400.

Листки изъ дневника. II. Недемократично. — «Посл. Нов.». Парижъ. 23 ноября 1924. № 1406.

Листки изъ дневника. III. Отцы, дѣти и... внуки. — «Посл. Нов.». Парижъ. 30 ноября 1924. № 1412.

Листки изъ дневника IV. Злободневное. — «Посл. Нов.». Парижъ. 4 дек. 1924 г., № 1415.

Листки изъ дневника. V. Арбитражъ Е. Д. Кусковой. — «Посл. Нов.». Парижъ. 7 декабря 1924. № 1418.

Листки изъ дневника. VI. Бесѣда съ внуками. — «Посл. Нов.». Парижъ. 21 декабря 1924. № 1430.

Республиканско-демократическое объединеніе. — «Свободная Россія». Республиканско-демократическій органъ. Кн. I. Май 1924.

О признаніи совѣтской власти. — «Свободная Россія». Республиканско-демократическій органъ. Кн. I. Май 1924.

По поводу Кіевскаго процесса. — «Свободная Россія». Республиканско-демократическій органъ. Кн. II іюнь. 1924, стр. 1-7.

Очертя голову. — «Свободная Россія». Республиканско-демократическій органъ. Кн. III. Августъ 1924, стр. 129-132.

Передъ экзаменомъ. — Свободная Россія». Республиканско-демократическій органъ. Кн. IV. Октябрь 1924, стр. 201-203.

Печальная годовщина. — «Свободная Россія». Республиканско-демократическій органъ. Кн. V. Декабрь 1924, стр. 273-276.

Der Russische Nationalismus und der Europæismus. — Prager Presse. Prag. 2 und 6 Januar 1924.

1925.

Петръ Великій и его реформа (къ двухсотлѣтней годовщинѣ). — На Чужой Сторонѣ. Кн. X. Изд. «Пламя». Прага 1925, стр. 5-28.

Національный вопросъ (происхожденіе національности и національ-

ные вопросы въ Россіи). IV. Библіотека изд-ва «Свободная Россія». Берлинъ. 1925, стр. 192.

Три платформы Республиканско - Демократическихъ Объединеній (1922-24 г.г.). Политическій комментарій П. Н. Милюкова съ приложеніемъ сравнительнаго текста платформъ 1924, 1923, 1922 г.г. Изданіе Респ.-Демокр. Объединенія. Парижъ. Уніонъ. 1925, стр. 63.

Республиканско-Демократическая группа партіи Народной Свободы. — «Своими Путями». Лит.-худож. и общ.-политич. иллюстрир. журналъ. Прага. 1925. № 8-9. Августъ-октябрь.

Изъ огня да въ полымя. — «Свободная Россія». Республиканско-демократическій органъ. VI. Февраль 1925, стр. 353-359.

Лицомъ къ деревнѣ. — «Свободная Россія». Республиканско-демократическій органъ. VII. Апрѣль 1925, стр. 433-440.

Урожай и война. — «Свободная Россія». Республиканско-демократическій органъ. VIII. Сентябрь. 1925, стр. 497-501.

Участвовать ли въ зарубежномъ съѣздѣ. — «Свободная Россія». Респуб.-демократ. органъ. VIII. Сентябрь 1925, стр. 510-517.

Не новый свидѣтель. — «Послѣднія Новости». Парижъ. 3 января 1925. № 1439.

Поправка. — «Посл. Нов.». Парижъ 7 января 1925. № 1442.

Памяти друзей-гражданъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 18 января. 1925. № 1452.

Для «всякой» исторіи. — «Посл. Нов.». Парижъ. 23 января 1925. № 1456.

Значеніе Петра Великаго въ русской исторіи (лекція). — «Посл. Нов.». Парижъ 25 и 27 февр. 1925. №№ 1484 и 1486.

Октябрь по Троцкому. — «Звено». Парижъ. 9 февраля 1925 г. № 106.

Петръ Великій въ Парижѣ. — «Звено». Парижъ. 16 февр. 1925. № 107.

Т. Г. Масарикъ и русская проблема. — «Посл. Нов.». Парижъ 7 марта 1925. № 1493.

Балъ прессы. — «Посл. Нов.». Парижъ. 19 марта 1925. № 1503.

Памяти В. Д. Набокова. — «Посл. Нов.». Парижъ. 28 марта 1925. № 1511.

Отвѣтъ «Днямъ». — «Посл. Нов.». Парижъ. 5 мая. 1925. № 1542.

М. Е. Акацатовъ и его «книга скорби» — «Посл. Нов.». Парижъ 11 іюня 1925. № 1573.

Листки изъ дневника. VI. Легенда о царизмѣ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 27 іюня 1925. № 1587.

Листки изъ дневника. VII. Огюстъ Контъ и Петръ Струве. — Посл. Нов.». Парижъ. 1 іюля 1925. № 1590.

Листки изъ дневника. VIII. Воспоминанія о Н. А. Хомяковѣ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 4 іюля 1925. № 1593.

Листки изъ дневника. IX. Революція и эволюція («постепенство»). — «Посл. Нов.». Парижъ. 8 іюля 1925. № 1596.

Къ тактикѣ «постепеновцевъ». Рѣчь П. Н. Милюкова на завтракѣ

англо-американской прессы 1 іюля 1925 г. — «Посл. Нов.». Парижъ. 8 іюля 1925. № 1596.

Концертъ Изы Кремеръ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 8 іюля 1925 г. № 1596.

Листки изъ дневника. X. Потеря перспективъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 2 августа 1925. № 1617.

Листки изъ дневника XI. По поводу «двухъ вопросовъ г. Милюкову» А. А. Пиленко. — «Посл. Нов.». Парижъ 5 авг. 1925 г. № 1619.

Листки изъ дневника. XII. Слѣпые фанатики. — «Посл. Нов.» Парижъ. 10 сентября 1925. № 1650.

Листки изъ дневника. XIII. Драма лидерства. — «Посл. Нов.». Парижъ. 24 сентября 1925. № 1662.

Листки изъ дневника. XIV. «Очень простыя мысли». — Посл. Нов.». Парижъ. 4 октября 1925. № 1671.

Листки изъ дневника. XV. Праздникъ человѣчности и интеллигентности. — «Посл. Нов.». Парижъ. 7 октября 1925. № 1673.

Крестьянство и партіи. (Вѣстникъ Всеросс. Крест. Союза № 1 ноябрь 1925). — «Посл. Нов.». Парижъ. 5 ноября 1925. № 1698.

По поводу моей «украинизаціи». — «Посл. Нов.». Парижъ. 17 ноября 1925. № 1708.

Гибель арміи ген. Самсонова. — «Посл. Нов.». Парижъ. 16 декабря 1915. №1733.

Помогите непримирившимся. — «Посл. Нов.». Парижъ. 30 декабря 1925. № 1744.

Russlands Zusammenbruch. Erster Band. Deutsche Verlags - Anstalt Stuttgart Leipzig und Berlin. Obelisk-Verlag. Berlin, 1925. 249 + XIII.

Pierre le Grand et sa réforme. — « Le Monde Slave », Revue Mensuelle, Paris. N 2. Février 1925. pp. 157-185.

Une fête de l'humanité et de l'intelligence. Article de M. le professeur Miljukov. A propos de l'inauguration du monument d'Ernest Denis, à Nîmes. — « Monde Slave », Revue Mensuelle, 1925, octobre, N° 10, pp. 155-157.

La place du Décabrisme dans l'évolution de l'intelligencijà russe.— « Le Monde Slave ». Revue Mensuelle. Paris. N 12. Décembre 1925, pp. 333-349.

Masaryk und das russische Problem. — Prager Presse. Prag. 7 Mærz 1925, N 65.

1926.

Роль декабристовъ въ связи поколѣній. — Голосъ Минувшаго на чужой сторонѣ. Журналъ исторіи и исторіи литературы. № 2/XV. 1926, стр. 47-67.

Пушкинъ и Чаадаевъ. — «День Русской Культуры». Однодневная газета. Парижъ 8 іюня 1926 г.

Ник. Вас. Чайковскій. — «Иллюстрированная Россія». Парижъ. 8 мая 1926. № 19 (52).

Респ.-Дем. Союзъ въ Прагѣ. Рѣчь П. Н. Милюкова «Славянство и демократія». — «Послѣднія Новости». Парижъ. 6 янв. 1926. № 1750.

Сегодня встрѣча Новаго года. — «Посл. Нов.». Парижъ. 13 янв. 1926. № 1757.

Восьмая годовщина (памяти А. И. Шингарева и Ѳ. Ѳ. Кокошкина). — «Посл. Нов.». Парижъ. 19 января 1926. № 1763.

Революціонеръ-моралистъ (къ 75-тилѣтнему юбилею Н. В. Чайковскаго). — «Посл. Нов.». Парижъ. 30 января 1926. № 1774.

Распадъ тройки. — «Свободная Россія». Республ.-демокр. органъ. Кн. IX. января 1926.

Кругомъ да около. — «Посл. Нов.». Парижъ. 1 апрѣля 1926. г. № 1835.

«Вѣстникъ Крестьянскаго Союза». № 2-3. Мартъ-Апрѣль 1926. — «Посл. Нов.». Парижъ. 4 мая 1926. № 1868.

Политика «Современныхъ Записокъ» (книжка XXV-XXVII). — «Посл. Нов.». Парижъ. 6 мая 1926. № 1870.

Листки изъ дневника. XVI. **Защитникъ «Столыпинскаго духа».** — «Посл. Нов.». Парижъ. 18 мая 1926 г. № 1882.

Русская археологія въ эмиграціи.

Recueil d'études dédiés à la mémoire de N.-P. Kondakov. Archéologie. Histire de l'Art. Etudes Byzantines. Seminarium Kondakovianum. Prague 1926. — «Посл. Нов.». Парижъ. 20 мая 1926. № 1884.

Листки изъ дневника. XVII. Исторія и политика Струве. — «Посл. Нов.». Парижъ. 23 мая 1926. № 1887.

Ко «Дню русской культуры». — «Посл. Нов.». Парижъ. 31 мая 1926. № 1895.

М. М. Винаверъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 11 окт. 1926. № 2028.

М. М. Винаверъ и «новая тактика». — Посл. Нов.». Парижъ. 13 октября 1926. № 2030.

Сегодня вечеромъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 15 ноября 1926. № 2063.

Б. К. Зайцевъ (къ 25-тилѣтію литературной дѣятельности). — «Посл. Нов.». Парижъ. 12 декабря 1926. № 2090.

Вечеръ политическаго Краснаго Креста. — «Посл. Нов.». Парижъ. 31 декабря 1926. № 2109.

Эмиграція на перепутьѣ. Изд. Республ.-Демокр. Объединенія. Парижъ. 1926, стр. 136.

Р.Д.О. и эмигрантскій «активизмъ». — Бюллетень Республиканско-Демократическаго Объединеніея. Парижъ. Октябрь 1926 г., стр. 9 - 10.

Russlands Zusammenbruch. Zweiter Band. Deutsche Verlags Anstalt. Stuttgart Leipzig und Berlin. Obelisk-Verlag. Berlin, 1926. ss. 364 + XI.

The « Nep » and the « Nop ». — The Contemporary Review. September 1926, 273-280.

The Influence of English Political thought in Russia. An adress delivered at the opening of the Slavonic section of the Anglo-American Historical Conference at the Institue of Historical Research in London on 12 July 1926. — The Slavonic Review. Volume five, N° 14. December 1926, 258-270.
General W. A. Suchomlinow. — Zürcher Zeitung. 10 Febr. 1926.

1927.

Россія на переломѣ. Большевистскій періодъ русской революціи. Томъ I. Происхожденіе и укрѣпленіе большевистской диктатуры. Изд. Imprimerie d'Art Voltaire, Paris, 1927. стр 400.

Россія на переломѣ. Томъ II. Антибольшевистское движеніе. Изд. Imprimerie d'Art Voltaire. Paris 1927, p. 281.

Русское дѣло въ лимитрофахъ. — «День Русской Культуры». Однодневная газета. Парижъ. 8 іюня 1927.

Послѣдній день въ Петербургѣ (отрывокъ изъ воспоминаній). — «Иллюстрированная Россія». Парижъ. 29 октября 1927 г. № 44 (129).

1927 годъ и эмиграція. — Бюллетень Республиканско-Демократическаго Объединенія. Парижъ. Декабрь. 1927, стр. 5-7.

Письмо П. Н. Милюкова въ редакцію «Возрожденія». — «Посл. Нов.». Парижъ. 7 февраля 1927. № 2147.

Первый день (10 тилѣтіе февральской революціи). — «Посл. Нов.». Парижъ. 12 марта 1927. № 2180.

Памяти К. Н. Соколова. — «Посл. Нов.». Парижъ. 26 марта 1927. № 2194.

«Желѣзный скрежетъ». В. Зензиновъ. Изъ американскихъ впечатлѣній. — «Посл. Нов.». Парижъ. 31 марта 1927. № 2199

Защита незащитимаго. Alexandre Boldur. La Bessarabie, et les relations russo-roumaines. Paris, 1927. — — «Посл. Нов.». Парижъ. 7 апрѣля 1927. № 2206.

Сегодня! (Голодная пятница). — «Посл. Нов.». Парижъ. 15 апрѣля 1927. № 2214.

Къ неуспѣвшимъ (Голодная пятница). — «Посл. Нов.». Парижъ. 16 апрѣля 1927. № 2215.

Спасибо. — «Посл. Нов.». Парижъ. 17 апрѣля 1927. № 2216.

Пусть не оскудѣваетъ рука дающаго. — «Посл. Нов.». Парижъ. 25 апрѣля 1927. № 2224.

Предпосылка Праздника Культуры. — «Посл. Нов.». Парижъ. 9 іюня 1927. № 2269.

Рѣчь П. Н. Милюкова на праздникѣ Русской Культуры. — «Посл. Нов.». Парижъ. 17 іюня 1927. № 2277.

Рѣчь Толстого объ отцѣ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 18 іюня 1927. № 2278.

«Въ плѣну у иллюзій». А. Н. Потресовъ. Парижъ. 1927. — «Посл. Нов.». Парижъ 14 іюля 1927.

Отвѣтъ на вызовъ (г.г. С. Мельгунову, П. Рыссу и А. Хирьякову). — «Посл. Нов.». Парижъ. 15 іюля 1927. № 2305.

Факты, идеи и настроенія въ «Современныхъ Запискахъ». («Совр. Зап.». Книга 32-ая). — «Посл. Нов.». Парижъ. 1 сентября 1927. № 2353.

Quatre septembre — «Посл. Нов.». Парижъ. 8 сентября 1927 г. № 2360.

Памяти М. М. Винавера. — «Посл. Нов.». Парижъ. 9 октября 1927 № 2391.

Международное положеніе сов. власти. — «Посл. Нов.». Парижъ. 6 ноября 1927. № 2419.

Легенды и факты. — «Посл. Нов.». Парижъ. 13 ноября 1927 г. № 2426.

Еще факты и еще легенды. — «Посл. Нов.». Парижъ. 17 ноября 1927. № 2430.

Листки изъ дневника XVI. Неловкость «феноменологическая». — «Посл. Нов.». Парижъ. 23 дек. 1927. № 2466.

С. Д. Сазоновъ. I. — «Посл. Нов.». Парижъ. 29 дек. 1927. № 2472.

Вечеръ Краснаго Креста — «Посл. Нов.». Парижъ. 31 декабря 1927. № 2474.

La Démocratie russe et l'Idée Fédéraliste. — L'Europe Fédéraliste. Aspirations et Réalités. Conférences faites au Collège libre des Sciences Sociales. Etudes Economiques et Sociales publiées avec le concours du Collège libre des Sciences Sociales. XXIV. Marcel Giard, Paris, 1927. pp. 161-182.

The Russian Intelligenzia and Europe. — The Review of Nations, founded Félix Valyd. October 1927.

Le dixième anniversaire de la révolution russe. — Le Monde Slave. Paris. NN XI et XII (novembre-décembre). pp. 188-246.

The World war and Slavonic policy. — « The Slavonic Review ». London. Vol. VI. N° 17. December 1927, pp. 268-290.

1928.

Традиціонная религія и свободная мысль. — «Современныя Записки». «Общественно-политическій и литературный журналъ. Кн. XXXVII. Парижъ. 1928, стр. 375-409.

«Татьянинъ день». — «Иллюстрированная Россія». Парижъ. 21 янв. 1928. № 4 (141).

Мнѣніе П. Н. Милюкова о казачествѣ. — «Казачество». Мысли современниковъ о прошломъ, настоящемъ и будущемъ казачества. Изданіе «Казачьяго Союза». 1928, стр. 59-60.

Демагогъ безсознательный. — «Послѣднія Новости». Парижъ. 3 января 1928. № 2477.

С. Д. Сазоновъ. II. — «Посл. Нов.». Парижъ 5 января 1928. № 2479.

«Современныя Записки», кн. XXXIII. Часть политическая. — «Посл. Нов.». Парижъ 12 янв. 1928. № 2486.

Нашимъ друзьямъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 18 янв. 1928. № 2492.

Москва и Татьяна. — «Посл. Нов.». Парижъ. 24 янв. 1928. № 2498.

10 лѣтъ коммунистической монополіи. — «Посл. Нов.». Парижъ. 2 февраля 1928. № 2507.

Памяти В. И. Икскуль. — «Посл. Нов.». Парижъ. 21 февраля 1928. № 2526.

«Міросозерцаніе» «Современныхъ Записокъ». — «Посл. Нов.». Парижъ. 8 марта 1928.

Помогите дѣтямъ! Очередная задача. — «Посл. Нов.». Парижъ. 11 марта 1928.

На балъ прессы! — «Посл. Нов.». Парижъ. 15 марта 1928. № 2549.

Сегодня! — «Посл. Нов.». Парижъ. 6 апрѣля 1928. № 2571.

Рѣчь П. Н. Милюкова, произнесенная 8 мая 1928 г. на конференціи Американскаго Об-ва мира въ Кливелендѣ (Огайо) — «Посл. Нов.». Парижъ. 8 іюля 1928. № 2664.

Памяти мудраго. — «Посл. Нов.». Парижъ. 8 іюля 1928. № 2664.

Толстой и наука. — «Посл. Нов.». Парижъ. 9 сент. 1928. № 2727.

Записки ген. Врангеля. — «Посл. Нов.». Парижъ. 10 октября 1928. № 2758.

Загробный отвѣтъ на «открытое письмо». — «Посл. Нов.». Парижъ. 21 окт. 1928. № 2769.

Сегодня «Пиковая Дама». — «Посл. Нов.». Парижъ. 10 дек. 1928. № 2819.

«Современники». — «Посл. Нов.». Парижъ. 20 дек. 1928. № 2829.

Вечеръ Краснаго Креста. — «Посл. Нов.». Парижъ. 31 дек. 1928. № 2840.

A new Slavonic policy. — « The Slavonic Review ». London. Vol. VI, N 18. March 1928, pp. 481-495.

1929.

А. И. Шингаревъ. — Сборникъ «Памяти погибшихъ», Парижъ, 1929, стр. 26-44.

1928 годъ. — Бюллетень Республиканско-Демократическаго Объединенія. Парижъ. Январь 1929, стр. 3-5.

Эмиграція въ 1928 году. — Бюллетень Республиканско-Демократическаго Объединенія. Парижъ. Январь. 1929, стр. 14-17.

Республика или Монархія. Изданіе Республиканско-Демократическаго Объединенія. Парижъ. 1929, стр. 31.

Критика или памфлетъ? — «Посл. Нов.». Парижъ. 22 мая и 30 мая 1929 г. №№ 2983, 2990.

Романъ Григорія Ландау. — «Посл. Нов.». Парижъ. 6 іюня 1929 г. № 2997.

Политика въ Современныхъ Запискахъ. — «Посл. Нов.». Парижъ. 22 авг. 1929 г. № 3074.

Три женщины. — «Посл. Нов.». Парижъ. 12 сент. 1929 г. № 3095.

«Изольда». — «Посл. Нов.». Парижъ. 31 окт. 1929 г., № 3144.

Листки изъ Дневника. XVII. Эмигрантскія синицы. — «Посл. Нов.». Парижъ. 17 ноября 1929 г. № 3160.

Russia. History — статья въ Encyclopedia Britannica, 13 th edition.

1930.

Очерки по исторіи русской культуры, т. III. Націонализмъ и европеизмъ. Юбилейное изданіе. Парижъ. 1930.

Судъ надъ кадетскимъ «либерализмомъ», «Современныя Записки», т. XLI.

Мои университетскіе годы. Сборникъ въ память 175-тилѣтія Московскаго университета. Парижъ. 1930.

Балъ прессы — сегодня. — «Посл. Нов.» Парижъ. 13 янв. 1930 г. № 3218.

Памяти М. Н. Пападжанова. — «Посл. Нов.». Парижъ 19 янв. 1930 г. № 3224.

Праздникъ русской интеллигенціи — «Посл. Нов.». Парижъ. 27 и 28 янв. 1930 г. №№ 3232, 3233.

«Терроръ и пятилѣтка». — «Посл. Нов.». 1 февр. 1930 г. № 3237.

«1929 годъ». — Бюллетень Респ.-Дем. Объединенія. Парижъ. 1930 г.

Голоса извнутри. — Бюллетень Респ.-Дем. Объединенія. Парижъ 1930 г.

Encyclopedia of thi Social Sciences. New-York. Статьи: Apanages, K. K. Arsenyev, Catherine II, Chaadayev.

Печатаются:

Очерки по исторіи русской культуры, т. II, юбилейное изданіе.

Histoire de Russie, sous la rédaction de MM. Seignobos et **P. Milioukov.** П. Н. Милюкову принадлежитъ: исторіографія Россіи, отдѣлъ о Петрѣ Великомъ, рядъ статей въ отдѣлахъ объ Александрѣ II и Николаѣ II и историческій очеркъ русской революціи до октября 1917 г.

Nàrodnostni otazka v Rusku.

Готовятся къ печати:

Россія на переломѣ, т. III. Экономика СССР. Выводы. Поправки и дополненія.

Очерки по исторіи русской культуры, т. I, юбилейное изданіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ БИБЛІОГРАФІИ

ВЫСТУПЛЕНІЯ П. Н. МИЛЮКОВА ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ

(составлено по стенографическимъ отчетамъ)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА 3-го СОЗЫВА

I. СЕССІЯ.

1. Рѣчь о текстѣ адреса Гос. Думы Государю. Засѣданіе 5-ое. 13 ноября 1907 г.
2. Рѣчь о декларацiи Совѣта Министровъ, оглашенной предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Засѣданіе 8-ое. 17 ноября 1907 г.
3. Рѣчь по поводу разъясненій министра финансовъ по внесенному въ Гос. Думу проекту государ. росписи доходовъ и расходовъ. Засѣданіе 11-ое. 27 ноября 1907 г.
4. Рѣчь по докладу предсѣдателя комиссіи по госуд. оборонѣ о храненіи государ. тайнъ, съ оглашеніемъ декларацiи партіи народ. свободы. Засѣданіе 24-ое. 29 ноября 1908 г.
5. Рѣчь по поводу доклада Гос. Думѣ министра иностранныхъ дѣль Извольскаго о внѣшней политикѣ Россіи. Засѣданіе 32-ое. 27 февраля 1908 г.
6. Рѣчь о позицiи партіи Народной Свободы въ аграрномъ вопросѣ. Засѣданіе 42-ое. 27 марта 1908 г.
7. Рѣчь въ отвѣтъ гр. Бобринскому 2-му по поводу позицiи партіи Народной Свободы въ аграрномъ вопросѣ и по поводу методовъ, которыми партія стремится провести аграрную реформу. Засѣданіе 46-ое. 1 апрѣля 1908 г.
8. Рѣчь въ отвѣтъ министру иностранныхъ дѣлъ о русской политикѣ на Балканахъ, въ частности въ Болгаріи. Засѣданіе 49-ое. 4 апрѣля 1908 г.

9. Рѣчь о политикѣ правительства въ финляндскомъ вопросѣ. Засѣданіе 64-ое. 12 мая 1908 г.
10. Рѣчь по финляндскому вопросу. Засѣданіе 66-ое. 13 мая 1908 г.
11. Рѣчь о правахъ Гос. Думы на контроль правительства въ вопросахъ бюджета на нужды гос. обороны. Засѣданіе 72-ое. 24 мая 1908 г.
12. Рѣч. о политикѣ министерства Народ. Прос. относительно Народнаго Университета Шанявскаго. Засѣданіе 77-ое. 3 іюня 1908 г.
13. Рѣчь по поводу политики Мин-ва Народ. Просв. въ отношеніи Высшихъ и Среднихъ Учебныхъ Заведеній. Засѣданіе 81-ое. 9 іюня 1908 г.

II. СЕССІЯ

14. Рѣчь по аграрному вопросу, аграрной политикѣ правительства и взаимоотношеніяхъ дворянскаго и крестьянскаго сословій. Засѣданіе 8-ое. 31 октября 1908 г.
15. Рѣчь объ аграрномъ вопросѣ и указѣ 9 ноября 1908 г. Засѣданіе 11-ое. 5 декабря 1908 г.
16. Рѣчь съ возраженіемъ противъ допущенія въ библіотеку Гос. Думы заграничныхъ изданій съ цензурными ограниченіями. Засѣданіе 36-ое. 20 января 1909 г.
17. Рѣчь о пропорціональномъ представительствѣ. Засѣданіе 39-ое. 24 января 1909 г.
18. Рѣчь о террористическихъ актахъ на Кавказѣ съ внесеніемъ предложенія партіи Народной Свободы. Засѣданіе 47-ое, 5 февраля 1909 г.
19. Рѣчь въ защиту запроса, внесеннаго партіей Народной Свободы по дѣлу Азефа. Засѣданіе 51-ое. 13 февраля 1909 г.
20. Рѣчь съ предложеніемъ измѣненія избирательнаго закона для Госуд. Сов. Засѣданіе 69-ое, 5 марта 1909 г.
21. Рѣчь по поводу расхожденія Гос. Думы съ Гос. Совѣтомъ по законопроекту объ исправительно-воспитательныхъ заведеніяхъ., Засѣданіе 84-е. 17 марта 1909 г.
22. Рѣчь, направленная противъ словъ, сказанныхъ министромъ юстиціи по адресу польской націи. Засѣданіе 85-ое. 18 марта 1909 г.
23. Рѣчь противъ законопроекта правительства о правѣ литературной собственности. Засѣданіе 87-ое, 7 апрѣля 1909 г.
24. Рѣчь по законопроекту, внесенному министромъ юстиціи о правѣ литературной собственности. Засѣданіе 89-ое. 9 апрѣля 1909 г.
25. Рѣчь о § 46 (поименное голосованіе) новаго наказа Гос. Думы. Засѣданіе 92-ое. 11 апрѣля 1909 г.
26. Рѣчь противъ политики министра народнаго просвѣщенія, связанной съ надзоромъ за преподавателями, а также о правахъ инородцевъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Засѣданіе 96-ое. 17 апрѣля 1909 г.

27. Рѣчь о патріотизмѣ и государственности (полемика съ правыми). Засѣданіе 98-ое. 21 апрѣля 1909 г.

28. Рѣчь объ отношеніи фракціи партіи Народной Свободы къ рѣшенію Гос. Думы относительно правъ общины въ связи съ указомъ 9 ноября 1908 г. Засѣданіе 100-ое, 24 апрѣля 1909 г.

29. Рѣчь по докладу бюджетной комиссіи. Засѣданіе 107-ое, 4 мая 1909 г.

30. Рѣчь по поводу законопроекта мин. внутр. дѣлъ о старообрядческихъ общинахъ. Засѣданіе 112-ое. 13 мая 1909 г.

31. Рѣчь отъ имени фракціи партій Народной Свободы о старообрядческихъ общинахъ. Засѣданіе 113-ое, 15 мая 1909 г.

32. Рѣчь по поводу закона объ авторскомъ правѣ. Засѣданіе 11-ое. 21 мая 1909 г.

34. Рѣчь по поводу законопроекта объ измѣненіи законоположеній, касающихся перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое. Засѣданіе 117-ое. 23 мая 1909 г.

34. Рѣчь къ запросу министрамъ внутр. дѣлъ и юстиціи по поводу ряда преступленій, совершенныхъ союзомъ русскаго народа. Засѣданіе 120-ое, 27 мая 1909 г.

Ш СЕССІЯ

35. Рѣчь по обсужденію бюджета и положенія православной церкви на западныхъ окраинахъ. Засѣданіе 49-ое. 17 февраля 1910 г.

36. Рѣчь о внѣшней политикѣ министра иностранныхъ дѣлъ Извольскаго. Засѣданіе 60-ое, 2 марта 1910 г.

37. Рѣчь противъ законопроекта, представленнаго предсѣдателемъ совѣта министровъ Столыпинымъ, относительно Финляндіи. Засѣданіе 74-ое. 17 марта 1910 г.

38. Рѣчь по поводу запроса 32 членовъ Гос. Думы предсѣдателю совѣта министровъ объ отступленіи правительства отъ основныхъ законовъ и отъ манифеста 17 октября. Засѣданіе. 87-ое. 31 марта 1910 г.

39. Рѣчь противъ смертной казни. Засѣданіе 190-ое. 15 мая 1910 г.

40. Рѣчь по финляндскому законопроекту правительства. Засѣданіе 114-ое, 19 мая 1910 г.

41. Рѣчь по финляндскому законопроекту. Засѣданіе 116-ое. 21 мая 1910 г.

42. Рѣчь по финляндскому законопроекту. Засѣданіе 117-ое. 22 мая 1910 г.

43. Рѣчь по финляндскому законопроекту съ деклараціей отъ 4-хъ фракцій. Засѣданіе 121-ое. 26 мая 1910 г.

IV СЕССІЯ

44. Рѣчь о всеобщемъ обученіи съ критикой законопроекта о начальныхъ училищахъ. Засѣданіе 2-ое, 18 октября 1910 г.
45. Рѣчь о предоставленіи всѣмъ народностямъ права преподаванія на своемъ родномъ языкѣ. Засѣданіе 18-ое, 12 ноября 1910 г.
46. Рѣчь объ отмѣнѣ смертной казни по случаю смерти Толстого. Засѣданіе 18-ое, 12 ноября 1910 г.
47. Рѣчь по поводу законопроекта, внесеннаго главнымъ переселенческимъ управленіемъ объ использованіи земельныхъ излишковъ. Засѣданіе 31-ое, 7 декабря 1910 г.
48. Рѣчь о вмѣшательствѣ правительства въ дѣла земскихъ и городскихъ самоуправленій. Засѣданіе 40-ое. 19 января 1911 г.
49. Рѣчь объ охранѣ авторскаго права и свободѣ переводовъ. Засѣданіе 36-ое. 11 февраля 1911 г.
50. Рѣчь съ осужденіемъ политики правительства и мотивировка отказа обсуждать § 1 смѣты мин. внутреннихъ дѣлъ. Засѣданіе 67-ое. 26 февраля 1911 г.
51. Рѣчь по внѣшней политикѣ при обсужденіи § 3 смѣты мин. иностранныхъ дѣлъ. Засѣданіе 70-ое. 2 марта 1911 г.
52. Рѣчь противъ введенія земствъ въ Западномъ краѣ въ порядкѣ статьи 87. Засѣданіе 81-ое. 15 марта 1911 г.
53. Рѣчь противъ запроса крайнихъ правыхъ относительно высшихъ учебныхъ заведеній и противъ ихъ вмѣшательства въ дѣла высшихъ учебныхъ заведеній. Засѣданіе 88-ое, 23 марта 1911 г.
54. Рѣчь съ выраженіемъ протеста противъ дѣйствій градоначальника, отдавшаго приказъ о наложеніи шестинедѣльнаго ареста на члена Гос. Думы Булата. Засѣданіе 113-ое. 13 мая 1911 г.

V СЕССІЯ

55. Рѣчь о нарушеніи главы VIII Основныхъ Законовъ «Положеніе о мѣрахъ къ охраненію госуд. порядка». Засѣданіе 2-ое. 17 октября 1911 г.
56. Рѣчь о преслѣдованіяхъ печати. Засѣданіе 4-ое. 19 октября 1911 г.
57. Рѣчь о политикѣ министра Кассо въ отношеніи родительскихъ комитетовъ. Засѣданіе 8-ое. 25 октября 1911 г.
58. Рѣчь о политикѣ правительства въ финляндскомъ вопросѣ, въ связи съ законопроектомъ объ уравненіи въ правахъ съ финляндскими гражданами другихъ русскихъ подданныхъ. Засѣданіе 10-ое. 29 октября 1911 г.
59. Рѣчь о законопроектѣ объ уравненіи въ правахъ съ финляндскими гражданами другихъ русскихъ подданныхъ. Засѣданіе 11-ое. 31 октября 1911 г.
60. Рѣчь о политикѣ правительства въ финляндскомъ вопросѣ. Засѣданіе 13-ое. 2 ноября 1911 г.

61. Рѣчь отъ имени фракціи по поводу закрытія дверей въ засѣданіи Гос. Думы, въ которомъ обсуждался запросъ о дѣятельности секретныхъ сотрудниковъ охраннаго отдѣленія въ средѣ членовъ рос. соц. дем. раб. партіи. Засѣданіе 25-ое. 18 ноября 1911 г.

62. Рѣчь о политикѣ М. В. Д. въ дѣлѣ насажденія провокаціи въ революціонныхъ партіяхъ. Засѣданіе 34-ое. 30 ноября 1911 г.

63. Рѣчь о дѣятельности министра народнаго просвѣщенія Кассо. Засѣданіе 64-ое. 8 февраля 1912 г.

64. Рѣчь о дѣятельности министра народнаго просвѣщенія Кассо. Засѣданіе 69-ое. 15 февраля 1912 г.

65. Рѣчь о взаимоотношеніяхъ церкви и государства въ Россіи и проектѣ созыва помѣстнаго собора. Засѣданіе 84-ое, 4 марта 1912 г.

66. Рѣчь о дѣятельности министра народнаго просвѣщенія Кассо. Засѣданіе 87-ое. 7 марта 1912 г.

67. Рѣчь о дѣятельности министра народнаго просвѣщенія Кассо. Засѣданіе 95-ое. 14 марта 1912 г.

68. Рѣчь о политикѣ Минист. Внутр. Дѣлъ, въ связи съ обсужденіемъ смѣты министерства. Засѣданіе 98-ое. 17 марта 1912 г.

69. Рѣчь объ иностранной политикѣ министра Сазонова. Засѣданіе 104-ое. 13 апрѣля 1912 г.

70. Рѣчь о дѣятельности министра народнаго просвѣщенія въ отношеніи средней школы. Засѣданіе 107-ое. 16 апрѣля 1912 г.

71. Рѣчь по докладу предсѣдателя комиссіи по государ. оборонѣ о техническомъ вооруженіи арміи. Засѣданіе 126-ое. 7 мая 1912 г.

72. Рѣчь объ ассигнованіяхъ на нужды военнаго флота. Засѣданіе 149-ое. 6 іюня 1912 г.

73. Рѣчь о погромной агитаціи, ведущейся въ связи съ убійствомъ Андрея Ющинскаго. Засѣданіе 152-ое. 8 іюня 1912 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА 4-ГО СОЗЫВА.

СЕССІЯ І-я

1. Рѣчь по поводу деклараціи предсѣдателя совѣта министровъ. Засѣданіе 11-ое. 13 декабря 1912 г.

2. Рѣчь по законопроекту о свободѣ печати. Засѣданіе 21-ое. 8 февраля 1913 г.

3. Рѣчь по законопроекту о свободѣ печати. Засѣданіе 22-е. 13 февраля 1913 г.

4. Рѣчь о законопроектѣ партіи народной свободы объ измѣненіи закона о выборахъ въ Государственную Думу. Засѣданіе 24-ое. 27 февраля 1913 г.

5. Рѣчь о законопроектѣ партіи народной свободы объ измѣненіи закона о выборахъ въ Государственную Думу. Засѣданіе 28-ое. 13 марта 1913 г.

6. Рѣчь о политикѣ министерства внутреннихъ дѣлъ въ національномъ вопросѣ. Засѣданіе 50-ое. 18 мая 1913 г.
7. Рѣчь о политикѣ министра юстиціи Щегловитова. Засѣданіе 56-ое. 28 мая 1913 г.
8. Рѣчь о дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. Засѣданіе 62-ое. 4 іюня 1913 г.
9. Рѣчь о политикѣ министерства народнаго просвѣщенія. Засѣданіе 64-ое, 5 іюня 1913 г.
10. Рѣчь о дѣятельности министра иностранныхъ дѣлъ. Засѣданіе 66-ое. 6 іюня 1913 г.

СЕССІЯ II-я

11. Рѣчь по поводу запроса партіи народной свободы, въ связи съ дѣломъ Бейлиса. Засѣданіе 1-ое. 15 октября 1913 г.
12. Рѣчь о предложеніи докладчика комиссіи по наказу о расширеніи права запросовъ для членовъ Государственной Думы. Засѣданіе 27-ое. 17 января 1914 г.
13. Рѣчь о злоупотребленіяхъ, допущенныхъ при выборахъ въ 4-ую Государственную Думу. Засѣданіе 30-ое. 24 января 1914 г.
14. Рѣчь по украинскому вопросу. Засѣданіе 40-ое. 19 февраля 1914 г.
15. Рѣчь о дѣятельности министра торговли и промышленности Тимашева, въ связи съ кровавыми событіями на Ленскихъ пріискахъ. Засѣданіе 55-ое. 26 марта 1914 г.
16. Рѣчь въ защиту предложенія партіи народной свободы не приступать къ разсмотрѣнію государственной росписи на 1914 г., ранѣе утвержденія законопроекта объ установленіи свободы слова для членовъ Государственной Думы. Засѣданіе 61-ое. 21 апрѣля 1914 г.
17. Рѣчь о новыхъ законопроектахъ о положеніи арміи. Засѣданіе 63-ее. 24 апрѣля 1914 г.
18. Рѣчь по поводу предложенія докладчика редакціонной комиссіи по законопроекту объ установленіи безотвѣтственности членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Засѣданіе 65-ое. 25 апрѣля 1914 г.
19. Рѣчь по поводу деклараціи предсѣдателя совѣта министровъ Горемыкина. Засѣданіе 67-ое. 26 апрѣля 1914 г.
20. Рѣчь о вліяніи Распутина и о зависимости отъ него Святѣйшаго Синода. Засѣданіе 68-ое. 28 апрѣля 1914 г.
21. Рѣчь о деклараціи министра внутреннихъ дѣлъ. Засѣданіе 72-ое. 2 мая 1914 г.
22. Рѣчь о внѣшней политикѣ Россіи, въ связи съ деклараціей министра иностранныхъ дѣлъ. Засѣданіе 80-ое. 10 мая 1914 г.
23. Рѣчь по поводу объясненій товарища министра народнаго просвѣщенія. Засѣданіе 90-ое. 21 мая 1914 г.

24. Рѣчь въ защиту института приватъ-доцентовъ и поправка партіи народной свободы къ законопроекту министерства народнаго просвѣщенія. Засѣданіе 109-ое. 12 іюня 1914 г.

ЭКСТРЕННАЯ СЕССІЯ

25. Рѣчь отъ имени партіи народной свободы въ связи съ объявленіемъ войны. Засѣданіе 26 іюля 1914 г.

СЕССІЯ III-я

26. Рѣчь о войнѣ и внѣшней политикѣ Россіи. Засѣданіе 1-ое. 27 января 1915 г.

СЕССІЯ IV-я

27. Рѣчь съ призывомъ къ объединенію власти и общественности во имя успѣшнаго веденія войны. Засѣданіе 1-е. 19 іюля 1915 г.
28. Рѣчь о нѣмецкомъ засиліи въ Россіи, о роли Германіи въ русской государственности и о правахъ лицъ нѣмецкаго происхожденія. Засѣданіе 5-ое. 3 августа 1915 г.
29. Рѣчь о военной цензурѣ. Засѣданіе 14-ое. 25 августа 1915 г.
30. Рѣчь о деклараціи предсѣдателя совѣта министровъ Штюрмера. Засѣданіе 18-ое. 10 февраля 1916 г.
31. Рѣчь въ защиту думской редакціи законопроекта о печати. Засѣданіе 25-ое. 22 февраля 1916 г.
32. Рѣчь въ защиту формулы перехода, предложенной прогрессивнымъ блокомъ. Засѣданіе 31-ое. 4 марта 1916 г.
33. Рѣчь по поводу разъясненій военнаго министра Поливанова. Засѣданіе 32-ое. 7 марта 1916 г.
34. Рѣчь о внѣшней политикѣ Россіи. Засѣданіе 35-ое. 11 марта 1916 г.

СЕССІЯ V-я.

35. Рѣчь по поводу деклараціи предсѣдателя совѣта министровъ Штюрмера и о закулисныхъ вліяніяхъ на верховную власть. Засѣданіе 1-ое. 1 ноября 1916 г.
36. Рѣчь съ требованіемъ отставки правительства и съ указаніемъ на роль Распутина. Засѣданіе 7-ое. 22 ноября 1916 г.
37. Рѣчь по поводу законопроекта объ оборонѣ государства съ указаніемъ на невозможность сотрудничать съ министерствомъ. Засѣданіе 18-ое. 16 декабря 1916 г.

